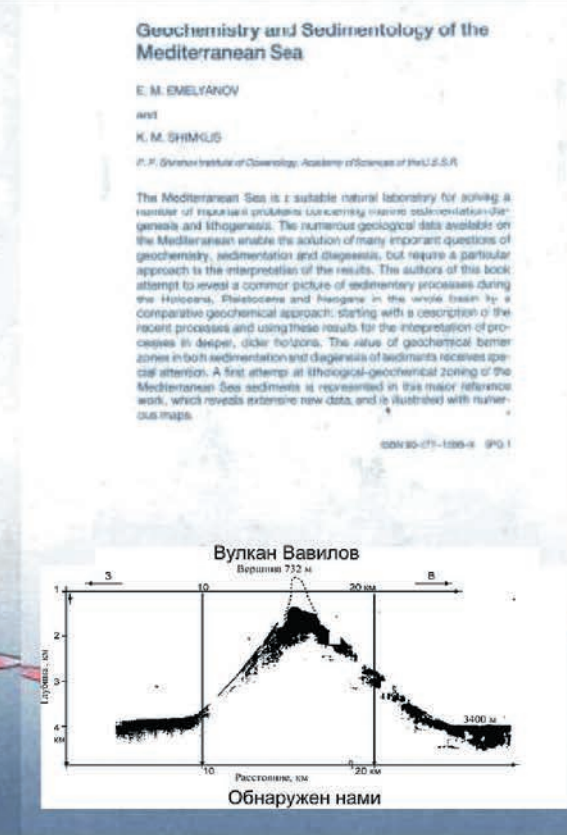
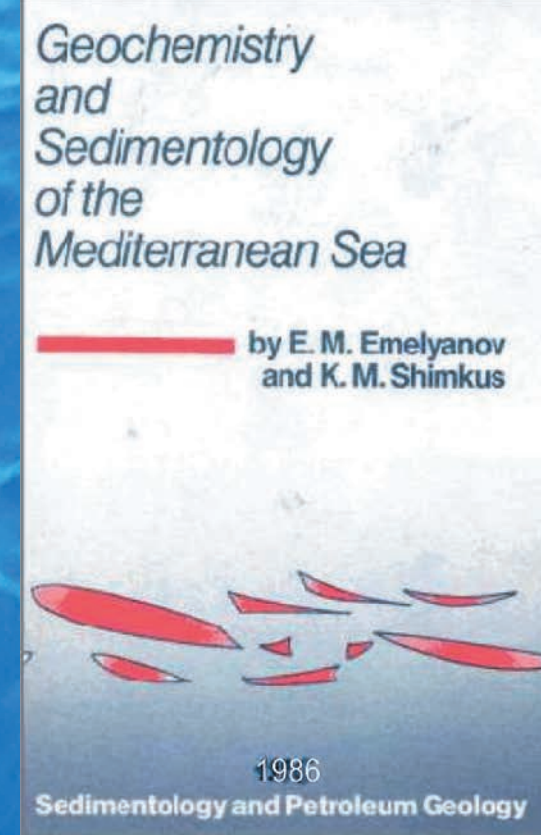
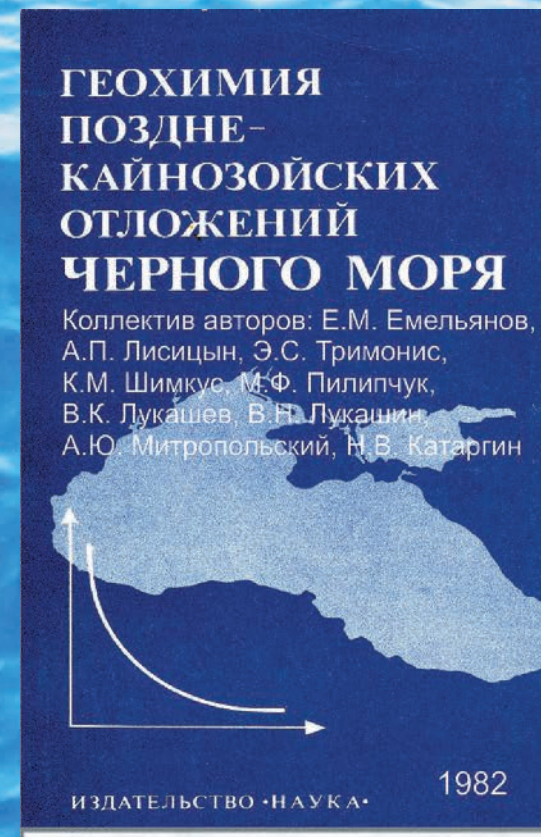
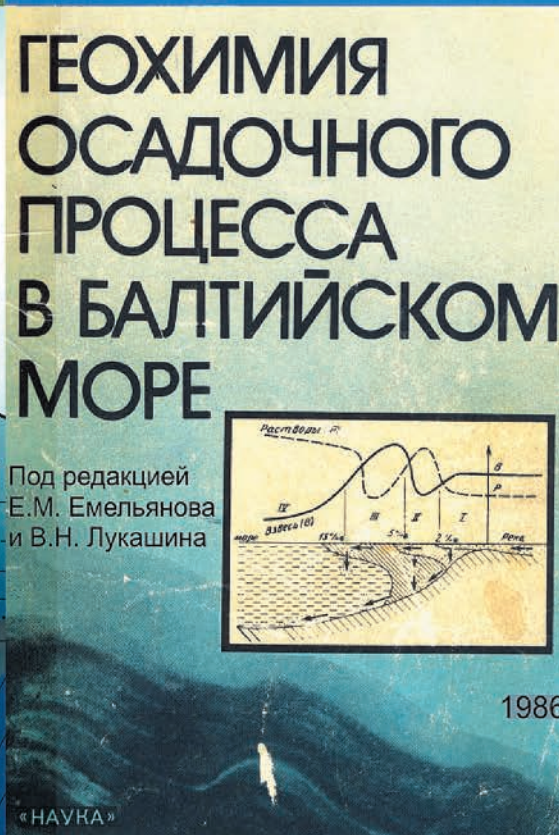
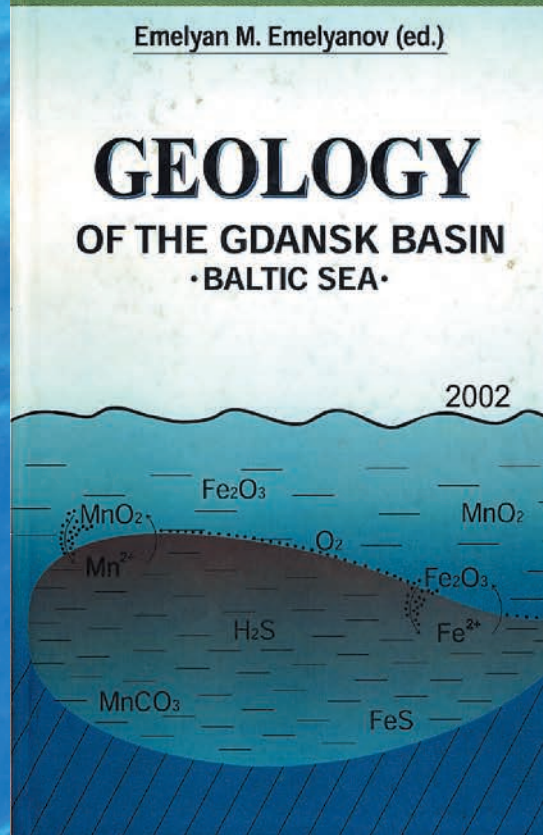
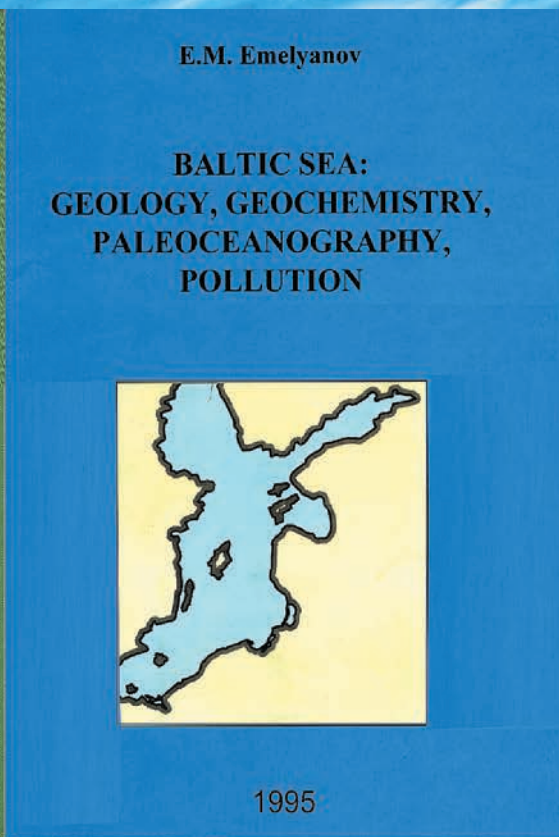
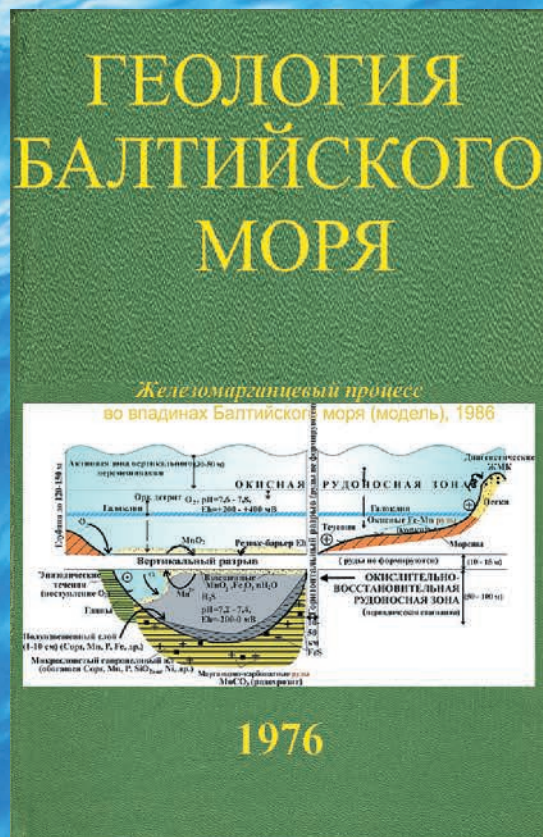
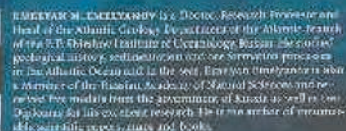
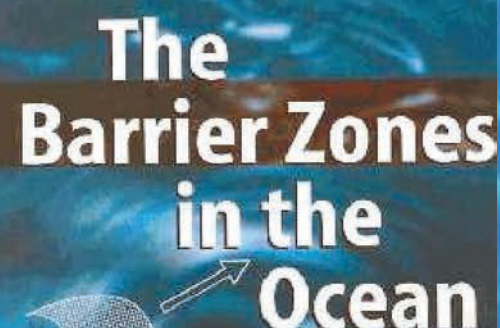


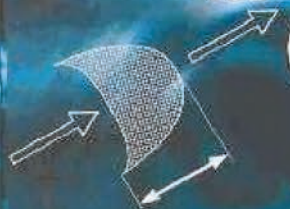
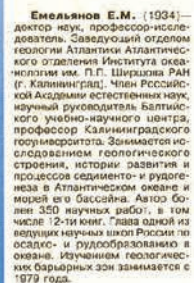




Geothermal barrier zones play an important role in determining various physical systems and characteristics of the oceans, e.g., hydrodynamics, salinity, temperature and light. In this book, each of the six barrier zones covered are illustrated and defined by physical and chemical parameters. Among the topics discussed are the processes of infiltration, convection and precipitation of the sedimentary layer of the open oceans and more restricted areas such as the Baltic, Black and Mediterranean Seas. This well-illustrated book may serve as the basic for courses such as Marine Geochemistry or "Ocean Usage" and can be useful to researchers in the fields of geology, geography, marine chemistry, geoecology and hydrochemistry.

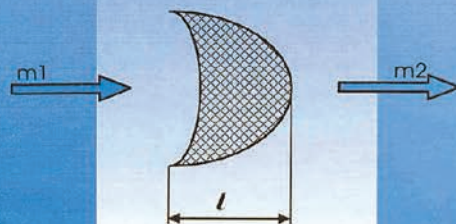
springeronline.com

The Barrier Zones in the Ocean

 Springer

БАРЬЕРНЫЕ ЗОНЫ В ОКЕАНЕ

ОСАДКО- И
РУДООБРАЗОВАНИЕ



Янтарный сказ
Калининград

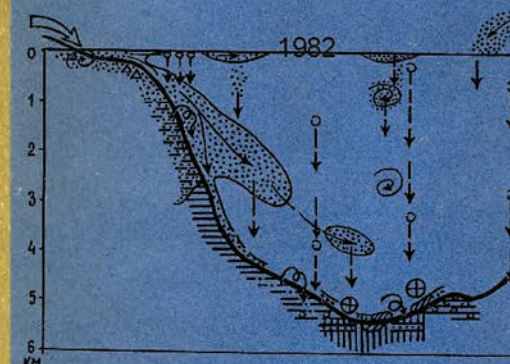
ТИПЫ ДОННЫХ ОСАДКОВ АТЛАНТИЧЕСКОГО ОКЕАНА

1975

ГЕОХИМИЯ ОСАДКОВ АТЛАНТИЧЕСКОГО ОКЕАНА

КАРБОНАТЫ И КРЕМНЕЗЕМ

СЕДИМЕНТОГЕНЕЗ В БАССЕЙНЕ АТЛАНТИЧЕСКОГО ОКЕАНА



ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА 1982 191 с.

ПАЛЕО- ОКЕАНОЛОГИЯ АТЛАНТИЧЕСКОГО ОКЕАНА



HEAPA 1989

Учреждение Российской академии наук
Институт океанологии им. П.П. Ширшова РАН
Атлантическое отделение

Е.М. Емельянов

НА СТЫКЕ ДВУХ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

(воспоминания морского геолога)

Москва
ГЕОС
2012

УДК 26.323
ББК 549.903.55(1)
Е 44

**Емельянов Е.М. На стыке двух тысячелетий – М.: ГЕОС, 2012.
290 с. + 38 с. цв. вкл.
ISBN 978-5-89118-568-5**

Автор книги, крупный специалист в области морской геологии, анализирует в ней свой непростой путь в большую науку. Вся его жизнь и творческая деятельность происходила на фоне сложных исторических событий «на стыке двух тысячелетий» – отсюда и название книги. В ней приведены автобиографические сведения, описания многочисленных морских экспедиций, в которых участвовал автор, впечатления о посещении различных стран, а также отдельные авторские эссе. Книга рассчитана как на специалистов-океанологов, так и на широкий круг читателей разного возраста.

*Публикуется при финансовой поддержке Российского фонда
фундаментальных исследований 11-05-07009.*



Издание РФФИ не подлежит продаже

© Емельянов Е.М., 2012
© ГЕОС – макет, 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

Об авторе.....	5
От автора.....	6
Часть 1. Семья, детство, учеба.....	10
1.1. Мои родители, наша семья, детство.....	10
1.2. Начало II-ой Мировой войны. Переезд в СССР. Годы оккупации...	39
1.3. Учеба в школе.....	47
1.4. Соприкосновение с музыкой.....	59
1.5. Студенческие годы. Студенческие практики.....	66
Часть 2. Путь в океанологию. Геленджик. Первые экспедиции в Черное и Средиземное моря.....	82
2.1. Переезд в Геленджик.....	82
2.2. Первые экспедиции в Черное море.....	85
2.3. Изучение Черного моря на «Витязе».....	88
2.4. Первые морские зарубежные экспедиции.....	92
Часть 3. На Балтику. К просторам океана.....	108
3.1. Переезд в Калининград. Организация лаборатории Геологии Ат- лантики.....	108
3.2. История исследования Атлантического океана. Составление карт. Монографии.....	112
3.3. Изучение Балтийского моря.....	114
3.4. Через барьеры – к просторам океана.....	138
3.5. Изучение Срединно-Атлантического хребта.....	150
3.6. Экспедиции вокруг Европы (последний рейс НИС «Витязь».....	183
3.7. Изучение Тихого океана.....	190
3.8. Изучение Индийского океана.....	200

3.9. Изучение Средиземного моря (экспедиция на подводные горы-вулканы).....	209
3.10. Прогулочно-научная экспедиция на Геологический конгресс.....	216
3.11. Экспедиции в Балтийское море во время перестройки.....	221
3.12. Экспедиция по реке Амазонке.....	225
3.13. Участие в глубоководном бурении дна. Гибралтар.....	232
3.14. О значении границ и геохимических барьеров в геологии.....	235
Часть 4. Рассказы, мысли, отзывы.....	240
4.1. Автобиографические рассказы.....	240
4.2. Всесоюзные школы морской геологии.....	253
4.3. Блуждающие мысли.....	260
4.4. Самовосхваление и критика.....	273
4.5. Имя в справочниках.....	286
Эпилог.....	287

ОБ АВТОРЕ

Емельянов Емельян Михайлович – известный ученый, морской геолог и геохимик, родился 07 ноября 1934 г. (по церковным документам 8 августа 1933 г.) в семье крестьян в Польше. В феврале 1941 г. семья переехала в СССР и поселилась в Литовской ССР. В 1941 г. пошел в литовскую школу, которую закончил в 1952 г. с медалью. В этом же году поступил на геологическое отделение факультета естественных наук Вильнюсского Государственного университета. Обучение проходило на литовском языке. Закончив университет с отличием, был направлен на работу в Институт океанологии АН СССР, на его Черноморскую станцию в г. Геленджике. Как геолог изучал Черное и Средиземное моря, затем, переехав в 1963 г. в Калининград, – Балтийское море и Атлантический океан. В 1981 г. защитил докторскую диссертацию, в 1983 г. получил звание профессора геологии океанов и морей, и в 1999 г. звание заслуженного деятеля науки. С 1995 г. – академик РАЕН. За отличный труд награжден орденом Знак Почета, серебряной медалью «Петр Великий», другими правительственными медалями.

Е.М. Емельянов проживал в бурные переломные годы II-ой Мировой войны, перестройки. Ему многократно пришлось менять местожительство. Как морской исследователь он много путешествовал. Опубликовал 19 книг, в том числе четыре научно-популярные.

В 2007 г. им опубликована книга «Через барьеры – к просторам океана» (воспоминания ученого океанолога). Предлагаемый раздел воспоминаний охватывает годы детства и учебы, а также участие в морских экспедициях. По сравнению с опубликованными в упомянутой книге эти разделы заметно дополнены. Часть воспоминаний автор публиковал в виде кратких, живо написанных поучительных для молодежи рассказов – эссе.

ОТ АВТОРА

Дорогой Читатель!

Ты держишь мою четвертую книгу воспоминаний. Эта книга является продолжением первых трех и посвящена преимущественно воспоминаниям о работе в море. В связи с тем, что в экспедициях я не вёл никаких записей, кроме научных, и не писал дневников, эта книга написана исключительно по памяти. В книге «Через барьеры – к просторам океана» я опубликовал лишь краткие сведения о работе в экспедициях и о посещении портов разных стран, а самые яркие впечатления описал в отдельной части в виде коротких автобиографических рассказов. Многие читатели в своих письмах замечали, что хорошо бы впечатления о работе в море расширить и включить в это повествование соответствующие рассказы. Это я и сделал в настоящей книге. Тебе, читатель, судить, хорошо ли у меня получилось. При описании исследований в море мне трудно было соблюсти хронологический порядок. Я счел более интересным вести рассказ по исследованию отдельных морей и океанов, соблюдая в каждом таком блоке временной порядок.

По сравнению со второй книгой «Через барьеры – к просторам океана» данная книга включает в себя много фактов и событий, которые ранее не были освещены. Но, в целом, она многое и повторяет. В связи с тем, что первые мои книги воспоминаний были предназначены (и впоследствии распространялись) для читателей Калининградской области и ряда друзей и коллег из Москвы и Литвы, а читателям большой России в силу технических (в основном, финансовых) причин они не были доступны, то настоящая книга нацелена, в основном, на жителей России, которые первые книги не читали. Поэтому я счел возможным многие моменты из моей жизни повторить. Я повторил также наиболее интересную, по отзывам многочисленных читателей, часть воспоминаний о моем детстве и учебе, значительно её расширив.

Мои воспоминания о детстве и учёбе связаны с жизнью в разные политические эпохи, в странах с разным политическим строем. Надеюсь, читателю будет интересно узнать, как один и тот же человек освещает жизнь в столь переломное время, которое мне было предначертано (Богом? или волею политических лидеров?) пережить. Напомню читателю, что мои воспоминания охватывают временной этап в 70 лет, с конца тридцатых годов прошлого столе-

тия до наших дней. Этот этап включает: жизнь в буржуазной Польше, начало II-ой Мировой войны, переезд из Польши в СССР, короткое время проживания в довоенной Советской Литве, оккупацию Литвы фашистской Германией, освобождение (или оккупацию) Литвы Советской Армией, проживание в Советской Литве, переезд и проживание в Советской России, работу на международных просторах океанов, переезд в Калининград, перестройку, крушение Советского Союза, разделение России и Литвы как государств, проживание в суверенной России и частые посещения суверенной Литвы. Я здесь несколько раз упомянул Литву в связи с тем, что именно в этой стране я получил образование (на литовском языке), освоил культуру народа этой страны, и эта культура и история мне так же близки, как культура и история России.

В первой части настоящей книги я описываю, как рос, как получал образование и мужал мальчик, родившийся в многочисленной крестьянской семье староверов, как ему удалось не только выжить, но и получить высшее образование и даже стать доктором наук и профессором-исследователем. Читатель сможет проследить за процессом распада многодетного семейства старообрядцев и жизненный путь автора книги. Это повествование может быть интересным для читателей старшего поколения и полезным для молодежи.

Освещая свою жизнь в разных странах (Польше, Литве и России) я испытывал определенные политические трудности, боялся затронуть болезненные струны как каждой из этих стран в целом, так и отдельных её жителей, среди которых было немало друзей нашего семейства и моих личных друзей. Ведь как политическое руководство этих стран, так и народы, и отдельные люди по-разному оценивали (и оценивают сейчас) те или иные, так резко меняющиеся на стыке двух тысячелетий события. Для одних стран политические события были приемлемы и даже желанны, для других – неприемлемы и враждебны. Простому человеку, субъективно (а ведь мои воспоминания являются чисто субъективными) оценивающему события, ой как трудно найти если не золотую, то хотя бы серебряную середину. Труднее всего мне было давать оценку событиям, произошедшим в Литве в военное и послевоенное время. Восемнадцать лет жизни в Литве, получение образования в литовских национальных школах, а также в университете, учёба только на литовском языке во всех учебных заведениях, повседневная жизнь среди литовцев сделали из меня литовца. Но пятьдесят лет жизни вне Литвы и старообрядческий семейный дух под влиянием советской пропаганды заметно изменили мои взгляды на многие события. Но как вспомню свое воспитание, так сразу же начинаю переоценивать свои взгляды из-за этих политико-моральных обстоятельств. Я привел в книге «Через барьеры – к просторам океана» несколько формулировок, которые оказались неприемлемыми для отдельных моих друзей в Литве. Это касается, в первую очередь, упоминания роли, в целом, преступного пакта Молотова–Риббентропа в моей судьбе и оценки (хотя такую оценку я не давал, но читатели увидели её между строк) послевоенного переустройства Советской Литвы и Литовской Республики.

Как я ни старался избегать в своих воспоминаниях политических оценок, но, как видит читатель, этого сделать мне не удалось.

Жанр мемуарной литературы, который весьма субъективен, является трудным, зачастую – скандальным. Если ты упомянул человека и что-то написал о

нем (даже в очень тактичной манере) ему кажется, что ты сделал это не так. Поэтому во второй книге воспоминаний я старался как можно реже называть конкретные фамилии. Но люди, работавшие со мной, не обнаружив своих фамилий, тоже обижались.

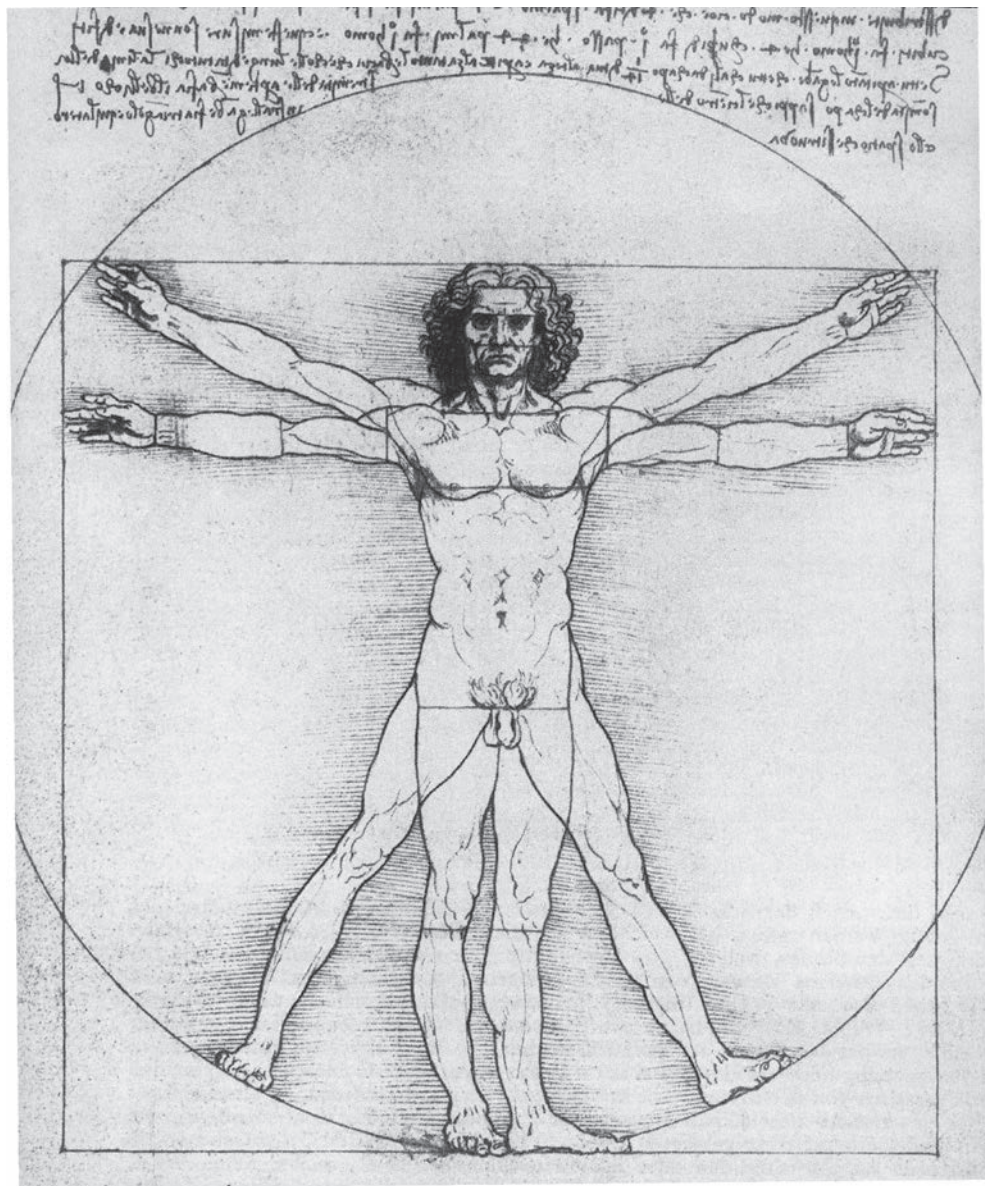
В связи с тем, что воспоминания писались по памяти, я не смог полностью достоверно отразить некоторые факты, допустив несколько неточностей по отношению к моим школьным друзьям.

Я взялся писать воспоминания ещё и потому, что хотел показать жизнь семьи староверов, «вытолкнутых» из России на одну из окраин великой империи. Насколько мне известно, среди той ветви старообрядцев, которая кучковалась вокруг центра Сувалки, высокообразованных людей очень мало, и никто из них мкмуаров не оставил. А ведь из воспоминаний отдельных людей и складывается история края и, в конечном итоге, страны. Тем более, что мой родной край – «сувальщина» находилась на стыке разных, порой враждебных стран и даже великих империй. И противоречия этих стран и империй усугублялись противоречиями национального и религиозного характера. Но, с другой стороны, на стыке империй и стыке разных политических эпох зарождалась и дружба! Что имело несомненный приоритет над всеми другими видами взаимоотношений жителей разных стран, разных наций и разных религиозных сообществ. Всё это – дружбу, противоречия, враждебность и снова дружбу – я и пытался показать на примере нашей семьи вообще и своей жизни в частности.

Надеюсь, читатель, закрыв настоящую книгу, не останется равнодушным ни к герою повествования, ни к автору самой книги.

Несколько слов о языке книги. Как читателю стало известно, я – представитель точных (естественных) наук. Никаких гуманитарных «университетов» не кончал, рос и вращался в малообразованной семье, в которой использовался сильно искаженный русский язык. И все мои гуманитарно-языковые познания были приобретены в школе, где русский язык изучался как иностранный, и на службе, при написании научных работ. Поэтому и воспоминания написаны «моим языком», но видит Бог, я, всю жизнь борющийся за чистоту любого языка, старался избегать какого-либо словесного «интервента» (типа провайдер, голкипер, трейлер и тому подобное) в «мой» язык. Удалось ли мне это, судить тебе, дорогой читатель.

Как говорит известный наш метеоролог, «Удачи вам и любви!»



Человек римлянина Витрувия (Рим, 1 в. до н.э.) всегда прекрасен: и в круге, и в квадрате. И развитие его полно величайшей гармонии (Великие художники. Т. 12. 2009. Да Винчи)

Часть 1.

СЕМЬЯ, ДЕТСТВО, УЧЕБА

1.1. МОИ РОДИТЕЛИ, НАША СЕМЬЯ, ДЕТСТВО

Я родился 7 ноября 1934¹ г. в семье старообрядцев – крестьян в деревне Погорелец Сувалкского уезда в Польше.

Мой отец, Емельянов Михаил Михайлович (1891–1975 гг.), родился в Польше, в деревне Погорелец Сувалкского уезда (волость Гибы). В то время Польша представляла собой часть Российской империи. Так как его родители – мои дедушка и бабушка – были крестьянами, то и мой отец с юных лет занимался крестьянским трудом. Скорее всего, он проживал не в самой деревне, а на хуторе. Учился он в польской начальной школе, затем в гимназии, где он окончил 4 класса, как он писал в своей автобиографии. Впоследствии он каким-то образом попал в Петербург, там учился на бухгалтерских (коммерческих) курсах, финансовой школе и еще где-то. Но из-за каких-то жизненных сложностей ни курсы, ни гимназию окончить не сумел. Насколько мне помнится, у отца даже в самые трудные военные годы (1939–1945 гг.) было очень много книг, в том числе разных словарей, серия книг «Гимназия на дому», немало художественной и церковной литературы. Отец считался довольно грамотным человеком. Пожалуй, он был самым грамотным русским во всей нашей деревне, а возможно, в волости. Как-то он меня уверял, что знал 5 языков. Кроме русского он неплохо владел английским и немецким, в совершенстве знал польский, мог читать и объясняться по-французски. Когда отцу было уже более 50 лет, он выучил литовский и знал его в такой степени, что этого было достаточно для работы в учреждении, где делопроизводство велось и на русском, и на литовском языках. Во всяком случае, по-литовски он объяснялся без переводчиков. В годы немецкой оккупации Литовской ССР (1941–1944 гг.) отец более или менее свободно переводил с немецкого и с русского на немецкий. Правда, писать по-немецки он не умел. В молодости английский язык отец знал, очевидно, прилично, по крайней мере, в пятидесятые годы, когда ему было уже за шестьдесят, он довольно правильно произносил отдельные фразы и бойко ругался по-английски («Сан оф бич» и т.д.). Его английский, к удивлению, я стал понимать уже будучи студентом. По-польски он не только говорил, но и свободно

¹ На самом деле я родился 8 августа 1933 г., но церковные документы с записью об этом были утеряны, и в послевоенные годы по моему выбору указана дата рождения 7 ноября 1934 г.

писал. Как-то отец мне рассказывал, что обучал грамоте детей в деревне Погорелец, но штатным учителем он никогда не был.

Отец хорошо знал старославянский язык. Он постоянно принимал участие в богослужениях, помогал батюшке вести богослужение, пел по церковным нотам, читал различные книги во время богослужений, похорон, религиозных праздников. Церковной грамоте он учил и нас, своих детей. Обучение начиналось, очевидно, с четырех-пяти лет. Я помню, что уже в 6 или 7 лет мог читать часовник. Обучал отец нас и церковному сольфеджио. Мои старшие братья в возрасте 7–12 лет читали церковные книги (правда, не очень складно) на похоронах, в молебных. Но все дети сопротивлялись занятиям: никто из нас не проявлял рвения к этому делу. После Второй мировой войны церковно-славянскую грамоту мы, к сожалению, стали забывать. И сейчас никто свободно отцовские книги читать не может.

То ли в 1910, то ли в 1911 г., а может и позже, в поисках заработка отец оказался в США, где трудился на шахте. Там он и выучил английский язык. Несмотря на хорошую работу, в Америке он все же не остался, как многие его друзья и родственники, а предпочел вернуться в Россию. Это было, наверное, перед I-ой Мировой войной (1914 г.). После этого отец был призван в армию. Его направили в Петербургскую унтер-офицерскую школу, которую он, очевидно, и закончил. Во время войны отец служил младшим, затем старшим унтер-офицером и иногда замещал командира. Воевал он, по всей видимости, до 1917 года. Участвовал в Брусиловском прорыве, базировался в Карпатах, был в Австрии (отсюда, наверное, и его знание немецкого). Он был 9 раз ранен, имел девять правительственных наград, в том числе два Георгиевских креста. Один из них сохранился до настоящего времени.

Этот сохранившийся крест висит на серебряной цепочке в холле на стенке у меня дома над обеденным столом. Серебро после давней «чистки» почернело, черно-оранжевая лента, на которой ему положено висеть, давно исчезла. Но сам крест номер 10230 (3 степени) я сохранил. Ему 90 лет. И когда я сажусь в холле за стол, а это бывает по праздникам или когда гости приходят, я бросаю взгляд на крест, вижу, что он на месте, и успокаиваюсь. Задумываюсь. Георгий – это храбрость, мужество, солдатское достоинство. И думаю, за что же он, старый, небольшого роста, согбенный, шаркающий галошами, его получил. И не один, а три. Третий, правда, он получить не успел: «красные» помешали. Но награжден он был им точно. И еще 8 медалей и орденов разного достоинства. И 9 пулевых ранений: Карпаты, Австрия, Германия, Польша – вот поля его сражений.

Часто я примеряю себя к кресту. А смог бы я? Был ли бы я его достоин? Не побежал бы при рокоте рычащих и страшных приближающихся машин? Пошел бы один на врага с ножом? А ведь один из крестов он получил за «снятие» часовых у вражеского склада боеприпасов. Значит, полз на них с ножом? Или штыком? А роста он был небольшого и телосложения слабого.

Помню его, моего отца, читающего светские и святы (религиозные) книги, которые он перевозил с места на место в бурные военные оккупационные годы вместо домашних горшков, одежды, другой домашней нужной утвари. Мать постоянно его книги выбрасывала, чтобы положить на повозку еще одно ведро или самовар, или использовала на растопку, а он все их прятал, перевозил в «ущерб» хозяйственной утвари на новое место, на которое в бурные годы судьба нашу семью забрасывала. Читал сам и нас пытался учить. Но мы, его один-

надцать детей, чаще всего чтению предпочитали шалости, ничего неделание и т.д. До 56-ти лет отец занимался крестьянским трудом. В деревне – самый ученый мужик. Учил крестьянских детей старославянской грамоте, польскому и русскому языкам. Английский выучил, работая на шахте в Америке, немецкий – в гимназии (заочной), на коммерческих курсах в Петербурге и на войне.

Отец много работал. Но по праздникам он пел в церкви, во время похорон читал духовные книги у тел усопших. Любил в компаниях выпить, за что мать его постоянно ругала: «Всю жизнь учился, а толку никакого: ни денег, ни хлеба».

Подвыпив, отец брал псалтырь или какой-то другой церковный песенник и пел. Пел один, вдвоем. Пел духовные песни, когда бывал навеселе пел частушки.

Настало время, когда по годам я стал старше того отца, который мне запомнился как певчий, но я по-прежнему смотрю на крест, висящий над столом, и на пожелтевшую бумагу, в которой указывается его «восхождение наверх» как солдата и перечислены номера крестов:

«... зачислен молодым солдатом в 189 Измайловский полк 7-ую роту 1912 г. ноября 12.... Окончил курсы Учебн. Команды 1913 г. ноября 18, ... переименован в ефрейторы ..., произведен в младшие унтер офицеры, ... 1915 г. января 24, произведен в старшие унтер офицеры....

Печать

Верно 19¹⁸_17 Заведующий Справочным бюро

(Справочное бюро Центрального Правления) (Е.Павлова)

Висит крест на стене, лежит несколько пожелтевших рукописных документов 90-летней давности. Остальные свидетельства во время бурных военно-революционных-буржуазно-фашистско-красно-демократических лет исчезли, и во многом исчезли из памяти. И кто восстановит генеалогическое древо простого многострадального русского человека? Если он дедушку с бабушкой уже не помнит!

Самым странным сейчас мне кажется тот факт, что у отца среди наград имелись и польские. Каким образом и когда он их получил я не знаю. Но это были боевые награды. Свои ордена и медали, как и книги, отец бережно хранил: и то, и другое в период бурной нашей жизни (1939–1948 гг.), при частых сменах местожительства, он в первую очередь укладывал в телегу для перевозки. Над медалями, так же как и над книгами и отцовской грамотой, мать постоянно подшучивала и даже издевалась. Она постоянно говорила нам и отцу, что ни от его грамоты, ни от книг и боевых наград никакой пользы нет и не будет. Говорила, что как был отец бедняком, так им он и остался. В молодые годы мы тоже не ценили заслуги отца. Лишь сейчас, когда я сам стал пожилым человеком, когда у меня самого повзрослели дети, я понимаю, что отец для своего окружения, для своей деревни и для своего времени был, конечно, человеком очень незаурядным – способным, смелым, очень общительным, компанейским. Но нелегкая жизнь, любовь к застольям и тяга в молодости к выпивкам помешали ему использовать свои природные, умственные и моральные преимущества перед другими, и он, как повторяла мать, «в люди не выбился, со своей учености никакой пользы не извлек». Это, я думаю, не совсем так. Книги отца, его рассказы о жизни, сказки – все это в той или иной степени повлияло на меня, на мое желание учиться. От-

разилось это также и на отношениях родителей с их знакомыми, на авторитете отца среди односельчан. Селяне обращались к нему постоянно с просьбой составить прошение или жалобу, и отец это охотно делал. Он брал лист бумаги из ученической тетради, сметал рукавом крошки со стола, ставил флакончик фиолетовых чернил, брал ученическую ручку со стальным пером и щепоть пепла из печки. Пришедшая с просьбой соседка садилась рядом, говорила кому и что писать. Взяв ручку и обмакнув в чернила, отец на секунду задумывался. Затем перо его ручки, приблизившись к бумаге, в воздухе совершало несколько круговых оборотов и, встретившись с бумагой, каллиграфически выводило первую букву слова. Письмо начиналось обычно одной и той же фразой:

«Здравствуй, премного уважаемый Порфирий Лукич (или какое-нибудь другое имя). Во первых строках спешу сообщить, что все мы живы и здоровы, чего и тебе желаем. Корова наша дает ведро молока, свиньи растут, гусей пасем на поле. А вот Тимошка приболел, что-то расстроилось его брюхо, и он часто бегаёт за сарай.

В воскресенье утром ездили на базар в волость. Продали два мешка картошки, купили материи дочерям на платья и калоши для хозяина.

Больше писать не о чем. Кланяйся Прасковье Давыдовне.

Твоя сватья Лукерья»

Закончив, отец брал щепотку пепла и посыпал им письмо. Пепел заменял ему промокашку, которой обычно у него не было. Остатки чернил с пера он вытирал о волосы головы, отчего правая сторона головы после трёх-четырёх писем имела фиолетовый оттенок.

Такие письма, прошения, разные бумаги о податях отец писал часто. И за это соседи его уважали, приглашали заходить к ним домой на угощение.

В революционной деятельности мой отец не участвовал. Почему – мне не известно, возможно, потому, что с войны он пришел в 1918 г. После этого он проживал в селе Дурниково Саратовской губернии. Там, скорее всего, похоронены его родители, мои бабушка и дедушка. В 1920 г., когда начался великий голод в Поволжье, отец покинул Саратовскую область и вернулся в Польшу, где поселился в деревне Погорелец и стал заниматься крестьянским трудом.

К отцу мы, дети, обращались на «вы» и тата, за глаза – батька. Маму тоже называли на «вы» и мама, между собой – matka. На «ты» никто, даже взрослые, к родителям обратиться не смел, да и не считал необходимым.

В Польше родители каким-то образом (предположительно за те деньги, которые отец получил за работу в шахте в Америке) приобрели 20 моргов земли – это составляло десять гектаров (в наследство от своих родителей получить такой большой участок они не могли: в каждой родительской семье было много детей). Сразу ли родители приобрели такой участок, или «прирезали» землю постепенно, мне не известно. Но с того момента, как я начал себя сознавать, землю родители не покупали, т.е. примерно с 1939 г. они уже считались зажиточными крестьянами. К этому времени у родителей было две лошади, две коровы, одна или две телки, более десятка овец, много кур, гусей, уток.

Проживали мы тогда на хуторе, примерно в версте от деревни Погорелец. Усадьба состояла из дома, гумна (одна половина которого являлась хлевом) и клетки. Дом был «на один конец»: он состоял из сеней (без пола), большой ком-

наты с русской печью, плитой на две конфорки, лежанкой. Затем, уже на моей памяти, была закончена вторая комната (спальня) и позже – третья (тоже сени, но чистые, т.е. приспособленные для жилья).

Разведением домашней скотины – лошадей, коров, свиней, овец – крестьяне-староверы занимались сами. Мы, дети, за процессом зачатия наблюдали.

Счастливы сельские дети: они непосредственно соприкасаются с природой, имеют счастье наблюдать все то, что в ней происходит, общаются не только с котятками и хомяками, но и с жеребятами, козлятами, ягнятами и другой живностью. И вырастают такие дети с добрым, бережливым отношением к природе, сохраняют те детские радостные чувства об играх с молодым животным на всю жизнь, в отличие от тех городских детей, которые познают природу через передачу «Домик в деревне» по телевизору.

Однажды у входа в аквариум Института мореведения в Германии в Киле ученый-биолог, который согласился нам, советским морякам, организовать экскурсию, сказал, что к ним часто приходят делегации детей. И первый вопрос, который они задают экскурсоводу, это вопрос: «А есть ли у вас морские коньки?». Любят дети этих причудливой формы маленьких рыбок. А разве только дети?

Недавно я смотрел по телевидению прекрасный английский фильм Би-Би-Си о рыбках. Отдельным разделом шли морские коньки. Показывались их любовные игры. Эти сцены, когда самец с самочкой обнимаются, переплетают друг друга хвостиками или шейками, когда догоняют друг друга, потом опять переплетаются, пересказать словами очень трудно. Их любовные игры можно разве сравнить с нежной, радостной и очень грустной мелодией полонеза Огинского.

И любопытно, и необычно для рыбок: не самочка мечет икру, а сам самец вынашивает потомство в своей сумочке-животе и производит около сотни их, маленьких, но живых и выпускает из себя коньков в неизведанный и очень опасный для них мир.

Те далекие детские чувства общения с природой, с телятами, жеребятами, гусятами сохранились у меня до сих пор. Очевидно, поэтому я не мог решиться зарезать курицу или свинью, охотиться на диких животных и, вообще, убивать. Недавно, поглаживая крольчат, которых разводит моя сестра на даче, я опять вспомнил своих маленьких «друзей» детства. Особенно помнится мне избалованный нами проказник козленок, который ухитрялся, откинув заслонку, залезть даже в горячую русскую печку и съесть, испеченные для всей семьи блины.

Общение детей с живыми существами облагораживает их чувства и делает их более естественными, человеческими, чего так не хватает некоторым молодым людям сегодня.

Моя мать, Агафья Кузьминична Тимофеева (1899–1966 гг.), родилась в Польше, в той же деревне, что и отец. О том, где и как она провела свои молодые годы, точных сведений у меня нет. Насколько я помню из разных семейных разговоров, мать тоже вышла из небогатой крестьянской семьи и, очевидно, в молодые годы занималась крестьянским трудом. В школу она никогда не ходила, была совершенно безграмотной. Не умела расписываться, не знала даже как ставить вместо подписи крестик. После революции мать каким-то образом оказалась в Саратовской губернии. По всей видимости, она была знакома с моим отцом еще в Польше. Но поженились они, скорее всего, в Саратовской губернии. Вероятно, это было до 1920 г., так как в 1920-м году родился первый их

сын – мой старший брат Андрей. Следовательно, родители могли пожениться лишь за год до этого, т.е. в 1919 г. (о том, чтобы прижить ребенка до свадьбы, в староверской семье не могло быть и речи). В 1920 г. в период великого голода в Поволжье родители вернулись в Польшу. Видимо, во время переезда мать уже была беременна, так как Андрей родился уже в Польше.

Младенцев мать растила в зыбке. Зыбка представляла собой плетеную продолговатую корзину (из прутьев или из лыка лучины), подвешенную к гибкой жерди из можжевельника (мы говорили – из вереса), которая была прикреплена (засунута) между балкой и потолком. Для того, чтобы младенца качать, к зыбке привязывалась веревка. Зыбку качали обычно дети. Иногда во время рукоделия, когда обе руки были заняты, мать веревку привязывала к ноге. Как только младенец заплачет, она, не переставая вязать или прясть, работала и ногой. Ночью мать тоже привязывала веревку к ноге и, при необходимости, покачивала зыбку. Можно представить себе ночной отдых матери после 14–16-часового рабочего дня: рядом вечно сексуально озабоченный муж, веревка, привязанная к ноге, и плачущий младенец в зыбке. Кроме того, в комнате находились еще и более взрослые дети, постоянно ищущие «цебер» (деревянную кадушку), – они освобождали свои пузыри от излишков жидкости прямо здесь же, в комнате.

Летом все работали в поле. Так что летом матери еще больше доставалось, чем зимой.

Можно составить следующий примерный распорядок работ матери утром, до завтрака:

- подъем – в шесть часов;
- растопка печи;
- приготовление корма для свиней (вареная картошка, свекла, сыворотка – все необходимо размять и перемешать);
- раз десять крикнуть: «Федя, Кея, Харлаш, вставайте!»;
- налить молока в бутылочку, надеть соску и дать самому маленькому в зыбке;
- выпустить из подпечки кур, пощупать некоторых из них, пустить во двор, вынести для них корм (взяв его из кадушки, приготовленной для свиней);
- подоить корову (вторую в это время доила старшая сестра – Кея), процедить молоко;
- поднять младших детей, подтянуть им штаны, вытереть носы;
- почистить картошку, поставить варить еду для семьи;
- накрыть стол для завтрака тринадцати человек;
- убрать спальные принадлежности с печки, лежанки, пола;
- подмести пол, застелить кровать;
- сесть и позавтракать;
- после завтрака убрать со стола и приниматься за работу: летом – в поле, осенью – на гумне или в хлеву.

В связи с тем, что семья была очень большая, то её надо было не только накормить, но и обуть-одеть. А денежных доходов в семье не было: всё надо было добывать в собственном хозяйстве. Помимо посевов и уборки зерновых, посадки картофеля, выращивания овощей, наша семья выращивала лён. Сеял лён отец, а вот выдергивала его мама с детьми. Вся процедура от выдергивания льна до пошива одежды проходила через мамины руки. Эта процедура может быть описана следующим образом: высушивание пучков (маленьких снопов)

льна, обмолачивание, вымачивание пучков льна в прудике (мы говорили, в сажелке) для лучшей хрупкости сердцевины стебельков, снова просушивание на солнце развязанного из пучков льна, связывание в пучки. Затем трепать, чтобы избавить волокна от сердцевины, прочесывать мятый лён через специальные металлические щетки. Прочесанный лён пряли. Из полученных ниток ткали на кроснах (кросно зимой стояло в жилой комнате) полотно. Мотки готового полотна долго вымачивали в пруду, затем расстилали на траве на солнце для отбеливания. Из готового полотна мама сама шила постельное и нижнее белье, рубахи. И все эти операции продельвала мама с помощью старшей дочери Евдокии. Промежуточные операции (чесание, трепание, вымачивание, просушка) часто выполняли другие дети, в том числе и я.

Неотъемлемым маминым орудием была швейная машина «Зингер». Конечно, на верхние платья сестрам покупали ситец, а для пальто – сукно. Но шила все это детям мать.

Льняное семя использовалось для получения льняного масла. Отжимали масло под специальным домашним прессом. Отжатый жмых дети иногда ели вместо сухарей.

Зимой работа была несколько иной: это доение коров, сбор сливок (путем отстаивания молока), затем – получение масла в маслобойке. Помню, последней операцией занимались дети, в том числе и я.

Так что наша мама была не только великой труженицей, но и квалифицированной «многостаночницей»: она и родительница, и кормилица, и пекарь, и жнец, и ткач, и швея, и модельер, и прачка, и воспитательница, и хранительница домашнего очага, и, главное, наша учительница и образец трудолюбия, физической выносливости, порядочности и честности. И все это она делала, как Лейла спрашивала солдата Сухова в известном фильме: «И все одна?».

Мать была гостеприимной, доброй. Она никогда не наговаривала на соседей, охотно принимала и угощала гостей. Когда дети подрастали, у каждого появлялись друзья, и все мы приводили их домой. Мать за это нас не бранила и часто предлагала поесть не только нам, но и нашим приятелям. Ругала только тех наших друзей, которые нас совращали, приучали либо курить, либо в карты играть, водку пить, драться. У матери было удивительное терпение, большая выдержка. Когда мы проживали в Литве, дверь на ночь обычно закрывалась на щеколдку. Повзрослевшие загулявшие дети приходили домой в разное время. И каждый из них стучал в окно, просил открыть дверь. Мать при этом просыпалась и шла открывать. Иногда она будила кого-нибудь из детей и просила их открыть. Так или иначе, ей за ночь приходилось вставать по несколько раз. Если учесть, что она часто ложилась поздно, а вставала рано, то можно представить, какой у нее был ночной отдых. Мать, целенаправленно нас не воспитывая, подавала нам пример трудолюбия, доброго отношения друг к другу, к соседу, учила быть честными, правдивыми.

Мама воспитывала не только нас, своих детей, но и многочисленных внуков. Всегда гостеприимно их встречала. Мама очень переживала за судьбу своих сыновей – Андрея и Феодора. Во время «хрущевской оттепели» (кажется, в 1954 г.) она не вытерпела и решила съездить в лагерь заключенных в Воркуту, проведать Феодора, который отбывал там срок наказания (15 лет). Её сопровождал брат Григорий. Увидев и поговорив с Феодором, она ужаснулась проис-

шедшей переменной в характере и поведении своего сына. Вернувшись домой, она сказала: «Лучше бы я не ездила».

Многодетных матерей советские органы власти награждали медалями, им, матерям, полагались кое-какие льготы: денежные пособия для младенцев, кажется, молоко и еще кое-что, о чем я уже не помню. Пригласили в соответствующую организацию и мою мать, родившую двенадцать и вырастившую одиннадцать детей. За 9 и больше детей награждали медалью «Мать-героиня», за восьмерых – «Материнской славой I степени», за семерых (?) и шестерых – медалями II и III степеней. Мать награждали, помнится, в 1948 году. Ей дали медаль «Материнская слава I-ой степени», признав только 8 детей. Остальных детей, хотя некоторые из них находились в семье матери и проживали в одном с нею доме, не признали. Не признали также Андрея, который (к 1948 г) считался пропавшим без вести, Федора, находящегося в ГУЛАГе, и еще кого-то из братьев, у которых метрическое свидетельство о рождении (или что-то другое), по мнению чиновников, оказались не в порядке. Но это был, в основном, предлог, чтобы не присвоить звание матери-героини. Основная причина, надо полагать, заключалась в том, что двое старших сыновей находились далеко от дома: один – неясно где, второй – на каторге. Льготами мать, кажется, так и не воспользовалась, так как дети были уже «взрослые».

Моё стремление к учебе в университете мама не всегда поддерживала. Она однажды сказала: «Учись на тракториста. У тракториста всегда будет хлеб». Но, несмотря на это, мою полуголодную, а на 2-ом курсе и болезненную студенческую жизнь всегда старалась облегчить; из побывки дома я всегда привозил кусок сала, банки варенья, теплые носки и другое. Денежную помощь родители оказать не могли, так как денег в семье практически не было. А работающие братья были заняты своими семьями, но когда я к ним навещался, всегда обильно меня угощали.

Мать наша совсем не пела. Она, насколько мне помнится, даже колыбельные редко пела. Ни голоса, ни слуха у нее не было. Отец, наоборот, обладал неплохим слухом, приятным тенором.

Первый ребенок у родителей появился в 1920 г., последний – в 1940 г. Родители спали на полуторной (как сейчас говорят) деревянной кровати. В качестве подстилки использовали матрац, набитый соломой. Подушка была из перьев. Дети спали кто где: обычно трое малышей на русской печи, один на лежанке, один или двое на скамейках, остальные на полу. Когда появилась вторая комната, там была кровать для двоих взрослых сыновей.

Во время немецкой оккупации, лишенные земли, скота, усадьбы, урожая, родители, чтобы выжить, стали работать поденщиками у более богатых крестьян: отец с сыновьями больше занимался плотницким делом, мать с сестрой Евдокией – сельскими работами.

Родители в зрелые годы, насколько я помню, мало любили друг друга. Жили вместе больше по необходимости, чем по любви. Мне кажется, они вроде и не дружили, никогда не говорили ласковых слов. Возможно, привязанность существовала только в молодости, когда меня еще на свете не было или когда я мало что понимал. Отец частенько приходил домой «веселым». Мать бранилась, отец оправдывался, ругался. Иногда ругань сопровождал грубым матом. Мама повторяла этот мат в адрес отца. Когда я был старшим гимназистом, я

иногда просил мать не повторять мат. Она тогда отвечала: «А почему ён?». Из-за матерщины мне было так стыдно, что я тогда, в детстве, дал себе обет никогда не ругаться. И, видит Бог, свое обещание я исполнял всю жизнь. Дети обычно заступались за мать, а когда надо было просто загораживали её собой. На отца руки никто не поднимал. Но если он начинал буяннить, тогда в ссору вмешивался кто-нибудь из старших братьев и удерживал отца.

Все мы, дети, мать уважали, ее жалели, ей помогали. Во время частых ссор становились на ее сторону.

Детей родители, если возникала необходимость, поколачивали, но сильно не били. Мать частенько давала нам подзатыльники за то, что рвали или пачкали одежду, носили домой грязь, обманывали, баловались за столом. Однажды, помню, мать сгоряча сильно ударила брата Степу по голове. Помню, старшие братья говорили, что и отец иногда (в молодости) хорошенько отшлепывал их, но при мне такого не случалось. Очевидно, братья уже были взрослые и могли заступиться друг за друга.

Несмотря на то, что отец иногда выпивал и после выпивки скандалил, он все же хорошо вел хозяйство, выращивал скот, в срок обрабатывал поля, собирал урожай, обеспечивал продовольствием всю свою многочисленную семью, так как наша многодетная семья никогда не голодала. Жила более или менее нормально.

Когда уж отец совсем расхотелся, он начинал, притопывая, петь частушки, примерно такого содержания:

*Зять на теще капусту возил, молодую жену в пристёжку водил.
«Ну-ка, ну-ка тёща моя! Тпру, стой, молодая жена!».*

Но это было уже позже, когда мы проживали в Литовской ССР. Иногда, во время застолий, эту и другие частушки подхватывал и брат Харлампий, и они пели вдвоем с отцом. Застолья у нас были веселые, особенно в Шилуте (1948–1955 гг.). Сейчас, когда я вспоминаю об этих веселых застольях, я невольно представляю разгульную жизнь купцов, описанную в биографии нашего поэта степей А.В. Кольцова. Есть в характере русского человека, несмотря на принадлежность его к разным общественным сословиям, общая черта – какая-то тяга к разгулюю.

Чтобы иметь более или менее полное представление о нашей семье и реально представлять ту семейную атмосферу, в которой закладывались основы характера детей и моё стремление к образованию, я назову своих братьев и сестер.

Андрей (1920–1952 гг.). Окончил четыре класса польской школы. Освоил кузнечное дело, так необходимое в сельском хозяйстве. После оккупации Германией Польши, спасаясь от оккупационных властей, в 1939 г. нелегально ушел в СССР. Был обвинен в шпионаже и осужден. Срок наказания отбывал в одном из лагерей Мурманской области. В 1951 г. объявился в Англии. Как и когда туда попал, осталось неизвестным. Женился на эмигрантке из Белоруссии, у них родилась дочь Ирина. Андрей умер от инфаркта в 1952 году, похоронен в Англии. Дочь Ирина затерялась где-то на просторах США.

Евдокия (1922–1998 гг.), старшая сестра. До 1946 г. была при матери, ближайшая её помощница. Четыре или шесть классов образования в польской школе. Самая большая труженица в семье. Была замужем за Пенцеровым Ефремом, родила и воспитала семерых детей. Растрескавшиеся от труда и холода

руки Евдокии (стирала в проруби, катала валенки) были более бы достойны кисти Рембрандта, чем ступня блудного сына на известной его картине. Умерла в почтенном возрасте (76 лет). Похоронена в городе Шилуте.

Федор (1924–1970 (?гг.)). Окончил то ли 4, то ли 6 классов польской школы. В молодости помогал отцу по хозяйству. В начале периода немецкой оккупации Литвы батрачил. В 1943 г. на рынке в Каунасе был пойман оккупационными властями и направлен в немецкую армию. Воевал против своих. В 1945 году ушел в советские партизаны. Несколько месяцев служил в советской милиции, но в 1945 за службу в фашистской армии был осужден на 15 лет. Срок наказания отбывал на каторге в Воркуте. За отличную работу был освобожден из лагеря в 1955 г. Проживал в Каунасе. Разнорабочий. Если работал, то работал хорошо. Был здоровым, красивым мужчиной с красно-рыжими волосами. Вел разгульный образ жизни, часто выпивал, бродяжничал. После каторжных работ в лагере не смог смириться с советским образом жизни. Работал эпизодически. В лагере заключенных освоил многие специальности, в том числе и мастерство повара. В трезвом состоянии был вежливым и обходительным. Женщины его любили, и он их. В пьяном виде был очень агрессивен. Женат не был, детей не оставил. В 1970-ых годах пропал без вести в Литве.

Харламий (1926–1998 гг.), окончил 4 класса польской школы. Помощник отца по хозяйству. Во время немецкой оккупации вместе с отцом плотничал. Рано (в 19 лет) женился, родил сына Ивана. После службы в Советской армии (в Калининградской области) поселился в Клайпеде. Работал на рыбзаводе бондарем. Мастерством бондаря владел виртуозно. Владел навыками повара. Сын Иван в 30 с небольшим лет умер. Харламий умер в возрасте 72 лет от рака желудка. Похоронен в Клайпеде. В этом городе проживают и его внуки.

Александр (1928–1984 гг.), учился 3 или 4 года в польской школе. Помощник отца по хозяйству. Овладел ремеслом сапожника. После службы в Советской армии в Курской области женился на вдове с ребенком. Проживал в г. Курске. Работал вагоновожатыми, разнорабочим. Любил погулять и выпить. Умер в 56 лет от рака. Похоронен в Курске. Детей не оставил.

Григорий (1929–2006 гг.), учился 3 года в польской школе. Сапожник. После службы в Советской Армии, в 24 года пошел в русскую вечернюю школу в г. Шилуте, в 7-ой класс (1–6 классов в школе не было). Своим скверным знанием русского языка и необразованностью смущал учителей. Но он был красив, обладал хорошими манерами, и учителя, видя его стремление к учебе, отнеслись к нему снисходительно и приняли в школу. Приличный вид, вежливость и огромное желание получить образование позволили ему (без учебы в 1–7 классах) стать успевающим учеником, закончить среднюю школу за 2,5 года и поступить в технический институт в Калининграде. Школьная учительница русского языка Тамара Дмитриевна была очарована красотой и приличными манерами Григория и увела его под венец. У них родился сын Сергей (ныне – военный пенсионер). Они много путешествовали по СССР, пока не осели в Днепрпетровске. Григорий – красивый, вежливый, умный, трудолюбивый маловыпивающий человек, работал токарем на Машиностроительном заводе в Днепрпетровске. Выйдя на пенсию, стал подрабатывать сапожником. Свое дело делал отлично, так что клиентки стояли к нему в очередь. Умер в Днепрпетровске.

Ирина (1932–1987 гг.), училась 2 года в польской школе. В детстве заболела рассеянным склерозом. Помощница матери по дому. Разнорабочая на торфопредприятии. С возрастом болезнь усугублялась. В 30–35 лет она стала инвалидом. Рукодельница (вязание), воспитательница детей самого младшего возраста. Бог одарил её острым крестьянским умом. Вместе с Анной – хранительница домашнего очага. Волевой, умный человек. Умерла в возрасте 55-ти лет.

Я, Емельян (1933, по паспорту 1934) – вся книга обо мне.

Степан (1936 г.) – девятый ребенок (седьмой сын) в семье. Он стал крестником Президента Польши, о чем свидетельствовал солидный документ – книжечка. Я помню эту красивую книжечку. Размером она была примерно как наш российский паспорт, кажется с черной обложкой. На первом листе, на белой меловой бумаге – портрет президента с его подписью. Затем – около 20 чистых листов из специальной бумаги с молочными разводами и гербом страны. На первой странице (после портрета президента) – фамилия, имя и отчество владельца этой книжечки, дата и место его рождения: Емельянов Степан, сын Михайла, родился 28 марта 1936 г. в деревне Погорелец, волость Гибы, уезд Сувалки, Польша. Книжечка – это документ о том, что крестным отцом моего младшего брата Степана является Президент Польской Республики. Его подпись, печать.

В Польше, где мы тогда проживали, действовал закон: седьмой сын семьи брался на специальный учет. Он считался крестником Президента страны и ему выдавался документ в виде вышеописанной книжечки. Это значило, что родители крестника получали в течение семи лет какое-то пособие (какое, я не помню), а когда крестник начинал посещать школу, ему бесплатно выдавались тетрадки, карандаши, учебники и что-то еще. После получения годичной нормы этих школьных принадлежностей, вырывался (или отмечался) один листок книжечки.

Зачем Президенту были такие крестники? Тем более – из бедной семьи? А потому, что Президент и его правительство хотели воспитать хорошо образованного гражданина своей Польши.

Мы покинули оккупированную Германией Польшу в феврале 1941 г., когда Степану было почти 4 полных года. Следовательно, он не успел воспользоваться льготами, представляемыми ему Президентом.

Книжечку крестника отец долго возил с собой, прятал её от советских чиновников: ведь именно Президент Польши Пильсудский возглавлял III-ий поход Антанты и разгромил под Варшавой отряды Красной Армии, что повлекло за собой весьма невыгодный для Советской России Брестский мир.

В Польше Степан после переезда в СССР ни разу не был. Своим документом «крестника Президента» не интересовался.

Степан окончил 4 класса литовской школы в г. Шилуте, затем школу юнг и среднее мореходное училище в Клайпеде, судомеханик. Из-за биографии братьев Андрея и Федора в море его не выпускали, и как судомеханик Степан не состоялся. После чего закончил механический техникум. Работал инженером-механиком, затем слесарем-механиком на судоремонтном заводе в Клайпеде. Отличный механик, токарь, слесарь. Честный и порядочный человек. Женат не был, детей не нажил. В молодости любил погулять и выпить. Пенсионер, проживает в г. Клайпеда.

Мавра (1937 г.), 7 классов образования в литовской школе в г. Шилуте. Закончила Каунасский финансово-экономический техникум (на литовском языке).

ке). Работала финансистом в Калининградрыбпроме. Была замужем за Мо-
логиным Альбертом, у них родился сын Эдуард. Пенсионерка, проживает в г.
Калининграде. Эдуард с семьей переехал жить в Канаду.

Анна (1940 г.), единственная в нашей семье закончила русскую среднюю
школу в г. Шилуте, затем Институт пищевой промышленности им. А. Микояна
в Киеве. Технолог по производству пищевых продуктов. Директор хлебоком-
бината в г. Шилуте. Замужем за Мещанским Виталием. У них двое детей –
Олег и Игорь. Проживают в г. Шилуте, Литва.

На долю Анны (вместе с Ириной) выпала участь ухаживать за больной ма-
терью и немощным отцом, а затем Анне пришлось ухаживать и за сестрой-
инвалидом Ириной. Я кланяюсь в ноги за это обеим до сих пор.

Мой старший брат Егор, родившийся на один год раньше меня (или моей
сесетры Ирины, уже не помню), как-то выпал из зыбки на пол, после чего и
умер. Это был единственный ребенок, умерший в семье. Все остальные дети
(семь братьев и четыре сестры) дожили до зрелых лет.

У меня сохранились не только тесные родственные, но и дружеские связи с
Анной, Маврой и Григорием (до его смерти).

Упомяну, что шестеро братьев курили, отец и я – нет. Отец в трудные воен-
ные и послевоенные годы не писал доносов и жалоб. Все дети, за исключением
Феодора, были трудолюбивы, честны, порядочны, каждый на своем месте хо-
роший работник. Спасибо родителям за такое воспитание.

Никто в семье не пользовался очками и не носил их.

В нашей избе в Польше окна были ординарные, с одним стеклом, без форто-
чек. Поэтому зимой быстро замерзали. Я любил смотреть, как оттаявшие днем под
действием солнечного и комнатного тепла стекла к вечеру начинали мгновенно
замерзать, а изумительно красивые узорчатые стрелки образующегося льда мгно-
венно расходиться, покрывая изящными узорами всю нижнюю часть стекол. Впо-
следствии, изучая кристаллографию и выполняя задания по химии, я часто вспо-
минал эту удивительную по точности и красоте «фабрику» образования ледяных
кристаллов. К утру стекла полностью замерзали, и в нижней их части толщина
наросшего на стекле льда достигала нескольких сантиметров. Стекло станови-
лось непрозрачным, и чтобы взглянуть на улицу, мы растапливали лед дыханием
и теплыми пальчиками. Через образовавшуюся дырочку мы могли наблюдать за
миром, а зимой за хвостом вьюги, мастерски образующим снежные курганы во
дворе. Дырочка в окне давала нам возможность не только наблюдать за течением
всего происходящего в мире, но и возможность ощущать и изучать этот мир.

В оттепель мы сооружали снежные бабы, играли в снежки, в морозные дни
катались на деревянных самодельных санках, полозья которых были сделаны
из досок. Иногда эти доски подковывались металлическими полосами. Конь-
ков у нас не было. Мы их сооружали сами. Брали полено, старший брат обте-
сывал его топором, затем каждый из нас подстругивал свою колодку, придавая
ей в поперечном разрезе форму треугольника. Для крепления к обуви мы разо-
гретой докрасна проволокой прожигали в колоде две дырки, просовывали в
них веревочки – и крепление конька готово. Чтобы конёк лучше скользил, мы
«подковывали» его куском круглой проволоки. За неимением кожаных ботинок
или сапог мы ходили в самодельной обуви под названием «обияки» (от слова
«обить»). Это деревянные колодки-подошвы с кожаными носком и задником

(что-то вроде современных сабо, только с задником). Иногда у кое-кого из детей были валенки. Чтобы коньки лучше держались, под веревочки подсовывали палочку и с её помощью закручивали веревочки жгутом. Жгут этот сжимал не только «обияк» (или валенок), но и перевязанную онучей ногу. Было больно, но приятно и весело. В таком снаряжении – хоть на каток «Ледового периода», популярной ныне телевизионной передачи. Ледовым катком нам служила покрытая льдом и снегом «сажелка» (лука, болотце). Так как конек был подкован круглой проволокой (без всякой заточки), то наши ноги расплзались в разные стороны, и крутые развороты на них делать мы не могли. Поэтому катание на таких коньках сводилось к следующему: по снегу мы разбегались, а по льду катались, пытаясь удержать ступни ног (коньки) параллельно.

Накатавшись (вернее, повалявшись на льду и снегу), мы голодные, но чрезвычайно довольные от катания, бежали домой, где получали перед ужином краюху черного хлеба, политого льняным маслом и посыпанного солью. Это было настоящее счастье.

Мать старалась содержать детей и дом в чистоте и порядке. Практически весь наш дом на ней и держался. Что такое чистота и порядок в перенаселенном доме читатель может представить, вообразив 12 пар обуви в холодных сенях, 12 брошенных на лавку кафтанов или часть из них повешенных на вбитые в стенку гвозди, 12 мест для сидения и сна в одной комнате, 12 ложек и т.д. И все это надо прибрать, уложить, иногда помыть или почистить. В доме – никаких газет или старых книг (для растопки и других нужд), ни радио, ни телевизора, ни даже мобильных телефонов, без которых нынешние дети не представляют своей жизни. Правда, у нас были самодельные мобильники. Их изготавливали из двух жестяных крышек от банок ваксы и ниток. Для этого в крышке пробивали дырочки, протягивали в них нитку длиной в 2–3 м, и мобильник готов! Разговаривали по телефону следующим образом. Расходились по углам комнаты (или один из переговорщиков уходил даже в сени) и говорили в крышку так, чтобы сидящему в другом углу комнаты было слышно. В общем, наш разговор напоминал телефонный разговор известного героя из кинофильма «Волга, Волга». После разговора мы складывали телефон и клали в единственный карман наших шорт.

Отца больше любили маленькие дети, чем те, что постарше. Отец был хорошим рассказчиком. Перед сном он часто нам, малышам, рассказывал сказки, иногда читал книжки. Сказок он знал множество. И очень любил рассказывать разные байки, то есть выдуманные и реальные истории. Эти истории иногда были смешные, иногда страшные. Еще вспоминал, как воевал, как работал в Америке, как жил в Петербурге. Если при этом он выпивал, обязательно что-нибудь присочинял. Нередко хвастался (очевидно, отсюда его прозвище – Баллон, от польского слова баллон, то есть пузырь, что могло означать «хвастун»). Отца любили слушать не только дети, но и взрослые. К нему приходили старики и старухи просто поговорить, а если находилась бутылка, то тут уж он расходился как следует. У каждого из крестьян нашей деревни было прозвище. На прозвище отзывались и не сердились. У меня было прозвище «лупатый» (лупы – губы). Очевидно, в детстве мои губы сильно отвисали.

День Караваджо. Поразительный контраст между тенью и светом! Оказывается, Микеле Анджело был еще и хулиганом, забиякой! Но почему мы зна-

ем его как Караваджо, а по имени Микеланджело его не зовем? Потому что перед ним был другой гений Микеланджело, но Буонароти.

Зимними вечерами, при лучине, а позже при керосиновой лампе, отец учил нас играть в шашки (других игр в доме моего детства не знали) Впоследствии, во время войны, в нашей семье часто играли в лото. Специальной доски не было, шашек тоже. Мы сами вычерчивали доску, шашки делали из картошки. После шашек отец либо рассказывал сказку, либо читал нам «Тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца ...», «Каштанку», «Ваньку Жукова» и многие другие стихотворения, рассказы и повести русских классиков – Пушкина, Чехова, Толстого, Некрасова и другие. Когда отец читал «про сети мертвецов» мне было очень страшно. Детское воображение позволяло мне видеть эти сети и мертвеца в них. Часто сети и мертвец снились ночью. Дети пугали друг друга, говорили: «Смотри, смотри, кто-то скребется в окно. Наверное, мертвец пришел». Я забивался поглубже в угол, закрывался с головой. Днем я шел к небольшой речке Нова, протекавшей недалеко от нашего дома в деревне Блювишкяй, Литва (1941 г.), и высматривал место, где могли бы застрять сети с мертвецом...

Новый год, насколько я помню, мы не праздновали, елку не наряжали. Дед Мороз к нам не приходил и подарки не приносил.

Во время немецкой оккупации, лишенные земли, скота, усадьбы, урожая, т.е. всяких средств к существованию, родители, чтобы выжить, стали поденщиками у более богатых крестьян: отец с сыновьями больше занимался плотницким делом, мать с сестрой Евдокией – сельскими работами.

После переселения из деревни в городок Шилуте мать перестала работать в поле и занималась домашним (семейным) хозяйством. Денег на нормальную жизнь не хватало. И она решила немножко подзаработать. Купив корзину куриных яиц на рынке в Шилуте, она решила перепродать их по более высокой цене в Клайпеде. Корзина была большая (картофельная), тяжелая, и я был взят маме в помощь. Сидя у борта машины, я думал: «Вот продадим мамин товар, купим ситного хлеба и масла и устроим праздничный семейный ужин». Пассажирских поездов и автобусов тогда еще не было, т.е. из Шилуте они не ходили. Единственное средство связи – попутные грузовые машины. Вот мы с мамой и с рядом других таких же мелких спекулянтов (как тогда называли вольных торговцев) и направились в кузове полуторки со своим товаром в Клайпеду на рынок.

Трофейный (немецкий) автомобиль «Зауэр» мчался за нашей машиной с большой скоростью. Быстро догнал нас и, не сворачивая налево для обгона, со страшным грохотом промчался дальше, унося за собой одну четверть борта нашей полуторки, а вместе с обломками этого борта и тех людей, которые, прислонившись спинами к стенке левого борта, мирно сидели со своей поклажей. Оставшийся в кузове народ не кричал: он с ужасом смотрел вслед «монстру», разбрасывающему по пути обломки досок, людей и их нехитрые котомки.

Наша полуторка остановилась. А «Зауэр», нисколько не притормозив, с такой же скоростью мчался далее. Я, как и все другие пассажиры, сидевшие у стенки правого борта, остались невредимы. Придя в себя от изумления, я стал глазами искать маму среди оставшихся живых пассажиров. Её не было. Тогда я соскочил на землю и побежал к тем людям, которых с такой силой на ходу разбрасывал на асфальт промчавшийся через нас трофейный немецкий грузовик.

В одной из женщин, лежащих без движения на асфальте, я узнал маму: она лежала, скорчившись, с закрытыми глазами, и тихонько стонала. Я перевернул маму на спину и всхлипывая, со слезами на глазах повторял: «Мама, мама, проснитесь, откройте глаза». Мама продолжала лежать. Плача, я взглянул наверх, на облака, на которых Он и должен сидеть, и мысленно произнёс: «До чего же Ты, Господи, несправедлив к своим бедным, но разумным созданиям! Почему Ты позволил этим бездушным машинам столкнуться и таких бед натворить?!». Крики, плач оставшихся невредимыми пассажиров полуторки, проклятия в адрес ушедшего далеко вперед «Зауэра».

Вскоре подъехал другой грузовик. Всех израненных и убитых погрузили в кузов этого грузовика и в сопровождении одного из пассажиров нашей полуторки отправили в Клайпеду в госпиталь. Дождавшись попутного грузовика в обратном направлении и собрав, что осталось от маминой поклажи, в том числе картофельную корзину, в которой находились куриные яйца (они были размазаны по асфальту), я вернулся назад, домой, в городок Шилуте, чтобы сообщить домашним об очередной постигшей нас печали.

В конце II-ой Мировой войны немецкая армия испытывала большие трудности с бензином. Поэтому они стали выпускать машины, работающие на дровах. Для этого сооружалась печь в виде большой трубы, которая устанавливалась за кабиной водителя. В печи разводился огонь. В виде топлива использовались обрезки поленьев, короткие чурочки и опилки. Этого было достаточно для выработки газа, который и использовался вместо бензина. Выпускала такие «дровяные» автомашины немецкая фирма Sauer. Поэтому народ и называл эти трофейные машины Зауэрами, в отличие от советских полуторок и американских студебеккеров.

Через месяц мы встречали маму подправленной, переломанные ребра и поврежденное бедро срослись, голова после сотрясения мозга как-будто стала работать нормально. Вскоре я уехал в Вильнюс, чтобы изучать причины падения яблока к ногам Ньютона, а через шесть лет – на юг, разгадывать тайны Великого моря Заката, как в арабском мире называли в древние времена Средиземное море. Проживая далеко, я мало общался с родителями, но слышал о головных болях матери. А еще через пять лет я вернулся опять на север, к берегам того холодного моря, которое избороздили смелые и сильные северные люди, давшие русичам князя Рюрика. После возвращения я уже смог чаще бывать в Шилуте и общаться с родителями. Мама постоянно жаловалась на шум в голове и усиливающиеся головные боли. А в очередной приезд она стала рассказывать, как часто она находит себя в неподходящем месте на полу или на земле без сознания, и причин и времени падения она не помнит. Вскоре ей стало совсем плохо. Умерла мама от рака головного мозга в мучениях и в беспомощности. Я надеюсь, что её душа вознеслась высоко, высоко, и отдыхает она от своих земных бед если не в саду Рая, то хотя бы в его окрестностях.

Когда мы хоронили мать (это было летом 1966 г.), то собралось много народу. Съехались близкие и дальние родственники, пришли соседи, друзья детей. Мои сестры говорили: «Смотрите – смотрите, как нашу маму уважают люди. Вон сколько «понашло-понаехало». Все мы считали, что похоронили мать хорошо, с должными почестями и с должным сыновним уважением. Когда умирал отец, дети говорили, что похороны у отца будут не такие торжественные и

людные, как у матери. Но когда он умер, стал народ сходиться, съезжаться. И понашло-понаехало значительно больше, чем на похороны матери. И венков было больше. И на поминках выпито было больше. И некоторые из моих братьев и сестер говорили: «Смотрите – и выпивал отец, и иногда шумел (спорил, ругался), и, кажется, работал по хозяйству не так уж много. А вот похороны торжественнее, чем у матери». Видимо, чем-то отец заслужил людское уважение, чем-то он был им хорош.

Похоронены мать и отец на кладбище в городке Шилуте, Литва, где наша семья проживала с 1948 г. И лежат они рядом, как и положено супругам, прожившим вместе 47 лет, родившим 12 детей и взрастившим 11 из них. Да простит нас всех наша мать. Аминь!

И когда я бываю в Шилуте и мы с сестрой Анной и её мужем Виталием едем на родительскую могилку, возлагаем на неё белые астры, я постоянно вспоминаю злополучный «Зауэр» и нашу исковерканную войной и тяготами послевоенного быта жизнь.

Детство – самая впечатляющая пора жизни. Первые шаги, первые познания мира, первое словесное выражение своих чувств, первые обиды и радости. В детстве закладывается фундамент характера, фундамент отношений к близким, к учебе, к труду, к правде и лжи. На мой взгляд, дальнейшая судьба человека во многом зависит от того, как, где и с кем провел ребенок первые годы жизни. Детство – светлая пора жизни. Очевидно, поэтому во многих воспоминаниях, мемуарах детству отводят значительное место. И эти главы оставляют и у автора, и у читателя какое-то светлое, доброе чувство. Это чувство возникает даже тогда, когда детство было таким тяжелым, как у М. Горького или В. Астафьева.

Я считаю, что детство детей нашей семьи было не из легких, а у тех из нас, чьи ранние годы пришлись на военный период, детство было просто тяжелым. Нелегким оно оказалось и у меня.

Мое детство четко разбивается хронологически:

- с рождения до 3-х лет;
- 7 лет (проживание в Польше, до 21 февраля 1941 г.);
- 7–8 лет – проживание в деревне Блювишкяй близ литовского городка Гришкабуда (29.03.41– 19.11.41 гг.) Шакяйский уезд Литовской ССР;
- 8–12 лет – проживание в деревне Рымки близ литовского города Ионава, Литовская ССР (1941–1945 гг.);
- 12–13 лет – проживание в Каунасе, Литовская ССР (1945–1946 гг.);
- 13–15 лет – проживание в деревне Тракседжай Шилутского района, Литовская ССР (1946–1948 гг.);
- 15–18 лет – проживание в г. Шилуте, окончание средней школы (1948–1952 гг.). Этот последний этап можно было бы и не относить к периоду детства, так как я уже вел довольно самостоятельную жизнь. Для меня это, пожалуй, юношеская пора.

Насколько я могу сейчас судить, в моей памяти сохранились обрывки некоторых воспоминаний с той начальной поры детства, когда мне было годика 2 или 3.

Первые мои воспоминания связаны с русской печью. Помню, я почему-то просыпался рано, когда мои и старшие, и младшие братья и сестры еще спали. На улице темно. Мама топит русскую печь, ловко орудует ухватом и клюкой, подправляя дрова, переставляя или вынимая чугуны, поставленные в печку на

треноги. Я сижу на шестке (мы говорили – шостике) и смотрю на огонь в печке. Иногда рядом со мной на шестке горит костерчик, над костерчиком тренога – подставка, на подставке либо сковорода, либо горшок. Потрескивают сосновые щепочки и полешки, я щебечу. Мама дает мне первый блин, испеченный из ржаного теста, приготовленного для выпечки хлеба, или первый картофельный оладушек со сметанкой. В детстве я, наверное, был гурманом. Мне очень нравились «плистки». Это нарезанная кружочками картошка (в настоящее время – заграничные «lays»), испеченная на сковороде в льняном масле (другого мы не знали). Кружочки клали на сковороду в один ряд (в один слой), так что они подрумянивались с одной стороны, не слипались, не ломались.

С русской печкой у меня связано еще одно, не очень приятное воспоминание. В детстве многие из нас болели коростой. Лечили эту коросту домашним способом. Мать намазывала нас серой и загоняла в печку. Одновременно туда залезали по двое детей. Мы отогревались, потели. Это, видимо, здорово помогало. Я не помню, с охотой мы залезали в печку или нас принуждали.

Почти у всех жителей нашей деревни в кухне была подпечка. Это такая ниша под печкой на уровне пола. В подпечке держали кур. Чтобы куры не вылезали, когда не положено, их закрывали заслонкой или решеткой. Вот в эту подпечку мне часто приходилось залезать и собирать яйца. Подпечка была довольно просторная, туда можно было одновременно залезать вдвоем, втроем. Под утро куры начинали кудахтать, а если там был и петух, то он, чертяка, слишком рано начинал свои «кука-ре-ку», мешая нам спать. Если решетка была плохо прикрыта и какой-либо курице удавалось выйти на волю, начинался утренний переполох: кто-либо должен был вставать, ловить эту курицу и водворять её обратно в подпечку.

Однажды мы играли на лужке, рядом с торфовой (это такой карьерчик – яма, остающаяся после добычи торфа). Там мама и другие женщины обычно полоскали белье. Через торфовню была перекинута доска (в виде мостика) – кладка. Дети поспорили, кто перейдет кладку с закрытыми глазами. Первому пришлось идти мне. Я пошел, нащупывая доску ногой. Но где-то в середине чувство меня подвело и я солдатиком ухнул в торфовню. Глубина была около 1,5 м. Дно очень илистое. Потом мне говорили, что я как шел по доске, так и пошел дальше по дну. Я благополучно прошел по дну до конца торфовни и меня вытащили на другой берег. Переполох был большой. Меня считали героем. А было мне тогда годиков четыре-пять.

Пасти утят и гусят я начал, насколько сейчас могу себе представить, лет с трех. Мне давали длинный прутик, стайку утят (или гусят) и поручали охранять их от ворон и не позволять разбегаться. Когда я немножко повзрослел, мне приходилось гусят выгонять в поле, на клевер. С собой я брал кусок хлеба, кафтан или мешок (мешок мы складывали и уголком набрасывали на голову во время дождя: получалась как бы плащ-палатка). Гусята (утята) первоначально шустро бегали по полю, а когда наедались, садились в кучу. Я тоже обычно садился с ними. Гусята со «словами», хорошо понятными каждому ребенку «гуль-гуль-гуль» подходили ко мне, и каждый из них норовил прижаться поплотнее. Чтобы самому согреться, да и их согреть, я часто запикивал гусят или утят за пазуху, а также в карманы, под мешок или кафтан. Ребенку хорошо спится, особенно если его рано подняли и если он слышит постоянное тихое и убаюкивающее «гуль-гуль-гуль». Спал я, очевидно, крепко, так как когда про-

сыпался – о, ужас! – я обнаруживал, что те гусята, которые у меня были за пазухой или в кармане, уже не дышали. Сон был так сладок, что я не чувствовал последнего писка, последних вздрагиваний своих маленьких друзей.

Когда гуси подрастали, они, чертяки, так и норовили уйти от меня и прыгнуть в торфовню. Уровень воды в торфовнях был на 30–50 см ниже уровня земли. Вдоволь наплававшись, гусята начинали выпрыгивать (чаще всего, принуждаемые моей длинной хворостинкой). Они разбегались в воде, подпрыгивали и оказывались на земле. Но не всем это удавалось. Более слабые и менее ловкие гусята прыгали, прыгали, но выпрыгнуть никак не могли. Я тоже не всегда им мог помочь, так как рукой до воды не доставал. В результате гуси слабели настолько, что опускали головы в воду и погибали. Когда я пригонял гусят домой, навстречу кто-нибудь выходил (это была обычно мама) и выступал в роли учетчика. Не досчитавшись нескольких гусят, мама тут же начинала выяснять, что и как. Выяснение происходило при полном параде: я стою со слезами и, заикаясь, объясняю, мать стоит с длинным прутиком и слушает. После этого обязательно следовала расплата, за мою детскую неловкость, за то, что я был еще ребенком. Били прутом обычно по заднице, а если погибало много гусят, тогда прут больно жалил мои маленькие голые ноги. Став повзрослее, в моменты такой экзекуции я иногда давал дёру, мать гналась за мной и стегала прутом. Но чем старше я становился, тем труднее это было маме сделать: я научился быстро бегать. Возможно, тогда еще во мне были заложены способности бегуна и скорохода, которые впоследствии я так ловко применял в спортивной жизни.

Самый тяжелый труд для нас был разбивать глыбы засохшей глины на полях. Усадьба наша находилась в полосе развития моренных суглинков. Почвенный слой был тонок. А иногда его вовсе не было. Перепаживали глину или суглинки. Отвалы после перепашки настолько засыхали, что их приходилось разбивать либо кувалдой, либо деревянным молотом, либо обухом топора. Вот на такую работу и посылали нас родители. Мы ходили по полям и разбивали эти засохшие глыбы и комья. Уставали, помню, ужасно. Руки тоже хорошенько истирали.

Однажды мы разбивали комья с братьями Санькой и Гришкой. Они работали быстро. Я от них отставал. Они были старше меня на 5–6 лет и свои комья разбивали значительно легче. Мои же глыбы засохшего суглинка с трудом поддавались слабым ударам деревянного молота или обуха топора. Приходилось по несколько раз поднимать тяжеленное орудие и им ударять.

В тот памятный день нам было поручено после вспашки подготовить поле на склоне небольшого моренного холма для боронования. Вывороченные плугом глыбы почвы так были тверды, что не поддавались никакой бороне.

Этот тяжелый труд на солнцепеке в детские годы запомнился на многие десятки лет. Уже тогда в моей голове зарождалась мысль о том, а нельзя ли заменить этот каторжный для ребенка труд на другой более легкий? И всякое воспоминание о том времени, о земле, до старости напоминали мне тот тяжелый труд, который мы – маленькие дети выполняли, чтобы поля цвели и плодоносили, а дети росли и мужали.

Осенью мы должны были срезать картофельную ботву. Помню, вышли мы однажды в поле втроем: Харлаш (Харламбий), Гришка (Григорий) и я. Мне

тогда было лет пять-шесть и я явно отставал от своих братьев. Тогда они решили меня подстегнуть. Разделили поле на части и сказали: «Это твое. Пока не сделаешь, не уйдешь». И сами стали быстро-быстро работать. Начал ускорять темп и я. Резали ботву серпами. Серп большой, ручки маленькие, опыта мало. Вот второпях я и хватил острием по мизинцу левой руки. Распорол мизинец до кости, от основания до ногтя. Кость вывалилась, то, что облекало кость, раздвоилось и держалось на кончике пальца и у его основания. Зажав свою ручку в кулак, конечно, я здорово ревел. Братья привели меня домой, завязали руку какими-то тряпками. Я, сжав кулачок, забился в угол и всхлипывал в ожидании положенного наказания. Мама с отцом были в Сейнах на базаре. Вот я и боялся, что мне попадет, когда они придут. Не помню, поколотила меня мать за такое очевидное неprovорство или нет, но раненую руку я держал все время сжатой в кулачок. Палец у меня остался, но как он был сжат и согнут, так он и сросся. Его даже не распрямили: кончик пальца съехал на сторону, и палец, как сверло, получился скрученным направо.

Насколько я помню, как бы мы ни болели, врачей к нам не приглашали (да их и не было в нашей деревне). Первоочередным лекарством был йод. Затем шли подорожник, цветок алое и другие листья, слюна и моча. В сочетании все это со временем и способствовало быстрому нашему выздоровлению.

Осенью тоже работы хватало: в полях убирали снопы, помогали складывать сено в копны, молотили цепами, подносили снопы к механической молотилке или убирали обмолоченную солому. Помню, молотили обычно «толокой», то есть добровольно собравшимся коллективом, состоявшим из семьи хозяина и соседей. Обмолотив зерно у одного хозяина, молотилку перевозили к другому, и там начиналась следующая «толока». Запомнился мне один ужасный случай, происшедший во время молотьбы. Обмолоченные зерна ссыпали в кучу на току. Затем ставили специальную машину – веялку под музыкальным названием «Арфа». Арфу крутили вручную. Лопасты веялки создавали поток воздуха. Высыпанные в веялку зерна очищались от плевел и кусочков соломы. Молотилку крутили при помощи специального механизма, называемого манежем (это когда лошадь, привязанная к длинной жерди, ходит по кругу и вращает молотилку). В манеж впрягали четыре или две лошади, которые ходили по кругу. Вращательное движение от манежа в молотилку передавалось при помощи железных штанг, соединенных между собой «кулаками». Лошадей погонял один человек (это был обычно мальчик или сосед-калека), стоявший на досчатой платформе, установленной в центре манежа. Иногда мальчика сажали верхом на коня, и он погонял лошадей. Так вот, не знаю, каким способом, но в манеже оказалась одна из моих сестреноч (то ли Ирина, то ли Маша). Она споткнулась, волосы попали в «кулак» вертящейся штанги, и лишь чудом удалось остановить манеж и сохранить «скальп» девочки.

Как-то осенью брат Андрей резал сечку (солому) на сечкарне. По специальному дощатому желобу он одной рукой подавал солому, другой за ручку крутил огромное чугунное колесо – маховик. Усилие от маховика через зубчатую передачу сообщалось на режущий солому барабан. Брат работал с упоением, я играл рядом. Я клал на большое зубчатое колесо руку, зубья приятно ее щекали. Затем я положил правую руку ладонькой вниз на малое зубчатое колесо. И тут случилось что-то странное. Я вскрикнул и очнулся лежащим на спине

(на току) с раздробленной правой рукой. Оказывается, мою правую ладонь втянуло в зубчатую передачу, и верхняя часть ладони (включая три средних пальца) приобрела вид кровавой порции чахохбили. Андрей тут же схватил меня за израненную руку и потащил домой. Конечно, я ревел, и очень сильно. Помню, что косточки настолько мелко были раздроблены, что торчали как шипы во все стороны. Кто складывал эти косточки вместе, и как это делали, не помню. Врача, к счастью, тоже тогда не было, иначе я сейчас недосчитывался бы если не двух, то одного пальца точно. Ладонь моя срасталась в положении кулака, поэтому указательный палец и сейчас напоминает крючок. Шрам, свидетельствующий о том, что у меня в то время на правой руке вместо одной ладони было две, сохранился до сих пор.

Детство у нас было неотделимо от труда. Работать заставляли не в воспитательных целях, а в силу необходимости. Все обязаны были трудиться, всем приходилось сызмательства посильным трудом добывать кусок хлеба. Труд был настолько тяжелый, настолько мешал нам заниматься тем, чем дети сейчас занимаются – шалостями, забавами, ничегонеделанием, играми в садике или в яслях – что он превращался из радости в повинность. Чаще всего мы работали по принуждению.

Пятьдесят лет спустя тот край, где была наша крестьянская усадьба, превратился в прекрасный туристический край Польши и называется теперь Паезерье.

И вот я стою перед домом в сомнениях. По размерам, по необустроенности до сих пор крыльцом и дверью, выходящей в сад, по расположению дома на пригорке и гумна в низине, по количеству окон – все это говорило мне, что это он, наш дом, в котором мы, двенадцать детей, родились. С другой стороны, керамическая облицовка дома, наличие во дворе длинного хлева с каменным основанием, расположение основной двери дома со двора подсказывали мне, что это не он, что это чужой дом. Я еще и еще раз, призываю свою память напрячься и вспомнить очертания и расположение забора, колодец, ворота дворовой ограды и все остальное, что могло бы восстановить то далекое, что, казалось, должно было запечатлеться в моей детской памяти 67 лет тому назад. Именно так давно в последний раз я и видел дом, двор, горки, где мы, дети, играли и работали. В феврале 1941 г. волею стремительно развивавшихся событий мы вынуждены были оставить свою малую родину, родной дом и уехать далеко-далеко, не только за горы и долины, но и за прочные политические границы, за которыми находилась неизвестная для нас и загадочная, но по вере, языку и тем представлениям, которые отец в своих сказках и рассказах закладывал в наши детские души, родная страна – Россия.

Да, мы, трое младших детей наших родителей находились у дома, где по нашим предположениям: в деревне Погорелец Сувалкского уезда, в Польше. Я как старший из троих должен был бы первым вспомнить основные черты родного дома, двора, прилегающих полей. Мои сестры, с нетерпением и тревогой ожидавшие моего возгласа: «Да, это наш родной дом!», стояли у машины и наблюдали за мной. Я обходил дом, стучал в закрытую дверь, даже заглядывал в окна, чтобы убедиться: «Он или не он?». Но сестры Мавра и Анна так и не дождались моего радостно-ностальгического возгласа. Я все еще сомневался: я еще и еще раз всматривался в дверь, в окна, в гумно, двор, заставляя себя вспомнить. Но мой мозг, работавший все эти 67 лет очень напряженно, был забит другими сведениями, цифрами, событиями, радостями и горестями: учеба,

научная работа в море, зарубежные страны, женитьба, дети, многочисленные переезды на новое местожительство – эти события и их отголоски накапливались в моем мозгу, все сильнее и быстрее вытесняя из памяти события, связанные с детством, прошедшем в усадьбе моих родителей в деревне Погорелец.

Для пущей достоверности мы пытались найти жильцов этого дома – поляков. Но на дворе и в поле никого не было видно, входная дверь в дом была закрыта, в доме не ощущалось никакого движения. Если хозяева и были, то они, очевидно, попрятались, чтобы не разговаривать с «кацапами», которые, согласно законам Польши, могли все еще претендовать на возвращение усадьбы её истинным владельцам, наследниками которых и были мы, трое детей. Ведь землю всех старообрядцев, выселенных в феврале 1941 г. в СССР, Польша возвратила (правда, через Литву) их владельцам, но только тем, которые проживают в Литве.

Политические границы и экономическое положение, да и занятость не позволяли мне раньше приехать в Сувалки и взглянуть на родной дом. И вот сейчас, оказавшись в гостях у сестры Анны в городе Шилуте и благодаря быстрому автомобилю племянника Игоря, мы неожиданно оказались на своей малой родине.

Ностальгическое чувство, говорят, генетически заложено у каждого из людей. Я много раз мечтал побывать здесь, в своей родной деревне, называемой поляками «Погожелец» и расположенной на засеянных рожью моренных холмах, ныне ставшей частью курортной зоны Польши под названием Паозерье. Пожилые и старые люди, как и многие живые существа, тянутся к родным местам или вообще не покидают их даже при смертельной опасности. Старые слоны по какому-то генетическому зову сами приходят в Долину смерти, чтобы там умереть.

Мы, все трое, брат и две сестры, еще физически полноценные люди, хотя нам всем уже было далеко за шестьдесят, не собирались умирать, нам просто было жизненно необходимо увидеть родные места и попереживать. Тем более мне, пишущему воспоминания о своей жизни и жизни окружающих.

Крестьянствовал я и в последующие периоды моего детства (до 1948 г.), но больше всего мне запомнились мои обязанности в возрасте от трех до семи лет. Видимо, воспоминания об этой трудной поре впоследствии и побудили меня принять твердое решение сменить характер моей будущей трудовой деятельности, воспитать себя так, чтобы больше работать головой и жить не в деревне, а в городе. Принуждение к тяжелому крестьянскому труду в те далекие годы на очень продолжительное время отбило у меня охоту копать в земле. Лишь после того, как я стал сильно уставать от умственного напряжения, в качестве разрядки, для оздоровления своего мозга, я снова стал браться за лопату и с удовольствием занимался физическим трудом. Постепенно я обрел чувство радости от работы в саду и в огороде. Но стоит только на меня прикрикнуть, стоит попытаться заставить меня работать (как это иногда делает спутница жизни) и снова возникает внутренний протест, снова далекие чувства раннего детства охватывают меня. И я, бросив лопату и стиснув зубы, совершаю очередную прогулку вокруг садов или молча берусь разжигать костер.

Всякий труд хорош, когда он доставляет радость! Всякий труд тяжел, когда он принудителен.

В детстве мы питались неважно. Постоянно не хватало жиров, мяса. Доставшиеся нам от супа косточки мы тщательно обглаживали, а вечером клали

за печку, веря тем сказкам, согласно которым косточки, положенные за печку, снова обрастают мясом. Утром, едва проснувшись, мы, маленькие дети, бежали за своими «обросшими» косточками. Уверяли друг друга, что именно на его косточкеросло больше мяса, чем у другого. Мы снова глодали «обросшие» косточки, не обращая внимания на ту пыль, которой за печкой покрывались наши сокровища.

Эх, лизнуть бы разок сметанки! И сальца бы кусочек.

Однажды мои родители обсуждали случай, произошедший в одной из семей нашей деревни в Польше. Сосед пригласил к себе на угощение нужного гостя. Хозяйка наварила щей с мясом, поставила другое угощение на стол. Из щей вытащила мясо и положила на отдельную миску. Откуда ни возьмись, появились в комнате её дети. Они, как будто сговорившись, бросились к столу, ухватили с тарелки по куску мяса и мигом залезли под кровать. Пока хозяйка, их мать, «доставала» клюкой детей из под кровати, мясо дети успели проглотить. В нашей семье подобные случаи не происходили.

Чистота в семье поддерживалась еженедельным хождением в баню. Баня топилась «по-черному»: дым выходил через двери. Полки и лавки при этом обычно покрывались сажей. Её смывали перед умыванием. Никаких порошков, шампуней тогда не было. Часто не было и мыла. Его варили сами крестьяне. Для этого использовали мясные отходы или даже мясо дохлых животных или собак. Во время варки запашок был еще тот! У нас в речи четко разделялись запах приятный и неприятный. В случае первого говорили «пахнет», в случае второго – «воняет». При варке мыла варево сильно воняло.

Воду для помывки в бане нагревали камнями. Их нагревали (до красна) в топке, затем брали камень двумя деревянными лопатами (они имели вид вёсел) и быстро опускали в бочку с водой. Раздавался шум, грохот. Камень, остывая, подпрыгивал в воде или совершал какие-то движения, при этом ударяясь о станки бочки. После многократного использования камни (а это были валуны гранитов и гнейсов) рассыпались на щебенку или даже песчано-гравийную смесь. Эту смесь хозяйки использовали для «оттирания» грязи с полов: под голик насыпалась смесь, на голик ставили ногу и шуровали по полу. «Сель-а-ви»!

Мылись мы отдельно: первыми в баню шли сестры с маткой, затем братья с баткой. По утрам мы умывались холодной водой, обычно наливая ее из металлической кружки на одну из ладошек и растирая по лицу. Иногда поливали воду на ладошки друг другу. Зубы, конечно, никто не чистил, шею, лицо никто не мылил. Вытирались обычно домотканым рушником. Проснувшись раньше других, вытирались сухим рушником, последующие – влажным, а самые последние – уже совершенно мокрым. Для грязных рук (после работы в поле или в хлеве) использовалась какая-нибудь тряпка или более старый и грязный рушник.

Дети, мальчики и девочки, росли и выросли в одной комнате. Все жизненные процедуры справлялись тут же, не стесняясь. Однако более взрослые дети (после 5–7 лет) уже начинали стесняться. Иногда это стеснение доставляло много хлопот. Стыд зарождался в нашем сознании с малолетства. Помню отец рассказывал про стыдливую девочку из соседней деревни. Её выдавали замуж. Во время свадьбы ей захотелось сбежать по малой нужде. Но она стеснялась это

сказать своему избраннику. Она терпела. Терпела долго, долго! Потому что было стыдно! Было стыдно признаться жениху, что ей надо в туалет. Церемония венчания в церкви кончилась, они сели на телегу и ехали уже домой, гулять. Вдруг она почувствовала боль в животе и услышала слабый-слабый звук. Или она и не услышала, но этот звук почувствовала. Сразу стало как-будто легче. Но боль осталась. Моча разлилась внутри живота. Она призналась матери. Фельдшера, тем более врача, в деревне нет. Куда идти, куда бежать? Были предприняты попытки спасти ее, но сделать это не удалось. Девушка, так и не испытав томного, заставляющего терять рассудок чувственного счастья, умерла.

Так воспитывали своих детей староверы: воздержание от греха, стыдливость – постоянные и обязательные черты этого воспитания.

Мои родители и другие староверы всех незнакомых называли «цыганами». Если уж давали кружку воды, то после «цыгана» ставили её на божницу и «отмаливали». В нашей семье было много детей, жили мы все (и сестры, и братья) в одной-двух комнатах. Но повзрослевшие дети никогда не ходили в комнате голышом или в трусиках-лифчиках. Это было запрещено, не принято.

Мне помнится, что я был уже студентом, когда показывали французский фильм «Скандал в Клошмерле». Фильм о том, как в городе построили общественный туалет с кабинками, но без дверей. И, кажется, один из городских начальников, «открыл» этот туалет, т.е. первым и публично справил легкую нужду. Горожане, которые были приглашены на открытие туалета, за ним наблюдали, и когда он кончил, ему аплодировали.

Несколько лет спустя, уже находясь в Неаполе, мы (ребята и женщины) – участники экспедиции, нагулявшись по городу и припертые «нуждой», обнаружили подобный туалет на тротуаре широкой улицы: в середине тумба, а вокруг неё небольшие стенки, но без дверей. Вначале стеснялись, но затем все подряд сделали то, что природой было предписано.

Туалеты в России, как и дороги – вечная проблема. И когда я вижу не только парней-мужиков, но и молодых девушек после высасывания на ходу из бутылки пива справляющих малую нужду тут же у дерева или у стены, я вспоминаю девушку-староверку и фильм «Скандал в Клошмерле».

В летне-осеннее время наше семейство, как и другие, зарабатывали немножко денег на жизнь с помощью даров природы. Взрослые вместе с детьми усаживались на телегу и ехали в окружавшие нас леса. Там собирали грибы и ягоды. Среди ягод наиболее распространенными были черника и брусника. Собирали также много «гонобоболя» (голубика?) и журавины (клюква). У каждого ребенка была норма, которую назначала обычно мама. Собранные ягоды и грибы мы очищали от мусора, ссыпали в общие большие корзины и отвозили в приемные пункты, организованные тут же, на опушке леса, и сдавали (продавали) их. Конечно, родители много ягод и грибов заготавливали себе на зиму. Это обычно были молодые рыжики, грузди, опята, которые солили в бочках, сушеные боровики, обабки (подберезовики), моховики, подосиновики и некоторые другие. Вкус тех давних рыжиков и груздей, а также моченой журавины вспоминается и сейчас.

В выходные дни мы с татой или со старшими братьями ходили на ближайшее озеро Вигри удить рыбу. Улов (плотва, уклейка, окунь) шел на уху, котлеты или «на жаруху».

Родители сами постились и нас заставляли соблюдать посты. Это было тяжелое испытание для детского организма. Шесть недель перед Рождеством и семь недель перед Пасхой мы не ели мясного и молочного. Питались хлебом, картошкой, овощами, рыбой, квасом. В страстную неделю отец даже рыбу не ел. Вплоть до пятидесятых годов в последние дни страстной недели он питался только хлебом, картофелем, овощами и «холодником». «Холодник» он для себя делал сам следующим образом: брал голову селедки, клал её на бумагу и все это – на жар (т.е. на угли). Когда бумага истлевала, а голова селедки чуть-чуть поджаривалась, он растирал голову ложкой в тарелке и клал эту массу в миску, заливал холодной (не кипяченой) водой, добавлял немножко уксуса, размешивал и холодник готов. Ел он холодник ложкой, вприкуску с хлебом или картошкой.

Что же мы ели в пост ещё?

Это была обычная, думаю, привычная не только для нас, крестьян польской деревни Погорелец, еда, но и для крестьян других деревень и Польши и России в целом. Это обычный набор продуктов, начиная с хлеба и кончая вареньем. Но в семье моих родителей были популярны и несколько необычные (по крайней мере, с точки зрения современного пенсионера) яства: каша из вареного толченого гороха, суп из чечевицы и овсяный кисель. Чечевицу родители выращивали на корм для скота. Часть её обмолачивали. Чечевица была мелкой, по цвету черной. Вот из неё, добавив картошки, и варили суп. Суп получался черным и непрозрачным. Мы, дети, говорили, что суп черный потому, что цыган в ней «яйца полоскал». Для вкуса в чечевичный суп мать добавляла несколько ложек льняного масла.

Что касается овсяного киселя, то у меня от него до сих пор остались самые приятные и даже радостные впечатления. Его варили из овсяной муки. Муку делали сами, размалывая подсушенный овес на жерновах. В кипящую воду мать подсыпала просеянную через сито и очищенную от плесели муку до нужной (полужидкой) консистенции. Уж не знаю сколько все это варево варилось, но затем его мама разливала по тарелкам или мискам и ставила в холодные сени. Остыв, кисель становился студнем. Поставив такую миску на стол, мать отрезала примерно 1/3 часть киселя, эту меньшую его часть перекладывала на большую, в образовавшееся пустое место миски наливала молоко (в скоромные дни) или холодную, подслащенную сахарином воду (в постные дни). Мы брали ложками кисель так, чтобы в ложку также попало либо молоко, либо сладкая вода.

Кисель (особенно с молоком) я очень любил. Он был очень вкусным и сытным. Когда я, уже будучи студентом, тренировался в спортивной ходьбе, то заметил, что мой тренер, призер Олимпийских игр Микенас, варил и ел жидкую овсяную кашу. На мой вопрос, почему он это делает, он долго не отвечал, а потом сказал: «А почему лошадей кормят овсом?».

Сейчас, будучи пенсионером, я удивляюсь, почему в харчевнях (и тем более дома) русские люди не готовят овсяный кисель. Позабыли что ли рецепт? Или считают это блюдо несъедобным? А зря!

Наша деревенская постная пища была не всегда приятна на вид и не всегда вкусна. Но была сытной. Полученных даже в страстную неделю перед Пасхой калорий детскому организму хватало для нормального роста и умеренного умственного развития. Вот именно: для «нормального» и «умеренного». Поэтому очень редко в крестьянских семьях вырастали люди «умеренные», но не «способные». Мне в детстве и юности приходилось видеть детей евреев. Мамы

кормили детей усиленно. Дети получались часто толстыми, неуклюжими, но умными и способными. Я часто сравнивал воспитание (кормление) еврейских детей с откормом гусей. Перед убоим гусей подвешивали в сетке, чтобы они не бегали и не тратили зря энергию. И кормили гусей насильно: засовывая корм в клюв руками. Гуси быстро набирали жир и во-время подавались к столу.

При таком крестьянско-спартанском питании, казалось бы, старoverы должны быть слабыми, часто болеть от постов и недоедания. Ан, нет! Мои родители не болели, к врачам не обращались (да их в ближайших деревнях и не было). Мне кажется, отец лишь один раз в жизни лежал несколько дней в больнице. Даже проколов ступню ноги перевернутой бороной (обутый в калоши, ночью он наступил на перевернутую борону) (1941 г.) он к врачам не обращался. Промыв рану теплой водой, смазав йодом и каким-то жиром, подвесив ногу веревкой к потолку, поохав и поахав около недели, он встал и продолжил выполнять свои обязанности по дому. В последние несколько лет его суставы практически не работали, позвоночник не позволял нагибаться. Зубы у отца, очевидно, болели мало, умер он со своими зубами. Умер дома от «изношенности» всего организма (от старости) в возрасте 84 лет.

Рождество и Пасха – любимые детские праздники. И не только потому, что изголодавшиеся детские организмы получали вдоволь мяса, творога, молока, яиц и вкуснейшую пасху, но в эти дни ребятишки могли вдоволь и наиграться. На Пасху любимой игрой было катание крашеных яиц.

День Господа «Блажени чистии духом». Смотрел, слушал Пасхальную службу в соборе Христа Спасителя. Сердце дрожало от звуков. Но глаза видели какое-то несоответствие между золотым блеском храма и одежд священнослужителей и более чем скромной жизнью крестьян России.

Перед Рождеством и Пасхой всей семьей мы ходили в церковь, а если церкви не было – в моленный старообрядческий дом. Молились мы с начала ночи (примерно с 23-х часов) до самого утра. Все эти 7–8 часов молиться приходилось стоя, притом держа в руке «букет» кипариса и аниолов, в определенные моменты с горящей свечкой в этом «букете». Особенно тяжело было стоять всю ночь в моленном доме, где помещение было малое, а народу много. Стояли впритык друг к другу. Учитывая, что у икон зажигали много толстых свечей, а у каждого в руках горели еще тонкие восковые свечи, в моленной было очень дымно, воздуха не хватало, и часто голова не выдерживала: она кружилась, а некоторые женщины падали в обморок.

После всенощной следовал небольшой перерыв, мы могли немножко отдохнуть. Затем в 6–7 часов утра начиналась заутреня, длившаяся около часа. Наконец, молитвы кончены. Дети с отцом идут домой разговляться.

Дома мама и старшая сестра накрывали скатертью длинный стол. На нем – горшок мясного супа или только отварное мясо, творог, кувшин с кипяченым молоком, большая миска крашеных яиц, большие караваи (не куличи!) белой-белой пасхи с подрумяненной потрескавшейся корочкой и изумительным пьянящим запахом, а также круги жареной печеночной колбасы. Эта колбаса делалась из большой, толстой, разделенной на многие сегменты кишки, крупно нарезанной печенки и легких с мелкими кусочками сала.

После «Отче наш» нам наливали в миски (на троих-пятерых) суп. Затем подавали по куску печеночно-ливерной колбасы, по два-три крашеных яйца, по ломтю изумительной пасхи и кружке молока (или травяного «чая»). Пир семьи из тринадцати человек начинался.

После сытного разговления дети бежали играть и катать яйца. Но к вечеру у многих из нас «сдавали» животы. Наши сократившиеся во время длительных постов желудки рождественско-пасхальную нагрузку выдерживали не всегда.

Прошли годы, мать давно умерла. Почти у каждого из детей появились семьи, в том числе и у меня. И все эти годы на Рождество и Пасху я вспоминал мамино угощение, особенно печеночную колбасу и пахучую пасху и удивлялся, почему сейчас пекут такие невкусные, непахнущие куличи (которые почему-то называют пасхой), почему эти куличи такие сухие, непривлекательные, а купленная в магазине колбаса такая невкусная.

Из других праздников мне больше всего запомнилась Троица. Ее праздновали в июле. В этот день дети и молодежь организовывали гулянье на лугу. Обычно те, кто повзрослее, приезжали верхом на тяжелых, предназначенных для сельских работ лошадях (других в хозяйстве не было), и устраивали там скачки (ездили, конечно, без седел и стремян), верхом на лошадях прыгали через перекладину, украшенную по краям березовыми ветками (что-то наподобие нынешнего конкура) и т.д. Вечером дети баловались у костра. Никто из нас не курил.

И сейчас, почти 70 лет спустя, дорога моему сердцу память о том, начальном периоде моей жизни, жизни с отцом и матерью, братьями и сестрами, простым и незатейливым бытом, жизни близкой к природе. Чувство глубокого притяжения к той жизни я ощущаю в себе до сих пор.



Отец, Емельянов Михаил Михайлович



Мать, Агафья Кузьминична Емельянова в редкие минуты отдыха

— 2 —

Daly osobiste

1) Rok urodzenia 12. II. 1891r.
 Miejsce urodzenia (gmina, powiat) Pogorzelle, gm. Głub, pow. Suwałkiński
 Miejsce stałego zamieszkania Pogorzelle, gm. Głub, pow. Suwałkiński
 Narodowość polaka
 Wyznanie katolickie
 Wykształcenie 4 kl. gimnazjum
 Zawód rolnik
 Stan żonaty
 Imię i nazwisko ojca Nikola Jemeljanow
 Imię i nazwisko rodowej żony Anna Jemeljanowa
 Imiona i data urodzenia dzieci chłopcy: Andrzej - 12. X. 1920, Feliks - 10. II. 1925, Zdzisław - 10. II. 1926, Stanisław - 10. II. 1926, Andrzej - 10. II. 1928, Andrzej - 10. II. 1930

— 3 —

2) Służył w armii obcej (zaborczej) Pruskiej armii w formacji 130 pułk piech. 4 komp. łącząc 08.02.1914r. do 12. II. 1915r. miesięcy.

3) Służył w armii polskiej w formacji _____ od _____ do _____, to jest _____ lat _____ miesięcy.

4) Ostatni przydział wojskowy 139 k. p.

5) Otrzymał odznaczenia: _____

6) Udział w wojnach wojny światowej

7) Pobyt na froncie wojny światowej

8-1931.
 8-1933.
 1936.
 1937.



Книжка инвалида (на 25%), 6 пулевых ранений (одна пуля вошла в ладошку и вышла в локте) и единственный сохранившийся Георгиевский крест (номер 10230)

Šilutės rajono Šilutės 2-ies Viduriniojo mokyklos mokinys 17 kl. mok. Emelijonas Emilis 19 00 m. m.

Elgesio ir mokslo pažangumo
PAŽYMĖJIMAS

Klasė	Dėstytojų dalykai												Pateiktas mokymosi rezultatas	Pastabos apie mokymosi eigą	Klasės vadovo paraišys	Tėvų ar kitų patarimai	
	Matematika	Algebra	Geometrija	Fizika	Chemija	Biologija	Anglų kalba	Lotynų kalba	Praktinis	Kiti	Kiti	Kiti					
I	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5				
II	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5				
III	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5				
IV	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5				
Kiti mokymai	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5				
Kiti mokymai	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5				
Kiti mokymai	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5				

Direktorius Emelijonas

Nr. _____ V. A. _____ Pedagogų Tarybos nutarimai: _____
 Duota 195 1 m. Emilis mėn. 12 d. _____
 Klasės vadovas _____

Už ypatingus nuopelnus Lietuvos geologijai

Lietuvos geologų sąjungos tikrajam nariui Emelijonui Emiliui
 LGS „XV“ suvažiavimo, įvykusio 2004-12-03, nutarimu suteikiamas

GARBĖS NARIO VARDAS

LGS pirmininkas Emelijonas

Удостоверение об окончании IX класса средней школы. После IX класса я (Emelijanovas Emilis) «перепрыгнул» в XI и закончил школу с серебряной медалью (справа). Внизу удостоверение о присуждении Емельянову Е. М. (Jemeljanovui Emiliui) звания Почетного члена Геологического общества Литвы



Старообрядческая фамилия Емельяновых во дворе своего дома в г. Шилуте. Примерно 1985 г. Стоят (слева направо): Л. Волдаева, Л. Емельянова, З. Емельянова (жена Харлампия), Ю. Емельянова, сестра Анна, зять Альберт Мологин, брат Харлампий, сестра Мавра (Мологина), брат Степан, Виталий Мещанский (муж Анны), Емельян. Сидят: сестра Евдокия, двоюродная сестра Акси́нья, родственница, двоюродный брат Ефим Валдаев. Нет сестры Ирины, братьев Федора, Александра, Григория.



Старший брат Григорий, 1977 г. и сестра Ирина (примерно 1950 г.)



Сын старшего брата Григория – Сергей



Младшие сестра Анна
и брат Степан (примерно
1959 г.)

1.2. НАЧАЛО II-ОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. ПЕРЕЕЗД В СССР. ГОДЫ ОККУПАЦИИ

*Продавши скот, дома в селенье,
Бесплодный клочок родной земли
Облив слезами сожаления,
Они за счастьем брели.*

В. Гиляровский. Переселенцы

Начало войны 1 сентября 1939 г. я не помню. Об этом переломном дне в жизни миллионов поляков, немцев, русских и других народов я знаю только по рассказам других, поэтому описывать не буду. А вот непосредственно начало войны фашистской Германии и Польши помню. Мои родители и соседи говорили, что пришли германцы, разбили польскую армию, стали править в Польше. Германцы (так мы называли немцев) мне казались какими-то сверхсуществами с большими головами (прежде я немцев не видел, в нашу деревню они не заходили).

Помню я войну еще и потому, что мой двоюродный брат по маминой линии Валдаев Мирон служил в действующей польской армии уланом. Когда уланы с шашками бросились на немецкие танки, их быстро разбили. Вскоре капитулировала и польская армия. Её остатки разбежались. Мой двоюродный брат в полном обмундировании и с шашкой прибежал прятаться к нам, к своей тете. Он нам, детям, интересно рассказывал про войну. С помощью воткнутого в землю веток показывал как их обучали рубить головы врагу.

Во время фашистской оккупации Польши родители продолжали заниматься в своем хозяйстве земледелием. Мы, дети, как могли, помогали родителям вести хозяйство, участвовали в сельских работах.

Как-то, играя в прятки в сарае, я спрятался в картофельном отсеке. Мое внимание привлекла мешковина, которая виднелась из под картошки. Убрав, сколько мог, картошку, я догадался, что это не мешковина, а большой, большой мешок, набитый чем-то мягким и засыпанный картошкой. После игры я обратился к маме с вопросом, что это за мешок там в сарае. Вместо ответа получил шлепок по лбу и слова: «Не твое это дело. Про мешок молчи и никому не говори». Была осень 39-го.

Уже в конце войны, летом 44-ого, каждый день мы слышали пулеметные и автоматные очереди где-то в стороне от городка Ионава, недалеко от которого находился наш дом. Я узнал, что там, отступая, немцы расстреливают заключенных, в основном евреев. Мне шел тринадцатый год.

В зрелые годы, когда мне было за сорок, до меня дошли разговоры о том, что директор нашего Института принимает на работу слишком много евреев. На вопрос, почему он это делает, он кратко ответил: «А что делать, если они такие умные?». Тогда я обратил внимание на то, что в нашем Институте действительно много евреев или людей с примесью еврейской крови. Как впоследствии выяснилось, их много было и в руководимом мною подразделении. В наш институт они всячески пытались устроиться: Институт был престижный. Он был в числе учреждений, сотрудники которого могли выезжать за границу, общаться с иностранными коллегами, путешествовать по миру и неплохо за-

рабатывать. А это в советское время значило очень много. Евреи в то советское время обычно скрывали свою национальность.

Возвращаясь памятью назад, я все время вспоминал мешок в картофельном отсеке сарая. Мешок вскоре из сарая исчез. И я не знаю куда. Могу только догадываться. После оккупации Польши, где мы в то время проживали, евреи что-то уже знали о фашистской политике Германии.

Рядом с нашей, старообрядческой деревней, находилась польская деревня. В ней была лавка. Лавкой владел добрый, грузный человек по имени Сендер. Помнится, я часто бегал к Сендеру в лавку то за мылом, то за керосином, то за другими в хозяйстве необходимыми товарами. После оккупации евреи стали беспокоиться о своей судьбе. Очевидно, они знали, что их должны куда-то вывезти. В надежде вернуться, они прятали свои товары у знакомых не евреев. Вот такими знакомыми Сендера и были мои родители.

У меня много было знакомых, друзей и коллег по работе еврейской национальности. Все, в том числе и я, знали, что они умные и предприимчивые люди. Основная их масса работала в интеллектуальных и экономических сферах. Таких как Сендер было мало. А если и были, то они занимались, в основном, мелкой торговлей. Как тут не вспомнить прекрасное описание жизни местечковых евреев Шалом Алейхема.

Многим меня поразил Израиль. Но самое главное, что меня удивило, это умение израильтян воевать и заниматься сельским хозяйством. В связи с этим мне вспомнились частушки и разные антиеврейские истории из издаваемого украинскими националистами календаря во время немецкой оккупации на русском языке. Молодежь призывают в Красную Армию. Выдают им винтовки. Еврей не берет. На вопрос «почему» он отвечает: «Дайте мне винтовку с кривым дулом, чтоб можно было стрелять из-за угла». И тут же в календаре карикатура: еврей с красной звездой на будёновке стреляет из-за угла. Эта и другие истории застряли в моей детской памяти и надолго сохранились. И вот в Израиле я вижу не только мужчин, но и девушек с современными автоматическими винтовками! И как они стреляют! И не только по арабам-террористам. И как трудятся на пустынных выжженных солнцем скалах, превращая их в плодородные земли! Я с удивлением наблюдал за их поселениями – «кибуцами» в районе реки Иордан, по всему периметру поселения отгороженными от окружавшего их арабского мира высокой стеной с колючей проволокой наверху. Внутри каждого кибуца развевался белый флаг со звездой Давида. И каждый кибуц, и каждый дом в сельской местности Израиля был аккуратен, красиво покрашен, с саженцами и огородами вокруг дома. И это в пустыне, где ни деревьев, ни травы, ни воды нет! И всему этому я удивлялся потому, что у нас в Прибалтике, да и в России евреи сельским хозяйством практически не занимаются.

Путешествуя по Израилю, я то и дело вспоминал Сендера и его мешок. Я догадываюсь, что за мешком никто так и не пришел. И я до сих пор чувствую свою вину перед Сендером и жду, и жду его наследников к себе в гости.

В начале оккупации Польши немцы нас не трогали. Но вскоре они стали вызывать молодых людей в контору волости, а затем принудительно направлять их в Германию на работы. Молодому поколению староверов это не нравилось. Семь парней в возрасте 18–20 лет, в их числе и мой старший брат Андрей, по

специальности кузнец, решили нелегально уйти в Россию (то есть в СССР), к своим. Подкупив поляка-проводника, они тайно перешли границу и оказались в руках советских пограничников, а затем за нелегальный переход границы с обвинением в шпионаже – в ГУЛАГе. Так наша многочисленная семья потеряла первого, старшего сына и брата.

В начале 1941 г. пошли разговоры о том, что немецкие оккупационные власти всем русским, проживающим в оккупированной немцами Польше, предлагают переехать в СССР. Начались долгие обсуждения среди староверов: ехать или не ехать. Одни были «за», другие – «против».

Согласно договору между СССР и Германией (пакт Молотова–Риббентропа), все русские, оказавшиеся после раздела Польши на немецкой территории, могли беспрепятственно перебраться на постоянное местожительство в СССР, а немцы, наоборот, из зоны влияния (оккупации) СССР – в Германию.

Мои родители воспользовались этой возможностью и 21 февраля 1941 г. оставили свой дом и переехали в СССР. Остановились мы первоначально в пункте для переселенцев Кальвишкяй Лаздияйского района, в Литве. Запомнились мне нары, на которых мы спали, и кружочки сливочного масла, которые выдавались на завтрак. Такое масло я не только не ел ранее, но и никогда не видел!

Через пару недель вместо оставленной в Польше усадьбы и домашнего скота нам дали половину усадьбы немца, который переселился из Литвы в Германию. Усадьба находилась в деревне Блювишкяй Гришкабудской волости Шакайского района. В центральной части дома имелась большая кухня с глиняным полом, с плитой, в которую были вмурованы котлы (на 5–6 ведер) для приготовления корма для скота. По обе стороны кухни – жилые комнаты: две слева – одна для семьи переселенцев из семи человек, вторая для семьи из трех человек, и две справа – для нашей семьи из двенадцати человек. Советские административные органы дали нам лошадей, коров и другой скот взамен оставленных в Польше. В сентябре 1941 г., в возрасте 8 лет, я пошел в 1-ый класс литовской начальной школы в Гришкабуде, зная по-литовски всего несколько слов (мои братья и сестры и дети наших соседей тоже пошли в эту же школу). Приняли в школе нас, детей переселенцев, как и подобает «коммунистам-оккупантам», неприветливо, неохотно.

Я знал по-литовски всего несколько предложений и с десятков слов. Обучение шло на литовском языке. Ничего не понимая, мы сидели на последних партах, пытаясь хотя бы уловить смысл того, что говорят учительница и ученики.

Усадьба в деревне Блювишкяй, в которой мы проживали, находилась у грунтовой дороги на берегу речушки Нова в трех километрах от волостного поселка с костелом и базарной площадью под названием Гришкабуда (ныне это Гришкабудис). Вокруг нашей усадьбы – обширные поля в 40 гектаров (20 из них были предоставлены нашей семье). Всем семейством мы активно обрабатывали землю, пасли скот. Мы, дети, ловили в речушке плотву и раков, братья постарше ставили петли на зайцев. В общем шла нормальная сельская жизнь.

Началось новое в жизни переселенцев: новая страна, новый, совершенно неизвестный язык, практически враждебное окружение, красноармейцы, строящие укрепления (доты) на наших полях. С каждым днем жизнь становилась интересней, она налаживалась: вспаханы и засеяны поля, хорошие выпасы скота, работа всех членов нашей многодетной семьи на собственном поле, детские шалости, быстрое взросление.

Запомнился мне почти анекдотичный случай с тех времен. Как и большинство русских семей, по субботам мы топили баню. С баней и связан этот случай.

Ночью, уже под утро, меня разбудил громкий крик: «Рятуйте, люди добрые, рятуйте! Ох! Ох!». Сестра Кея и отец вскочили с постели, выбежали во двор. Темень, хоть глаз выколи. Ничего не видно. Вдруг опять возглас: «Рятуйте, люди добрые. ... бес меня попутал и не отпускает». Сестра и отец пошли на голос и натолкнулись на лежащую на земле и охающую мать. Стали спрашивать, в чем дело. Мать отвечает: «Какая-то сатана схватила меня и не отпускает». Посветив батареей на ногу, сестра и отец увидели, что она находится в туго затянутой тонкой проволочной петле, привязанной к столбу забора. Высвободив ногу, отец привел все еще охающую от неизвестности и испуга мать домой. Проснувшиеся остальные дети стали спрашивать, что да как. Говорит, встав очень рано, она (мать) пошла в погреб, расположенный рядом с баней, за кринкой молока для завтрака. На обратном пути кто-то поймал петлей её ногу, она споткнулась, упала на землю, разбила кринку, молоко вылилось на землю. Выяснилось, что петля сделана из мягкой медной проволоки.

Хозяйство у нас было большое, поле с лесочками и облесенными канавами. Вот зайцы и облюбовали эти лесочки как местожительство. Старшие братья стали охотиться на этих вредителей нашего урожая. Они ставили на заячьих тропинках петли. К утру шли проверять и обычно одного-двух несчастных под общее семейное ликование приносили домой. Мать готовила из них обед или ужин.

В тот субботний день мои старшие братья топили баню. Я, помнится, бегал вокруг них то помогая им подбрасывать в топку поленья, то мешая их работе, так как строил из поленьев разные фигуры. Наконец, я набрел на моток медной проволоки, предназначенной для петель. Отрубив хороший кусок, я связал петлю, привязал к столбу калитки, направив петлю на тропинку. Таким образом я решил подшутить над братьями и отомстить им за убийство зайчиков. Братья, пока топили баню, шмыгали то в дом, то опять в баню, но в петлю не попадались. Потом всей семьей, вначале женщины, потом и мы, мужчины, сходили в баню. И никто в петлю, про которую я давно забыл, не попал. И вот, надо же! Мать вышла одна, ночью, и в петлю попала, когда шла обратно с кринкой молока.

После «спасения» мамы долго выясняли, кто же и на кого поставил «капкан». Конечно, подозрение сразу пало на старших братьев – Харлаша и Саньку, которые и ставили петли на зайцев. Те отпирались упорно. Я же молчал. Мне было 8 лет, и никто не мог подумать, что это сделал я, послушный ребенок. Уже не помню, признался ли я в содеянной пакости позднее. Чтобы рассеять домыслы, я и признаюсь сейчас, уже после того, как не только мама, но и Харлампий, и Александр давно ушли от нас.

В деревне Блювишкяй и застала нас война. Эта деревня находилась в 25–27 км от Восточно-Прусской границы.

В первый день войны утро было жаркое. Родители суетились на улице, старшие братья тоже стояли у дороги и смотрели на длинную колонну военных, движущуюся медленно, без разговоров, по извилистой песчано-пыльной проселочной дороге. Эта дорога проходила вдоль ограды нашей усадьбы, приблизительно в 10–15 м от окон нашего дома. Поэтому и в саду было пыльно. Я

выбежал во двор, затем вышел к дороге. Там стояли наши мужчины, женщины. Кто с ведром воды, кто с пустым ведром. А колонна молча все шла и шла. Слышны были лишь окрики командиров: «Не отставать! Встать! Сидеть нельзя! Вперёд, вперёд!». По полю вдоль дороги, которая была узкая, в одну колею, и всю ее занимала колонна отступающих солдат, двигались танкетки и армейские машины: кухни, грузовики со снаряжением, с военными. Слышен был шум моторов, шорох и топот медленно двигающихся людей. Слышались постоянные просьбы: «Хозяюшка, воды, воды». Женщины, улучив момент, бросались к солдатам с полными ведрами, но бдительные политруки выхватывали ведра, выливали воду на пыльную дорогу, заталкивали солдат в колонну и кричали: «Вперёд, вперёд». Один из офицеров потом объяснил нашим родителям: «Пить нельзя. Напившись воды, солдат теряет последние силы и падает».

Отступала наша армия. Когда я встал, было примерно 8–9 часов утра. Солнце жарило всюю. Взрослые никак не могли понять, почему идут бесконечные колонны солдат. Лишь некоторое время спустя, офицеры, которые обычно спали у нас в сарае на сеновале, собирая свои последние вещи, объяснили: «Война! Немцы наступают!»

В общей суматохе, посоветовавшись с советскими офицерами, наши три семьи, проживавшие в одном доме, решили отступать. Пошли сборы, приготовление телег и лошадей. Хозяйки стали складывать самое необходимое, что понадобится в первую очередь. Примерно к 12–13 часам дня, в воскресенье, 22 июня 1941 г, телеги были готовы: необходимые вещи погружены, дети собраны в путь. Мы, а также ближайшие соседи, тоже русские-староверы, только приехавшие в СССР на постоянное местожительство зимой 1941 г., по обочинам и по полям вдоль дороги двинулись параллельно солдатской колонне. По дороге ехать мы не могли, она все время была занята военными.

У нашей семьи была пароконная телега с «боковинами» (в виде «лестниц»), мы эти боковины называли дробинами. Телегу с такими «дробинами» обычно использовали для перевозки сена. По бокам телеги лежало небольшое количество сена или соломы, швейная машина Зингер (с чугунным ножным основанием), подушки, одеяла, иконы, самовар, пила, топор, одежда, горшки, связки книг и ... теленок; сзади – корова, привязанная к телеге. На повозке три человека. Это мои младшие сестры и брат: Аня (11 мес.), Мавра (4 годика), Степан (5 лет). Мне почти 8 лет. Я взрослый. Должен идти пешком. Все остальные тоже. Иногда мать или отец подсаживались на телегу, иногда подсаживали и меня. Обоз из таких телег двигался медленно: ему необходимо было объезжать кусты, лес, перебираться через канавы, речки.

Помнится, что к ночи мы добрались до долины большой реки и были остановлены советскими солдатами: дальше гражданских лиц не пускали. Да и лошади, а также коровы, привязанные к телегам, идти уже не могли.

Старики, среди которых выделялся мой отец как один из «предводителей» обоза, решили здесь, у подножья крутого лесного холма, заночевать.

Распрягли лошадей, стали их поить, кормить. Люди тоже поели и после еды повалились на траву или прямо на голую землю под кусты. Костры разводить строжайше запрещалось. Ночью на наш лагерь часто выходили группки очень уставших советских солдат: где – два человека, где – больше. Они, с винтовками в руках, кричали: «Руки вверх! Кто такие?» Взрослые объясняли, кто мы.

Солдаты даже не садились отдохнуть. Говорили: «Вот тут, недалеко, литовцы зарубили нашего товарища лопатой. А одна женщина вынесла горшок кипятка и плеснула нашему товарищу в лицо».

Как оказалось, нас остановили недалеко от реки Неман у г. Каунас. Мы прошли за 12 часов примерно 40–50 км! И это пешком, в возрасте 7–15 лет. И не очень молодые родители – отцу было 50 лет, а маме – 42.

Мост через Неман постоянно бомбили, на небе мелькали лучи прожекторов. На парашютах висели яркие-яркие лампы. Шум, гам, неразбериха, стрельба, оглушительные разрывы снарядов в воздухе. Все хотели перебраться через реку. Но мост был блокирован, очевидно, специальными подразделениями наших военных, они пропускали, в первую очередь, те подразделения, которые считали нужным пропустить. Помню одного офицера, который в одиночку пытался прорваться к мосту. Говорил, что он еврей, ему обязательно надо уйти от немцев. А у него спрашивали: «А где ваша часть? Почему один?».

Под грохот разрывающихся бомб, снарядов я уснул крепким сном. Утром примерно, в 8 часов, проснулся. Народ скученно о чем-то тревожно разговаривал. Через некоторое время послышались иностранные слова: «Рус? Коммунист? Комиссар? Юде?» Это были первые отряды немцев, нагнавших нас в понедельник утром, 23 июня. Объяснялся с немцами по-немецки мой отец.

Немцы прошли, мы остались на месте, в долине той реки, где ночевали: у реки Неман недалеко от того места, где Наполеон форсировал эту реку в 1812 г.

От Немана мы повернули назад, к себе «домой», т.е. в нашу усадьбу. Всей семьей продолжили сельхозработы: заготовку сена, выращивание овощей, уход за посевами.

В июле 1941-го вернулся из Германии хозяин нашей усадьбы – Александр Макс. Он молод, строен, красив. Присматривая за нами и уже за своими, не нашими полями с хорошим урожаем, он постоянно говорил: «Работайте, работайте, урожай поделим пополам». Макс поселился где-то у богатых соседей. Но каждый день приходил к нам, обходил наше (свое) хозяйство, иногда разговаривал с отцом по-немецки. Он страшно злился, когда мы, дети, сбивали палками еще зеленые груши или яблоки. Вместе с плодами мы обламывали мелкие ветви и это хозяину очень не нравилось. Ему нравилось разгуливать с «мелкашкой» и подстреливать наших красиво чирикающих воробьев.

Мы, дети, часто барахтались в мелкой воде протекавшей рядом речушки Нова. Я любил ловить ладошками плотвичку, которая обычно отдыхала под листом водной лилии или пытался нащупать рака, притаившегося в подмытых течением корнях растущих на берегу деревьев. Здесь, в деревне Блювишкяй, в возрасте 8-ми лет я испытал первое сексуальное чувство.

С тех пор прошло несколько десятков лет. Я давно стал дедушкой. Но те первые нервные потрясения и сейчас будоражат мое воображение, и сладкое чувство неизменно овладевает мною. И каждый раз, когда я бываю в музеях, я значительно дольше чем обычно задерживаюсь у обнаженных скульптур, картин обнаженного тела или сексуально потрясающих рисунков Пикассо, всего лишь несколькими линиями воспевающих красоту женского тела или сцену любви.

И что может быть прекрасней того чудного состояния мужчины, которое он испытывает, глядя на изгиб бедра или округлость девичьей груди?

Забывать обо всём, нестись сломя голову – таков зов любви¹

У нас удался хороший урожай. Созрели жито, ячмень, овес, стали уже копать уродившуюся картошку, было много овощей. Родители радовались обильному урожаю. А Макс говорил: «Вот уберете все, и весь урожай поделим пополам». Но слова он не сдержал. В ноябре 1941 г. нас опять выселили. У нас отняли все: собранный и еще не собранный урожай, всех коров, овец, гусей, кур, всю хозяйственную утварь. Разрешили взять только швейную машинку «Зингер» и то, что мы могли унести на себе: одежду, часть посуды, книги. Мать с годовалой дочкой на руках пошла к хозяину, Александру Макс, просить одну курицу. Александр сидел на стуле. Мать стала перед ним на колени с ребенком на руках. Когда отец ему перевел, чего она хочет, он изменился в лице, ударил ногой в жестком ботинке её в грудь, крикнув: «Раус!».

Скитание нашего семейства продолжилось. По приказу оккупационных властей местные литовские староверы должны были приютить выселяемых из немецких усадеб польских староверов. На их подводы, стоящие на базарной площади, мы погрузили свое нехитрое хозяйство и поехали. Мы оказались в деревне Рымки Ионавского района Литвы в среде местных (литовских) старообрядцев, которые нас вынужденно приютили: 12 человек в одной комнате. Семья оказалась без земли, без скота, без денег. Наступил срок выживания в оккупации, раскол семьи, мои первые шаги в чуждую по языку и враждебную по отношениям школу.

В 1942 или, возможно, в 1943 году родители арендовали у местных жителей отдельный дом, состоящий из одной большой жилой комнаты и сеней. Комната была с глинобитным полом, поэтому неровным, с углублениями, а также с большим количеством блох. В углу стояла русская печь, а в центре комнаты – печь-плита с лежанкой для обогрева. В комнате были две кровати для четырех человек, нары для трех-четырех человек, печь для двух человек и куфор (сундук) с овальной крышкой. Эта овальная крышка с брошенным на нее кафтаном и служила мне в течение 1–2 лет спальным местом (мне уже было 10–11 лет). Кафтан из-под меня ночью часто соскальзывал на пол, и я продолжал спать на голой овальной крышке, с которой часто тоже сползал. «Удобства» в виде большой лохани («цебер») стояли в углу, рядом с сундуком.

Родители и старшие дети как могли добывали средства на содержание семьи. Отец с Харлашом стали пильщиками. Они оба, вооружившись топорами и длинной пилой, уходили на неделю-две в другие деревни в поисках работы. Как они это делали, я более подробно описал в разделе «Стремление к музыке». Мама с сестрой Кеей зимой пряли пряжу и вязали (кстати вязали все члены семьи, в том числе и я, вязали крючком). Весной, летом и осенью мать с сетрой уходили на поденщину к более богатым крестьянам. Они сажали и копали картошку, ухаживали за чужими огородами. В качестве вознаграждения получали корзины того, что выращивали. Вспоминается мне один вечер, когда голодные младшие дети особенно нетерпеливо ждали маму и Кею с картошкой. После их прихода мы поздно вечером, уже ночью, наслаждались варёной картошкой. Впоследствии я

¹ Все хоку по Б. Акунину

сопоставлял наш ужин с картиной весьма почитаемого мною Ван Гога «Едоки картофеля». Наш ужин напоминал мне ее. Мы тоже в те далекие голодные годы превращались в «Едоков картофеля». Причем делали это в полутьме, при слабом свете керосиновой лампы. Опишу этот ужин более подробно.

Осенний вечер. Давно стемнело. А мамы все нет. Мы ждем, не ложимся. Наконец, она появляется. Вместе со старшей дочерью, моей сестрой. В её руках то, что мы так ждали. Картошка. Все принимаемся её чистить. Плита горит, чугунок стоит на плите. В нем вода. Для картошки.

Мать и старшая сестра Кея – поденщицы. Они нанялись к состоятельному крестьянину копать картошку. Днем копают, вечером собирают в мешки, помогают вывезти с поля. Темнеет. Хозяин, загрузив повозку мешками, уезжает. Мать подходит к кучке заработанной за день картошки, собирает её в картофельную корзину, взваливает на плечи и идет в темноте домой. После тяжелой 8–10-ти часовой работы на картофельном поле она прошагивает еще три километра с корзиной картошки на плечах. И, наконец, появляется дома. Девять пар голодных глаз её встречают с облегчением: ужин будет. Брошенная в чугунок картошка варится. Мы ждем. Наконец, чугунок снят, слит, поставлен на стол. Едоки усаживаются за стол. Едят картошку. После более или менее сытного ужина – спать: двое на печку, трое на нары, по двое на две кровати, мать на лежанку, я на высокий куфор (сундук) с овальным верхом. Все на ночь сходили в туалет, стоящий тут же, у сундука, в виде «цебра» (деревянной лохани), а старшие – на улицу. Керосиновая лампа потушена. Все быстро уснули. Но вскоре я просыпаюсь: то ли от терзающих меня снов с волками, собаками, привидениями и прочей нечистой силой, то ли от того, что брошенный вместо постели, подушки и одеяла мамин кафтан выскользнул из под меня, я устал, замерз от лежания и борьбы с «овальностью» своего спального ложа и во сне соскользнул на пол.

Я часто листаю альбомы любимого художника. Находясь в Москве, в Петербурге, обязательно иду в Пушкинский, в Эрмитаж, спешу в залы, где выставлены они, мои импрессионисты. Быстрее, быстрее бегу к Ван Гогу. Насмотревшись, насытившись его яркими красками, успокоив дрожащее от волнения сердце, иду к его коллегам по стилю: Матиссу, Моне, Мане, Лотреку, Сезану, Ренуару, Гогену и всем другим, которые оказываются в зале.

Находясь в Голландии, в Амстердаме, я первым делом бежал в музей Ван Гога. Бродил. Сидел. Смотрел. Наслаждался. Переживал. Конечно, смотрел и его знаменитых «Едоков картофеля». И невольно тогда со всей ясностью всплывали холодные оккупационные дни, мать, несущая после трудового дня картошку, ужин с картошкой и сундук с овальной крышкой, на котором мне, десятилетнему мальчику, пришлось спать больше года. После таких воспоминаний еще с большим волнением я рассматривал «Едоков», любимые «Подсолнухи» и «Голову с отрезанным ухом».

Импрессионисты. Под таким названием – фильм. Основной герой – Клод Моне. Его «Белые кувшинки» сопоставимы с розовыми кувшинками, описанными мною в рассказе «По следам Германа». В фильме – почти ничего об Эдуарде Мане, а он мне больше по душе, чем Моне. И почти ничего о любимом Ван Гогге и его «Подсолнухах» и «Отрезанном ухе».

Как-то, разговаривая со мной, один из соотечественников пожаловался, что целый месяц вынужден был провести в скучнейшем захолустном городке Франции – Арле. Я удивился: «Как, в Арле? И ты скучал? Как ты мог! Ведь там виноградники красные! И домик самого Ван Гога!». Но мой собеседник был равнодушен и к моим замечаниям, и к Ван Гогу.

После освобождения от оккупации – снова скитания, выживание, приспособление, а для меня еще и учеба, и хождения по рынкам-базарам.

Мы выжили, потеряв двух старших братьев, получив «черные пятна» в наших биографиях, которые всю жизнь в СССР «следовали» за нами, не позволяя нам быть свободными в избранных мной и братьями профессиях.

Примерно 15 лет спустя после войны я как-то забрел в те места Литвы, где была когда-то «наша» усадьба, в деревню Блювишкяй Гришкабудской волости Шакайстского района: она показалась мне «сникшей», изба не такой просторной, потолки не такими высокими и более закоптелыми. Проживавший в усадьбе литовец на вопрос: «А где же хозяин? Какова его судьба?» ответил, что он был оставлен в Литве в качестве партизана противоположной, враждебной стороной. Но в 50-ых годах «истребителями» в лесу был «взят на мушку».

Пакт, под названием «Пакт Молотова–Риббентропа», формально направленный на оттягивание начала неминуемой войны между странами с резко различными политическими режимами, оказался фальшивым, враждебным не только ко мне, но и к хозяину «нашей» усадьбы, губительным для многих наций и народов.

1.3. УЧЕБА В ШКОЛЕ

В 1941 году после выселения нас в другую деревню, в деревню Рымки, я в школу больше не пошел. Продолжил учебу опять в первом классе лишь в сентябре 1942 г. в начальной литовской школе деревни Рымки. Школа была расположена в трех километрах от нашего дома.

Во время оккупации у родителей связей с советскими партизанами не было. И её, насколько я знаю, они не искали. Застрял в памяти лишь один случай, связанный с арестом полицией одного молодого человека, видимо, партизана. Его везли на телеге через нашу деревню. Подъехав к крутому склону реки Нерис (Вилия), молодой человек спрыгнул с телеги и бегом устремился к облесенному склону (круче), чтобы спрятаться, но, на его беду, один из жителей деревни на противоположном берегу реки видел этого молодого человека.

Он кричал: «Вон, вон он! В кустах второго оврага! За большим деревом!» И два мужика с ружьями и белыми повязками на левом рукаве бежали туда. Тогда человек выбегал из кустов и бежал дальше к другому оврагу на крутом склоне долины реки. Люди в повязках и с винтовками за ним. «Корректировщик», находясь на другом берегу реки, снова кричал: «Он побежал в следующий овраг! Вон, вон он!» И преследователи направлялись туда. И так продолжалось больше часа. Преследуемый убегал, «корректировщик» указывал место его нахождения, и преследователи бежали за убегающим. Мы, дети войны, бросив игры, внимательно наблюдали за этим трагическим событием.

Наконец, «корректировщик» замолк. И через некоторое время мы увидели двух полицаев, ведущих измученного и окровавленного от побоев молодого партизана.

Тогда, летом 43-его, многие местные жители Литвы жили в согласии с оккупантами и им помогали.

Мы, дети старообрядческой деревни Рымки, с грустью и жалостью провожали глазами удаляющуюся телегу с окровавленным и связанным молодым партизаном и с ненавистью смотрели в сторону деревни, в которой проживал «корректировщик». Тогда, в 43-ем, война уже повернула в другом направлении.

А через год по разбитой телегами проселочной дороге, идущей вдоль той же реки Нерис, мимо нас шли и шли днем и ночью обозы. Отступали немцы. Шум, немецкие команды, рокот проезжающих машин не утихали семь дней. Мы, стоя на круче, наблюдали. Я думал: а где же «корректировщик»? Присоединился ли к обозу или вскоре сбежит в лес, чтобы самому стать партизаном и прятаться в оврагах?

И почему люди так быстро превращаются из жертвы в охотника и наоборот?

В начальной школе учебу мы начинали с молитвы («Отче наш»). Для совершения молитвы ученики и учитель вставали. Так как я не был католиком, то либо стоял молча, либо шевелил губами и повторял «Отче наш» по-русски. Во время урока божьего, который проводил у нас католический священник, меня часто отпускали погулять в коридор.

В третьем классе я уже свободно говорил по-литовски, математику (арифметику) я знал лучше, чем старшеклассники. Как-то учительница стала спрашивать учеников, кто кем будет, когда вырастет. Я тогда бодро ответил, что буду «профессором». С тех пор эта цель всегда маячила перед мною, пока в 1983 г. не получил звание профессора-исследователя геологии океанов и морей.

Денег в семье, конечно, не хватало (или их просто не было). На учебу (тетради, книги) родители денег детям не давали. Чтобы как-то существовать и учиться, я стал посещать рынок в Ионаве, районном городе, который находился в 2–3 км от нашего дома. Научился продавать спички, папиросы и папиросную бумагу. Зарабатывал и на книжки, и на тетради. Иногда поигрывал в самодельную очень примитивную рулетку, играл в кости, в «петли», сделанные из шнурков, отгадывал «наперстки».

Потом стал разъезжать (зайцем, конечно) по другим мелким поселкам, городкам и там приторговывать. Иногда неделями пропадал, и родители не спрашивали, где был. Но где бы я ни был, я не курил и не пил вино или водку.

Линия фронта в 1944 г проходила практически по нашей деревне Рымки, а наблюдательный пункт немцев находился в нашем доме (немецкие наблюдатели корректировали артиллерийский огонь).

Оглушительные звуки пушек тревожили нас примерно двое суток: немцы стреляли куда-то назад, на ряды наступающих «русских», а «русские» стреляли в направлении железнодорожного полустанка Гейжюнай, находящегося на другом берегу реки Вилейка (Нерис). Снаряды пролетали над нашими головами со свистом, по которому мы четко определяли направление их полета. В нашей деревне снаряды не разрывались. Лишь один блудный снаряд, почему-то отклонившись от заданной стволом пушки троектории, врезался в землю рядом с нами же выкопанным земляным «бункером», в котором мы скрывались.

Немцы из нашей деревни и (корректировщики артиллерийского обстрела из нашего дома) ушли мирно и тихо: утром, когда я проснулся, никого вокруг нашего хутора небыло. Зато в воздухе сильно пахло чем-то очень неприятным: все небо, до самого горизонта было покрыто дымом от разорвавшихся снарядов. Солнца видно не было не из-за облаков, а из-за этого дыма. Дым стоял примерно три дня, и я даже думал, очистится ли когда-нибудь небо от него или нет.

После ухода немцев на полях оставалось множество обломков военной техники, а также артиллерийские снаряды, мины и патроны. Не помню зачем, но мы их иногда собирали и куда-то возили. У нас, детей, была двухколесная тележка с деревянным ящиком на оси и дышлом-ручкой впереди. Однажды, набрав полную тележку металла, мы тащили этот груз в гору. Я толкал тележку сзади. Второй такой же обормот за дышло тянул тележку вверх. Дорога поднималась круто, тащить было тяжело. Первый мальчик выпустил из рук дышло, и тележка под грузом металла опрокинулась назад. И весь металл посыпался на мою, тогда еще умную голову. Ухватившись обеими руками за голову, я стал прыгать и кричать. Из рассеченных ран головы кровь хлестала ручьями. Мне удалось добежать до дома, где или вездесущая мать, или кто-то еще полили голову йодом, потом перевязали тряпками. Никаких врачей, конечно, не было. Очевидно, после этого не весьма удачного сбора оружия и его обломков моя голова заметно поглупела, что особенно чувствуется сейчас, в мои 75 лет.

День Победы. День радости для подавляющей части народов России. Для меня – день радости и день большой, большой печали: 26 миллионов жизней СССР отдал за Победу.

Шестьсот тысяч жизней гражданских лиц и в три раза меньше военных – жестокая цена обороны Ленинграда. Для военного руководства СССР эта цена была приемлемой.

Когда мы идем с супругой к памятнику «1200 гвардейцев», меня из-за медалей на груди, но не боевых, а трудовых, прохожие тоже награждают цветами, как ветерана. Примазлся!

Помнится такой случай. Осенью 1944 г., то есть уже после освобождения Литвы от немцев, мы с отцом шли от тети – Валдаевой Марии (маминой сестры) из городка Вилькия, где я провел несколько недель, к себе домой, в деревню Рымки.

По пути нам повстречался советский солдат с крючьями («кошками») на плече. Крючья он использовал, чтобы залезать на телеграфные столбы. Увидев на груди отца два георгиевских креста, которые отец пришил к кафтану, желая приобщиться к продолжавшемуся несколько недель празднику окончания в наших краях боевых действий, солдат сходу схватил кресты и, матерясь на недобитого когда-то белогвардейца с царскими крестами, стал их отрывать. Отец ожесточенно сопротивлялся. Тогда солдат второй рукой схватил отца за бороду и попытался свалить его на землю. Сопротивляясь, отец продолжал объяснять солдату, что он не белогвардеец, а крестьянин, и получил кресты на войне как русский солдат. Помню, солдат отпустил отца, и мы продолжили путь домой. Больше кресты отец не носил. Один из этих крестов за номером 10230 наша семья сохранила, и он находится у меня.

У послевоенных детей был небольшой выбор игр: прятки, жмурки, лапта, костер или ... взрывы. Взрывных предметов после прохождения линии фронта было предостаточно. Я помню, по дороге в школу повсюду, и иногда даже небольшими кучками, лежали тарелкоподобные противотанковые мины. Мы, школьники начальных классов, любили ими пугать девчонок. Бывало, возьмем такую мину, спрячем за спину, несем, затем вдруг бросаем ее девчонке под ноги. «Ах, ох! Дурак!» – слышится потом. Мины эти, естественно, не взрывались: они были уже обезврежены, без взрывателей. Иначе я бы не писал эти строки.

Помимо мин мы находили много полноценных артиллерийских снарядов разного калибра, а также ручных гранат со взрывателями. Взрыватели осторожно, как нам казалось, вынимали и использовали для «своих нужд». А эти нужды сводились к разрезанию карандашевидного взрывателя на кусочки и подбрасыванию этих кусочков в огонь. Помню, я такие взрыватели приносил домой, садился у горячей плиты, чтобы лучше видно было, разрезал кухонным ножом мягкую алюминиевую гильзу и по кусочку вынимал из нее твердое желтое вещество. Затем эти кусочки «нечаянно» бросал в горящую плиту. Происходил небольшой взрыв: горшки удерживались на плите в своих «кругах», а вот огненные искры вылетали из всех дырок плиты. После маминых «ах» и «ох» я, «взяв ноги в руки», во избежание следовавшего после этого наказания быстро скрывался, если удавалось, в «недоступном месте». Мой товарищ по разборке взрывателей гранат пострадал: во время разрезания взрыватель сработал у него в руках. Товарищ лишился одного пальца на руке, один глаз перестал видеть. Лицо, грудь и руки оказались посечены мельчайшими осколками алюминиевой гильзы.

Иногда взрыватели мы клали на камень или на металлический предмет и обухом топора или тяжелым камнем били по ним. Раздавался оглушительный взрыв, после чего смельчак, ударявший по взрывателю (мы называли его капсулем), задрал штанины, вытирал рукой или травой многочисленные капельки крови, выступающей из мест вхождения в тело сотен осколочков капсуля.

Чтобы слышать большой взрыв, мы выкручивали взрыватель из артиллерийского снаряда, торчащего из гильзы. Вывинченную головку снаряда клали в костер, набрасывали на взрыватель дополнительную порцию дров и «геройски», не спеша, отходили от костра на безопасное расстояние или прятались за камень или дерево. Головка снаряда нагревалась «до кондиции» минут 5–10. Потом раздавался громкий взрыв. Головешки костра разлетались в разные стороны, а на месте костра оставалось небольшое углубление.

Ночью мы любили бегать с зажженными стержнями пороха, вынутого из гильзы артиллерийского снаряда. Эти стержни черного цвета были похожи на современные круглые, полые внутри макароны длиной в 20–30 см. Такой порох мы добывали, ударяя гильзу со снарядом о большой камень (обычно использовали снаряды с отверченной головкой – взрывателем). После нескольких ударов снаряд расшатывался, мы его «выламывали» из гильзы и вынимали «макаронины» пороха.

Самые нетерпеливые и смелые из нас не дожидались пока будет отвинчена у снаряда головка – взрыватель и били по камню гильзой с заряженным снарядом. Таким «смельчаком» и оказался мой товарищ. Очевидно, он ударил по камню не тем местом снаряда. Товарищу «смельчака», который стоял во время

данной операции в нескольких метрах, повезло больше: ему всего лишь оторвало ногу, ранило в живот и руку. Он выжил. Самого «смельчака» разорвало на части.

Когда сейчас я вижу по телевизору кучу ржавых снарядов, гранат и мин Второй Мировой войны, собранных современными детьми и взрослыми ребятами, мне хочется им крикнуть: «Остановитесь! Это очень опасно!». Но они меня все равно не услышат. Жизнь продолжается. Ребята любят играть в войну. Это позволяет им испытать себя на трусость и смелость, на преодоление страха, а также «повысить свой рейтинг» среди таких же, как они.

Описывая детство, нельзя умолчать о нашем здоровье. Трудно писать о болезнях крестьян, тем более живших 60–50 лет тому назад почти изолировано от общества, от города. Ведь в каждой семье было много детей, а хаты состояли из одной-двух комнат. В одной комнате одновременно находилось до 10–15 человек, среди них половина детей в возрасте до 10 лет. Бытовые удобства – во дворе или за сараем (это в стужу, вьюгу или в жару), ночные удобства – в большой кадке тут же, где и спят. А животы у детей от плохой еды, отсутствия санитарно-чистых условий часто расстраивались. А нужно было освобождать мочевой пузырь или желудок, несмотря на время суток, не стесняясь тех, кто рядом спит.

Вода для мытья лица, рук находилась в ведре. Её брали кружками, поливали на другую руку и умывались. Баня (с парилкой) – один раз в неделю. Точно не помню, но мне кажется, что в детстве мальчики (в том числе и я) не имели трусов. Носили брюки на одной «шлейке» (как Карлсон), только у нас не было пропеллера за спиной. Туалетной, газетной и любой другой бумаги не было. Как-то газета «АиФ» в 2003 г. опубликовала интервью со старым солдатом. На вопрос: «А как вы обходились на фронте, в окопах?» солдат ответил: «Газетами нас командование не баловало, газет на курево не хватало. Использовали траву, ветки, осенью – палочки, зимой – снег». Так и мы в детстве (я имею в виду время до 1941 г.).

Белье, одежду стирала мама, старшие сестры. Иногда одежду кипятили в котлах (ведрах) со щелоком (который делали из пепла, слово «зола» нам не было известно), потом белье «прали» в ручье или пруде (отбивали одежду специальной колотушкой), сушили и «катали» (гладили).

Одна из наших болезней – это чирии (нарывы). Они появлялись в разных местах и неожиданно. С ними справляться было легче. Обычно поступали так: отваривали репчатый лук, прикладывали его к чирию и завязывали тряпкой. Через несколько дней или часов чирий прорывало, гной выходил, и тело заживало. Мне до сих пор помнится чирий-рекордсмен на лысине моего старшего брата Александра (ему было 13–15 лет). Чирий выступал вперед как рог. Он был красный, с гнойной желтоватой вершинкой. Вареный лук не помогал. Пришлось делать ему «харакири»: острым ножом разрезали пополам (через вершину). Гной вытек, все зажило, но шрам от разреза на лбу у брата остался на всю жизнь. Как-то по телевизору корреспондент характеризовал одного из крупнейших наших политиков-олигархов (А.Чубайса?). Кроме всего прочего, корреспонденту сказали, что этот политик любит вареный лук. Меня так передернуло, что я побежал в туалет. С детства я возненавидел вареный лук: не ем его и сейчас.

Вторая болезнь – это короста. Почти вся семья ею переболела. Струпьями покрывалось все тело, особенно ступни (между пальцами) и руки. Тело чесалось ужасно. Лечила мать коросту смесью серы с чем-то. Бывало намажет всех больных, кое-как завяжет самые страшные места тряпками и отправит спать. А если уж все тело в коросте, то намазанных загоняла (обычно по два ребенка) в горячую русскую печь (в которой пекла хлеб) и закрывала заслонкой, чтобы мы хорошо пропотели. Помнится, «сеансы» лечения болезни коростой длились месяцами.

Часто наши ноги и руки поражала экзема. Кисть руки сверху покрывалась коркой, корка лопалась, и вытекал гной с кровью. Очень чесалось. Мать мазала какой-то мазью, в которой тоже было много серы. Ею пахло. Верх ступней ног также покрывался коркой. Между пальцами были сплошные раны. Корка лопалась, вытекал гной или гной с кровью. Мыть рану было нельзя, в баню ходить тоже. А если ходили, то раны завязывали тряпкой. У меня экзема на ноге, а у сестры Ирины на руке не исчезала по три-четыре месяца. Чтобы ходить, я завязывал ногу тряпкой, к ступне веревкой привязывал калошу. Так и ходил в школу, за дровами и т.д.

У нас не хватало на всех детей обуви. Помню, уже в Рымках, в 1942 г. мы вдвоем ходили в школу в одной паре обуви (то ли деревянной, то ли кожаной, не помню). В осенние дни на траве – холодная роса или иней. Ноги очень мерзли. Мы забегали на взгорок, где солнце уже «слизывало» иней, садились и ступни пытались согреть ладошками, а ботинки одевал второй брат (или сестра). Так мы доходили до школы. Конечно, после такой ходьбы текли сопли, и не было им конца. Возможно, от этого у некоторых из нас ухудшился слух, появлялись в голосе хрипота, головные боли.

В Рымках мы проживали до апреля 1945 г. Я учился тогда уже в третьем классе.

Из Рымок мы переехали в деревню Конюкай (Конюхи) поселка Вершвай, который находился в пригороде Каунаса (теперь это район завода резиновых изделий «Инкарас»). В Вершвай мы арендовали два гектара земли и полдома.

Хозяйкой дома была образованная «пани» – полуполька-полулитовка лет шестидесяти. У неё была большая библиотека. Заметив мою страсть к книгам, она стала меня ими снабжать. Помню, тогда я с большим интересом прочитал книгу «Нансен», и с тех пор интерес и к сильным личностям, и к путешествиям никогда не пропадал и сохранился доньше. У меня скопилось немалое количество книг из серии «Жизнь замечательных людей».

Так как в Рымках третий класс я не закончил, а учебу в Вершвай не продолжил, то осенью 1945 г. я с большим трудом (благодаря очень большой настойчивости и посредством дополнительных экзаменов экстерном), буквально с боем, пробился (без учебных документов) в четвертый класс.

В одном из автобиографических рассказов вот как я описал сдачу этих экзаменов и учебу в 4-ом классе начальной школы.

Он (т.е. я) крепко держался за парту: несколько ребят, таких же по возрасту, как и он, не могли его оторвать. После непродолжительной борьбы немолодая учительница сказала: «Ну, ладно, раз ты такой упрямый, я доложу директору. А пока можешь сесть на свободное место».

Через час его вызвали к директору. Директор, расспросив, что да как и почему он без разрешения и без всяких документов ворвался в класс и не хотел

оттуда уходить, сказал: «Хорошо, устроим тебе экзамен. Иди с учительницей в класс». Этот класс размещался в одноэтажном здании рабочего, самого разбойного квартала Вильямполе в Каунасе, там, где в советское время находился резиновый завод «Инкарас». В здании были две большие комнаты – классы 4-й «а» и 4-й «б». В «а» молодой учительнице удалось от него избавиться, а в «б» он стоял «на смерть». Вот в этом классе «б» и устроили ему экзамен.

Наголо стриженный, в больших не по размеру, старых ботинках, в пиджаке старшего (на пять лет) брата, но с завязанным модным узлом полосатым шарфом, который прикрывал голую шею, он стоял перед классной доской, и сорок пар глаз иностранцев (т.е. литовцев) с недоумением и интересом следили за ним. Директор пришел сам и позвал обеих учительниц в качестве членов комиссии. Директор говорит: «Вот ты уверяешь нас, что знаешь все, но ведь третий класс ты не закончил, причем в бумаге, которую ты нам показал, написано, что в рыночные дни недели ты в школе постоянно отсутствовал. Так что вот тебе три вопроса: один по литовскому языку, второй по арифметике, третий по истории».

Продиктованное предложение он на доске написал правильно. Почему так, а не иначе написал, тоже объяснил верно. Задачи по арифметике он даже не стал писать на доске, а сразу же устно все решил и ответил правильно. По истории – то же самое. Не только школьники, но и обе учительницы, и сам директор смотрели на него с каким-то особым интересом и уже не так враждебно, как в начале встречи. Директор предложил: «Ладно, примем в 4-ый класс». Пожилая учительница по фамилии Величкене без особого восторга сказала: «Иди, садись на последнюю парту». В классе «б» он стал сороковым учеником. Столько же ребят было и в «а».

Дома он сказал родителям: «Всё, с завтрашнего дня я перестаяю выгонять корову. Я буду посещать школу».

На уроках он поднимал руку одним из первых, отвечал хорошо, чуждый для него язык он продолжал осваивать быстро. Вскоре он стал одним из лучших учеников, а к весне – лучшим среди учеников и «а», и «б» классов. И это несмотря на то, что в базарные дни он снова стал исчезать. На рынке он продавал папиросы, спички и курительную бумагу, зарабатывая себе на тетрадки, книги и карандаши.

Когда в апреле 46-го ему снова пришлось менять местожительство, а, следовательно, и место учёбы, пожилая учительница Величкене пришла к родителям домой и долго их уговаривала оставить парня в Каунасе, у неё дома (на полном её содержании), с тем, чтобы он закончил 4-ый класс. Родители не согласились. Он не сопротивлялся: знал, что и на новом месте продолжит борьбу за достижение инстинктивно поставленной в 3-ем классе цели: «Стать профессором».

В апреле 1946 г. мы переехали в деревню Тракседжай Шилутского района Литвы, где местные власти дали нам землю и усадьбу тех немцев, которые были выселены из Клайпедского (Мемельского) края в Германию в 1946 г. На этот раз я продолжил учебу в 4-ом классе Шилутской прогимназии.

Осенью того же года поступил в первый класс гимназии, находившейся в городе Шилуте. Наша усадьба в деревне Тракседжай находилась примерно в 4-х километрах от гимназии. Автобусов тогда не было. Приходилось и летом, и зимой ходить пешком. В хорошую погоду, чтобы сократить время нахождения в пути, я брал самодельный самокат, сооруженный из двух досок и двух шари-

коподшипников, отталкиваясь то левой, то правой ногой с книжной сумкой наперевес, с безмолвной песенкой в душе, я со всех сил мчался на этом самокате к своему просвещенному будущему. В непогоду было сложнее: приходилось преодолевать четыре километра пешком.

После школьных часов, а также в выходные и праздничные дни все дети, в том числе и я, участвовали в сельхозработах: помогали пахать, вывозить и «трясти» навоз, сеять, сажать, заготавливать дрова. Запомнился мне один случай из той сельской жизненной поры. Он связан с цыганами. В один из вечеров я заметил костёр у леса. Пламя костра поднималось выше кустарника и хорошо было видно сквозь молодые березки. Был слышен шум, разговоры, споры. Я тихо подбирался к кустарникам, чтобы взглянуть, что же люди там делают. Были сумерки. Большой костер горел хорошо, и искры поднимались и гасли очень высоко. Вокруг костра было человек десять-двенадцать. Они сидели на земле, некоторые стояли. Это были взрослые и дети. Почти все они ели. От костра пахло не только дымком, но и неприятным тухлым мясом. Гуляли цыгане.

Заехали цыгане на двух телегах к нам на хутор и стали спрашивать, не подохла ли у кого из соседей какая-нибудь скотина. Отец возьми и скажи: «Неделю назад у нас подохла большая свинья. Мы её закопали у лесочка». Цыгане обрадовались, настояли, чтобы отец точно показал, где именно закопали. Выяснив где, цыгане подогнали две подводы с многочисленными цыганятами, распрягли лошадей и принялись за работу. Раскопали свинью они быстро. Разожгли костер и ... пир начался. Они резали свинью на куски, часть варили, часть жарили на костре и жадно ели. И вот на второй день их гулянки я, ученик 8-го класса, подошел к ним, чтобы подсмотреть, как и что.

Цыгане гуляли пять или шесть дней, пока не съели всю свинью. Затем запрягли лошадей и уехали в неизвестном направлении.

Мне, как и многим русским, в первую очередь русской интеллигенции, нравятся цыганские песни и пляски. Находясь в Москве, я стараюсь посетить либо театр «Ромэн», либо попасть на их (цыган) концерт. Нравилась Сличенко, высокий длинноволосый курчавый скрипач, запечатленный в разных ракурсах на картинах Шилова. Любил смотреть их табор, «который уходит в «небо». И всякий раз, слушая песни или любуясь танцами под бубен, вспоминаю дохлую свинью и гулянку тех цыган моего далекого детства. Уже в послеперестроечное время рядом с моим особняком богатый цыган в 10–15 метрах от нас выстроил большой трехэтажный и очень неуклюжий дом. Он приезжал, кажется, на «Ауди», давал строителям указания и сам куда-то уезжал. Наконец он и целый его табор вселились в этот дом. Они жили там около года. За их жизнью мы с женой невольно наблюдали, так как единственное окно нашей кухни находилось прямо напротив входа в их дом (как тут не вспомнить повесть «Любители конины» одного замечательного немецкого писателя, в которой описываются люди, с завистью наблюдавшие за жизнью более богатых соседей в красивом доме). Цыгане приезжали и уезжали, спорили, о чем-то громко разговаривали, но никогда не гуляли и не пели.

Однажды, вернувшись с работы, я увидел, что цыгане грузят последние пожитки и куда-то уезжают. Спросил жену: «Не знаешь, в чем дело?» Она: «Говорят, цыганский «барон» тайно открыл в обширном подвале этого дома цех по

изготовлению водки из спирта «Роял» (в начале перестройки, когда не хватало водки, этот спирт был очень популярен в России). Вот его милиция и разоблачила. И цех прикрыла.

Давно, десятки лет не видел цыган на повозках, тем более спрашивающих, не сдохла ли у соседа свинья. Сейчас они обложили наш город на вид очень бедными поселками, куда приезжают и уезжают на богатых автомашинах: они давно и почти легально торгуют наркотиками. Администрация ничего с ними сделать не может.

Табор давно «ушел в горы», а с ними и цыганские песни и танцы под бубен.

Школьные дни и годы пролетали быстро. Учёба в гимназии проходила на фоне послевоенной разрухи. В деревне Тракседжай у родителей было около 10 гектаров земли. Так что работы всем хватало. На мою долю выпадало то корову пасти или выгонять и пригонять с полей, то окучивать картошку, то полоть грядки. Но более всего мне запомнилась работа «мельника». Из-за отсутствия поблизости мельницы каждый из крестьян имел в своей усадьбе жернова. Были они и у нас. Вот на этих жерновах и приходилось мне чаще всего работать. Мне давали лукошко овса или ячменя, и я должен был его перемолоть или «ободрать», т.е. из ячменя сделать крупу. Жернова тяжелые, мои ручки тонкие, слабые. Они быстро уставали. Во время передышек я вытаскивал из-за пазухи заранее припрятанную от родителей или других членов семьи книжку и читал её. Иногда это были учебники. В процессе работы на жерновах голова свободна: заняты только руки. Поэтому в голове возникали разные мысли, чаще всего хорошие, направленные на то, чтобы тяжелую работу заменить на более легкую, в том числе на умственную. Мне тогда казалось, что «думать» легче, чем крутить тяжелые камни жерновов (?). Иногда во время работы я решал и задачи домашних заданий по алгебре, геометрии или химии. Однажды я задумался над причиной горения водорода и негорения кислорода. В школе я поделился этим с одноклассником – Грейчюсом. Гуляя в длинном коридоре нашей гимназии (и мы тогда действительно гуляли парами друг за другом и ходили по кругу, бегать по коридору нам не разрешалось, за этим следили дежурные учителя), я сказал ему, что и авторы учебников могут ошибаться. На недоуменный вопрос товарища я ответил: «В учебнике утверждается, что кислород сам по себе не горит, но если его по трубочкам пустить в перевернутый вверх дном стакан, наполненный водородом, и поджечь, то в водородной среде и кислород горит. Это неправильно!» И объяснил товарищу, что горит не кислород, а водород. И водород горит лишь в том месте, где имеется кислород, т.е. у кончика трубочки, через которую поступает кислород. А далее в стакане кислорода нет, поэтому и водород там не горит. Друг со мной согласился, но сказал, что учительница это не поймет и будет утверждать то, что написано в учебнике. Он предложил мне написать в Академию наук. Пусть разберутся». Сказано – сделано. На листке ученической тетрадки я изложил свои соображения, указав название учебника, страницу и рисунок эксперимента. Вложив листок в конверт, написал: Вильнюс, Академия наук. От ученика 8 класса I-ой Шилутской средней школы Емельяноваса. И, бросив в почтовый ящик, через несколько дней о письме забыл.

Несколько месяцев спустя меня вызывают к директору. Взмывленный (мы играли на школьном стадионе) вбегаю в кабинет директора. Смотрю, в кабинете не только директор, но и несколько учителей, в том числе учительница химии. Директор держит два листа бумаги, исписанной аккуратным женским

почерком, конверт с моей фамилией и подозрительно смотрит на меня. Учительницы – тоже. Директор спрашивает: «В Академию писал?». Я: «нээ...» и замолкаю. Что-то всплывает в моей памяти. Тогда директор уточняет: «Ты писал, что в учебнике по химии неправильно толкуется процесс горения кислорода?». И тут я вспомнил: «Да, писал. Но я не виноват ...». Директор отдает мне письмо и говорит: «Вот. Ответила тебе преподавательница химии Вильнюсского Государственного университета. Возьми и почитай».

Взял. Вышел. Сел в укромном месте. Читаю. Преподавательница Янушявичене объясняет, что «горение» это сложный процесс. Этот процесс называется «окислением» и т.д. и т.п. И целых 4 мелко исписанных страницы.

И вот, три года спустя, я – студент 1-го курса геологического отделения факультета естественных наук Вильнюсского университета. Сдав ассистентке свою лабораторную работу по химии, стою перед учительницей общей химии Янушявичене. Преподавательница химии долго держит мою зачетку и о чем-то думает, затем поднимает глаза. Внимательно смотрит на меня и наконец спрашивает: «Это ты писал в Академию?». Я в растерянности от вопроса. Старюсь понять, о чем он. Преподаватель во второй раз меня спрашивает: «Это ты писал в Академию насчет горения кислорода?». Робко признаюсь: «Я». Тогда она: «Так почему же ты на факультете естественных наук? Переходи быстрее на химический, на 2-ой курс. Из тебя получится хороший химик». Я отказался, но в дальнейшей, уже научной деятельности, свою любимую седиментологию я всегда изучал с позиций геохимика.

Преподавая морскую геохимию студентам университета, я внимательно искал в ком-нибудь из них «искорку любопытства», ждал каких-либо вопросов о химических или геохимических (или любых других естественных) процессах, но мне не посчастливилось. Подобных вопросов я не услышал: студентов стало интересовать совсем другое.

Жизнь гимназиста, особенно старших классов, полна неожиданностей, мелких жизненных открытий, радостей. Организм быстро созревает, требует физических упражнений, нагрузок. Я старался заниматься физкультурой, а затем и спортом. Как спортсмен участвовал в областных и республиканских спартакиадах в Клайпеде и Вильнюсе, танцевал литовские танцы в кружке, которым руководил одноклассник А. Юргелявичюс. Мой молодой организм стал проявлять внимание к противоположному полу. Ведь учились мы вместе с девушками. А нам уже по 15–17 лет. Усиливался сексуальный интерес. Опишу одну первую, запомнившуюся прогулку с девушкой.

Мы гуляли в парке стадиона города Шилуте. Ладошка моей правой руки «горела» так как в ней находилась ее упругая грудь. Я опасался, что вот-вот в ней будет прожжена горячим, горячим соском дырка. Шёл я, еле переставляя ноги: они были как ватные. Правой рукой я повис на ней, а левой, чтобы не упасть, пытался упереться в её левое, так рельефно и соблазнительно выступающее бедро. Глаза мои почти не видели: взор у меня был затуманен, сознание тоже, и оно было направлено лишь в одном направлении. Сладостное томление охватило все мое тело: в груди все горело, сердце билось часто-часто. Я как сквозь туман видел проходящих мимо ребят и девчонок, не осознавая кто это. А ладошку все жгло. И это жжение настолько было радостно-приятным, настолько оно взбудоражило всю мою нервную систему, что я готов был сейчас

же сразу весь раствориться в ней, исчезнуть совсем, перестать реально существовать, чтоб только это томление и радостное стремление к апофеозу быстрее завершилось. Для ускорения «завершения» я слегка стал поворачивать её с тропинки налево, где зеленели кустики. Она, тоже вся красная, не поддавалась, поэтому мы по-прежнему шествовали по тропинке. Но я снова и снова подтягивал её в свою сторону, пытаюсь сойти с тропинки и зайти за кустики. Но она сильнее продолжала сопротивляться. Тем не менее мою ладонку правой руки, обнимающей её за шею и просунутую в лифчик, она не трогала: её левая пухлая и упругая грудь продолжала находиться в моей ладонке, острый горячий-горячий, как кончик раскаленного до красна прутка, сосок всё жёг и жёг мою ладонку, будто желая насквозь её продырявить.

Мы шли с ней в обнимку по лесной тропинке парка в городке Шилуте, где был расположен стадион. Нам было по 17 лет (точно я не помню), и это была для меня и, очевидно, для неё первая в жизни попытка близко соприкоснуться с противоположным полом. Её тело было пышным, но упругим, груди были тоже полные, упругие, и всем телосложением, как мне сейчас кажется, она напоминала мне «Сладкую женщину» одноименного советского фильма. И настолько и сама девушка с приятной, располагающей внешностью, и её тело взбудорожили мою нервную систему, мои сердце и плоть, что я (а скорее всего и она) готов был пожертвовать бог знает чем, чтобы только до конца испытать это неземное, как казалось, небесно сладостное чувство.

Несколько лет тому назад, мне, уже пенсионеру, попалась книга известного английского писателя под названием «Семнадцать». В ней он описал свои первые сексуальные отношения с женщиной и девушкой, когда ему было 17 лет. Читая эту книгу, я вновь и вновь пытался вызвать в своей памяти то радостное чувство, которое целиком завладело мною тогда, пятьдесят с лишним лет назад, при прогулке с прекрасной девушкой, но которое, к сожалению, не нашло своего продолжения.

С тех пор прошло много десятков лет, и меня всё мучает и мучает один и тот же вопрос: поддайся девушка моим усилиям и зайди она со мной за кустики, что бы я, неопытный и ничего еще не умеющий, с ней делал? Ведь я был между прочим трусливым парнем.

В ту пору учителя нас, гимназистов, держали в «узде»: не разрешали ходить на танцы на сторону (и такой «стороной» у нас были сельские клубы близлежащих деревень, куда мы частенько забредали и где в танце мы «разряжались»). В ту пору, помню, появился на экране индийский фильм «Индийская гробница». Пошел слух, что в кино танцует и поет полуголая девушка. Фильм смотреть нам строго запретили. Но мы решили во что бы то ни стало его посмотреть. Как то, подняв воротники и нахлобучив на голову ушанки, мы (трое одноклассников) воровато вбежали в темный зал кинотеатра после того, как кончился журнал и начинался фильм. Мы разошлись в разные стороны, чтобы нас труднее было заметить и выпроводить из зала. Но не тут-то было! Дежурный учитель, который постоянно находился в зале, притом в последнем ряду, без особого труда заметил согбенные фигурки школьников с нахлобученными на лоб ушанками и по одному выпроводил нас из зала. При этом он не забыл записать фамилии. На следующий день – вопросы у директора в кабинете: «Почему нарушили запрет? Почему занимаетесь развратом» и т.д.). Мы что-то мямлили. Но пометка в журнале нам была обеспечена.

Не помню уже когда, но этот «запретный» фильм я все же посмотрел. И так запомнил, что вот, по пришествии 55-ти лет, пишу эти строки.

После «Гробницы» пошел гулять по стране и подпрыгивая петь очаровательный Радж Капур. А затем появились и другие индийские фильмы, которые смотреть уже не запрещалось.

Из-за ослабленного слуха и значительного возраста я практически перестал ходить в театр на драматические спектакли. Поэтому часто смотрю по телевизору кино. И батюшки мои!, чего там только не увидишь, даже в передачах из Москвы. Как сказал однажды мой коллега швед в Стокгольме: «Ты легко можешь увидеть через «запретное место» даже желудок!» И не только школьники, но и дошкольного возраста дети смотрят такие фильмы. Надо ли это им показывать? Нет? Или можно? И надо?

Я никогда не видел, как рождаются дети. А мне интересно! Никто, даже жена мне об этом не рассказывала и тем более не показывала. Стыдно?

В Стокгольме, где я находился один (без обычной для советских людей «тройки»), днем, тайком, оглядываясь по сторонам (не следят ли за мной!), я зашел в кинотеатр, где шел фильм о сексуальном воспитании молодежи. В зале сидело несколько десятков подростков и около десятка взрослых людей. В одной из сцен показали человеческие роды. В фильме за родами наблюдали дети, в том числе и дошкольного возраста. Когда все кончилось и новорожденного унесли, корреспондент (с микрофоном) спрашивает одного малыша 5–6 лет: «Интересно ли было? Понял ли ты всё?». Мальчик ответил: «Да, мне было интересно самому это увидеть. Я много слышал от мамы и от друзей, а вот увидел впервые». Это был воспитательный фильм, каких у нас в СССР, теперь и в России, не делали и не делают. И не показывают. А показывают совсем другие фильмы. Глядя на эти фильмы, я вспоминаю своих учителей по гимназии. Вот бы их на все телестудии Москвы! Может быть и молодежь меньше пила бы пиво и меньше курила бы травку, а больше бы рожала. Или нет?

Закончил я среднюю школу в 1952 г. отличником, и единственный в том году в городе Шилуте получил серебряную медаль (у меня была четверка по литовскому письменному языку: я сделал в изложении о «Мертвых душах» одну ошибку – вместо Наздрёв написал Ноздрёв).

В одиннадцатом классе нас было всего 12 человек: пять парней и семь девочек.

Я подружился с одноклассниками – Еленой Зечюте (впоследствии Степонавичене) и Альгирдасом Юргелявичюсом. Они остались моими товарищами до нынешних времён. Елена стала учительницей английского языка, Альгидрас – учителем русского языка (впоследствии старшим преподавателем консерватории и университета). Каждый из нашей «тройки» сильно влиял на остальных.

Практически все мы, одноклассники (выпускники класса), закончили институты, университеты: одни стали учителями, другие – инженерами-электриками, третьи – бухгалтерами, фермерами и т.д. В науку никто из них не «пошёл». Каждые 5 лет наш класс собирается в нашей гимназии в городе Шилуте. Мы смотрим друг на друга, удивляемся происшедшими с нами переменами. Нашим неизменным тамадой на таких сборах является библиотекарь Юргис Рачевичюс. Он, как Труфальдино из Бергама, всегда весел, жизнерадостен, своим весельем и оптимизмом заряжает всех нас. Одноклассники дружны и сейчас, 50 лет спустя после окончания гимназии.

В данном разделе воспоминаний хотелось бы с благодарностью вспомнить наших учителей, директоров гимназии (школы). Но время, тем более такое продолжительное как у меня (58 лет), «стерло» из памяти их имена. Поэтому здесь я упоминаю лишь тех, кто в памяти остался: добродушный учитель русского языка Приалгаускас и задумчивый Лидейка, физик Руткис, математик Банис, учительница литовского языка Срюбиките (Калинаускаене). И это все. Через них я хочу выразить всем моим учителям и директорам, которые заложили или закрепили в моей душе и в характере ту волю, знания, душевные чувства к друзьям и уважение к старшим, свои нежные чувства и низко им поклониться!

День местных писателей. С восторгом прочитал «Танцы в крематории» Ю. Иванова и «По вере нашей» А. Лунина. Эх, прибавить бы их талант, хорошие бы получились у меня мемуары

1.4. СОПРИКОСНОВЕНИЕ С МУЗЫКОЙ

В довоенное время (до 1941 г.) наша семья проживала в глухой польской деревне, в которой обитало около 150 семей староверов. В деревне была церковь, при ней – поп. В воскресенье и в праздничные, а также в траурные дни в церкви происходили богослужения, сопровождавшиеся церковными песнопениями. Группа мужиков и женщин, обладавших неплохими слухом и голосом, помогали батюшке проводить богослужения. Певчие поднимались на специальное возвышение (клирос) рядом с алтарем и там пели. Эти церковные пения были единственным видом музыкальной жизни всей деревни. В те далекие довоенные годы в нашей деревне Погорелец не было ни клубов, ни гражданского хора, ни радио, ни тем более телевизора. Если народ и приобщался к песенному искусству, то только в церкви или пением в домашних условиях, когда при лучине собиралась молодежь. Моя мать была безграмотной, и она ни сказок не рассказывала, ни колыбельных песен не пела.

Отец, наоборот, был в своей деревне довольно образованным человеком (учился в гимназии в С-Петербурге), хорошо знал церковную грамоту, пел в церкви (тенор), а когда немножко выпивал, то дома тоже пел духовные песни.

*... Мой tata строг и весел был. Бывало сядет он, возьмет псалмы.
Тут Вырывук заходит. Садятся у стола. Чекушка появляется вторая.
И песнь церковная летит...! Я слушаю. Мне видится, что в небе я.
Лечу туда, где ангелы вокруг. И добро мне!
... Прошли года. Уж сын растет. И жду вопроса я: «А где псалмы твои, отец?
Где песнь, что должен помнить вечно?»
Задумываюсь я. Писать я начинаю. Но нет уверенности в том,
что строки новые мои в душе останутся у сына.*

Мои старшие братья и сестра Кея, когда собиралась молодежь на посиделки (они у нас назывались «супредки»), тоже пели. Пели они «Бродягу», «Стень-

ку Разина», «При лужке, лужке...» и некоторые другие общеизвестные песни, которых я уже не помню. Мой брат Григорий, который обладал неплохим тенором, вместе со своими друзьями иногда пели и другие, малоизвестные или самими придуманные песни. Я запомнил лишь несколько куплетов:

*Ах, зачем эта ночь
Так была коротка,
Не болела бы грудь,
Не страдала б душа!*

или

*Там в саду было тихо и спокойно,
Сквозь деревья светила луна.
На зеленом ковре мы сидели,
Целовала Наташа меня.*

или

*Приду домой, а дома спросят
А где ж гуляла, с кем былаа?
А ты скажи: «В саду гуляла,
Домой тропинку не нашла».*

Пели протяжно, жалобно, от души. Ведь песня и есть душа человека. И свои души молодежь раскрывала по время песнопений.

В детстве музыку я либо вовсе не воспринимал, либо воспринимал плохо. Но уже в годы юности религиозная музыка в церкви отрывала меня от реальности и уносила мысли в облачные и заоблачные высоты. Церковная музыка слабо, но все же пробивалась через мой естественный «противомузыкальный заслон», полученный при рождении.

Во время фашистской оккупации мне нравилось слушать звуки губной гармошки, которую немецкие солдаты часто извлекали из карманов и играли на ней.

Старшие братья и сестры тоже, кажется, не пели и ни на одном инструменте не играли. Лишь когда наша семья после долгих скитаний осела в городе Шилуте и я учился в гимназии, меня вынужденно стали приобщать к музыкальной культуре: с 1-ого по 4-ый класс гимназии у нас обязательно были два музыкальных урока в неделю. Нас обучали сольфеджио, обязывали петь в общем школьном хоре, выучить все гаммы и играть их на пианино «вслепую».

Старший брат Григорий как-то приобрел мандолину: своими грубыми пальцами сапожника пытался «бренчать» по струнам, и у него кое-что получалось. Затем он приобрел аккордеон «Royal Standart» и стал самостоятельно учиться играть. Постепенно и я начал поглядывать на аккордеон, повторять на нем гаммы и упражнения, которые в гимназии вынуждали меня играть на нелюбимом мною пианино. Из моих шестерых братьев и четырех сестер лишь сестры Кея и Мавра и брат Григорий умели петь. Они это делали во время застолий вме-

сте с многочисленными нашими двоюродными братьями и сестрами, а также своими друзьями. К моменту окончания гимназии я уже мог по нотам играть несколько полек, танго, вальсов, краковяк. Особенно мне нравились «Дунайские волны», «Полонез Огинского». Когда я стал студентом, то опять же вынужденно слушал оперную и балетную музыку. Вынужденно, потому что из-за недостатка денежных средств пять лет проработал статистом в Театре оперы и балета Литвы в городе Вильнюсе. Стократные прослушивания «О, дайте, дайте мне свободу» Бородина, «О, жалкий жребий брошен мне» Чайковского и просмотр и прослушивание «Танца маленьких лебедей» наполовину сделали свое дело: я стал терпим к музыке, а некоторыми её разновидностями даже увлекся, и очень сильно. В общежитии я проживал вместе с любителем итальянской музыки Казимиром Шимкусом, и мы с помощью приобретенной нами радиолы на все здание общежития «запускали» Карузо, Гали Курчи, Тито Скипа, Гоби и, конечно, находящегося тогда на вершине славы Марио дель Монако.

Работая потом в Голубой бухте, что на окраине Геленджика, я часто южной темной безоблачной ночью любовался звездами, удивлялся перевернутому серповидному «турецкому» месяцу и слушал протяжную-протяжную турецкую музыку, льющуюся из маленького радиоприемника. Мои друзья удивлялись, спрашивали меня: «И что ты в этой азиатской музыке находишь?» Я не знал, что я в ней находил, но каждый раз она затрагивала мои душевные струны, мне становилось хорошо, и часто при этом из глаз вытекала одна-другая слеза.

Как-то в гимназии мой одноклассник спросил учителя музыки, почему русские песни такие протяжные, грустные и печальные? Учитель сказал, что точно он не знает, но предполагает, что причиной этой песенной печали послужило татаро-монгольское иго, под которым «русичи» жили почти триста лет.

Однажды мы были в гостях у наших семейных друзей Эмили и Генрика Карабашевых. После умеренного застолья Генрик поставил пластинку еврейской музыки. Приглушенный свет, умиротворенное состояние после бокала выпитого вина и чарующая мелодия совершенно растрогали меня.

Когда после этого я шел домой, музыка все еще звучала в ушах, резонируя в нервной системе, и у меня откуда-то стали возникать строчки:

*Музыка была – одно очарование.
Из глубины веков она лилась.
Мы слушали нам чуждые слова,
Но вместе с песнею они поняты были.
Закрыв глаза, я древний мир вообразил:
Пустыня. Он сидит. Задумался:
«Как быть, куда идти, что делать?»
А баритон тем временем все пел.
Я слышал в музыке страданье.
Но вот орган резвее зазвучал.
Надежда появилась. И Он пошел.
Народу Он явился ...*

Русские народные песни всегда были моими любимыми музыкальными произведениями. И каждое воскресенье рано утром я включал телевизор и

смотрел «со слезами на глазах» передачу «Играй, гармонь», слушал песни в исполнении разных коллективов и простых русских людей под руководством незабываемого Виталия Заволокина, а после кончины ведущего – с участием его дочери и сына.

Я часто сравниваю ритмический строй русской, турецкой и немецкой музыки, особенно строй песен. Немецкие песни почти каждые выходные передают по спутнику в исполнении песенных коллективов или солистов. Турецкие (а также других народов Азии) и русские песни – протяжные, турецкие – однообразно-протяжные, русские – протяжно-мелодичные, немецкие песни всегда «маршевые», под них только ходить строем. Может, это от той борьбы, что вели германские племена, завоевывая Северную Европу, а затем и Южную Прибалтику?

А откуда появились незабываемые и чарующие звуки русского романса? Век бы сидел и слушал, и слушал эти песенные «изюминки» русского искусства. И кажется мне, что эти «изюминки» могли появиться только у русского народа, сочетающего безудержное веселье и бездонную печаль и скорбь, что так сильно выражено в «Певцах» Тургенева. Слушаю я романсы и испытываю облегчение и умиротворение, как от сильнодействующего лекарства, облегчение после нестерпимой боли или умиротворение после глубокой печали.

Староверы сувальской общины, к которой наша семья принадлежала (и, очевидно, других старообрядческих общин, вытолкнутых как на окраины Российской империи, так и далеко за её пределы), были незаслуженно обижены Россией. Уничтожение староверов, их гонения, полная изоляция от Большой Родины лишили эти общины связей с русским народом, с их историческим и культурным наследием. Наша община не получала от России ни книг, ни газет, никто не приезжал к нам и не демонстрировал русское искусство. Старообрядческая молодежь «самообразовывалась» как могла сама. Их песни исполнялись на страшно исковерканном русском языке, часто без согласования падежей и времен. Но все равно это были русские песни, русские косоворотки и сарафаны. Что характерно: проживая в Польше и Литве, наша молодежь не пела польские или литовские песни: их исполняли лишь в том случае, если на посиделках или за праздничным столом находились наши друзья – поляки или литовцы. Удивительно, как сильно староверы соблюдали верность России, чего не скажешь о России по отношению к вытесненным из неё самым мирным и стойким её представителям. Где же сейчас староверы? «Где предков дух и сила?».

Россия была и остается в неоплатном долгу перед всеми старообрядцами мира.

Как-то, слушая квинтет Мендельсона в исполнении оркестра под руководством Гидона Кремера, я закрыл глаза, и мои мысли стали блуждать вначале по витражу окон, потолку зала, по заоблачной выси, затем перескочили на будущее и прошедшее, затем еще куда-то, и в конце-концов они забрели в Бремен на соборную площадь, где стоит скульптурная группа знаменитых горожан – блуждающих «бременских музыкантов». Далее под влиянием двух виолончелей квинтета мысли перескочили на памятный мультфильм «Бременские музыканты», со знаменитым ослом, обладающим голосом Анофриева, а от него – на две согбенные фигуры, бредущие по проселочным дорогам от одного ху-

тора к другому. Здесь мои мысли остановились, и я вспомнил далекое детство оккупационных времен, когда мой отец и старший брат Харлампий бродили по деревням в поисках работы. Брат, ростом несколько выше отца, нес за плечами что-то длинное, завернутое в тряпки и перевязанное веревочками, чтобы тряпки не болтались. У отца, который семенил сзади своего сына, за плечами был «плецак» (вещевой мешок), в котором тоже лежало что-то тяжелое. В руке он нес что-то короткое, но тоже с одной стороны завернутое в тряпку. И в моем воображении под влиянием звуков скрипок и виолончелей возник образ странствующих музыкантов, несущих за плечами контрабас, а в руке – скрипку.

В одном из хуторов, найдя работу, два «бродячих музыканта» стали разворачивать то, что казалось мне музыкальными инструментами. «Контрабас» оказался длинной, в рост человека, продольной пилой, а короткая «скрипка» – топором. Это были пильщики со своими инструментами. Они «распускали» бревна на доски.

Вначале пильщики сооружали высокие козлы. Затем подбирали бревно, укладывали его на земле на поперечные чурки и начинали топорами обтесывать его с двух сторон. Когда оба бока становились почти гладкими, пильщики переворачивали его обтесанными боками вниз и вверх и приступали к разметке. Для этого с торца в бревно вбивали гвоздь, привязывали к нему тонкую длинную веревочку. Затем вытаскивали из «плецака» завернутую в тряпку головешку и начинали этой головешкой водить по веревочке взад – вперед. Когда веревочка становилась почти черной, ее натягивали над верхней, обтесанной стороной бревна и закрепляли на гвозде, вбитом в противоположный торец бревна, предварительно туго натянув покрашенную головешкой веревочку. Затем старший двумя пальцами брал углистую веревочку, поднимал, сколько мог, натягивал ее, как струну контрабаса, и опускал. Веревочка шлепалась о бревно и оставляла на обтесанной его стороне черную линию. Затем гвозди передвигали на нужное расстояние, т.е. на толщину будущей доски, и операцию со «струной» повторяли. И так делали до тех пор, пока все бревно не оказывалось размеченным ровными черными линиями. Затем бревно поднимали на козлы в рост человека, клали его размеченным боком вверх. После этого старший снимал сапоги, закреплял оборками онучи, всовывал ноги в калоши, чтобы ноги по бревну не скользили, сбрасывал кафтан и лез по козлам на поднятое бревно. Младший тоже сбрасывал кафтан, брал пилу, подавал ее старшему. Тот, поставив пилу зубьями точно на черную линию, командовал: «Тяни». Нижний тянул, верхний направлял зубья пилы точно по линии и нажимал. Процесс распуска бревна на доски начинался. Когда все бревно распиливали (делали это не до конца бревна, чтобы оно преждевременно не развалилось на доски), приступали к следующему. И делали это до тех пор пока все бревна не оказывались распиленными. Затем пильщики собирали инструменты, обматывали зубья пилы и топор тряпками и брели к следующему хутору. И так неделю, или две. Затем пильщики приходили домой, сдавали матери заработанное нам на пропитание, шли в баню и один-два дня отдыхали. После отдыха они снова брели со своими инструментами уже во вторую деревню. И эта их работа продолжалась не только летом, но и зимой.

В больших поселках и городах и тогда, в оккупационные годы, уже имелись пилорамы по распиловке бревен, но не всем они были доступны. Вот пильщики и заполняли эту брешь.

Недавно я побывал на одной из областных промышленных выставок. И там я любовался новым станком: он за минуту при помощи режущей ленты отпиливал от лежащего бревна доску нужной толщины. И эта толщина задавалась машиной автоматически.

Надобность в пилышках давно отпала. Но это часть нашей истории, истории жизни в трудные дни моего детства, во время немецкой оккупации (1941–1944 гг.).

Побродив по прошлому, мои мысли вновь обратились к сцене концертного зала и остановились на скрипке и виолончели, которые издавали уже последние аккорды.

Еще в советское время, когда не было политических границ и не нужны были визы, я оказался в Эстонской ССР. Осматривая окрестности Южной Эстонии, я набрел на какое-то «полевое» кафе, в котором мужики выпивали пиво, а один из них играл на аккордеоне. Аккордеонист сразу же привлек мое внимание.

Его пальцы легко и быстро пробежали по клавиатуре аккордеона вниз, затем так же быстро и свободно поднялись вверх и остановились на «до» первой октавы. Затем пальцы «вслепую» перепрыгнули на нужную клавишу, левая рука потянула меха, и полилась приятная мелодия. После нескольких аккордов она стала сопровождаться чистым и не очень громким баритоном. Все люди, сидящие тут же на траве и за столиками, обернулись и стали его слушать, некоторые из них пытались даже ему подпевать. Царило всеобщее веселье.

Я уже точно не помню, каким образом в свои зрелые годы я забрел в этот благодатный край Эстонии. Вероятнее всего, я там отдыхал. Дом отдыха, в котором я находился, был расположен недалеко от того места, где играл аккордеонист. Это была холмистая часть Южной Эстонии, а конкретнее – район Отепя, из-за холмистого, слабо пересеченного рельефа местные жители называли его «Эстонской Швейцарией». Именно здесь, дольше всего в зимнее время лежал снег, и эстонские лыжники чаще всего готовились к соревнованиям.

Летом, когда я здесь был, необычный для Эстонии ландшафт радовал глаз и туриста, и отдыхающего. А место, где играл аккордеонист, находилось между холмами, у небольшой речушки и, кажется, у озера или пруда. Все это и обусловило организацию здесь летнего открытого кафе, куда приходили и местные крестьяне, и заезжие туристы, желающие посидеть за кружкой пива, подышать свежим, ароматным воздухом с запахом луговых цветов, произрастающих в низинке, и цветущего клевера на склонах холмов. Клевер, луговые цветки – «природы, милое творенье, цветок, долины украшение ...»¹ еще больше располагали к неге, к лирическим размышлениям и душевным переживаниям.

Я, как бывший начинающий аккордеонист, с вниманием и некоторой завистью следил за бегающими по клавишам пальцами и, конечно, слушал мелодичные звуки аккордеона, сопровождаемые приятным баритоном. Кое-кто из слушателей попивал пенящееся пиво или держал в руке рюмку водки, а кое-кто (как и я) просто сидел на лугу, задумчиво смотрел на окружающий ландшафт, но все внимательно слушали. Музыкант, закончив одну песню, без длительной паузы начинал вторую, третью.

Он пел самозабвенно, закрыв глаза и покачиваясь согласно звучащей мелодии. Это был мужчина лет под пятьдесят, блондин, приятной внешности,

¹ А.В. Кольцов «Цветок»

аккуратно одетый. И трезвый. После каждого музыкального сеанса сидящие за столиками приглашали его к себе, ставили перед ним кружку пива или рюмку водки. Он не сопротивлялся: выпивал, активно разговаривал по-русски с эстонцами, смеялся вместе с ними.

Вечером слушатели помимо выпивки угощали музыканта шашлыком или другой закуской. И он, выпив и закусив, снова брал аккордеон и продолжал свое музыкальное дело.

Устав слушать, я поспешил в дом отдыха на ужин. На следующее утро, после завтрака, я совершал пробежку. И каково же было мое удивление, когда пробегая мимо летнего кафе, я увидел уже сидящего там же играющего и поющего аккордеониста.

После обеда я снова пришел в кафе. Музыкант все играл и пел. И пел он чаще всего очень мелодичные, грустные русские песни, которые расплывались волнами по пахучему эфиру далеко за пределы того места, где мы находились.

Под вечер в кафе появилась симпатичная на вид и аккуратно по-летнему одетая женщина средних лет. Она села рядом с музыкантом и положила руку на аккордеон, что заставило его замолчать. Мужчина с нежной улыбкой смотрел на женщину и тихо что-то говорил. Но женщину, которая оказалась его женой, тихий разговор не устроил. Она стала говорить громче, и мы услышали их разговор. Жена просила мужа идти домой, покушать и заняться хозяйством. Он не соглашался, уговаривал жену сидеть рядом с ним и петь. Женщина замолчала. Муж, улыбаясь, снова стал играть и петь. Посидев с полчаса и не добившись согласия мужа идти домой, она ушла. Все окружающие невольно следили за происходящим, но никто ничего не говорил. И когда музыкант снова заиграл и запел, все облегченно вздохнули, иногда подпевая музыканту.

Несколько дней я продолжал приходить в летнее кафе, где наблюдал одну и ту же сцену: аккордеонист играл и пел, крестьяне и отдыхающие, уже не те, что были в первый день, пили пиво или водку и угощали музыканта. И я еще раз или два видел ту же красивую женщину-блондинку, уговаривающую мужа придти домой и заняться делом.

Вскоре я уехал из этого благодатного места Эстонии, насладившись и приятным ландшафтом, и звуками аккордеониста-певца. Уезжал я с думами о характере русского человека. Отними душу у этого человека, разве он превратится в аккуратного и трудолюбивого эстонца, «застегнутого на все пуговицы» и улыбающегося лишь на второй день после услышанного анекдота.

С тех пор прошло около тридцати лет. Но нет-нет, да и вспомню я аккордеониста, его песни и неутихающие дебаты о «загадочной русской душе», более склонной к веселью и творчеству, чем к аккуратному ведению своего хозяйства.

Время идёт, и меняется не только организм, но и вкусы, пристрастия. Но я по-прежнему люблю либо очень лирическую, либо очень трагическую музыку. Многократно и с трепетом я слушал концерт трех великих теноров¹.

А однажды в эфире я набрел на оперу «Валькирия». Её передавали то ли из Вены, то ли из Берлина. В очередной раз я был потрясен музыкой великого Вагнера, трагизмом героев его оперы, ариями дуэта нибелунгов, с величайшим чувством исполненными певцами.

¹ Паваротти, Карераса, и Пласидо Доминго

Я по-прежнему стараюсь не пропускать телепередачу «Романтика ромansa». Но и после трагической арии и после ромansa я все чаще вспоминаю сухопарого, с впалой грудью чахоточного парня, с непередаваемой грустью исполняющего «Ноченьку» и после выпитых стаканов водки утром просыпающегося в грязном сельском трактире под столом.

Ну почему, почему русский человек столько чувств, столько души и любви отдает окружающим в ущерб своему благополучию и порядку? Ну почему вновь и вновь я задаю себе этот вопрос и не нахожу на него ответа.

Реквием. Его аккорды звучат в моей душе часто. Моцарт хорошо знал, как заставить нервные клетки человека вибрировать на пределе. Реквием исполнили оркестр Калининградской филармонии, хор из Швеции и солисты из Литвы. Потрясно!

Я могу лишь предположить, что русский человек, пребывая длительный срок в угнетении (татаро-монгольское иго, крепостное право, притеснение и уничтожение староверов царской властью и православной церковью, коммунистический режим, фашистская оккупация и т.д.), отвык почитать как власть, так и богатых людей, он чаще всего сочувствовал бедным, делился с ним куском хлеба и своей любовью. Он и сейчас продолжает с ними делиться своим духовным богатством.

1.5. СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ. СТУДЕНЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ

В выборе профессии я долго колебался. Родители, братья и сестры мое стремление к высшему образованию либо не поддерживали, либо относились к нему с безразличием. Отец все поговаривал: «Вот закончить бы тебе техникум, хорошо бы железнодорожный. Был бы начальником станции» и указывал на железнодорожный полустанок городка Шилуте. В школе мне предрекали карьеру математика или физика-теоретика. Я любил эти два предмета, увлекался ими, в пределах школьной программы хорошо их знал. Поэтому мои помыслы колебались между механико-математическим факультетом Московского университета и Физико-техническим институтом в Москве. Вместе с тем, меня привлекали путешествия, дальние страны и континенты, то есть география.

Мне хотелось как можно больше видеть и больше знать. В связи с тем, что мне долго не выдавали аттестат об окончании средней школы (в Министерстве образования Литвы никак не могли решить какую медаль я заслужил – золотую или серебряную) и я его получил лишь в конце июля, то успел доехать только до Вильнюса (на поездку в Москву у меня не хватило денег). Здесь, в коридорах университета, я два дня размышлял, на какую специальность подать заявление. В конце концов решил: на геологическое отделение факультета естественных наук.

Учился на I-ом курсе я хорошо, без четверок. Кроме того, я занимался в танцевальном кружке факультета, много времени уделял спорту. Будучи учеником

старших классов, я на спартакиаде школьников установил республиканский рекорд в ходьбе на 5 км. Меня включили в юношескую сборную команду Литвы, я выступал на Всесоюзной спартакиаде школьников в 1952 г. в г. Сталино (ныне Донецк), где занял 4-ое место, при этом улучшив свой же республиканский рекорд. Затем меня пригласили в общество «Жальгирис», где я тренировался и выступал под руководством заслуженного мастера спорта, серебряного призера Олимпиады в Мельбурне скорохода Микенаса. Летом 1953 г. (после первого курса) я несколько раз на республиканских соревнованиях выступал как скороход за «Жальгирис» на дистанциях 10 и 20 км. В начале II курса (сентябрь 1953 г.) я почувствовал, что силы мои иссякают, и я не могу уже на равных соревноваться со взрослыми. К интенсивной учебной нагрузке добавились спортивные и общественные обязанности. Кроме спорта, я занимался организационной работой в бюро комсомола факультета. Питался я очень плохо – фактически на одну (правда, повышенную) стипендию, которая составляла 29 рублей в месяц. Буханка хлеба стоила тогда 16 коп., водка – 2 руб. 50 коп. После обращения к врачам причина моей слабости выяснилась сразу: двухсторонний туберкулез в открытой форме.

Эта болезнь появилась у нас в семье тогда, когда дети уже были взрослыми. Этой болезнью заболел я, и заболел в самом расцвете физических и умственных сил, когда мне исполнилось 20 лет и я был на 2-ом курсе университета. В других главах своих воспоминаний я писал, что в университете мне хотелось быть везде: и в научных кружках, и в спорте, и на танцах, и в библиотеке и т.д. Питание мое было очень скудным: практически я питался на стипендию с небольшой добавкой сала, которое давала мне мама во время каникул, а вид спорта, которым я занимался (спортивная ходьба), очень тяжелым. После прохождения дистанции в 10 или 20 км я почти валился с ног. Осенью 1953 г. я стал слабеть. Обратился к врачам. Диагноз – двухсторонний туберкулез, причем открытая форма. На первом курсе я проживал в большой комнате, в которой обитало десять студентов, в общежитии университета в доме 1 на улице Чюрлёниса. Нашу комнату из-за шумных её обитателей называли «зверинцем».

Окна нашего «зверинца» выходили на улицу Чюрлёниса, по которой многие студенты разных факультетов по выходным проходили в актовый зал университета на танцы, на концерт или общее собрание. Помню, часто я видел, как проходил мимо окон долговязый студент – участник драматического кружка художественной самодеятельности. Через пару десятков лет я узнал этого студента в фильме «Никто не хотел умирать». Фамилия студента-физика, впоследствии оказавшегося талантливым актером, была Римантас Адомайтис.

Чтобы не заразить других в студенческом общежитии, меня поселили в маленькую комнатку-одиночку (бывшую кухню в 4–5 кв.м). Я продолжал посещать лекции, искал учеников для подработки. Помню, ко мне обратилась балерина из кордебалета театра Оперы и балета Литвы (где я работал статистом). Я её готовил к сдаче экстерном экзаменов за 11 класс. Она платила мне за уроки какие-то небольшие деньги. Но когда узнала, что я «чахоточник», сразу от меня ушла. Вскоре врачи направили меня в Туберкулезный институт на Антоколе (г. Вильнюс). Там меня стали активно лечить. Главным лекарством была вода. Конечно, давали и специальные препараты. Помню, что были «фтивазит» (?) и ПАСК. Делали какие-то уколы (стрептомицин и другие лекарства, названия их не помню), рекомендовали

заниматься физкультурой, совершать прогулки и т.д. Все это я активно делал. Потом было решено сделать легкие операции. Первой была «френикоалкоголизация» (точно названия не помню). Это когда в нерв (?) вводили какой-то препарат, нерв сокращался, «подтягивал» вверх диафрагму и сжимал легкое. Затем делали пневмоторокс (с обеих сторон грудной клетки). Это когда в грудную полость, чтобы сжать легкое, вводили воздух. Сжимаясь, легкое «зажимало» и каверну. Каверна быстрее заживала (зарубцовывалась). И так каждый день. Помню, было чудное «бабье лето». Склон горы (обрывистый склон реки), сосновый лес, прекрасный вид на Вильнюс и реку Нерис с горы. Сажу и сам себя успокаиваю: не может быть, чтоб я не выкарабкался, не одолел постигшее меня очередное испытание. После 10-ти лет борьбы на пути к «свету» и такой финал! Не может быть! Я должен одолеть чахотку, стать на ноги, продолжить «бег» к лучшему будущему. Именно «бег», а не продвижение. Я всю жизнь «бежал» с хронометром в руке, считая часы, минуты. Не дай бог, я зря, без пользы проживу минуту или час.

Я решил во что бы то ни стало одолеть туберкулез. Выполнял все предписания врачей, делал зарядку, принимал холодный душ, играл в волейбол, пытался бегать по холмистому лесу, вовремя ложиться спать. Конечно, я не курил и не пил водку или пиво. И так три месяца в тубинституте. После него университет дал мне путевку в Крым для продолжения лечения. В феврале-марте 1954 г. я месяц провел в Симеизе, в санатории. Опять те же «поддувания» (пневмоторакс), фтивазит, ПАСК, прогулки и т.д., и неизменная физзарядка и игра (на чистом воздухе, зимой) в волейбол. А у меня в грудной клетке с обеих сторон – вода, двухсторонний плеврит. А я продолжаю бегать, играть в волейбол. Нагнувшись за мячом, вода в груди – «буль, буль, буль», стекает вниз, подпрыгну у сетки для удара мяча, вода опять булькает. Воду стали откачивать большими шприцами (примерно такими, какими делали укол Бывалому – Моргунову в кинофильме «Кавказская пленница»). Вместо воды уже образовался гной. А пневмотораксы все подкачивают: легкие должны быть сжаты (объем легких, конечно, значительно сокращался, дышать становилось тяжелее). И так несколько недель. «Старожилы» – чахоточники порекомендовали мне прибегнуть к народному средству – к водке. Купил я пол-литра «Московской», оделся в свитер, набросили на меня 2 шерстяных одеяла и налили полный граненый стакан водки (которую раньше вообще я никогда не пил). И я залпом выпил. Без закуски, без воды. И укрылся одеялами. Жарко страшно. Пить хочется ужасно. Но терплю! Прислушиваюсь, не рассасывается ли вода в грудной клетке. Вообще, при плеврите я старался пить как можно меньше, чтобы организм необходимую влагу брал из грудной полости.

Через пару недель гной полностью откачали, наверное все внутри промыли. И я оказался без плеврита. Полегчало. Я продолжал принимать лекарства, делать зарядку, играть в настольный теннис, волейбол.

Через месяц меня выписали. Я поехал в Шилуте, к родителям. Мама стала меня лечить народным средством – собачьим жиром с медом. Противно, но я съедал эту смесь, как мне рекомендовали. Продолжал принимать лекарства, рекомендованные врачами. Для подкачивания пневмоторокса ходил в местную поликлинику. В Шилуте я временно устроился на работу в районный комитет комсомола – ВЛКСМ. В мои обязанности входило не только делопроизводство, организация работы райкома, но и оказание «помощи» сельскому хозяйству. Районный партий-

ный комитет поручал членам райкома ВЛКСМ либо курировать какой-либо вид колхозной деятельности, либо опекать какой-нибудь колхоз, помогать ему вести работу с чиновниками района и т.д. Здесь я опишу лишь один случай такой «помощи», которую мне было поручено оказать колхозу во время сенокоса. Однажды, в жаркий солнечный день июля, мы стояли с председателем колхоза на лугу, на котором мужики и бабы заготавливали сено: мужики косили косами и сенокосилкой с лошадиной тягой, женщины переворачивали скошенную траву для сушки, а сухое сено складывали в копны. Председатель, матерый земледелец из местных олитовченных немцев Мемельского края, которых мы называли прусами, говорил мне, что сейчас – самая хорошая пора для сенозаготовок: стоит сухая солнечная пора, нет дождей, народ работает с охотой. Я же, молодой работник райкома комсомола, посланный партией на село с целью заготовки силоса, утверждал обратное: есть указания партии все силы бросить на заготовку силоса. И никакие уговоры председателя – прусака о том, что силос будут заготавливать в дождливую погоду, когда сено косить и сушить невозможно, меня не могли разубедить. Когда мы пришли в контору колхоза, где был телефон, я тут же позвонил секретарю райкома партии и сказал, что председатель такой-то не желает заготавливать силос, а хочет косить сено. Секретарь попросил передать трубку председателю. Тот выслушал с недовольным выражением лица нотацию. Закончив слушать, председатель пошел на луг, приказал всем работникам прекратить сенокос, идти копать канаву для силоса и свозить туда зеленую траву.

Линия руководящей партии восторжествовала. И она торжествовала, как мы сейчас хорошо знаем, с момента заготовок хлеба на селе с начала гражданской войны. И партия не подозревала, что она разрушает то, для чего был совершен так называемый революционный переворот в 1917 г. Посланцы партии, направленные, подобно мне, на село созидать, на самом деле социалистический строй разрушали. И в том, что некогда могущественная и территориально самая большая империя – СССР рухнула в течение нескольких месяцев есть частичка и моего участия. Осознал я это быстро, тем же летом. Но мое разрушительное дело было уже сделано.

Уже ближе к осени два члена райкома комсомола – секретарь районного комитета В. Томкявичюс и я – были направлены для активизации хлебозаготовок в городок Шилале. Прибыв на место, в колхоз, мы договорились с хозяином, что переночуем в его сарае. В сарае хранились аккуратно сложенные снопы ржи, солома, сено и хозяйственный инвентарь. Когда мы выбрали место в углу сарая для ночлега, мой напарник стал ходить по сараю и что-то высматривать. На мой вопрос, что он ищет, он ответил: «Надо найти пути к отступлению. Надо заранее знать, куда мы побежим, если ночью на нас нападут». Я подумал: «Ничего себе! На нас могут напасть ночью?» Хотя я это предчувствовал: в кармане у меня лежал тяжелый немецкий пистолет «Вальтер» с тремя патронами.

Было лето 54-го. Шла жатва, заготовка зерна и, естественно, обязательная сдача большей части урожая государству. По указанию райкома партии актив комсомола Шилутского района Литовской ССР был направлен в села для ведения агитационной работы. С секретарем райкома комсомола Томкявичюсом мы и оказались в самом лесном участке района у небольшого городка Шилале. А в лесах в то время еще водились так называемые (нами) бандиты или, как сейчас говорят – «лесные братья» или партизаны. И в 1954 г., т.е. десять лет

спустя после освобождения Литовской ССР от немецких оккупантов, в газетах нередко описывались случаи уничтожения ими советских агитаторов, особенно коммунистов и комсомольцев. Вот секретарь Томкявичюс и выдал мне, молодому студенту, взявшему академический отпуск в университете и временно устроившемуся работать в райком комсомола, трофейный немецкий пистолет «Вальтер» для самообороны. Тогда, к счастью, все обошлось: «бандиты» на нас не напали. Слово «бандиты» беру в кавычки, так как не все они были бандитами. Многие из них сопротивлялись советской власти (которую сейчас называют «оккупационной») по идейным соображениям и защищали свою родину от незваных пришельцев и навязанного им насильно, неприемлемого для большинства жителей Литвы социалистического образа жизни.

Осенью я благополучно вернулся в свой университет.

С тех пор прошло 48 лет. Находясь в Вильнюсе, я зашел в книжный магазин и по рекомендации моего однокурсника – профессора А. Гайгаласа приобрел очень популярную в Литве книгу Адольфаса Раманаускаса-Ванагаса «Много пало сыновей... в рядах партизан». Ванагас – в переводе «Коршун». Это партизанская кличка Раманаускаса. До войны он был учителем. Учителем работал и в годы немецкой оккупации. После войны он продолжал преподавать, но после долгих раздумий и колебаний ушел в лес и стал «бандитом» или «лесным братом» – партизаном. В лес он ушел в апреле 1945 г. Воевал в основном в южной Литве. Вначале был командиром отряда, затем командиром крупного партизанского подразделения, а уже в конце организованного партизанского движения (1953 г.), когда в застенках КГБ погиб руководитель всего партизанского движения Литвы генерал Жемайтис, стал командиром всего партизанского движения Литвы. После разгрома организованного партизанского движения (весна 1953 г.) Коршун скрывался у крестьян, пытался руководить отдельными отрядами партизан и писал вышеупомянутую книгу, ставшую в наши дни в Литве бестселлером.

Коршун был пойман (он был предан его же заместителем, литовцем по национальности) сотрудниками КГБ 12 октября 1956 г. После допросов и пыток в подвалах комитета госбезопасности Литовской ССР в Вильнюсе, как пишется в предисловии вышеупомянутой книги, 29 ноября 1957 г. Адольфас Раманаускас-Ванагас, последний вождь «зеленых братьев» Литвы, был расстрелян. Партизанское движение в Литве практически закончилось.

Пишу я о Коршуне потому, что он детально описывает, как сотрудники КГБ вели себя по отношению к «лесным братьям», как их, «лесных братьев», уничтожали советские «истребительные отряды» и как Коршун и его окружение расправлялись не только с сотрудниками КГБ, милиции, но и с сочувствующими социалистическому строю соотечественниками-литовцами: председателями колхозов и сельсоветов, с сочувствующими советской власти крестьянами, «вступившими» в колхозы, с молодежью, которая вступала в ряды комсомола. Коршун пишет, что они не творили беззакония: все решал так называемый «военно-полевой суд», состоящий из самого Коршуна и его окружения. Решение этого суда практически всегда было одно: смерть. Как тут не вспомнить фильм Жалакявичюса «Никто не хотел умирать»!

Как мы теперь знаем, много жестокости было проявлено с обеих сторон. Причем эта жестокость не всегда диктовалась идейной необходимостью: как с

одной, так и с другой стороны были и случаи мародерства и грабежа ради наживы. В результате погибло много совершенно невинных людей.

Прочитав книгу А. Раманаускаса, я узнал, что наши с Томкявичюсом опасения во время ночевки в сарае в 1954 г. были, скорее всего, уже напрасными. В то время против советской власти выступали лишь отдельные «зеленые» или их немногочисленные отряды.

С тех пор, как мы с Коршуном находились по разные стороны сопротивления, прошло 50–60 лет, и сейчас у меня нет к нему ни ненависти, ни обид. Каждый из нас защищал свое дело: Коршун – свою малую родину и свою страну, мы с секретарем райкома комсомола – идеи социализма и социалистический строй Литвы, в который мы тогда еще всецело верили. Думаю, что в настоящее время, встретившись с Коршуном, мы сели бы за стол с чашкой кофе, поговорили бы по душам, отметив и патриотизм «лесных братьев» и идеализм многих представителей советской власти, и карьеризм и бандитизм с обеих сторон. В конце концов, надеюсь, мы пожали бы друг другу руки. «Если бы Коршун подарил тебе руку» – заметил мой друг-одноклассник, прочитав эту фразу.

26 января 1998 г. президент Литовской республики Альгирдас Бразаускас своим декретом присвоил Адольфасу Раманаускасу, вождю Военных сил военного движения за свободу Литвы, звание бригадного генерала (посмертно).

В сентябре 1954 г. я вернулся в Вильнюсский университет, на 2-ой курс, где встретился со своим будущим сподвижником по жизни и творчеству Шимкусом Казимерасом Миколовичем. С тех пор и до самой кончины Казиса наши пути шли либо «колея в колею», либо параллельно, о чем я расскажу далее.

Группа 2-ого курса, куда я попал после академического отпуска, оказалась еще более сильной, чем группа I-ого курса: из двадцати пяти человек было восемь медалистов, в том числе К. Шимкус и я. Волею судеб меня подселили в комнату общежития, где уже проживали Казис Шимкус и Альбертас Селюкас. Жили мы дружно. Часто по очереди готовили еду. У каждого из нас был еще какой-то, хотя и маленький, но свой запас.

Хорошо помню студенческие практики (какие студенты-геологи без полевых практик?). Были они и у нас. После 1-го курса мы проходили практику в окрестностях Вильнюса под руководством декана нашего факультета доцента Хомскиса. Это был высокообразованный, культурный, мягкого характера человек лет пятидесяти. В поле он обучал нас топографической съемке. Нивелир, теодолит, компас, линейка, бумага – вот инструменты, которые мы использовали. Черчение нам преподавал верный помощник Хомскиса, оригинальный как по телосложению, так и по смешной польской речи, Мажейка. Практика проходила, как и у всех студентов-первокурсников, весело. Мы быстро выполняли задания руководителя, а вечерами занимались тем, чем и должны были заниматься люди в 18–19 лет: костры, песни, иногда выпивки незабываемого портвейна по 1 руб. 20 коп. за бутылку, гуляния. Мы познавали самые яркие черты характера друг друга, проверяли или укрепляли дружбу и т.д.

После 2-го курса мы уже ехали в Мекку геологических студенческих практик – в Крым, в Бахчисарайский район. Поселились в селе Партизанское, недалеко от стационарного лагеря студентов МГУ, где рядом находились и студенты многих других вузов СССР. Так что наступила пора знакомств со студенческим миром разных городов и республик. Налаженные тогда связи сохранились на долгие годы.

Нашей группой руководил доцент Юозас Пашкявичюс, впоследствии профессор, специалист по стратиграфии палеозоя. Помню длительные маршруты вдоль Чуфут-Кале, горы Менд и других историко-геологических объектов. Жара, солнце печёт немилосердно. А ты сидишь на скале обрыва известковых пород, стучишь геологическим молотком с целью добычи органических окаменелостей, делаешь зарисовку обнажения и т.д. Взятые с собой бутылки с питьевой водой давно пустые. В горле все пересохло, лицо, плечи, руки обгорели. Хочется в тень, под редкие ветки акации. Но задание еще не выполнено, надо работать. Где-то в 14–15 часов идем обратно, домой. Ноги еле переставляем. И вдруг И. Пашкявичюс говорит: «А ну, ребята, давай песню запевай». Думаю, какая там песня, живым бы добраться до деревни и завалиться на спальный мешок. Но кто-то запекает нашу литовскую, один, второй, третий подхватывает её, и вся группа уже шагает в ногу, усталости как не бывало. Именно тогда, под Бахчисараем, я узнал всю организующую и мобилизующую силу песни. И впоследствии, когда я слышал «Идет война народная ...», мое тело непроизвольно напрягалось, сердце начинало биться более учащенно, и нередко я вспоминаю песню, которую мы пели под Бахчисараем.

Находясь в Партизанском, конечно, мы съездили в Бахчисарай. Сходили в ханский дворец, где я впервые увидел знаменитое и загадочное к тому времени творение под названием «Бахчисарайский фонтан». Впоследствии, в пятнадцатый, или двадцатый раз наблюдая за танцем хана и его наложниц в балете «Бахчисарайский фонтан» под чарующую музыку Чайковского, я представлял себе этот фонтан и слышал, как вода капает из одного блюдца фонтана в другое.

Практика значительно укрепила наши геологические познания, особенно в палеонтологии, структурной и исторической геологии. Палеонтологию нам преподавал высокий, сухопарый мужчина, доцент Жейба. В промежутки между лекциями он вечно ковырялся в образцах фауны, делал альбом фауны и что-то писал.

Главные предметы – историческую геологию и минералогию – нам преподавали «пожилые» буржуазные профессора Далинкявичюс и Кавецкас. Они работали преподавателями еще в довоенное время, как тогда говорили, в буржуазной Литве. Оба большие интеллектуалы, интеллигенты. Кавецкас в то время проживал в Каунасе, где в довоенное время был университет, Далинкявичюс – в Вильнюсе. Мне неоднократно приходилось бывать в его большой «профессорской» квартире где-то в старом Вильнюсе. Далинкявичюс был тем преподавателем, с которым я впервые договорился о моей работе по морской геологии. Под его руководством я написал курсовую по донным осадкам Балтийского моря.

Кажется, на 3-ем курсе нам преподавали и инженерную геологию. Однажды доцент Ю. Пашкявичюс повел нас на буровую под Вильнюсом. Это была буровая по изучению подземных вод. Мы впервые видели буровое сооружение – вышку, впервые пощупали керн.

После 3-его курса меня с Леоном (Лёвкой) Савицкасом для прохождения полевой практики определили в геолого-съемочную партию на Алтай, где в то время уже работал наш знакомый, выпускник нашего факультета, Винцас Коркутис. Ехали мы на Алтай пассажирским поездом в плацкартном вагоне. Вместе с нами на Алтай ехала и другая группа наших геологов: Степонас Эйтнавичюс (Степка), Пятрас Стонкус, Казимерас Шимкус и кто-то еще (фамилии не помню). В поезде было жарко, еда была скверной, воды в вагоне не хватало. Но все это мы компенсировали тогда еще мало нам известными пейзажами

русской равнины, прелестью пересекаемых рек и уральских гор, неприглядно выглядевшими российскими селениями.

На какой-то станции мы остались вдвоем с Лёвкой. Мы доехали до места назначения, какого-то селения в районе добычи, кажется, железной руды вблизи городка Таштагол. В конторе экспедиции нам сказали: «Завтра утром самолет вас доставят в съёмочный отряд». Действительно, на следующее утро самолет-кукурузник доставил нас на небольшую полянку на берегу маленькой, но бурной речушки. Никакого там селения и никакого отряда не было. Кругом тайга, кустарники вдоль речушки и большая, большая трава. Мы с удивлением спрашиваем у летчика: «А где отряд-то?». Летчик отвечает: «Пойдете по пойме данной речушки, через несколько километров на том берегу и найдете свой отряд». После этого распрощался с нами и улетел. Остались мы вдвоем среди тайги. Решили идти. Кое-как переправившись через речушку (которая для нас, новичков, казалась полноводной и бурной горной рекой), мы направились вдоль неё в направлении, указанном летчиком. Шли долго, преодолевая заросли кустов и травы в заболоченных местах поймы реки. Изрядно вымокли. Стемнело. Наконец, мы почувствовали запах дыма, а вскоре увидели и проблески огня. Мы пришли в центр геологической партии. Нас встретил геолог отряда Винцас Коркутис. Обнялись, справились о здоровье друг друга. Обсушились. На ужин, помню, были какие-то лепешки из ржаной муки (вместо давно уже съеденного хлеба) и консервы. Винцас шёпотом нас спрашивает: «А бутылку вы принесли? Надо её выставить». А мы: «Нет, бутылок у нас нет». В общем, мы неопытные геологии, прихватили с собой не то, что так желательно иметь в тайге.

Начались наши геологические будни: маршруты с рюкзаком за плечами с геологическим молотком и компасом в руках, отсчет шагов, рисовка маршрутов и зарисовки встреченных обнажений твердых пород. А вечером – посиделки у костра, Рассказы о разных приключениях, байки и, конечно, геологические песни.

Месяц спустя мы оказались в геолого-съёмочном отряде. Нас было всего то ли 6, то ли 8 человек. Мы кочевали со своими палатками, образцами, горшками и дневниками с места на место.

Свой пищевой рацион иногда мы сдабривали свежей рыбой, которую ловили в горных речках и речушках. Помню, однажды начальник отряда и молодой техник приобрели для нас то ли целого барана, то ли теленка. Его зарезали. Первые дни ели много, но мясо оставалось. Решили его хранить в земле. Для этого выдолбили в твердой глинистой породе яму, мясо завернули в палатку, положили в яму и зарыли. После маршрутов откапывали и готовили ужин. Через 4–5 дней мясо уже хорошенько пахло (как говорили у нас в семье – воняло), через 7–8 дней пахло уже так, что есть могли не все. В конце концов остатки отдали собаке отряда.

Съёмочный отряд занимался и металлогенической съемкой. Для этого выполнялась следующая работа: на планшете карты через 200 или 300 м намечались прямолинейные маршруты. Геолог должен был с компасом в руке идти по этим маршрутам и считать шаги, через каждые 200 или 250 м (точно не помню) делать закопушку и из неё брать в матерчатый мешочек пробу почвы. К концу дня набирались сотни таких мешочков, и их нужно было задокументировать и принести в отряд. Учитывая, что в тайге, где мы работали, рос бурный подлесок и была высокая трава с плетями ежевики, геологи сильно уставали. Помню, техник, с которым я работал, весь намеченный на карте маршрут не про-

ходил: он останавливался в какой-нибудь одной точке и из закопушки набирал 5–10 проб, распределяя их по непройденному маршруту. План он выполнял, но работу по будущим результатам фальсифицировал. На мои возражения он отвечал: «Если тебе не нравится, иди по маршруту и отбিরай, а я посижу».

В одном из походов мы набрали на одинокую усадьбу. Во дворе усадьбы находилась женщина средних лет. Она кормила цыплят. Звала их: «Цып, цып!» и разбрасывала им корм: вареную крупу вперемежку с нарезанными мелкими кусочками яйца. Белый платок, небрежно завязанный узлом на затылке, несколько съехал, покосился на голове. Из-под платка выбивались завязанные слабым узлом светлые волосы, одета она была в белую кофту, светлую ситцевую юбку. Лицо её было белым, еле тронутым загаром. Оно светилось каким-то тревожно-нежным светом и излучало такое добро, что я вздрогнул, остановился и стал смотреть только на её божественно-красивое лицо с типично русскими чертами. Она говорила мягко, даже нежно, и очень доброжелательно. Я все смотрел и смотрел на её лицо и не мог от него оторваться. В моем сознании уже вырисовывался нимб вокруг её головы, и я представлял голову в воображаемом нимбе на светло-голубом фоне неба, хотя позади был лес, и голова её была на фоне зелени.

Мы, геолог и я – практикант, забрели на этот единственный помеченный на наших картах хутор с тем, чтобы утолить холодной водой жажду. Поднимались мы на эту гору через буреломы Алтайской тайги. Рюкзаки, набитые образцами твердых горных пород, врезались в наши молодые плечи, бесчисленные слепни и комары искушали наши неприкрытые лица и руки. Тело было покрыто потом: стояла июльская жара. И вот – очаг жизни в этой царапающей разными колючками наше тело тайге Горной Шории, с Божьей матерью – мадонной, её хозяйкой.

Утолив жажду и отдохнув, мы с геологом отправились дальше по маршруту. Я, пробираясь через кустарники, переплетенные стеблями колючей ежевики, видел перед собой не нужное нам обнажение, а лицо этой удивительной женщины с воображаемым нимбом.

В последние годы моей жизни я много путешествовал, посещал выставки картин, костёлы и музеи. Выстоял длинную-длинную очередь вокруг Пушкинского, чтобы посмотреть в лицо Мадонны Сикстинской из Дрезденской галереи. Многократно рассматривал лицо известной и уже несколько веков прославляемой Лизы (Моно), всматривался в образы Божьей матери в костёлах и церквях, включая и колыбельный храм Христа – Вифлеем. И всё пытался увидеть черты той, Алтайской русской женщины, которая так поразила меня в мои юные годы.

С тех пор, как я её, русскую Мадонну, увидел, прошло почти 50 лет. Но нет-нет и я вспоминаю её, простую русскую женщину, поразившую меня своим лицом, голосом и добротой. Черты её лица уже во многом стерлись из моей памяти, но то чувство, возникшее при встрече с ней, живет в моем сознании до сих пор.

Вчера по телевизору я смотрел конкурс «Мисс Вселенная», на котором этой самой «Мисс» была признана русская девушка Наташа. Я всматривался в её красивое лицо, изящную фигуру и опять сравнивал с той, из Алтайской тайги. И думал: «До чего ты, российская Природа, щедра и благодатна! И до чего же ты, человек – хорош. И как наше общество, его руководство несправедливо по отношению к простому российскому человеку!»

Помню, начальник отряда на одной из стоянок говорил: «Клим и ты, Витя – за хариусом, Олег, Настя – за дровами, все остальные – быстро ставить па-

латки». Все разошлись. Я, как молодой практикант, конкретного задания не получил. Решил присоединиться к Климу и Виктору и пойти к быстрому ручью – речушке, где, по мнению Клим, и находился хариус. Удочек у нас не было. Клим по пути вырезал более или менее прямую ветку какого-то деревца, быстро обрезал небольшие веточки, получилось что-то вроде удилища. Вынув из кармана мешочек, достал из него леску с уже прикрепленным к нему крючком, привязал леску к тонкому концу ветки, получилась походная удочка.

У речушки мы остановились. Она была узкой, шириной в несколько метров. И неглубокой. Русло состояло из перекатов и плёсов. Глубина на перекатах была 10–50 сантиметров. Вода по ним бежала быстро-быстро, с журчанием перекатываемых быстрым течением камушков и самого течения. На плёсах глубиной до метра течение ослабевало. Но оно было все еще заметным: брошенная в воду веточка там не задерживалась.

За ловлей хариуса я, как новичок, наблюдал впервые. Удивился, когда Клим размотал свою короткую и кривую удочку и забросил леску на перекат. Никакой рыбы, конечно, там не было: вода была прозрачной-прозрачной. И в ней видны были только камушки. На плёсах тоже виднелось дно, хотя вода казалось менее прозрачной. Но хариуса и там не было. Я подумал: «И что же Клим будет ловить?» Но не успел я закончить свою думку, как Клим резко дернул, и в воздухе мелькнуло что-то серебристое и извивающееся. Рыбак снял с крючка рыбку и бросил её мне, заметив: «Собирай!» Это была рыбка величиной со столовую ложку, с узким телом, с зеркально-серебристыми боками и синей спинкой. Не успел я толком разглядеть первого хариуса, как Клим уже выбрасывал второго.

Я стал смотреть на леску и думать: «Откуда же брать хариусу, ведь в речушке никакой рыбы нет». Но тут опять леска взлетела вверх, и серебристая рыбка снова засверкала в темно-сером небе.

Хариус – рыбка, обитающая в чистой, холодной и быстрой воде. Её вытянутое тело приспособлено к стремительным потокам, каковые и наблюдаются на перекатах небольших горных рек и речушек. Любимым лакомством хариуса являются мухи. У Клим мух не было, так как наступили холода, и ночью температура опускалась ниже 0°. Вместо мушки Клим к крючку заранее прицепил перышко. Леска была без поплавка и грузил, и практически не погружалась в воду. Перышко с крючком находилось на поверхности воды и быстро уносилось вниз по течению. И тут откуда-то выскакивал хариус, с ходу бросался на воображаемую мушку и ... оказывался у меня в котелке.

Клим поймал то ли пятнадцать, то ли двадцать рыбок. Больше хариус «не брал». Мы возвращались в уже «разбитый» лагерь, состоящий из двух брезентовых палаток. У одной из них, шестиместной, горел костёр. Вокруг костра были уложены чурки брёвен – наши сиденья, и над костром уже находилась палка для котелков, уложенная на вбитые с двух сторон костра рогульки. В котелке булькала вода. В ней были последние наши картофелинки. Я быстро почистил рыбу и бросил её в кипящий котелок с несколькими картофелинками. Клим заправил варево солью и пучком только ему известных трав: ни лука, ни перца у нас уже не было. Через десять минут уха была готова. Разлили уху на восемь человек – членов нашего отряда. Начальник отряда Саша выделил каждому по маленькому сухарику, сказав: «Больше у нас еды нет. Из НЗ осталось несколько сухарей на тот случай, если завтра самолёт опять не прилетит. Так

что будем сыты, чем бог послал». Бог нам послал, кроме ухи и кусочков сухарей, ещё и ведро кипятка, заправленного веточками тут же обильно растущей ежевики – чая. В походах геологи обычно использовали «плиточный чай» – спрессованный в твердую плитку настоящий черный чай: он настолько тверд, что не поддавался разрезанию ножом или ломке руками. Мы разбивали эти плитки топором и заваривали густой чай, чаще всего – чифирь. Но на этот раз плиток чая у нас уже не было. Вместо него использовалось все то, что росло в тайге, в первую очередь веточки малины, липы или ежевики.

После горячего чая, благодатным теплом разлившегося по нашим замерзшим телам, мы стали добрее, и нас потянуло к общению у костра. Начальник отряда Александр сказал: «Уже четыре дня как самолет за нами не прилетает. Облака висят низко, в долине, где имеется воображаемый аэродром, – небольшая более или менее ровная площадка – лужайка покрыта туманом. Не ясно, сколько дней нам придётся еще здесь торчать. Все запасы еды кончились, а из неприкосновенного запаса – НЗ осталось несколько десятков сухарей, по паре сухарей на брата. Нам надо будет как-то выжить. Сухари находятся у меня в палатке. Я буду их делить во время еды». Геологи стали шуметь, возмущаться: «Вот выбросили нас в тайгу и не заботятся. Ходить мы уже не можем: рюкзаки у каждого набиты геологическими образцами и кажутся неподъемными. А лошадей, нанятых для обслуживания отряда, уже сдали». Саша выслушал все претензии к руководству экспедиции, часть претензий приняв на свой счет. За знания и геологические открытия надо платить. А чтобы веселей было выживать, возьму-ка я гитару – сказал Саша. Принёс из палатки гитару, которую терпеливо таскал с собой даже в некоторые, казавшемся ему наиболее легкими маршруты. А так как это был последний маршрут – маршрут домой, естественно, гитара была с ним. Разогретыми у костра пальцами он тронул струны и запел своим тихим и несколько хриплым голосом нашу геологическую. Отряд подхватил песню, и звуки радости и тоски поплыли по спустившемуся и до нашего лагеря туману, по тайге. Песен спели несколько, в том числе и не очень мелодичную, но тоскливую, арестантскую: «По тундре, по железной по дороге, где мчится курьерский «Воркута–Ленинград». Песни «Над Канадой, над Канадой небо синее» тогда в репертуаре Саши еще не было.

Костёр погас. Все разошлись по палаткам. Моё место было в четырёхместной. Сняв влажные брюки, сапоги и штормовку, я надел тренировочные брюки-тянучки, шерстяные носки и сухой свитер, нырнул в холодный ватный «спальник» и быстро уснул.

Проснулся я утром от громких разговоров, доносившихся из шестиместной палатки. Все мы поднялись, подошли к этой палатке. Спрашиваем: «В чём дело?». Саша поясняет: «Просыпаюсь я от хруста: в палатке раздаётся звук, как-будто крыса что-то грызёт. Открываю глаза и вижу, что кто-то сидит у выхода из палатки и что-то грызёт. Я сообразил, что грызут наши последние сухари из НЗ. В человеке я узнал нашего рабочего. Я ему говорю: «Что же ты делаешь, гад! Это же наш НЗ! Если ты всё сгрызёшь, мы умрем с голоду!» А он отвечает: «Вы можете умирать, так как никакого толку от вас не получится. А я – гений! Мне умирать нельзя!»

Этим грызуном оказался рабочий отряда, приبلудший как-то в геологическую экспедицию и распределённый к нам в отряд. В его обязанности входило таскать рюкзак с образцами, рыть шурфы и закопушки для изучения осадоч-

ных пород. Не знаю, действительно ли этот рабочий был гением, но то, что он стал лауреатом Нобелевской премии по литературе – это факт.

Ну, а Саша, начальник нашего отряда, стал доктором наук и одновременно известным на всю страну поэтом и бардом.

В лагере и вокруг в тайге лежал снег. Он выпал ночью. Небо, разгрузившись от непосильной тяжести влаги, стало проясняться. После обеда в обещанном месте на лужайке каким-то чудом приземлился аэроплан-кукурузник, и вечером мы уже находились в посёлке, где располагался центр нашей экспедиции.

После 4-го курса была дипломная практика. Её я проводил в Елгавском районе Латвийской ССР. Тема практики – песчаники франского яруса девона. Я ходил по местности, находил обнажения, описывал их, собирал богатую фауну для последующей классификации и описания.

Студенты после получения стипендии или по случаю какого-либо важного праздника гуляют на свои немногочисленные гроши – танцуют, общаются друг с другом, и этим «другом» часто является человек противоположного пола (программированный в наших мозговых клетках и в нервной системе «зов» природы проявляется в молодые студенческие годы с особой силой). Расскажу об одной из наших студенческих гулянок.

Обхватив ствол берёзы обеими руками, я ходил вокруг этого ствола и не мог от него оторваться: ноги меня еле держали, голова слабо соображала, а мысль была затуманена. Я был «в стельку пьян». Моя подруга Даля, вышедшая на улицу после меня, делала тщетные попытки оторвать меня от берёзы, но ей это удалось лишь после заметных усилий.

До этого я водку вообще не пил. Во время праздников или торжественных случаев, когда вся наша студенческая группа геологов собиралась в одной из комнат общежития за столом, я садился с однокурсницами-девушками и мы выпивали немного сладкого крепёного вина «Вермут» или «Портвейн» по 1руб. 12 коп. бутылка.

Но у нас в группе был один парень, который пил водку, но на её приобретение деньги давал неохотно. И вот после завершения 4-го курса в споре с ним я сказал: «Лёвка, если ты поставишь бутылку «Московской», я один, не вставая из-за стола, её выпью». В спор включилась вся группа: меня стали подбадривать, Лёвку – уговаривать. В конце-концов Лёвка «сдался». Согласился купить бутылку и поставить. Я немного испугался: выпью ли я? Выяснил, что перед выпивкой, чтобы не опьянеть, надо выпить полстакана растительного масла. Тайно от Лёвки выпил эти полстакана.

Вся группа уселась за длинный стол. На столе – «Портвейн», «Вермут» и несколько бутылок водки. И одна бутылка «Московской» специально для меня. Все ждут. Меня подбадривают. Я решился. Три гранёных стакана, что составляло ёмкость поллитровки, я выпил в течение 15 минут. Лёвка был побеждён и лишился 3 руб. 12 коп., которые заплатил за водку. Чтобы доказать, что я не пьян, согласно условиям я должен был пройти по одной доске по длинному коридору общежития. На это зрелище вышли посмотреть не только товарищи по группе, но и другие студенты общежития. Я прошел не споткнувшись. После этого опять уселись за стол.

Ребята стали разливать вино и водку. Стали говорить: «Эмиль, ты не пьян, выпей ещё». Я уже с затуманенными мозгами, но трезвый, согласился. Выпил. Ребята повторяют: «Эмиль, ты совсем не пьян. Выпей еще немножко портвейна». Выпил. И почувствовал себя пьяным. Решил выйти проветриться. До двора общежития я

прошел нормально, а вот по пути к берёзе меня совершенно «развезло». Оторвав от берёзы, Дalia довела меня до моей комнаты и уложила на койку.

Утром рано меня разбудили трезвые товарищи: у меня был куплен на автобус билет в Шилуте, где проживали мои родители. Я должен ехать.

Добравшись кое-как до автостанции, я втиснулся в старый автобус. Совершенно еще пьяный, я стоял в переполненном автобусе, уцепившись двумя руками за поручень под потолком. Стояла июньская жара, солнце палило во всю. Мне было очень и очень дурно. Хотелось воды. Автобус шел до города Шилуте целый день – около 7–8 часов. И всю дорогу я повторял (про себя) одну и ту же фразу: «Чтобы я еще когда-нибудь стал пить! Да никогда. Никогда! Если выживу, то и в рот её не возьму»...

Пришел к родителям я под вечер. А там, во дворе ... мать честная! Составлены столы, а за ними – куча моих родственников. Выпивают, едят, песни поют! Увидев меня, все стали кричать: «А, профессор приехал! Садись быстрее за стол!». Сел, наливают полстакана. Я – ни в какую. Братья мои, уже полупьяные, настаивают. Я: «Никогда! Не буду, не могу». После третьего или четвертого круга я сдался: «Ладно, выпью чуть-чуть». Выпил. Закусил. Полегчало. Подумал: «Вот так и значительная часть русского народа вначале отказывается, другие – уговаривают, настаивают». И люди сдаются, как сдался я. Тогда всплыли картинки из рассказа Тургенева «Певцы»: ухарство, удаль, чудные песни, безделье, и пьяные на полу и под столом.

После этого случая я не пил водку шесть лет, до переезда из Геленджика в Калининград.

В советское время у студентов были сильны традиции (и возможности) общения с представителями других университетов. Такие межвузовские встречи сводились чаще всего к спортивным соревнованиям, самодеятельным концертам, дружественным «чаепитиям» и танцам. В редких случаях такие встречи носили политический или научный характер.

Однажды, когда я был уже на 4-ом курсе, был организован слёт студентов северо-западных вузов СССР в Ленинграде. В этом слёте приняла участие и группа студентов-комсомольцев нашего университета. В группе оказался и я.

Шли зимние студенческие каникулы 1957 года. Комитет Всесоюзного Союза молодежи (ВЛКСМ) объявил о слёте студентов-активистов вузов Северо-Запада страны. Слёт состоялся в Ленинграде. Количество делегатов было ограниченным. Поэтому на слёт отбирались самые лучшие активисты, отличники учёбы. Я попал в эту категорию. Нас, человек 10 студентов Вильнюсского университета во главе с секретарем комсомольской организации, и направили на слёт в Ленинград. Задачей слёта было доложить партии и правительству о верности студентов и молодежи, пообщаться друг с другом, наладить межвузовские отношения.

Делегатов из Советской Литвы опекала молодежь Ленинградского Государственного университета. Разместили нас в студенческом общежитии, показали университет, мы рассказали друг другу о своих делах, конечно, выпили из знаменитых граненых стаканов по чарке водки. В общем, отношения за пару дней были налажены. На третий или четвертый день вечером состоялся танцевальный бал в одном из крупнейших залов Таврического дворца. Сотни красиво одетых студентов, яркий свет, красота зала и оркестровая музыка – все это делало праздник нарядным и торжественным. Танцевали практически всё:

вальс, фокстрот, танго, бостон. В общем, танцевали танцы, которые советская молодежь и должна была танцевать, выражая свою лояльность линии партии.

Я танцевал в основном со студентками Ленинградского университета. Одной из них я стал показывать, как танцуют фокстрот у нас в Вильнюсе. А танцевали его так: вместо ходьбы взад-вперед в такт музыки, мы левой ногой один такт пропускали и эту, левую ногу приставляли к правой. Во время этого «приставления» тяжесть тела переносилась на правую ногу. Тело делало слабый наклон вправо, а затем влево. У нас этот фокстрот назывался по-литовски «твингис» (или «цвингис»). Такой танец как-то разнообразил «занудные» хождения взад-вперед. У моей партнерши «твингис» получался не сразу. Поэтому мы иногда останавливались в танце, я ей опять показывал это простое «па» – пропуск такта левой ногой и её приставку к правой. Потом мы снова продолжали танцевать. При этом как мы оба, так и рядом танцующие, смеялись. Мы были молоды, поэтому были настроены на веселье.

Вот в этот самый момент подходят к нам двое молодых ребят и приказывают: «Перестаньте кривляться! Танцуйте нормально!» Восприняв это как шутку, мы продолжали свое нехитрое дело – танцевали «твингис». И вот, в самый апофеоз танца, когда он уже практически налачился, меня вдруг хватают ребята с красными повязками под руки и ведут в дежурную комнату.

Меня стали спрашивать «Кто я такой. Откуда». Почему во время танца «кривлялся». Вскоре в коридоре послышался шум, гам, топот ног.

Ворвавшись в комнату, ленинградские студенты набросились на «карающих» ребят, стали требовать немедленного освобождения «арестованного». И в первых рядах «борцов за свободу танца» выступала уже «зараженная» новым видом фокстрота – твингисом моя партнерша по танцам. Прочитав всем нам длинную нотацию, притом несколько раз упомянув о растлевающем влиянии запада, командир дежурных нас отпустил.

Литовская делегация тоже выразила протест против ущемления её «танцевальных прав». Всю обратную дорогу мои товарищи по делегации с улыбкой «издевались» надо мной, членом бюро комсомола факультета, арестованным за недостойное поведение.

То был самый разгар борьбы в нашей стране за неукоснительное соблюдение указанной свыше линии поведения, борьбы против изменения стиля жизни, против «стиляги». «Стилягами» считался каждый, кто зауживал ширину штанин брюк, завязывал галстук маленьким узлом, отпускал чуть длиннее волосы, а девчонки носили короткие юбки.

В Таврическом дворце я был причислен к новому движению в СССР – к движению «стиляг». За это и был «арестован».

Окончили мы университет с отличием: у Казиса в дипломе было две или три «четверки», у меня – одна. Альбертас закончил учёбу тоже хорошо.

Физкультура и спорт остались неотъемлемыми спутниками нашей студенческой жизни. Казис – гимнаст, я – скороход и бегун-стайер, лыжник. А Альбертас впоследствии стал заядлым горнолыжником, которым является и сейчас, в свои 75 лет. Мы все трое регулярно делали утреннюю зарядку. Казимир на полу расстилал коврик и выполнял гимнастические упражнения. После этого, раздевшись до пояса и напевая какую-нибудь арию из итальянской оперы, шел умываться. Говорил: «Попеть бы один год, как Карузо, и умереть». Я тоже

в конце концов увлекся оперой и балетом. Это было связано с «приработком» в оперном театре в качестве статиста. Мы часто слушали пластинки – пение не только Карузо, но и Ди Стефано, Гали Курчи, Марио дель Монако и многих, многих других. Казис в оперу и на балет ходил нерегулярно, больше читал.

Вспоминая оперные «экзерсисы» Казиса, я и сейчас вздрагиваю, когда слышу любовный дуэт замурованных в подземелье Амнерис и Родамеса, страда- ния Риголетто и другие арии, заставляющие нас радоваться и страдать.

Мы все трое жильцов нашей комнаты были оптимисты. Самым серьезным из нас был Казис, самым непостоянным и веселым – Альбертас, а самым веселым и жизнерадостным, очевидно, был я. Так как мой рот редко закрывался, а ноги часто не удерживались под столом, а «выбегали» из-под него, пританцовывая, то наши подружки по группе иногда называли меня «паяцем». Но несмотря на столь «ласковое» прозвище я, очевидно, был и самым занудным. Ведь только я мог, собрав свою волю в кулак, прочитать «Капитал» Маркса и разные ... «эм-пириокритицизмы» Ленина. А вот пробел в моем детском и юношеском литера- турном образовании в студенческие годы я устранить из-за занятости и своего «занудства» не сумел. Я мало прочитал книг классиков литературы.

Наш юношеский порыв к добру долгое время, целые десятилетия, сопровож- дал нас в жизни. Как оказалось впоследствии, мы всё это время жили иллю- зиями. Этот порыв, как показала сама жизнь всего советского общества, при- шлось умерить, наши взгляды на добро и зло заставила пересмотреть, а на рубеже разных эпох – даже резко их изменить.



20 лет спустя после окончания университета. На встрече в Гирулай (Литва, 1968 г.)



Великий морской первопроходец Витязь III, на пенсионной трудовой вахте в качестве основного экспоната Музея Мирового океана в г. Калининграде

ЧАСТЬ 2

ПУТЬ В ОКЕАНОЛОГИЮ. ГЕЛЕНДЖИК. ПЕРВЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ В ЧЕРНОЕ И СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЯ

2.1. ПЕРЕЕЗД В ГЕЛЕНДЖИК

Ребята из моей группы университета не проявляли особого интереса к какой-либо геологической дисциплине как к объекту своей будущей трудовой деятельности. Во мне же с раннего детства горело желание как можно больше знать, а полученные знания совместить с путешествиями. Это и послужило основной причиной того, что я стал океанологом (а затем привлек в эту науку и Казиса). На втором курсе я уже писал курсовую по донным осадкам Балтийского моря, что в те годы (1956) было совершенно необычно и не принято: морской геологии в Литве еще не было. Затем мне попались книги М.В. Клёновой и Ф. Шепарда с одинаковым названием – «Геология моря», и я с большим интересом их прочитал. Стал искать другую литературу по морской геологии. В конце концов, после четвертого курса я решил поехать в Москву. Чтобы не платить за проезд, не будучи «профессиональным» танцором, устроился в республиканский коллектив танцоров Литвы, который выступал на VI-ом Всемирном фестивале молодежи и студентов в Москве в 1957 г. Там я разыскал Институт океанологии, где и встретил своего (а потом и Казимира Миколовича) будущего учителя – А.П. Лисицына. После разговора с ним моя судьба была решена. Увидев во мне энтузиаста морской геологии, Александр Петрович получил для меня как для молодого специалиста «ставку», и после окончания университета (1958 г.) я был распределен в Москву, в Институт океанологии АН СССР (ИО АН, впоследствии – ИО РАН).

Над моим увлечением морской геологией наша студенческая группа подшучивала, друзья и сокурсники называли меня фантазером, говорили, что нет такой науки как океанология и, тем более, как морская геология, и никогда не будет. Но когда пришло приглашение из ИО АН, все стали смотреть на меня как-то по-другому. Удивлялись, что добился своего, что меня распределяют в Москву. Я приглашал Казимира поехать вместе со мной работать в области океанологии, но он отказался. Его распределили в какую-то геолого-съёмочную партию Геологического управления Литвы. И он работал в поле в северных районах Литвы, искал месторождения строительных материалов. Альбертас

же после окончания ВГУ пошел учиться в Политехнический институт, впоследствии стал инженером-строителем.

С переездом в Москву, а затем в Геленджик, я расставался с Литовской Республикой, как казалось тогда, на некоторое время, а вышло, что с этой прекрасной страной, меня вскормившей и воспитавшей, давшей мне знания и сформировавшей мой прибалтийский дух, который нет-нет, да и пробуждается во мне до сих пор, я расстался навсегда. При расставании, а на поезд меня проводили мои друзья по группе, уже в пути в моей памяти возникали строки Мицкевича:

*Литва! Отчизна дорогая!
Ты – как здоровье: мы в твоём
Лишенье, все с тобой теряя,
Тебе всю цену сознаём.
Теперь, Литва, твою красу
Постиг и вижу всю вполне,
В чужом краю тебя рисую
Когда тоска жмет сердце мне.*

Уезжая, я не только оставлял Литву, любимый город Вильнюс. Я вполне осознавал, что уезжая в неизвестную страну, в провинцию, я отдаю предпочтение своей научной карьере по отношению к своей личной, в будущем семейной жизни. Так оно и получилось: я целеустремленно двигался к поставленной цели.

Я рвался к морю, приближаясь к первому судьбоносному шагу будущего морского геолога-исследователя. По просьбе заведующего лабораторией морской геологии Института океанологии АН СССР профессора Пантелеймона Леонидовича Безрукова я на месяц раньше сдал экзамены в университете, получил на месяц раньше положенного срока красный диплом и 19 июня 1958 г. был уже в отделе кадров Института океанологии АН СССР в Москве, а через день мчался в общем вагоне поезда Москва–Новороссийск к месту работы, тогда еще в небольшой курортный городок Геленджик. Находясь на второй полке плацкартного вагона, я слышал, что наш человек по имени Юрий Гагарин поднялся в космос и совершает виток вокруг нашей матушки Земли. Радость охватила неописуемая.

От Новороссийска до Геленджика добирался автобусом, а от Геленджика до Голубой бухты (12 км, в настоящее время это уже часть Геленджика) – малым пригородным автобусом. На Черноморской экспериментальной научно-исследовательской станции (ЧЭНИС), как называлось тогда отделение Института океанологии, куда я приехал работать, никто меня не ждал. Директора в этот момент на месте не было. Я представился его заместителю по хозяйственной части Казакову, который поселил меня в маленькую (около 5 кв. м) комнатку. Вторую, большую комнату занимал рабочий Володя Вилков. Положив свой нехитрый багаж, состоящий из сильно потрепанного картонного чемодана и видавшего таежные виды, прожженного искрами костра рюкзака, я отправился осматривать Станцию (так мы сокращенно называли ЧЭНИС). В то время она была слабо озеленена. В июне-июле в Геленджике обычно стоит жара 30–35°C, без дождей. Поэтому вид территории Станции был неважный: остатки желтой, выгоревшей от солнца травы, засохший белесый суглинок со щебенкой, по-

летнему и по-рабочему одетые люди. Вместо зеленой травы, привычной для меня, прибалтийца, – пожелтевшие жесткие колючки, стебельки и кустарники. Однако море было настоящее: оно «дышало» (был слабый прибой), выглядело чистым и прозрачным, вдали – голубым. Забравшись на высокий правый мыс Голубой бухты, как заколдованный смотрел туда, где море начинается, набегает на берег и останавливается вода задерживается на какой-то миг, ... коротенький миг – и отступает, если бы остановить этот миг ..., когда останавливается вода, как раз в этой точке, на самом изгибе ... ну в общем это такая переломная точка Обычно её не замечают. Но если призадуматься, там происходит нечто невероятное, нечто ... невероятное» [Баррико, 1998]. Там начинается море, которое предстояло мне изучать. Я тут же залез на крутой берег, затем на склон горы Дооб и осмотрел Станцию сверху. Вид открывался, конечно, великолепный. Но я, всю свою предыдущую жизнь живший среди лугов и высокой травы, был несколько разочарован выгоревшей растительностью, повсеместными колючками, сухим, желтого цвета холмистым ландшафтом.

Поднявшись несколько выше на склон горы Дооб, я остановился.

Среднего роста (177 сантиметров), худой (всего 70 килограммов), с плоской грудью, в которой искаженные пневмотороксом и продырявленные двумя зарубцевавшими дырками легкие с шумом прокачивали воздух, с тонкими руками, заканчивающимися кистями с искривленными пальцами, несколько отставив назад левую, толчковую ногу с уже выпирающими наружу венами, с неизменной легкой улыбкой, он (то есть я) стоял «дум великих полн». Одни думы были о прошлом, другие – о будущем. О будущем и прошлом. Думы быстро менялись местами. Иногда непроизвольно перемешивались. Думы о прошлом касались его друзей детства – утят и гусят, затем они перескакивали на борьбу с поступлением в 4-ый класс, на прыжки через классы в гимназии, на мелкие спортивные успехи и радости его юной жизни, на университет, на тубдиспансер и нелегкие думы на горе Антакальниса, на посиделки у костров в алтайской тайге и, наконец, на последние дни в университете и проводы из Вильнюса.

Мысли о будущем были туманны. Он радовался, что в конце-концов добежал до промежуточного финиша – нового старта, но уже старта жизненно-марафонского. Он знал: на этот старт вышли и другие его сверстники, которые, в отличие от него, впитывали первые музыкальные звуки с грудным молоком матери или няни-кормилицы и которые провели детство и школьные годы в библиотеках или на спортивных площадках под неустанным оком родителей, тётей или тренеров, и что эти его сверстники тоже находятся на старте марафонского жизненного бега. Он тогда не знал, удастся ли ему добежать до достойного финиша или придется упасть, как Амоку Цвейга, на полпути, не добежав до конечной цели. И если он и добежит, то какие преграды, барьеры его ждут впереди, и все ли он преодолеет «сходу» или будет брать барьеры, продвигаясь вперед то бегом, то шагом, то проползая по-пластунски. С такими тяжело-радостными мыслями он еще раз взглянул на линию начала объекта его будущих исследований – на линию суши и моря, затем на линию горизонта, тихо сказал себе «добегу», повернулся в сторону Станции и пошёл к себе, в новую для него «квартиру», с тем, чтобы, перешагнув через лежащего в проходе дома с открытым ртом, окруженным роем мух А. Вилкова, зайти в маленькую

(но уже свою!) комнатку, распаковать жидкие студенческие «пожитки» и начать новую жизнь.

Затем, вечером, я представился своему непосредственному начальнику – руководителю группы геоморфологии и геофизики Гончарову Владимиру Петровичу. В его группе (в то время структурных лабораторий не было) числилось то ли 5, то ли 7 человек. Приняли меня хорошо, душевно. Владимир Петрович (ВП) познакомил меня с коллективом, сказал, что через день начинается экспедиция в Черное море и что я должен выполнять в ней обязанности литолога. Это меня немножко напугало: ведь я никогда еще не был в море, не видел осадков, поднятых со дна моря, не описывал их, самостоятельно не отбирал образцы.

2.2. ПЕРВЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ В ЧЕРНОЕ МОРЕ

Мы вышли в море на следующий день на судне «Академик С. Вавилов». Это был переоборудованный под научное судно средний рыболовный траулер – СРТ водоизмещением около 360–400 тонн. Начальником экспедиции был Непрочнов Юрий Павлович, геофизик-сейсмолог, аспирант Института океанологии (Москва). Гончаров руководил промером глубин и геологическими работами. С выхода в море начались мои морские (палубные) «университеты». Владимир Петрович оказался хорошим учителем: методично все мне объяснял, показывал, учил держать «конец», не стоять под дночерпателем или трубкой. Я старался во всем ему подражать, помогая укладывать и закреплять на палубе геологическую трубку, выталкивать из трубки колонку, разрезать её, размечать «верх» – «низ», переносить в лабораторию. Однако самую сложную работу – описание и документирование колонки он не выполнял. Эта обязанность полностью легла на меня. Описывал я свою первую колонку «как мог», т.е. не всегда правильно, иногда полуграмотно. В общем, обучали меня работать по принципу «уроков плавания»: бросали в бассейн, выплыву – хорошо, не выплыву – что ж....

Так в море мы проработали неделю. Ю.П. Непрочнов все взрывал свои тротильовые «шашки», старался записывать на сейсмостанции отраженный сигнал взрыва, с тем, чтобы получился сейсмический профиль. В.П. Гончаров измерял глубины, строил эхолотные профили, я описывал колонки. Как ни странно, в конце экспедиции и Гончаров, и Непрочнов меня похвалили, сказали, что из меня выйдет хороший литолог.

Через несколько дней состоялась новая экспедиция в Черное море. Опять те же виды работ: сейсмические взрывы, эхолотный промер, отбор проб осадков дночерпателем и ударной трубкой. Комплексная геологическая съемка проводилась быстро. Все были молоды, энергичны, трудолюбивы. Результаты получались хорошие. Осенью в группе В.П. Гончарова появилась вакансия лаборанта, я уговорил Владимира Петровича взять на эту должность К.М. Шимкуса. После его согласия я написал Казису и предложил ему приехать в Голубую бухту. Казимир, к моему удивлению, согласился, бросил свою полевую работу и с чемоданом и рюкзаком в ноябре 1958 г. явился на ЧЭНИС, где был зачислен на должность лаборанта с окладом 74 рубля в месяц. В его обязанности входило: подготовка

материалов по рельефу дна для В.П. Гончарова, участие в промерных работах в Черном море, составление батиметрической карты. Надо отдать должное В.П. Гончарову: он нас с Казимиром обучал не только выполнению промерных работ, но и гидрографическому делу, а также всем видам геологических палубных работ. Он требовал от нас тщательной подготовки геологического оборудования заранее, учил правильному уходу за оборудованием, покраске дночерпателей и труб, подбору тросов. Фактически В.П. Гончаров был нашим первым настоящим учителем по морской геологии. В 1960 г. К. Шимкус был переведен в мою литологическую группу на должность старшего лаборанта (оклад 98 рублей), а затем и младшего научного сотрудника. Мы часто ходили в гидрографические экспедиции в Черное море, работали совместно с военными гидрографами, измеряли глубины моря, готовили профили для будущей совместной карты дна моря, отбирали длинные колонки (до 12 метров) осадков, начали писать научные статьи, то есть стали самостоятельными научными работниками. В лаборатории (на суше) мы занимались преимущественно минералогией осадков (а я и минералогией водной взвеси). Все эти экспедиции в Черном море были каботажными, без заходов в иностранные порты. Напишу несколько фраз про питание советского моряка на судах каботажного плавания.

В длинные зимние вечера, когда мама или старшая сестра садились за ту же, на кухне поставленный ткацкий станок, и при свете лучины ткали полотно, мы, младшие дети, получали маслобойку и должны были сбивать в ней масло. Сбитое масло шло в дело, а пахта доставалась нам на ужин как прихлёбка к вареной картошке.

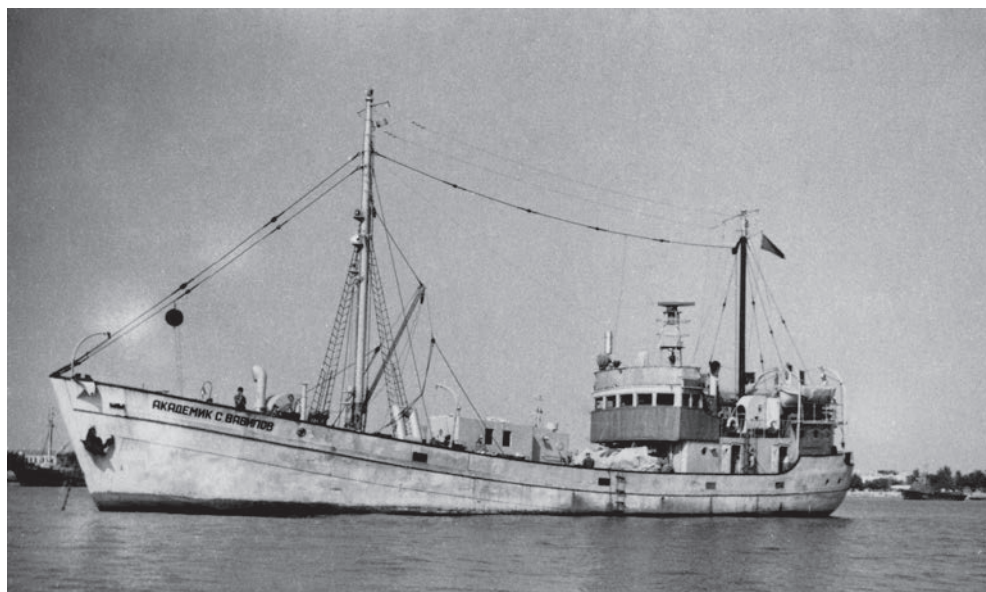
Второй эпизод с маслом, запомнившийся с детства, – это кусочки масла, выделяемые каждому члену семьи переселенцев в Советский Союз в перевалочном приграничном лагере.

Третий эпизод связан с моим вхождением в коллектив научной морской экспедиции на судах нашего института в Черном море. Добавив в стакан горячего чая две ложечки сливочного масла, я его размешивал и залпом выпивал. После этого брался за борщ или суп. Опытные профессиональные моряки, сидевшие со мной рядом за столом, от меня отворачивались: не могли смотреть, как я готовлю «напиток» и его выпиваю.

Я пришел на судно «Академик С. Вавилов» прямо со студенческой скамьи. На судно пришел молодой жилистый и мускулистый парень спортивного типа без «жиринки» на животе. Тело этого парня все пять лет учебы недополучало необходимое количество жиров. При росте 177 сантиметров я весил 69–71 кг. Мое тело требовало мяса и жира. А на судне на столе кают-компания стояли хлеб, сливочное масло, сахар, соль, горчица. Ешь – не хочу. После скудной студенческой пищи я набрасывался на масло. А пить растопленное в чае масло меня научили в туберкулезном санатории. Вот на судне я и продолжал свой опыт больного (хотя к тому времени я был совершенно здоров).

Пил я масло со сладким чаем примерно полгода. Наконец, мое тело насытилось жирами, и я стал есть нормально, как и весь экипаж судна.

Нелёгкая жизнь, слабое питание в годы физического расцвета и сильнейшего умственного напряжения были характерны для большей части студенчества. Наоборот, когда ты уже взрослый, и питание не играет столь важной роли, как в молодые годы, всего полно, «ешь не хочу!». И тогда наступает переедание и ожирение.



НИС «Академик С. Вавилов», на котором я совершил две экспедиции в Средиземном море (1959 и 1961 гг.)



Ведутся сейсмические исследования в Черном море (1959 г.)



Спуск длинной поршневой трубки с борта НИС «Академик С. Вавилов» (1959 г. Средиземное море)

2.3. ИЗУЧЕНИЕ ЧЕРНОГО МОРЯ НА «ВИТЯЗЕ»

Под таким названием в России было четыре судна. На «Витязе-I» Н.Н. Миклухо-Маклай в 1873 г. совершил своё знаменитое путешествие к Новой Гвинее. На «Витязе-II» адмирал С.О. Макаров в 1887 г. изучал Тихий океан.

«Витязь-III» – это судно, переоборудованное из банановоза «Марс». После II-ой мировой войны оно досталось СССР, было передано Институту океанологии АН СССР и в 1947–1948 гг. переоборудовано под научно-исследовательское судно.

В 1960 г. Н.Н. Сысоевым на судне «Витязь-III» была организована экспедиция в Черное море (32-ой рейс). Для меня этот рейс знаменит тем, что я впервые в ранге начальника отряда руководил геологическими исследованиями. В экспедиции принимали участие «корифеи» нашего Института: Э.А. Остроумов, С.В. Бруевич, О.В. Шишкина, конструктор геологических трубок Е.И. Кудинов и многие другие. В отряде кроме меня работали еще несколько техников, а также К.М. Шимкус и студенты-геологи Вильнюсского университета. В задачи отряда входили: испытание длинных (15–25 м) поршневых малого (72 мм) диаметра геологических трубок, отбор и описание длинных колонок, распределение осадочного материала между другими отрядами для лабораторного изучения на судне. По настоянию Н.Н. Сысоева все сотрудники, желающие получить осадки для лабораторного исследования, должны были выстраиваться у иллюминатора и там ждать, пока я не закончу описание и «разделку» колонки. Мне было ужасно неудобно перед «очередниками», так как это были старшие товарищи по цеху, фактически мои учителя. В работе мне помогал К.М. Шимкус. В данной экспедиции благодаря конструктору Е.И. Кудинову и начальнику экспедиции Н.Н. Сысоеву мы отобрали десятки рекордно-длинных колонок (11–12 м). Можно было бы отобрать и более длинные колонки, но конструкция трубок при их разборке в вертикальном положении за бортом этого делать не позволяла: при разъединении отдельных секций трубок полужидкий осадок из верхней трубки неизменно вытекал наружу.

Особое значение экспедиции придало участие в ней Николая Михайловича Страхова, к тому времени бесспорного лидера в литологической науке не только в СССР, но и в мире. Именно Н.М. Страхов с академиком А.Д. Архангельским в 1937 г. опубликовали первую в мире монографию по геологии моря (в данном случае по геологии Черного моря). Мы с К.М. Шимкусом внимательно проштудировали эту книгу и при описании колонок старались подражать Н.М. Страхову. А когда его впервые увидели в порту Батуми, заходящего на судно для участия в экспедиции, были очень рады. Описывая колонки, мы то и дело обращались к нему с разными вопросами. Он нам потечески помогал и сам внимательно рассматривал колонку. Таких длинных кернов он еще не видел. Николай Михайлович впервые участвовал в морской экспедиции. И моряком оказался неважным: он укачивался. Помню, при небольшой качке (2–3 балла) его вырвало. Я, чтобы навести порядок, обратился к Шимкусу со словами: «Казис, подай, пожалуйста, тряпку», в надежде, что Казис подотрёт и уберёт все с колонки. Но Казис протянул мне тряпку и сказал: «Возьми». Мне ничего не оставалось делать, как все убрать. Николай Михайлович тут же ушел в каюту пережить «шторм». Казис после этого и

говорит: «Ну, Емельян, после того, что случилось, ты станешь либо врагом академика, так как увидел его слабость, либо любимчиком». К чести Н.М. Страхова я стал не то, чтобы любимчиком, а уважаемым молодым научным сотрудником. Я часто навещал его в Геологическом институте либо дома. Мы вели с ним активную научную переписку.

32-ой рейс «Витязя» для нас с К.М. Шимкусом завершился весьма удачно. Мы получили для лабораторного исследования прекрасный материал, а у ученых старшего поколения заслужили почет и уважение. И это нам в последующем весьма пригодилось.

Работая на НИС «Профессор С. Вавилов», мы посетили почти все черноморские порты Кавказа и Крыма: Батуми, Сухуми, Лазаревское, Туапсе, Новороссийск, Керчь, Феодосию, Ялту, Гурзуф, Евпаторию, а также Одессу. Во время заходов, конечно, мы купались, ели вкусные чебуреки и шашлыки, снятые тут же при нас с огня, запивая черноморским рислингом, реже крепленным красным вином. Воспоминания тех далёких дней, проведенных в харчевнях или на базарах упомянутых портов, будоражат мои чувства и желудок до сих пор!

Около двух лет я проработал под непосредственным руководством В.П. Гончарова. В 1960 г. на ЧЭНИС было решено организовать литолого-геохимические исследования геологических материалов, собранных А. П. Лисицыным и другими исследователями в приантарктических частях Мирового океана на судне «Обь», а также черноморских и средиземноморских геологических проб. Непосредственное руководство организацией литолого-геохимических исследований в Голубой бухте, где находился ЧЭНИС, было поручено мне. Общее научное руководство осуществлял А.П. Лисицын, работавший в Москве. В Голубую бухту из Сибири пригласили опытных геологов (Геorgia и Фаину Прокопцевых), химиков-аналитиков (Василия и Екатерину Соколовых), были приняты на работу молодые специалисты – химик В.Ф. Севастьянов и геохимик М.Ф. Пилипчук, подобраны лаборанты. В эту группу вошли и мы с К. Шимкусом как литологи. Весь этот коллектив (около пятнадцати человек) размещался тогда в одном небольшом лабораторном здании на берегу моря, которое стоит и сейчас. Мы добывали микроскопы, химические приборы, посуду и реактивы, лабораторные столы и шкафы. Организационный период продолжался около двух лет. А.П. Лисицын часто бывал в Голубой бухте и сам руководил работами. В организации нам активно помогал заместитель директора Института океанологии Николай Николаевич Сысоев. При организации химико-аналитических работ мы с А.П. Лисицыным встретили активное сопротивление со стороны профессора Э.А. Остроумова, руководителя лаборатории химии моря ИО РАН в Москве, и его ближайшего сотрудника кандидата химических наук И.И. Волкова. Им не нравилось, что химико-аналитические исследования проводим мы, геологи, а не они, химики. Тем не менее лаборатория заработала, анализы пошли. Появились и первые научные работы.

В Голубой бухте, сразу же за речушкой Ашамба, на берегу моря было отделение рыболовной бригады (или колхоза?). Рыбаки-профессионалы ловили в море рыбу. И не только рыбу. Помню жуткий случай, когда они вылавливали и млекопитающих, т.е. дельфинов. Рыбаки их убивали либо за бортом, либо на палубе.

Дельфины издавали громкие предсмертные крики, которые я назвал «плачем».

Плач был слышен примерно за километр. Убийцы, окружив полукольцом и загнав в небольшую Голубую бухту, их жестоко убивали. Жестоко это когда, поймав в сети, специальными пиками, баграми, палками, ломami старались их оглушить или убить насмерть и втащить на палубу судов. Мы, жители небольшого научного поселка Голубая бухта, выбежали на пляж, а некоторые на высокий крутой берег, с большой жалостью, некоторые со слезами на глазах наблюдали за убийством. Дельфинам ничем помочь не могли: они были в воде, убийцы – на небольших рыболовецких судах и на спущенных на воду шлюпках. Эта специальная рыболовная бригада промышляла дельфинов – наших «морских братьев по разуму». Избиение длилось до самого вечера. Окруженные судами и специальными сетями дельфины металась по бухте, пытаясь найти брешь, и, видимо, это им не удавалось.

К вечеру «плач» затих: то ли их всех перебили, то ли часть из них смогла уйти, то ли рыбаки-убийцы устали.

Мы, зрители, разошлись по своим делам, обсуждая содеянное с такой жестокостью.

В те времена, конце 50-х и начале 60-х годов прошлого столетия, еще не было закона, запрещающего промысел китообразных. Поэтому, помимо лова, некоторые, я бы сказал жестокосердечные люди, занимались убийством дельфинов ради забавы. Например, наш капитан Борис Гильденбаум выходил на бак с двустволкой, нагибался над форштевнем судна, впереди которого на расстоянии 1,5–2 м так любят дельфины плавать и играть, не удаляясь от судна и не приближаясь к нему, дуплетом выстреливал в выпрыгнувшего дельфина. Убитый дельфин либо тонул, либо его тело всплывало позади судна. Если в бинокль видели тело мертвого дельфина, капитан посылал за борт матроса. Обычно это был маленький, худющий, но очень сильный и верткий краснодарский грек по имени Витя Агафангелос. Он, привязав к поясу веревку, прыгал в воду, подплывал к мертвому дельфину, привязывал веревку к его хвосту и моряки вытаскивали тушу на палубу. На палубе её разделявали острыми ножами. Мясо и жир отправляли на камбуз. Жир вытапливали, сливали в бутылки и отдавали экипажу или научным работникам. Мясо крупными кусками жарили и ставили на стол. Кто мог, тот ел. Могли не все. Запах во время всей этой процедуры стоял острый, рыбий.

Воистину нет пределов человеческой жестокости!

Вскоре и в СССР запретили промысел дельфинов. И теперь мы любим совершенством их тела, разумностью их поведения и их интеллектуальностью.

Поставив точку в данном рассказе, я включил телевизор. И, о ужас! Канал REN-TV показывал сцену избиения в Канадской Арктике невинных морских котиков! Их стреляли, убивали острыми крючками – баграми и стаскивали в кучу. Канадским промысловикам было разрешено убить 30000 котиков. Ради мяса и меха! Мех требовали модницы.

Началась наша планомерная научная работа. Она не была нам в тягость: я шёл на работу, благо, она была тут же на Станции, в 200-метров от моего жилья, с радостью и улыбкой, сам себя подгоняя. После работы мы, молодежь, часто шли на спортивную площадку, где играли либо в баскетбол, либо в большой

теннис (в дождь и в слякоть большой теннис нам заменял настольный). После игр – в море. Иногда мы купались ночью, зачастую голышом. Это настоящее удовольствие. Если нас в море ночью замечали пограничники, лучом мощного прожектора они требовали, чтобы мы ушли.

В мае 1961 г. у нас с Лидией Петровной родилась очаровательная дочурка и назвали мы её Юлией.

Наиболее популярным напитком у нас был либо анапский, либо черноморский рислинг, который привозили с заводов бутылками (полиэтиленовых канистр тогда еще не было). На самом деле пили рислинг мы тогда не из бутылки, а из бутылей, и закусывали обычно вяленой рыбкой – ставридой, которую тут же, в Голубой бухте, ловили на «самодуры».

Летом в Голубой бухте солнце вставало рано и светило ярко. Уже в 8 утра было тепло, а иногда и жарко. Все сотрудники к 9.00 выходили на работу, которая проходила тут же, в рядом стоящем доме (до 1968 г. почти все научные сотрудники и техники проживали и работали в Голубой бухте). В лабораторном корпусе у моря до обеда было еще прохладно, а в финских картонных домиках, в которых проживала основная часть научного персонала, было уже жарко. На обед ходили в столовую, которая была организована в одном из временных домиков, или шли домой (если проживали на территории Голубой бухты). Еда в столовой была незамысловатая, обычная «столовская», характерная для провинциальных советских столовых: борщ, щи, харчо, котлеты или сосиски с гречкой, неизменный компот или чай. И все это стоило 80 коп. – 1 рубль (при зарплате научного сотрудника без ученой степени – 120 рублей). Некоторые после обеда успевали искупаться в море. И опять на работу. Мы с Казимиром часто задерживались в лаборатории или выходили поиграть в волейбол или большой теннис.

Поздравляя Казимира Миколовича с 50-летием, я написал небольшое поздравление «Полет».

Мой друг! Давно ли мы мечтали о нашем будущем вдвоем?

И вот полжизни пройдено! Оглянемся назад!

Окрепнув чуть, мы ввысь решили полететь.

Нам говорили: «Куда же вы? Давай как все!».

«Нет, нет!» – кричали мы. –

«За горизонт спешим там истину искать!».

Нелегко был наш путь. Сквозь грозы, бури пробивались.

Подбиты, но не сломлены, мы снова в бой бросались.

И вот он – результат: нам крылья надломали, кому одно крыло, кому – и два...

И вот стоим мы на вершине жизни нашей. А дальше что?

Безропотно катиться вниз или вновь на край Земли податься?

Смотрю, раздумываешь ты: решаешь, как тут быть.

Переглянулись мы, и крикнул я: «Давай летим!».

Опять над облаками мы. Опять сердца, как перед боем, застучали.

Но вижу, стал «хромать» ты на крыло.

Стал отставать ты от полета.

«Мой друг, давай вперед! Ведь видишь – мы вдвоем...».

*Безбрежен знаний океан. И сколько в нём открытий и страданий!
Но мы летим. И снова, как в былые времена,
мы грудью ветры пересекаем.*

2.4. ПЕРВЫЕ МОРСКИЕ ЗАРУБЕЖНЫЕ ЭКСПЕДИЦИИ

Институт океанологии АН СССР был привилегированным, т.к. имел право проводить работы на океанских просторах, т.е. за рубежом. Участники экспедиций во время захода в иностранные порты могли общаться с местными учеными, знакомиться с жизнью людей, проживающих в странах «загнивающего капитализма». Как «пахло» от этого загнивания написано в тысячах книг, поэтому повторяться не буду. Скажу только, что в наш институт старались устраиваться на работу желающие видеть то, что творится за «железным занавесом», а заодно и делать новую, интересную и нужную научную работу. Это обстоятельство привлекало в ИОРАН умных и хитрых людей, среди которых были люди разных национальностей. Но я хочу в этой главе написать не об этом, а о том, как я сам работал за рубежом, знакомился с учеными, проводил время на кораблях.

В 1960 г. Советский Союз приоткрыл «занавес» и разрешил советским ученым-океанологам работать в морях и океанах с заходами в иностранные порты для отдыха и пополнения запасов воды и продовольствия.

Когда работы велись по программам СЭВ, заходили в один и тот же, доступный для нас советских моряков иностранный порт Варна, Болгария. Лишь проводя работы по программам СЭВ моряки имели возможность заглянуть за пределы СССР. И такую (единственную) возможность представляла нам социалистическая страна Болгария. Кроме того, мы неоднократно приезжали в Софию или Варну для участия в работе общих научных симпозиумов, а я прилетал еще по линии ЮНЕСКО для подготовки карт по осадкам Черного и Средиземного морей.

Болгарские коллеги всегда сердечно, душевно встречали нас на болгарской земле. Они хорошо относились к нам, советским людям, чтили русских как братьев, помнили, что Россия освободила их страну от турецкого ига. На мой вопрос, почему в Софии стоит памятник Александру II и он не разрушен как многие памятники царям России в СССР, мой коллега Хрисче Хрисчев сказал, что они никогда этого не сделают: Александр II – это их освободитель.

В советское время Болгария служила для советских людей своеобразной отдушиной. Это была одна из немногих стран социалистического лагеря, куда советский человек мог приехать, получив свои суточные в виде валюты.

Морские геологи (Петко Дмитров, Веселин Деков и другие) учились в аспирантуре в нашем институте в Москве, защищали диссертации на основе собранных в наших экспедициях материалов. И сам руководитель морских геологов Хрисче Хрисчев был частым гостем у нас, в СССР.

Наши океанологи, работавшие на Черном море, часто заходили в порт Варна как в единственный доступный тогда нам заграничный порт. Все океанологи из Ге-

ленджика, Ростова-на-Дону, Киева, Москвы, Новосибирска старались вовлечь болгарских коллег в совместные, международные проекты, чтобы легче получить разрешение на заход в иностранное государство. И каждая из наших делегаций предлагала болгарским коллегам написать совместную монографию. Вначале болгары соглашались. И много совместных монографий было опубликовано, в основном в СССР. Но так как в СССР океанологов было много, а болгар – мало, они стали отказываться от совместных работ. Болгары считали, что в океанологии они очень сильны, и стали часто выбирать с кем в экспедицию идти и с кем книгу (или статью) писать, а с кем нет.

Нас, советских людей, часто обижало слегка «холуйское» отношение болгар, работавших в туристическо-ресторанном сервисе. Но в целом, о Болгарии, о Софии, об их жителях у нас оставались хорошие впечатления.

В Софии я посетил многие музеи. В Софийском соборе увидел Кирилла и Мефодия – создателей нашего славянского (русского) алфавита. Свое посещение Софии и Софийского собора я описал следующим образом: «И вот уж в центре я. Собор великий предо мной. Весь в злате. Огнем пылают купола. Внутри прохладно, таинственно, темно. От алтаря церковная наружу песня льется. Кадило поп несет. Вдыхаю детства аромат: давным-давно, в молодые годы запах этот слышал. Окончен Господу поклон. Пора идти. Но вновь (в который уже раз!) пред старцами двумя невольно я робею. Смотрю на них: избыток чувств нахлынул на меня. От них, от старцев двух родник словесный в символах застыл. И льется он на протяжении сотен лет. И будет литься он еще веками.

Болгария! Прекрасная страна! Насколько лет тебя я покидаю?»

Проводы сотрудников в зарубежные экспедиции сопровождались характерным для советской эпохи ритуалом. Помимо специального морского паспорта мы обязаны были иметь медицинский паспорт, не должны были брать с собой сомнительную политическую или религиозную литературу, спиртные напитки и все остальное, что могло мешать нам выполнять предусмотренную программой работу или позорить советского человека. Перед выходом нас проверяли специалисты таможенной и пограничной службы, вооруженные карабинами и штыками.

Штыки нас провожали, когда мы покидали родные места. Родственники и друзья махали нам руками, мы – им в ответ. По мере удаления корабля махающие руки становились все мельче и мельче. А штыки все еще поблескивали на винтовках солдат. Солдаты–пограничники оберегали нас, уходящих «туда», по другую сторону «мира», от родственников и других людей, чтобы они, не дай бог, чего-нибудь с нами не передали. Граница государства, опоясывающая по периметру всю страну вспаханной полосой земли и двумя рядами колючей проволоки, для нас, моряков, проходила здесь, у бровки причала, где все еще стояли самые стойкие из родственников и где все еще поблескивали примкнутые к винтовкам солдат штыки, которые на долгие месяцы отторгали нас от родных, от дома, от Родины. Отойдя от пирса, мы становились как бы «заразными»: без тщательной проверки под охраной штыков мы уже не имели права непосредственно общаться с родственниками.

Уйдя за горизонт, мы шли все дальше и дальше в океанские просторы, чтобы пытливую мысль удовлетворить и государство, отгороженное от нас штыками, прославить. А заодно и вдохнуть того растленного «запаха», который так

столбом и валил от загнивающего капитализма. Вдыхали мы этот запах вместе со свежим бризом тропиков, ежедневно запивая его положенным по закону тропическим вином. Когда растленный запах начинал нас совсем одолевать, мы добавляли в стакан вина чистейшего алкоголя, выдаваемого нам Родиной для чистки аппаратуры и экспериментов.

Находясь обычно в тропиках, подрумяненные почти вертикально падающими лучами солнечного светила, мы забывали про штыки и предавались любимому делу – сбору проб воды, ила и твердых пород дна с тем, чтобы приоткрыть все еще находящиеся под восемью замками тайны природы. Поработав усердно три-четыре недели в море или океане, мы заходили в один из облюбованных руководством экспедиции иностранных портов, чтобы отдохнуть и испытать свою силу воли: не поддаться блестящим витринам загнивающего капитализма, не испачкаться о те следы «гниения», которые находились повсюду в портах захода. Но практически это нам не удавалось: большинство из нас прихватывало эти «следы» в виде зонтиков, париков, колготок, курток, а то и в виде бутылок относительно дешевого «Наполеона».

Просветив лучами своих приборов дно, подняв и проанализировав сотни, тысячи проб, осмыслив всё сделанное в океане, с обгоревшими лицами, полные душевного и телесного томления, с думами о родных и друзьях, мы поворачивали от «загнивающего» мира обратно, к себе домой, в самую светлую и свободную страну. И первое, что мы видели, приблизившись к долгожданной Родине, это родственников и поблескивающие холодным стальным отливом штыки.

Был разгар «холодной войны» между капиталистическим и социалистическим мирами.

Чтобы в иностранных портах купить что-нибудь и отдохнуть, нужна валюта. В те далекие времена у советского народа валюты было очень мало или ее вовсе не было. Советские банки рубли на иностранную валюту не меняли. А уличные «менялы» в иностранных портах захода рубли либо вовсе не принимали (они просто тогда еще не знали что такое рубль), либо давали за 1 рубль несколько американских центов. Причем морякам рубли продавать в портах категорически запрещалось. Советское правительство как могло помогало ученым и морякам: выделяло небольшие суммы валюты капитану на закупку свежих овощей и других скоропортящихся продуктов. Членам же экспедиции и экипажа судна положено было давать по 1 доллару в сутки на личные нужды: на транспорт, пиво, кино, сувениры для родственников и т. д. Причем, плата в валюте происходила не за все экспедиционные дни, а только за дни стоянки в иностранном порту. Стоянка исчислялась от последней океанологической станции перед заходом в порт и до первой станции после захода. Судно в иностранном порту обычно находилось 3–4 дня. Следовательно, участники экспедиции получали 3–4 доллара США за один заход. Экспедиция длилась обычно 40–60 дней, в течение которых было 3–4 захода в иностранные порты. Таким образом, всего члены экспедиции за одну экспедицию получали по 12–16 долларов. Чтобы увеличить эту сумму, капитан и начальник экспедиции решали последнюю перед заходом в порт и первую после захода станцию сделать как можно дальше от порта, с тем чтобы в дни захода включить одни дополнительные сутки до захода и одни после захода. За сутки хода от станции до порта (и

после него) судно сжигало около 3–5 тонн топлива, а участники экспедиции за эти сутки «съедали» продуктов тоже на значительную сумму. Легко прикинуть, что дополнительная оплата участников экспедиции в валюте за те два дня подхода и отхода от порта составляла примерно одну десятую долю того, что государство теряло за эти дни.

Система оплаты труда советских моряков в первые годы их работы в зарубежных экспедициях была, как видим, очень несовершенна, а для государства убыточна. Со временем это стало понято и «в верхах», и морякам стали платить значительно больше. Сейчас, 14 лет спустя после начала перестройки, рядовому участнику научной экспедиции Академия наук платит за каждый день нахождения в море и в портах 13–15 долларов США в день, т.е. 400–450 долларов в месяц. Но это все равно в 6–10 раз меньше, чем зарплата иностранных участников научных экспедиций.

В российских коммерческих экспедициях зарплата моряков в 3–5 раз выше, чем у моряков научных экспедиций.

Многие ученые-океанологи пишут об этом толстые книги. Моя книга воспоминаний – не описание повседневной экспедиционной жизни, а рассказы об отдельных, как мне кажется интересных, а иногда для меня и неприятных моментах.

В Черном и Средиземном морях в 1960–1970 годы мы работали на малых судах, а в Средиземном море – на судне типа среднего рыболовного траулера (СРТ) водоизмещением около 400 тонн, на борту которого находилось 10 ученых, а также судовой врач и секретный сотрудник (сексот) под видом какого-нибудь техника-лаборанта. Жили на таком судне дружно, вахты несли по 10–12 часов, а иногда работали круглосуточно (пока была возможность работать или пока не падали от усталости).

Пирей и Афины. Это первые мною увиденные зарубежные города. Пирей – это порт Афин. Конечно, те три дня, что были в Греции, мы провели в основном в Афинах. Запомнилась мне белизна города: белые здания, белые улицы и даже мостовые. Везде мрамор или белые известняки, желтоватый доломит. Колонны, амфитеатры, конечно, Парфенон. Кто же не мечтал его увидеть? Запомнился мне театр Диониса, где мы ночью, при луне, смотрели «Антигону» Софокла. Акустика восхитительна, зрелище потрясающее. И все это под открытым небом.

Национальное греческое вино со странным названием «Рицина» с резким запахом серы мне помнится до сих пор. И много, много маслин.

Мы были в Афинах, кажется, в начале сентября (1960 г.). А сентябрь в Греции – месяц урожая, месяц праздника бога виноделия Диониса. Вот мы, четыре члена экспедиции во главе с молодым тогда её начальником Костей Федоровым, и оказались в г. Дельфы, что недалеко от Афин, на празднике вина. Небольшая плата – только за вход, за графинчик с прыгающими чертями на его боках, и за небольшой стакан. На отгороженной территории – множество бочек больших и малых. Выстроены они в ряды. Каждый остров, каждая провинция выставили свою продукцию. И каждую такую провинцию представляет молодая гречанка в национальной, характерной для данной провинции (острова) одежде. Подаетшь ей стакан или графин, и она из любой бочки, на которую ты укажешь, нацеживает тебе вина. Пей – не хочу. Кругом народ, местный и при-

езжий. Музыка, танцы, аттракционы. Все освещено, люди смеются или тихо разговаривают. Подходим к одной, другой, третьей провинции. Пробуем вина. Всё – за входную плату, но выдержанное вино, сладкое, а также еда – за дополнительную. И ни одного пьяного у бочек или под забором.

Возвращаемся на судно поздно ночью. С впечатлениями, которые сохранились на всю жизнь. И графин с танцующими чёртиками стоит в серванте до сих пор.

Уже потом, после экспедиций по «старому свету», я в одно время увлекся греческой литературой. Книги «Одиссея» и «Орестея» читал многократно. Как и Орест, переживал за царя Агамемнона, предательски убитого в собственном доме любовником жены и самой женой. И все это проходило ещё тогда, когда о Руси нигде не упоминалось.

В Афинах мы впервые встретились с НТС.

Эта загадочная и страшная для нас, советских людей аббревиатура в течение всего советского времени была под запретом. Кажется, давным-давно, в 1960 г. во время моего первого посещения Афин ко мне подошли два молодых человека в модных в то время среди советских людей серых габардиновых плащах и стали разговаривать со мной на чистейшем русском языке. В начале речь шла о море, о заходе в порт Афины, о греческом вине и сувенирах. Затем один из них, как бы между прочим, сказал, что они оба из НТС. Я тут же расшифровал это сокращение как «научно-технический совет» и сообразил, что они тоже из какого-то советского института. Я их переспросил: «Вы тоже из Академии наук?». «Нет» – ответил один из них. «Мы из НТС, т.е. из Народно-Трудового союза. Мы здесь временно, как когда-то Ленин, Плеханов и другие революционеры в царское время». И тут до меня дошло – эти ребята наши злейшие враги! Именно о них говорил нам в напутственном слове в порту перед выходом в море представитель наших официальных властей. Боком, боком (я и два наших сотрудника из моей группы-тройки) стали отодвигаться от «энтеэсовцев», чтобы как можно быстрее от них уйти. Тщетно они пытались нас соблазнить стаканом вина или чашкой кофе в ближайшем кафе. Оторвавшись от них, мы завершили свою прогулку по городу и через час стояли уже перед капитаном судна и замполитом. К моему ужасу по пути на судно я обнаружил у себя в кармане плаща рулончик литературы на русском языке.. Этот рулончик я и передал нашему замполиту – хранителю чистоты наших душ. На его вопрос, откуда это у меня, я пролепетал, что не знаю. Просто нашел в кармане своего плаща. Тогда и мои попутчики стали передавать брошюры и газеты. Они тоже заявляли, что не знают, как эта литература попала к ним в карманы. В общем, на судне был большой переполох. Меня тогда удивило, что и сам «смотритель» за нашими душами тоже перепугался. Он просил нас быть свидетелями, как он на виду у всех будет сжигать все принесенные нами брошюры и газеты, не забыв составив об этом акт.

Давно канули в лету те страшные времена всеобщей слежки друг за другом, времена полной изоляции советского народа, в том числе и нас, молодых ученых и моряков, от остального мира.

Недавно по телевизору шла передача о безопасности спортсменов на Олимпиаде в Пекине. И каково же было мое удивление, когда один из выступавших по московскому ТВ оказался руководителем Народно-Трудового

союза (НТС), действовавшего на благо России за рубежом в те давние времена. Он рассказывал, как они, приезжая на Олимпиаду в Москву, прятали пропагандистскую литературу для вручения её советским гражданам. И этот «энтезсовец», этот страшнейший в то далекое – близкое время человек, на равных разговаривал с ведущим передачу. О времена! Насколько мы в советские времена были оболванены и запуганы. А ведь пугаться было из-за чего. Привоз и передача другому лицу хотя бы одной брошюры НТС грозило прекращением не только выбранной тобой карьеры: такого человека сразу же лишали возможности участия в иностранных экспедициях. И человек превращался из привилегированного, допущенного к контактам с людьми зарубежных стран, в простого советского человека, призванного трудиться только там, где этих контактов не было.

Возможность работать в море обычно зависела от погодных условий. При четырех-пятибалльном шторме работать было очень трудно или вовсе нельзя. В сильный шторм наша экспедиция попала во время 3-го рейса НИС «Академик С. Вавилов» (1961), начальником которого был морской офицер в отставке сейсмик-акустик по гражданской специальности Валерий Ковылин (впоследствии доктор наук). Мы находились в Центральном бассейне Средиземного моря (это бассейн между Сицилией, Критом и Африкой), в самом удаленном от берегов районе. Шторм усиливался с каждым часом, и к берегу мы пристать никак не могли. Пять, семь, десять баллов! А это уже ураган. Наше судно могло держаться только носом на волну. Бросало ужасно. Трое суток мы боролись за жизнь. Члены экипажа, свободные от вахт, лежали на койках. Причем все они привязывались, чтобы очередной удар волны не сбросил их на пол.

Шторм 11 баллов. Судно держалось только носом на волну. Наше единственное спасение было в работе двигателя. Остановись двигатель, и все мы через пару минут окажемся за бортом. Машина «Академика С.Вавилова» работала как часы, без всякой «мерцающей аритмии».

Лишь химик В.Д.Чумаков да я, самые молодые из научного состава, могли передвигаться по лаборатории и кубрикам, подавать лежащим воду, хлеб и консервы. Волны, разрезанные носом судна на две части, пролетали над палубой до рулевой рубки, что находилась близко к корме, ударялись в нее и прокатывались по судну десятки тонн воды. Пройти по палубе было невозможно.

И члены экипажа, и научный состав лежали молча все трое суток, зарекаясь больше никогда не ступать на палубу судна. Лишь начальник экспедиции, бывший флотский офицер, называемый нами за высокий рост «Стропила», лежал и уговаривал главный двигатель: «Хоть бы не заглох, хоть бы не заглох».

Ураган утих через трое суток, но семибалльный шторм продолжался еще четыре дня. Наш «Академик С. Вавилов», как истинный боец, выдержал бой с Нептуном. Но вскоре он погиб от норда у стенки Новороссийского порта. Холодный ветер, названный за свирепость бора, был так силен, что «Академик» не устоял, обледенел, осел, набрал воды, лег на бок и пошел ко дну, без экипажа.

Помню, как мы первый раз заходили в Неаполь. Нам выделили центральную стенку пассажирского порта (что говорило об очень большом уважении к нашей стране). Матросы бросили конец швартовщикам. Те потянули конец, который был привязан к швартовым, и конец без всякого натяжения порвался

на виду у сотен разодетых пассажиров крупнейшего и красивейшего в то время (1960 г.) пассажирского лайнера «*Quin Meggy*». Кажется, с третьей попытки нам удалось все же пришвартоваться. Получив разрешение на выход в город, каждый из нас записался в группу из трех человек, и со справкой местных властей вместо нашего паспорта мы ринулись за пределы порта.

Города Италии. Первым был город Неаполь. Тут же, у выхода из порта, нас обманули торговцы: мы купили на те несколько долларов гостинцы жёнам: нейлоновые колготки, которых в СССР (1960 г.) еще не производили. После прихода на судно мы вскрыли пакеты и в них оказались колготки со свалки: то без следа, то с дырками на задней части.

Я, конечно, в первую очередь бросился на поиски знаменитого оперного театра, чтобы непосредственно услышать певцов, которыми мы с моим другом Казимиром Шимкусом увлекались. Но, увы! В театр попасть мне не было суждено: именно в дни нашего пребывания в Неаполе театр Сан Карло был закрыт: бастовал кордебалет. Не повезло с театром, зато повезло с итальянской песней. Проходил фестиваль этой песни. Он проходил вечером и ночью на площади у моря. И вход был бесплатный. Сколько мне позволяло руководство экспедиции (время увольнения у нас было лимитировано), столько я стоял среди многочисленной толпы и слушал. Слушал чарующие звуки итальянских теноров и баритонов.

На улицах города продавали всевозможные рыбные яства, которые мы видели впервые. Здесь я впервые попробовал диковинку: «фрути ди маре» – осьминога, которого в СССР тогда еще, кажется, в пищу не употребляли. Запивал я осьминога знаменитым в Италии вином Кианти.

В Неаполе я приобрел простой, опрокидываемый жестяной кофейник на одну персону. С тех пор я пристрастился к кофе: пил его всегда утром и днем. С этим кофейником я ездил в Москву в командировки. И в гостиницах Академии наук, где останавливались молодые ученые и аспиранты, стал известной личностью. «Известной» потому, что кофе тогда в России пили мало, тем более очень крепкий кофе, «по-итальянски», запивая холодной водой. И жив еще и сейчас подобный, второй жестяной кофейник, привезенный мне в подарок из Неаполя моим другом Генриком.

В Мессине, куда мы зашли после Неаполя, я удивлялся пассажирским судам на подводных крыльях, которые быстро-быстро перевозили пассажиров через Мессинский пролив. Удивлялся итальянской технике. Лишь вернувшись домой, я узнал, что суда на подводных крыльях были изготовлены в СССР на одном из волжских заводов.

В Мессине прекрасно виден вулкан Этна, а при переходе из Неаполя в Мессину – удивительный вулкан Стромболи, часто «чихающий» пеплом и дымом через ровное количество секунд. Этот пепел вместе с илом я собирал на подводном конусе Стромболи. Перед этим, находясь в Неаполе, конечно, я, как геолог, не мог не заглянуть в жерло Везувия. Оно оказалось довольно широким, несколько сот метров. Внизу кратера – застывшая лава, украшенная местами ярко-желтой серой. По бокам жерла – пыхающие фумаролы, испускающие горячий пар, подобно паровозу¹.

¹ Более подробное описание вулканов Тирренского моря приведено в разделе 3.9

Стоя на обрыве кратера, я думал о любимом литературном герое – Спартаке. Гадал: где, в каком месте был разбит лагерь, когда он со своими гладиаторами и примкнувшим к ним народом спасался от преследования римских воинов.

Смотрел с высоты кратера Везувия и в сторону Помпеи и Геркуланума, чуть-чуть видневшихся в дымке далеко внизу. Конечно, я не мог не посетить эти два очага древней, римской цивилизации. Помпеи меня потрясли своими одно- и иногда двухэтажными домами-руинами, мозаикой в домах богатых людей, банями с «бесстыжими» скульптурами голых мужчин с большими членами и голых женщин. Потрясли меня и глубокие колеи от колес арб: их глубина в уложенных вулканическими плитами мостовых достигала 10–15 см. Сколько веков надо было ездить, чтобы оставить такие глубокие колеи в камне?

Геркуланом после Помпеи показался мне менее впечатлительным. Большая его часть в то время оставалась под засыпавшим его пеплом Везувия. Кроме того, он был меньшим городом по сравнению с городом Помпеи.

В Неаполе мне посчастливилось попасть в закрытые для общественности залы исторического музея. Здесь демонстрировались самые разные предметы и картины из Помпеи и Геркуланума. Это были «запретные», особенно для советских людей, предметы сексуальной жизни этих двух городов: скульптуры, мозаики, картины мужчин и женщин и их «интимных» органов. Ничего подобного мы увидеть тогда нигде не могли.

На судне «Академик С. Вавилов» я старался отобрать как можно более длинные колонки: 10–12 м. Из геологов я был один. Мне помогали боцман и 2 матроса. Трубку собирали за бортом в вертикальном положении. Операция это трудная (особенно во время качки) и трудоемкая. Мне удалось взять несколько колонок длиной 6–10 м (это очень длинные колонки), а в Тирренском море – 11 м 6 см. Это рекордная длина, которую не перекрыли океанологи до сих пор.

В собранную и висячую на борту трубку опускали поршень, привязанный к тросу. Эта операция требовала сноровки и терпения и была длительной. После одного небольшого шторма я стал собирать трубку, но поршня не находил. По моему предположению, кто-то из матросов (или боцман?) ночью выбросил его за борт, чтобы не работать так тяжело. Без поршня трубка – не трубка. Её могут опускать за борт 2 человека за 5 минут. Боцману и матросам работать больше не надо было. За глаза они надо мной посмеивались. Я же плакал (так сильно переживал).

После забортовых работ в Тирренском и Ионическом морях мы зашли в порт Александрия (Египет).

Недалеко от этого города, в одном из рукавов Нила отобрал внушительную пробу речного ила. Результаты изучения этой пробы впоследствии нашли отражение во многих моих публикациях.

В Каир ездили на экскурсию. В Национальном историческом музее демонстрировались только что (1960 г.) найденные при раскопках золотая маска Тутанхамона, его оружие, разные другие предметы. Осмотр проходил под неустанными взглядами полицейских.

Пирамиды тогда (1960 г.) находились в 5–7 км от Каира, в песках пустыни. Осмотрели это чудо света. Я был даже внутри одной из пирамид. Карабкался по блокам пирамиды наверх, но вынужден был остановиться на 10-ом или 15-ом блоке, на большее «духу» не хватило. Как тут не вспомнить классическое

описание осмотра пирамид Марком Твенем в его рассказе «Простаки за границей», когда за несколько долларов местные египтяне за несколько минут забегали на вершину Хеопса и спускались обратно.

После захода в Египет мы продолжили работы в море Леванта. Здесь я старался выяснить сколько наносов (взвеси) поставляет в море река Нил. Для этого я отбирал пробы воды и отфильтровывал из нее взвесь. Работали днем и ночью.

Удивительно красивое ночное небо над Средиземным морем: лежащий на боку месяц, яркие звезды мерцают непрерывно, то здесь, то там на черном небосклоне яркой чертой падающей звезды прочерчивается небо. И запах моря, и тишина! Она прерывается лишь «вздохом» моря в виде набегающей слабой волны, а иногда, когда подует сухой и горячий сирокко, и слабым-слабым звуком опрокидывающегося в ложбинку между гребнями белого пенного её гребешка.

Когда в такую безмолвную ночь идет судно, то слышен лишь слабый всплеск невысокой волны, ударяющейся о борт судна и расплывающаяся ровной, чуть-чуть пенистой гладью. Ночную тишину нарушает лишь равномерное «пуканье» главного двигателя, толкающего судно вперед, к неизведанному.

В одну из таких ночей я, молодой научный сотрудник, стоял ночную вахту, ведя наблюдения за медленно и равномерно передвигающейся лентой на эхолоте. На ленте — пока ничего интересного. Линия на ленте вырисовывала ровный и гладкий рельеф дна Центральной котловины моря. В такие безмятежные часы вахты у эхолота я обычно отрывался от прибора и шел выполнять другую, интересную для меня работу. Вот и в ту ночь, взяв ведро с привязанным к нему длинным концом, я вышел на палубу, подошел к правому борту, намотал конец на ладошку правой руки, бросил перевернутое вверх дном ведро в воду, пытаюсь набрать морской воды. Морская вода, даже если она совершенно прозрачная, содержит множество мельчайших, не всегда невооруженным глазом видимых живых существ, а также твердых частиц, занесенных сюда с за сотни-тысячи морских миль расположенных материков. В любой морской воде содержится множество обрывков фитопланктона. Отмершие остатки этих организмов служат основным материалом, из которого и состоит дно, вернее его осадочная часть. Процессы накопления типов донных осадков, а иногда и полезных ископаемых на дне и являлись темой моей будущей диссертации. Так как диссертация — дело добровольное, но очень нужное для роста научного исследователя, то я, будучи весьма заинтересованным в таком росте, не упускал возможности собрать новый интересный материал для подкрепления тех или иных тезисов будущей диссертационной работы.

Обычно я бросал за борт ведро, оно зачерпывало литров 5–8 воды, и я быстро его поднимал и шел в лабораторию фильтровать содержащиеся в воде частицы, чтобы в последующем изучить их под микроскопом. На этот раз брошенное мною ведро зачерпнуло много воды, и я двумя руками стал выбирать ведро. Но судно вдруг накренилось и погрузилось в ложбину между волнами, и я, чтобы не упасть за борт, отпустил конец и левой рукой ухватился за фальшборт. Но пока я держался, ведро осталось в воде, в том месте, откуда я стал его выбирать, в то время как судно за эти несколько секунд ушло на несколько метров вперед. Конец натянулся на всю длину, и намотанная петля веревки

затянулась на ладошке моей правой руки. При подъеме правого борта судна я перестал держаться за фальшборт и ухватился за конец и левой рукой. За секунду-две я двумя руками выбрал примерно один метр веревки, подтянув наполненное водой ведро. Но в тот момент судно опять стало падать в ложбину, и я снова, отпустив конец, ухватился левой рукой за фальшборт. Ведро с водой опять оказалось примерно за три метра от меня. Ведро «прыгало» по воде, но оно было с водой, и я одной, правой рукой подтянуть его к себе не мог. И так борьба за ведро продолжалась несколько минут. Это была уже борьба не только за ведро, но и за жизнь. Мы работали на судне «Академик С. Вавилов». Борта на этом судне невысокие, около 70 см. Так что при росте 177 сантиметров мое туловище полностью возвышалось над фальшбортом и при малейшем толчке или рывке готово было опрокинуться за борт и вместе с ведром составить часть моего объекта исследований, то есть донного осадка.

Как я уже говорил, была прекрасная, тихая ночь. И ничто, казалось бы, не предвещало никаких неприятных событий. Но безграмотно, петлей намотанная на ладонь веревка тянула меня в бездну моря. От борьбы за ведро, то есть за свою жизнь, я взмок. В испуге и отчаянии я стал кричать: «Помогите, помогите!» Естественно, никто на мой «смертельный» призыв не откликнулся: все люди после дневных работ спали. Штурман же и рулевой матрос были в ходовой рубке, наблюдали за приборами и за надвигающейся на судно темнотой. Моих призывов о помощи они не слышали и не могли слышать в шорохе разрезаемой форштевнем судна волны. Тем более, что основной двигатель продолжал равномерно пыхтеть «пук-пук-пук» и толкать судно вперед.

Я безуспешно продолжал попытку освободить веревку. Но она прочно, «мертвой петлей» затянулась на моей руке. И все это произошло из-за того, что я неправильно, внахлест ее намотал. Я понял, что от веревки мне не освободиться и что никто мне на помощь не придет. Моя жизнь была в ладошке моей правой руки. В этот короткий момент я вспомнил всю ту борьбу, которую я выдержал перед тем как попасть в море, подумал, что как глупо, достигнув того, чего я уже достиг, из-за, казалось бы, такой глупой ситуации тут же, в любимом мною море, погибнуть. Сжав зубы, обливаясь потом, я утроил энергию и упорство и снова, и снова продолжал ловить момент, когда качка судна прекратится, я перестану держаться за фальшборт и двумя руками вытащу ведро.

Не помню уже сколько десятков минут я боролся. Но в итоге, как уже догадался читатель, мне удалось вырвать свою ладошку из цепко державшей меня «её костлявой руки». Взмокший и уставший, но все еще шепчущий про себя: «Господи помоги», я с ведром, полным воды, спустился в лабораторию и, посмотрев на равномерную гладкую линию на эхолоте, рухнул на стул.

Команда экипажа и научный состав продолжали мирно спать. Была красивая и тихая ночь. Двигатель продолжал свои равномерные «пук-пук». И мое сердце в такт этому «пуку» громко стучало «тук-туук», «тук-туук». И никому не было дела до этого моего «тук-туука».

По роду нашей научной деятельности мне и многим моим коллегам нередко приходилось спускаться на дно, вести там научные наблюдения за его поверхностью и отбирать для последующего лабораторного изучения пробы донных осадков, твердых пород или остатков донной фауны и флоры. Непосвященный в морские науки человек обычно считает, что на дне морей и тем более

океанов, где глубины превышают четыре-пять километров, залегает серый, неинтересный ил. Однако это далеко не так. Как в морях, так и в океанах, во многих местах на дне осадки (пески, илы) вовсе отсутствуют. В таких местах обнажаются либо древние, твердые, слоистые осадочные породы, либо скалистые нагромождения черных (базальтовых) лав, реже – коричневато-черные железо-марганцевые породы, образовавшиеся у жерлов подводных вулканов. Чтобы лучше представить себе, из чего и как устроено дно, океанологи, если есть возможность, либо опускают в глубины подводные телевизионные камеры, либо сами спускаются на дно и там продолжают свои исследования. Первый такой спуск камеры нами был осуществлен в 1-ом рейсе НИС «Академик С. Вавилов» в Эгейском море в 1960 г. Подводная телекамера, совмещенная с фотокамерой, была сконструирована Владимиром Ивановичем Маракуевым – инженером нашего института. Он и осуществлял спуск фото-телекамеры с кодовым названием «ИОАН-1». Моя задача сводилась к интерпретации увиденного на телеэкране телевизора, поставленного в эхолотной лаборатории в трюме судна. Вначале мы обследовали склон острова Милос на глубинах до 832 м. Наиболее интересные объекты («дырки» на дне, кусочки кораллов, раковины моллюсков, шероховатую поверхность известкового ила) мы фотографировали. Когда матросы нас спрашивали, что мы там ищем, мы отвечали: «Руку Венеры Милосской». После работы в Эгейском море мы зашли в Бейрут (1961 г.). Он заворожил меня тогда своим белым видом. Особенно красиво город выглядел с моря. Поражали нас невиданные тогда в СССР новостройки – высокие блочные белые дома, которые при приближении судна к берегу как бы вылезали из-за горизонта. Сам город в центре оказался чистым, красивым, строящимся. Я потом, лет 25–30 спустя, с большой тревогой следил, как сами ливанцы его разрушают: разные религиозно-партийные группировки занимались этим во время длительного политического противостояния.

Из Бейрута мы ездили на Ливанский хребет и в долину Баальбек смотреть на развалины знаменитого дворца Баальбек. По пути посетили монастырь, в котором удостоились права посещения винных подвалов монастыря. На следующий день в порту Бейрут советский консул привозит нам известие: на наше маленькое судно «Академик С. Вавилов» завтра утром прибудет посол США на Ближнем Востоке со свитой. Быть всем на судне! Объяснить консул ничего не может. Говорит, что ничего похожего в практике Посольства СССР в Бейруте до сих пор не было.

На следующий день к борту приезжают два черных лимузина с американскими флажками. Оказывается американская делегация заинтересовалась нашим кустарным, но эффективным оборудованием – подводным телевизором, совмещенным с фотокамерой. При заходе в порт Пирей (Афины) мы в шутку говорили посетившим наше судно грекам, что у острова Милос искали руку Венеры Милосской. И эта весть, пока мы шли с работами от Пирея до Бейрута, разошлась как сенсация.

Посмотрев телевизор, его действие на палубе, попробовав «Столичной» (которую мы сами делали из разбавленного спирта-ректификата и сливали в бутылки из-под водки «Столичная») с черной икрой, посол со свитой удалились. Но на прощание он пригласил нас, моряков и ученых, в гости на свою дачу, что находится в лесу на Ливанском хребте.

Это приглашение еще больше всполошило наше посольство. Зачем? Почему? Ведь никогда посольство США ни одного советского человека, включая дипломатов, к себе не приглашало. А тут – целую делегацию и притом простых людей – моряков и рядовых научных сотрудников. Не иначе как провокация!

Посольство срочно запросило Москву: «Как быть?» Ждали ответа три дня. За это время мы с другом купили белые нейлоновые рубашки, которых в нашей стране еще не было, почистили свои пиджаки (у кого они имелись) и костюмы.

В ожидании ответа из Москвы наш пожилой посол С.А. Киктев нервничал, а сотрудники посольства наставляли нас, какую вилку брать, если посадят за стол, как держать фужер или рюмку и т.д.

Наконец, на третий день, поздно вечером «добро» из Москвы получено. Едем! Начальник экспедиции, бывший военный капитан 2 ранга Ковылин Валерий Михайлович, отобрал еще пять человек. В их числе были я и наш «Левша» – инженер Владимир Иванович Маракуев, изобретатель подводного телевизора. Ну, а я был единственным, кто говорил по-английски.

Садимся в нас ожидавшие за оградой посольства черные американские лимузины с флажками. Едем за Бейрут. Поднимаемся в горы. Кедровый лес, темно. Сидящий со мной в лимузине наш консул то и дело повторяет: «Провокация! Явно провокация. Держитесь достойно, что бы ни случилось».

Вдруг высоко в горах – ярко освещенный двухэтажный дом с гравийными дорожками. К машинам подходят высокие мужчины во фраках и в белых перчатках. «Не менее, чем послы», думаю. Открывают дверцы автомашин и приглашают выйти.

Направляемся к вилле. Первым – начальник экспедиции, затем консул как переводчик. Ну, а следом пятеро нас, членов экспедиции. У входа стоит посол: в черных брюках, начищенных черных ботинках, при галстукке, но ... в домашнем вельветовом пиджаке.

«Слава богу» – прошептал консул. Здравствуемся за руку. Входим в большой зал! А в нем – мать честная! – около двухсот человек. Зал залит ярким светом. Все эти люди сразу замолкают и поворачиваются к нам. Смотрят молча, с завораживающими улыбками.

В.М. Ковылин растерянно поднимает согнутую правую руку и так небрежно, но громко говорит: «Хелло!». Больше по-английски он тогда ничего не знал.

Гробовое молчание вместе с недоумением длится всего секунду-две. Затем – дружный, громовой хохот! Все мысли о «провокации» и напряженность сразу исчезли. Посол США по имени Роберт Мак Клинтон – кстати, друг Джона Кеннеди – лично стал представлять нас наиболее важным гостям. А их, важных гостей, было несколько десятков: послы всех средиземноморских стран и даже Японии, профессора американского университета на Ближнем Востоке, журналисты разных там «таймсов» и «дейли».

Нам тут же предложили рюмки или бокалы, крошечные закуски, потом маленькие чашечки кофе. Фуршет начался.

Все прошло наилучшим образом. Наше посольство, куда нас повезли после фуршета, было в восторге от содеянного нами.

А весь сыр-бор, как оказалось, получился из-за того, что мы первые в мире сконструировали и применили для изучения поверхности дна на глубинах до

одного километра подводный телевизор с фотокамерой. У американцев всего этого в 1961 г. еще не было, а их 6-ой флот постоянно находился в Средиземном море, за нами следил и соперничал с находящимся также в Средиземном море советским военным флотом.

Но вскоре наша техника, потрясая зарубежный мир, стала за «ненадобностью» ржаветь в Голубой бухте. Я, основной потребитель подводного телевизора, стал на долгие годы «невыездным», а В.И. Маракуев без геолога не мог его использовать. И наша уникальная морская техника стала ненужной.

Позже стал ненужным весь Центр подводных исследований, построенный в Голубой бухте. Началась перестройка. Отсутствие денег вынудило нас сокращать фундаментальные исследования. И мы быстро утратили то первенство, которое так успешно завоевали в 60–80-ые годы в Мировом океане.

Результаты своих наблюдений мы с Маракуевым опубликовали в Трудах Института океанологии АН СССР в 1962 г. под названием «Изучение поверхности дна с применением телевизора».

Правильно ли мы поняли тогда, в 1960–1962 гг., всю сложность развития средиземноморской зоны альпийской складчатости? Нет, мы допустили тогда, как и вся советская тектоническая школа, принципиальную ошибку. Развитие Средиземноморья мы толковали, как выяснилось спустя 10–15 лет, основываясь на фиксистских позициях и исходя из теории океанизации континентальной коры. Вторая наша ошибка (как и В.П. Гончарова) – мы не присвоили российские названия открытым и описанным там структурам: Центральному Средиземноморскому хребту, Эллинским желобам, обширным равнинам. Одно лишь название прижилось в литературе и картографии: вулкан Вавилов в Тирренском море, который мы с В.П. Гончаровым (я сидел тогда у эхолота) открыли в третьем рейсе НИС «Академик С. Вавилов» (1961 г.). Вот как это происходило.

Штиль. Теплая южная ночь. «Собачья» вахта. На мостике штурман и матрос. Я внизу, на вахте у старенького эхолота НЭЛ. Он пишет идеально ровное дно на глубине 3400 метров. Ничто не предвещает изменений.

Прикрываю в дреме глаза. Открываю их... и не верю своим глазам: линия дна резко пошла вверх, выбралась за рамки шкалы... и исчезла. Меняю диапазон и перехожу на более мелкие глубины. Но и там нет глубины. Еще раз меняю, перехожу еще на более мелкие глубины, но нет глубины. Перехожу на глубоководный диапазон 3000–2000 м. И там нет. Продолжаю переключать то вверх, то вниз. Пусто!

И вдруг вижу: линия дна появляется на глубине около 1000 м и ползет вверх. Я не уверен, что это то, что надо. Иду в рядом расположенный кубрик, нервно бужу начальника отряда В.П. Гончарова и говорю: «Помоги! Потерял глубину. А эхолот стал писать черт знает что».

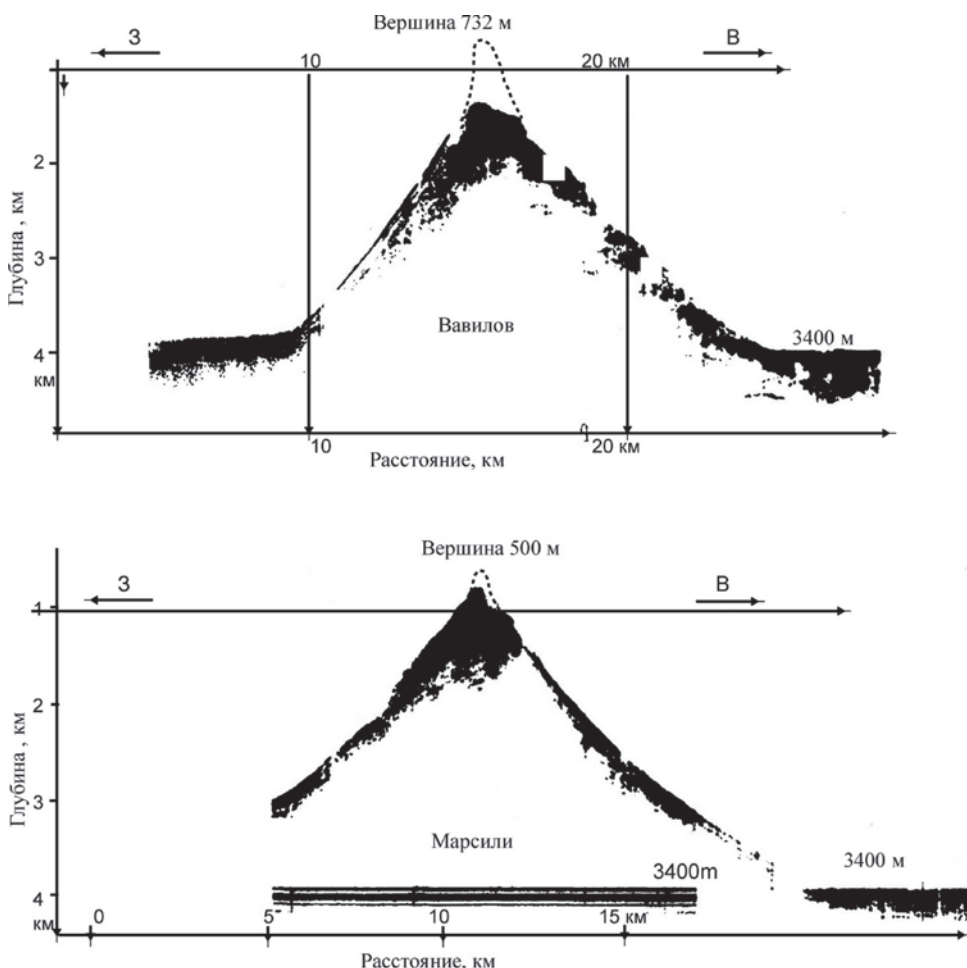
Не одеваясь, в сатиновых трусах Владимир Петрович идет за мной, берет управление эхолотом в свои руки и... О боже! Находит глубину на 750 м! Она еще продолжает ползти вверх, но становится пологой, а затем... бах! Снова срывается вниз! И исчезает.

Гончаров продолжает манипулировать ручками эхолота. Но опять нигде нет глубины! Ищем. И находим линию на... 3400 м. Четкая запись. Идеально ровное горизонтальное дно! Открыта гора! Решаем будить начальника.

Спросонья начальник ничего не понимает. Рассказываем, что, кажется, пересекли огромную гору в центре Тирренского моря, где, судя по всем имеющимся картам, не только гор, но и горок не должно быть. Показываем. Наконец начальник «врубается»: дает команду: «Развернуться на все 180° и полным ходом назад». И опять линия дна резко взметнулась вверх и исчезла. Находим ее на глубинах около 1000 м. Ползет вверх, и вдруг – опять вниз. Переходим на глубоководный диапазон: линия резко опускается, доходит до 3400 м... и опять пишет ровное дно. Разворачиваемся и возвращаемся на вершину.

Гончаров говорит: «Емеля, спускаем черпак». Я всегда готов.

Первый, второй, третий дночерпатели с вершины горы приходят пустыми: черпак ударяется о твердое дно, захлопывается и приходит пустым. Нет на вершине рыхлых осадков. При внимательном осмотре черпака обнаруживаю маленький осколочек черной лавы. Вулкан!



Два подводных вулкана в центре Тирренского моря. Вавилов – открыт В. Гончаровым и Е. Емельяновым (1961 г.), Марсили – открыт итальянцами

Так в 3-м рейсе НИС «Академик С. Вавилов» (1961 г.) был открыт первый в Средиземном море подводный вулкан. Он поднимался над ровным дном от глубины 3400 м и имел вершину на глубине 732 м. Впоследствии при спусках на ГОА «Мир» на вершине вулкана было обнаружено большое поле железисто-марганцевых гидротермальных осадков.

Открытие сделали В.П.Гончаров и Е.М.Емельянов, начальником экспедиции был В.М. Ковылин.

И сейчас на всех картах Средиземного моря торчит наш островершинный вулкан, названный нами по имени нашего судна вулканом Вавилов (рис. 1).

Диссертацию на тему «Особенности современного осадкообразования в Средиземном море» я написал ровно за 18 месяцев аспирантуры и 1 июля 1964 г. защитил ее в Институте океанологии АН СССР. Мне была присвоена степень кандидата геолого-минералогических наук. В это время (с 1 апреля 1963 г.) я уже находился в Калининграде.

А.М. Сагалевиц

ГЛУБИНА



НАУЧНЫЙ МИР

Глубины океана полны удивительных явлений и пока еще не распознанных чудес

ЧАСТЬ 3 НА БАЛТИКУ. К ПРОСТОРАМ ОКЕАНА

*Едва надежда вновь блеснет моей судьбе,
На крыльях радости помчусь я быстро с юга
Опять на север, вновь к тебе*

А. Мицкевич

3.1. ПЕРЕЕЗД В КАЛИНИНГРАД. ОРГАНИЗАЦИЯ ЛАБОРАТОРИИ ГЕОЛОГИИ АТЛАНТИКИ

Глядя на Средиземное море на глобусе, можно подумать, что оно по сравнению с «безбрежным» Тихим океаном выглядит как река. Но если смотреть на это море как на самостоятельное, то оно тоже кажется великим: ведь Средиземное море простирается с запада на восток на тысячи километров. Состоит оно из десяти морей. Напомню их читателю. Выходя из Черного моря, мы пересекаем Мраморное, Эгейское, Критское, Ионическое, Тирренское, Прованское, Альбораново и только после него проходим «Геркулесовы столбы» – Гибралтарский пролив, и попадаем в Атлантический океан. А ведь еще не заходили в моря Левантийское, Адриатическое и Лигурийское! Разве этого недостаточно для аспиранта или молодого научного сотрудника? С лихвой! Да плюс Черное и Азовское моря! И все эти моря я изучал, публиковал статьи, находил, что именно эти в геологическом смысле молодые моря самые интересные, тектонически активно все еще развивающиеся, о чем говорили многочисленные вулканы, вулканические острова и глубокие желоба на дне. И все это мне бесконечно нравилось. Но часто я представлял себе просторы океана, которых никогда не видел, их кажущуюся безбрежность, таинственность их происхождения. И через пару лет мне пришлось распрощаться с теплыми южными морями, на берегах которых когда-то развивались античные цивилизации, и обратить свои взоры на более родные для меня холодные моря, где на берегах развивались другие, более молодые северные цивилизации. А моря непосредственно стыковались с океаном. Но поворот в моем мышлении о севере, о выходе в океан, дался мне не сразу, а в течение нескольких лет. А началось все с моей встречи с интереснейшим из океанологов, активным сотрудником нашего центрального института в Москве Николаем Николаевичем Сысоевым, заместителем директора.

В 1960 г. Сысоев Н.Н., будучи начальником 32-го рейса НИС «Витязь» на Черном море, интересовался всем новым и активно внедрял новые технологии в практику океанологических работ. Вместе с конструктором Е.И. Кудиновым они изобретали разные типы геологических трубок, в том числе и длинные поршневые геологические трубки. Эти трубки собирали на карданном подвесе за бортом в вертикальном положении. Мой геологический отряд опускал собранные таким образом поршневые трубки длиной до 25 м на дно с тем, чтобы отобрать колонку осадков как можно длиннее. Кроме поршневых мы собирали и обычные, ударные трубки, опускали также дночерпатели, 200-литровый батометр для отбора воды и водной взвеси, и делали разные другие вещи. В общем, я со своим геологическим отрядом работал интенсивно, с энтузиазмом. Н.Н. Сысоев это заметил. Когда наступило время организовать Лабораторию морской геологии в Калининграде, он предложил В.П. Гончарову и мне переехать в Калининград и одному из нас возглавить новую лабораторию, а другому быть там научным сотрудником. Приехав летом 1962 г. в Калининград «на разведку», пошли представляться директору Калининградского отделения Института океанологии Кириллу Владимировичу Морошкину. Контора этого отделения (дирекция и несколько комнат-лабораторий) находилась на четвертом (мансардном) этаже старого здания морского порта и выглядела неприглядно.

Кирилл Владимирович спросил, кто такие и зачем приехали. Мы говорим, что Н.Н.Сысоев написал нам несколько писем и предложил переехать в Калининград работать. При этом Н.Н. обещал нам предоставить аналогичное (имеющемуся в Голубой бухте) жильё: Гончаровым трехкомнатную, Емельяновым двухкомнатную квартиры.

Морошкин выслушал нас с явным нетерпением, а потом сказал, что ему, Морошкину, геологи не нужны и квартир у него нет. Максимум, что он может сделать, это одного из нас принять младшим научным сотрудником и в будущем предоставить однокомнатную квартиру. С тем мы и вышли.

Уехали мы из Калининграда с плохим настроением и с тяжелыми думами. Приехав в Геленджик, обо всем увиденном и услышанном написали Н.Н. Сысоеву. Через пару месяцев получаем письмо от К.В.Морошкина, в котором он любезнейше приглашает нас работать в Калининград в тех должностях, о которых говорил Н.Н., и обещает дать нам аналогичное жильё. Н.Н.Сысоев, получив мое принципиальное согласие, оформил перевод приказом и поставил меня в известность: с 1 апреля 1963 г. я – сотрудник Калининградского отделения института. Так я оказался в подчинении у К.В., с которым в течение 18-тилетнего его пребывания на посту директора пережил организаторский и творческий подъем и самые тяжелые дни в моей творческой и личной жизни.

Приехав в Калининград, на привокзальной площади я увидел памятник Михаилу Ивановичу Калинин. Как известно, театр начинается с вешалки, а Калининград – с привокзальной площади, на которой одиноко и возвышается бывший всесоюзный староста. Отношение к этому человеку у меня противоречивое. Про него слышал еще в 1941 г., когда отец выяснял обстоятельства осуждения в СССР моего брата Андрея, нелегально из Польши ушедшего в Россию.

Он (памятник М.И. Калинин) всегда провожает меня. А когда возвращаюсь – встречает. Он стоит на высоком пьедестале. Обозревает всю привокзальную площадь. Многие уезжающие–приезжающие к нам его не замечают: другие

заботы. Я почти всегда смотрю на него и думаю: хороший он человек или плохой? Вроде хороший. Ратовал за народ. Простые люди к нему обращались, он отвечал. Был обликом и поведением похож на простого человека-крестьянина. Народ даже называл его «Всесоюзный староста!»

А может – плохой? Ведь он не постоял за собственную жену, в обмен на свое благополучие и жизнь, согласился, чтобы её обрели на стирку белья арестантов, на вылавливание вшей в собственном белье в лагере заключенных. Ведь и он, как долгие годы спустя нам стало известно, ставил свою подпись под резолюциями: «Сослать в лагерь! Расстрелять!». И, наверное, часть таких бумаг он подписывал, находясь в том самом трехэтажном салатового цвета доме напротив Ленинской библиотеки, где была его канцелярия!

Когда я выхожу из станции метро «Библиотека им. Ленина» всегда глазами упираюсь в это здание. Или когда спешу к картинам А. Шилова, или когда иду в Пушкинский. Прохожу, смотрю, вспоминаю. Ведь именно из этого дома, из канцелярии «Всесоюзного старосты» отец перед самой II-ой мировой войной получил ответ на свое письмо: «Решение об осуждении вашего сына Андрея будет пересмотрено ... М. Калинин». Представители НКВД, затем КГБ часто спрашивали меня: «А сохранилось ли это письмо? Можно ли его увидеть?». Нет, не сохранилось. Читать нечего! И опять я получаю ответ из соответствующего дома: «Не разрешается!» Не разрешается выход в море, выезд за границу, участие в международных экспедициях, чтение лекций в зарубежных университетах. И все потому, что «дело брата Андрея» не было пересмотрено из-за начавшейся войны. Был ли Андрей «врагом народа»? Ведь молодым человеком в девятнадцать лет, будучи кузнецом, бежал он от немецких оккупационных властей из Польши к своим, в Россию. И за нелегальный переход – лагерь в Мурманской области. А затем, в результате какого-то причудливого стечения обстоятельств – появление пять лет спустя после войны в Англии. Затем – внезапная смерть на улице от разрыва сердца в 31 год. И вечное пятно в моей биографии, в биографии моих братьев и сестёр. И я – невыездной.

Сижу за рабочим столом. Пишу эти строки. И вижу его, стоящего на пьедестале. И слышу споры: переименовать наш город, носящий его имя, или нет. Те, кто постарше, особенно если с боевыми наградами на груди, – ни в коем случае. Что? Они ошибаются? Они не правы? Или правы?

Так хороший он человек или плохой? Ведь на отцовское письмо он ответил положительно! Но ведь и его подпись стоит на резолюциях: «Расстрелять!».

В Калининград я был переведен для организации новой Лаборатории морской геологии с целью изучения Атлантического океана. В Калининградском отделении Института океанологии (КО ИОАН), как тогда называлось наше Атлантическое отделение, уже было 3 молодых геолога: И.П. Свиренко, А.В. Солдатов и Б.А. Кошелев. Передо мной была поставлена задача организовать во вновь созданной группе морской геологии (мы ее тогда называли лабораторией морской геологии, хотя она этого статуса официально еще не имела) всесторонние исследования геологии Атлантического океана: рельефа дна, коренных пород, типов донных осадков, их гранулометрического, минерального и химического составов, микропалеонтологические исследования для целей стратиграфии, изучения строения осадочной толщи по сейсмическим данным и другие. Прежде всего, я, как весь коллектив КО ИОАН, включились в подготовку нового лабораторного корпуса. Руководство

выбрало для этого остов разрушенного во время II-ой мировой войны здания бывшего узла связи «SS» в Кенигсберге, которое было расположено в центре города по адресу проспект Мира, 1. Здание было без крыши, с разбитыми снарядами и пулями стенами, без окон, внутри здания находились кучи разбитого кирпича и другого мусора. Реставрацией здания занималась специальная строительная фирма, а вспомогательными работами – все мы, сотрудники КО ИОАН. В наши задачи входило: вывоз мусора и обустройство территории, которая тоже тогда имела неприглядный, послевоенный вид. Непосредственным руководителем работ по восстановлению здания являлся заместитель директора по хозяйству И. Шульгин. Через год здание было восстановлено, встал вопрос об его внешнем оформлении. Я предложил И. Шульгину выкрасить белые оконные рамы в необычный в то время черный цвет. Руководство долгое время не принимало это предложение, но в конце концов рамы стали черными. Когда дело было сделано, все любовались зданием и спрашивали: «И как это вы придумали? Ведь так необычно. Оконные блоки во всех зданиях Калининграда белые, а у вас черные». Со временем черные рамы появились и в других зданиях нашего города.

Геологи обустроивали и ступеньки у входной двери здания. И нам с Л. Лукошавичюсом пришла мысль выложить под ногами что-то необычное. Решили более светлой плиткой выложить слово «Salve». Это сделал сам Людвикас, который выкладывал плитку. Многие прохожие не видели это слово, но тот, кто видел, удивлялся, спрашивал, что это значит.

Помещений в восстановленном здании было много. При их распределении на долю Лаборатории геологии досталось более 22 комнат. Нас, геологов и техников, было то ли 15, то ли 20 человек. Так что некоторые помещения долго оставались необжитыми.

Во время восстановления лабораторного корпуса я организовал химико-аналитическую лабораторию в квартире нового жилого дома на Ленинском проспекте (в центре города). Лаборатория размещалась на четвертом, последнем этаже. Тягу из вытяжного шкафа, который мы разместили в кухне, вывели в форточку. Во время разложения проб осадков, которые анализировала химик Н.М. Еремеева, пары кислот выбрасывались через форточку во двор. Запах во дворе стоял неприятный. Жильцы начали ворчать, требовать прекращения работ. Мы это сделали, но не только по требованию жильцов, но в связи с тем, что аналитические лаборатории уже были готовы в лабораторном здании.

Общее научное руководство организационной работой осуществлял А.П. Лицын (Москва), непосредственно в Калининграде Е.М. Емельянов. Нам активно помогал Н.Н. Сысоев, а на месте, в Калининграде, К.В. Морошкин. После ввода в строй лабораторного корпуса на проспекте Мира, 1 (лето 1964 г.) для нужд лаборатории в срочном порядке закупались мебель, приборы, посуда.

Таким образом, к 1967 г. был организован дееспособный коллектив из 30 с лишним человек. Параллельно в Калининградском отделении Института были расширены и окрепли группы гидрологии и гидрофизики. В этом же году наше отделение было преобразовано в Атлантическое отделение Института океанологии АН СССР с тремя самостоятельными структурными лабораториями: гидрологии Атлантики (руководитель К.В. Морошкин), экспериментальных гидрофизических исследований (ОЭГФИ) (руководитель В.Т. Пака) и геологии Атлантики (руководитель Е.М. Емельянов).

3.2. ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ АТЛАНТИЧЕСКОГО ОКЕАНА. СОСТАВЛЕНИЕ КАРТ. МОНОГРАФИИ

Параллельно с организационной работой сотрудники Лаборатории геологии Атлантики вели активную экспедиционную деятельность и занимались сбором новых данных и компиляцией уже выполненных за последние 50–100 лет исследований. Сотрудники А.В. Солдатов, Б.А. Кошелев, И.П. Свиренко, молодой специалист геофизик В.В. Орленок и другие участвовали в нескольких экспедициях в Атлантический океан на гидрографических судах и судах АтлантНИРО: «Экватор», «Седов», «Полюс», «Белогорск» и других. А.В. Солдатов, Б.А. Кошелев и И.П. Свиренко сборами проб донных осадков фактически заложили основы базы фактического материала по Атлантическому океану, которой мы пользуемся и сейчас, 40 лет спустя. В связи с тем, что я долгие годы был «невъездным» (соответствующие компетентные органы 9 лет меня не выпускали за границу), то все эти годы (1963–1969) я занимался историей исследований, все старые (за последние 100 лет) данные сводил в общую базу данных по Атлантическому океану. Для этого мы использовали очень громоздкие компьютерные машины советского производства «Минск-32», а затем компьютеры ЕС-1020, произведенные в социалистических странах. Причем эти работы велись параллельно с организацией Лаборатории геологии Атлантики. А.П. Лисицын и я поставили перед сотрудниками лаборатории задачу: обобщить все имеющиеся в мире данные по морской взвеси и донным осадкам и их составу в Атлантическом океане. В итоге кропотливой и напряженной работы в 1967–1968 гг. были составлены и в 1969 г. опубликованы под редакцией А.П. Лисицына 13 цветных литолого-геохимических карт под общим названием «Атлантический океан» (масштаб 1: 20 000 000).

В данной серии цветных карт наиболее точно были показаны границы характерных геоморфологических зон дна Атлантического океана, мощность осадочного чехла, типы донных отложений, важнейшие литологические параметры, определяющие состав донных осадков. И в нашей стране, и за рубежом эти карты широко использовались и продолжают использоваться как учебные пособия в вузах, при планировании и проведении морских экспедиций, прогнозировании запасов минеральных ресурсов, при районировании дна океана по физическим параметрам. Научный потенциал серии карт оказался настолько высоким, что спустя годы после опубликования они с добавлением вновь получаемого фактического материала неизменно входили в состав крупнейших картографических изданий мира. Эти карты актуальны и сейчас, 40 лет спустя. Карты «живут» значительно дольше, чем научные статьи: 50–100 лет и 1–10 лет соответственно.

Впервые карты были продемонстрированы мною на Международном симпозиуме в Кембридже в 1970 г. Геологическая служба США карту донных осадков перевела в меркаторскую проекцию в увеличенном (1:10 000 000) масштабе с тем, чтобы ее использовать в качестве основы при проведении дальнейших исследований океана и прогнозировании и поисках на дне океана минеральных ресурсов. В 1985 г. карты «Атлантический океан» были представлены на Государственную премию СССР.

Впоследствии эти карты в уменьшенном масштабе были перепечатаны в Атласе океанов «Атлантический и Индийский океаны» (1977 г.) и в геолого-

геофизическом атласе ЮНЕСКО «Атлантический океан» (1989–1990 гг.) под редакцией профессора Г.Б. Удинцева.

После завершения картографического этапа последовало теоретическое осмысливание всего имеющегося материала, то есть написание обобщающих монографий. В течение пяти лет (1975–1979 гг.) нами с А.П. Лисицыным и коллегами-соавторами были подготовлены и опубликованы четыре монографии: «Осадконакопление в Атлантическом океане» (А.П. Лисицын, Е.М. Емельянов, Ю.А. Богданов, А.В. Солдатов, Б.А. Кошелев и др.), «Типы донных осадков Атлантического океана» (Е.М. Емельянов, А.П. Лисицын, А.В. Ильин), «Геохимия Атлантического океана. Карбонаты и кремнезем» (А.П. Лисицын, Е.М. Емельянов, Г.Н. Ельцина), «Геохимия Атлантического океана. Органическое вещество и фосфор» (Е.М. Емельянов, Е.А. Романкевич).

Главной идеей всех названных монографий и карт было показать главенствующую роль классической, фациальной, а также климатической зональностей в седиментогенезе. Второстепенными были: выявление роли вертикальной, циркумконтинентальной и тектонической зональностей. Таким образом, учение о 4-х типах природной зональности в океане, заложенное членом-корреспондентом АН СССР П.Л. Безруковым и профессором А.П. Лисицыным, получило дальнейшее развитие в упомянутых монографиях по Атлантическому океану. Авторы монографий провели фундаментальное изучение взвешенных в океанской воде частиц разнообразного происхождения. Широким комплексом современных методов были определены концентрации и состав морской взвеси, что позволило выявить сложные связи между водной средой и дном океана. Тем самым удалось найти четкое подтверждение климатической зональности водной толщи океана и процессов накопления донных осадков.

«В совокупности геолого-географические исследования Атлантического океана открывают широкую панораму строения его дна. Авторы карт и их описаний вышли на передовые позиции в учении о структуре дна океана, морской седиментологии, прогнозировании запасов минеральных ресурсов. Весь цикл их исследований эффективно используется для районирования дна океана по физическим параметрам, значение которого особенно актуально в наши дни. Эти труды позволяют решать научные и практические задачи, возникающие на стыке морской геологии, физики, экономики, гидрографии, навигации. В этом заключается новаторское значение, большие перспективы дальнейшего использования». Это оценка академика Леонида Михайловича Бреховских и члена-корреспондента АН СССР Петра Петровича Тимофеева, данная им в представлении серии карт «Атлантический океан» на Государственную премию СССР и опубликованная в центральной (правительственной) газете «Правда» (01.08.1985).

Нашу карту распределения CaCO_3 в осадках Атлантического океана, которая, кроме цветного экземпляра в масштабе 1:20 000 000, была опубликована в Докладах АН СССР (1971) в уменьшенном масштабе, через несколько лет практически повторил американец Бискайе, опубликовав в журнале «Marine geology», причем без всяких ссылок на нас, хотя и карта, и статья были подарены ему лично. Фактически Бискайе украл нашу карту, а редколлегия журнала его в этом поддержала.

Большинство литолого-геохимических карт, составленных нами по проекту «Атлантический океан», впоследствии стали составными частями аналогич-

ных карт по Мировому океану, опубликованных академиком А.П. Лисицыным в его многочисленных обобщающих трудах по осадконакоплению в Мировом океане.

Публикация вышеперечисленных монографий и карт продолжалась 7 лет, с 1975 по 1982 г. Последней книгой явилась моя монография «Седиментогенез в бассейне Атлантического океана» (1982 г.), написанная по материалам докторской диссертации, подготовленной к защите в 1979 г.

3.3. ИЗУЧЕНИЕ БАЛТИЙСКОГО МОРЯ

Перед экспедицией в океан

*На берег мы идем. Садимся на обрыв.
Налево смотрим мы, направо.
Холмы песчаные вдали, на них кривые сосны.
А далее мысы, Гвардейский и Таран,
отталкивают воду в море.
У ног, как спящий великан, спокойно море дышит.
Вдох тихий у него, как уходящая волна,
а выдох как прибой, затихший на песке.
Внизу трех сфер сплетенье видим.
На литосфере мы сидим, воздушной сферой дышим.
А водная среда у наших ног шумит.
Вдали, как маленькие утюги, суда идут.
Одни заходят в порт, вдали другие исчезают.
Как будто на суда садимся мы. Плыдем.
Идем туда, куда мечты нас в детстве звали:
в далекие края, за море-океан.*

В 1965 г. Калининградское отделение Института океанологии получило небольшое (300 т) научное судно «Профессор Добрынин». Начался первый этап наших исследований Балтийского моря. В связи с тем, что гидрологи, геофизики и гидрохимики работали в основном в открытом океане (пренебрегая Балтикой как «лужей»), новое судно использовалось для проведения геолого-геофизических исследований. В первую экспедицию мы вышли во главе с К. В. Морозкиным. Геологические работы выполняли у берегов Советской Прибалтики. Я был основным «прорабом». Кирилл Владимирович обычно вставал рано. С неизменной сигаретой в зубах он появлялся в нашей каюте около 6 часов утра. Сквозь сон я слышал «Емеля, пора! Поднимайте отряд». Вставал, поднимал. Шли к лебедке и сразу же опускали дночерпатель («черпак»). Глубины были маленькие, поэтому работа на станции длилась полчаса-час. Далее – следующая станция. И так дотемна. Капитаном судна был молодой, неопытный моряк. Както при заходе в засыпанный песком порт Швентои Литовской ССР он так браво разогнал судно, что оно сходу форштевнем и правым бортом ударилось о бетонную стенку причала и повисло на ней. После удара все моряки и научный состав выскочили на палубу с вопросом: «Что случилось? Авария? Тонем?». Капитан

многokrатно пытался снять судно с причала, работая задним ходом. Но это ему долго не удавалось. С огромной вмятиной в борту бака мы продолжили работы в море. Ну а после экспедиции – в док для ремонта.

Вначале (1965–1970 гг.) мы исследовали участки, прилегающие к Советской Прибалтике. Велась планомерная съемка рельефа дна, отбирались пробы донных осадков из дночерпателей, коротких (2–4 м) колонок, добываемых легкими ударными геологическими трубками. До середины восьмидесятых годов Балтийское море не было разделено между государствами. Имелись лишь прибрежные экономические зоны шириной 12 миль от берега (у Швеции – 4 мили). Поэтому вся Центральная Балтика была доступна для исследований. Мы этим пользовались и без всяких разрешений проводили работы от Арконской впадины на западе до Финского залива на северо-востоке. Вскоре мы получили прибор «Спаркер», сконструированный талантливым инженером Георгием Леонидовичем Сорохтиным (впоследствии доктором технических наук, профессором ИОАН) для изучения строения верхнего слоя донных осадков. Он использовался вместо сейсмоаппаратуры с применением тротильовых шашек. В результате электрического разряда искры (spark) звуковой сигнал «Спаркер» посылался на дно, проникал в верхние слои (10–20 м) рыхлых осадков «просвечивал» их и на ходу судна записывал на бумажную ленту сигналы отражающих слоев. Получался геолого-геофизический профиль.

За 8–10 лет сотрудники нашей лаборатории проводили исследования практически на всей Центральной Балтике. К 1975 г. материалов набрали так много, что назрел этап для их обобщения. Это обобщение было сделано в виде коллективной монографии под названием «Геология Балтийского моря» (1976 г.).

В основу монографии легли кандидатские диссертации моих сотрудников и аспирантов А.И. Блажчишина, О.С. Пустельникова, Н.И. Свиридова. В написании отдельных глав приняли участие другие сотрудники лаборатории: кандидаты наук В.М. Литвин, Г.С. Харин, Ю.Д. Шуйский, а также наши соавторы И.М. Варенцов (ГИН, Москва) и А. Гайгалас (Вильнюсский университет, Литва). Книга получилась солидной, практически фундаментальной. Я, как научный руководитель всех работ, являлся научным редактором книги. Около года пытался добиться включения книги в план изданий нашего института (т.е. финансирования). Но мне это не удавалось. Тогда решился на издание книги в Вильнюсе с помощью хорошо мне знакомого профессора В. Гуделиса, возглавлявшего группу морской геологии в Институте географии Литовской ССР и являющегося редактором международного ежегодника «Baltica». В. Гуделис, увидев уже готовую фундаментальную книгу, сразу же согласился. Мы договорились, что титульный лист будет напечатан на трех языках – русском, английском и литовском, а издателями будут Институт океанологии АН СССР и АН Литовской ССР. Витаутас Казимирович сказал, что он хотел бы написать в соавторстве с В.М. Литвиным раздел «Геоморфология дна» и самостоятельно раздел «История развития Балтийского моря». Я согласился. Кроме того, мы договорились, что ответственными редакторами мы будем оба, причем я представил возможность Гуделису быть первым. После этого В. Гуделис в течение одного года (в 1976 г.) напечатал книгу в издательстве «Мокслас», Вильнюс. Книга получила широкий международный резонанс. В Польской республике она была переведена и опубликована на польском языке.

Успех книги и в Литве, и в Москве, и во всех Балтийских странах был гарантирован. В. Гуделис стал популярен как морской исследователь. Витаутас Гуделис, как немногие старые ученые Прибалтики, был географом-энциклопедистом. Он знал несколько иностранных языков, знал историю и археологию Литвы, литературу.

Через год (в 1977 г.) в Минске А.И. Блажчишин и Е.М. Емельянов опубликовали сводную работу под названием «Основные черты геохимии Балтийского моря».

Четверо молодых сотрудников Лаборатории морской геологии на этом материале защитили кандидатские диссертации.

Параллельно с Балтийским морем мы изучали также заливы Финский, Рижский и Вислинский. Об одной такой экспедиции в Рижском заливе стоит рассказать более подробно. Рассказ пойдет о том, как участники экспедиции «спасали» животное, оказавшееся в открытом море. Экспедицией руководил А.И. Блажчишин. В заливе собирали, в основном, железомарганцевые конкреции. Когда работали западнее острова Рухну, который находится в центре залива, заметили в море кабана. То ли ему надоело обитать на небольшом пространстве этого острова, то ли он не поладил со своими матерью или отцом, но он решил перебраться на большую землю, краешек которой он видел за далеким горизонтом. И та, большая земля его манила своей таинственностью и приносимым ветрами запахом. Он бросился в море и поплыл. Вначале это ему удавалось легко, но, одолев половину пространства, стал уставать. И чем дальше, тем больше. Отсутствие опыта и жизненных навыков не позволили ему рассчитать свои силы. И вдруг он увидел приближающееся небольшое судно и повернул прямо к нему в надежде найти там спасение.

Разглядывая горизонт, штурман заметил в море какую-то темную точку. Взяв бинокль, он увидел, что эта точка шевелится и движется и повернул корабль в её сторону. Вскоре находящиеся на палубе люди ее заметили. Штурман первым опознал точку и крикнул: «В море какой-то зверек»! Все стали пристально вглядываться. Штурман уточнил: «Это кабан!» Кабан и судно медленно приближались друг к другу. Наконец кабан оказался у борта судна. Уйти он не пытался: силы его покидали. На судне люди засуетились. Спустили веревочный трап, завели за борт стрелу, подцепили к ней нейлоновую сетку и с помощью стрелы и боцмана подвели сетку под барахтающегося кабана. Подняли на палубу, выпустили «пловца» из сетки. Пловцом оказался не матерый, а молодой кабанчик. Он от людей не убегал. На дрожащих ногах он стоял на месте и глядел на людей. Люди смеялись, что-то кричали, спорили. Вскоре появился на палубе один из механиков с острым ножом. Вместе с боцманом они положили дрожащего от усталости кабанчика на палубу и... жизнь и страдания кабанчика оборвались. Через час с небольшим салон команды гудел от разговоров и смеха: «спасатели» пили разбавленный спирт и закусывали жареным кабанчиком.

Прошло почти сорок лет. Но когда я смотрю на карту Рижского залива или на фотографию исчезнувшего во времени судна «Профессор Добрынин», я неизменно вижу маленького, выбивающегося из последних сил кабанчика, ищущего спасения у людей, и группу прыгающих и кричащих «спасателей» с кривыми острыми ножами в поднятых вверх руках. Звери практически всегда ведут себя натурально, а вот люди часто – неестественно и жестоко.

К исследованиям в Балтийском море мы активно привлекали студентов из Вильнюсского университета: во-первых, это было самое близкое к Калининграду учебное заведение, в котором готовили геологов, и, во-вторых, я сам закончил этот университет и лично знал и многих студентов, и многих ученых-геологов – бывших студентов. Шестеро студентов стали морскими геологами, защитили по морской тематике кандидатские диссертации.

В начале 70-х годов я стал привлекать к работе квалифицированных и опытных геологов Литвы. Доцент ВГУ А. Гайгалас в экспедициях работал совместно с А.И. Блажчишиным, который в качестве соискателя готовил под моим руководством кандидатскую диссертацию по геологии Балтийского моря и защитил её в 1972 г. А. Гайгалас к тому времени был уже опытным и известным геологом-четвертичником, хорошим специалистом по моренным отложениям и петрографии валунов и каменных глыб, которые после таяния ледника остались во множестве на дне Балтийского моря и на территории Прибалтики. Моренные отложения доставали со дна дночерпателем. Затем, после приезда из Алтая нового геолога кандидата наук Г.С. Харина, соорудив небольшие плоские и круглые драги, стали драгировать дно и собирать не только морены и моренные валуны, но и обломки коренных пород. На севере Балтики на поверхности дна обнажались кембрийские породы, песчаники и известняки ордовика, силура и девона. К этим работам был привлечен и директор Геологического института Литвы, специалист по фораминиферам А. Григялис.

Мы активно сотрудничали в области изучения Балтийского моря по линии Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) со специалистами из социалистическими стран – Польской народной республики (ПНР) и Германской Демократической республики (ГДР). Польские ученые под руководством К. Выпыха и Б. Росы (Гдыня–Гданьск) со своими коллективами работали на небольшом судне «Гидромет», а немецкие – под руководством Д. Ланге (Варнемюнде) на судне «Альбрехт Пенк». Мы часто обменивались учеными. Иногда 2–3 судна работали параллельно. На берегу мы работали в Институте водных проблем и гидрометеорологии (К.Выпых, М. Захович, Ш. Устинович), Гданьском университете (Б. Роса) или Институте исследований Балтийского моря в Варнемюнде, ГДР (Д.Ланге, О. Кольп). Наши дружеские встречи в море на судах или в институтах в Варнемюнде или Гдыне почти всегда сопровождались общим угощением с неизменными «Столичной», «Вудкой wyborовой» или «Корном» и пивом с сосисками.

С польскими коллегами мы ведем совместные работы, часто общаемся на конференциях уже более 35 лет. Вначале работали с доктором Казимиром Выпихом из Института метеорологии и водного хозяйства в Гдыне, затем с сотрудниками Гданьского университета, профессором Богуславом Роса, докторами С. Муселяк и С. Рудовски, а сейчас – с морским отделением Польского геологического института в Сопоте, докторами Иоаной Захович, Шимоном Устиновичем. Богуслав Роса – один из образованнейших морских исследователей Польши. Проводя экскурсии, он всю дорогу рассказывал про ландшафт, про геологическое строение берега моря, про миграцию славян и их «реликты» в Польше, про «Волчье логово» или про Мальборк и Коперника. Это личность – энциклопедия, с которой всегда хотелось общаться.

На следующий день, после научных докладов и застолий, обычно следовали экскурсии по северной части ГДР или по Польше. В первом случае экскурсиями руководил доктор Отто Кольп, реже Гюнтер Бублицц.

Работая в Балтийском море на небольшом судне «Профессор Добрынин», мы как-то решили зайти на отдых в порт Грейфсвальд. Он расположен на небольшой речке на расстоянии около 20 км от моря. Капитан Наумов сомневался, можно ли туда зайти. Прочитав лоцию, он по моему настоянию (я был начальником экспедиции) решился.

Шли мы по небольшой речке, кругом луга, пасутся коровы. Местные жители с удивлением смотрели на проплывающие мачты с развевающимися флагами СССР и ГДР и удивлялись: ведь самого корабля из-за берегов и кустарников видно не было. Зашли, отшвартовались. Местные горожане с удивлением за нами наблюдали. Самые любопытные спрашивали, как нам удалось зайти, ведь река и порт мелкие. Такие крупные суда никогда в их порт не заходили. Постояли мы двое суток. Пора домой. Стали разворачиваться. Оказалось, что бассейн самого порта всего лишь на 1 м шире, чем длина нашего корабля. Упершись форштевнем в бетонную стенку причала, судно стало работать винтами. Поднялся в воду ил, затронутый килем и работающим винтом (у стенок порта его бассейн был сильно заилен, глубина была меньше, чем указано в лоции). Поглядеть на процесс разворота и выхода из порта, казалось, сбежался весь народ городка в ожидании чего-нибудь необычного. Но все, к счастью, обошлось. Мы благополучно вышли в море и продолжали исследования. Когда я сейчас говорю немецким коллегам, что мы заходили в Грейфсвальд, они не могут в это поверить. Да я и сам до сих пор удивляюсь своей настойчивости и смелости капитана.

Во времена ГДР Балтийским Морским институтом в Варнемюнде руководил доктор профессор Дитер Ланге. Мы с ним подружились. Он для нас организовывал разные автобусные экскурсии по Германии, одна из них – на остров Рюген – особенно запомнилась. Руководил экскурсией доктор Отто Кольп, геолог, хорошо знающий четвертичную геологию, историю оледенений особенно, а также археологию края. Он нам показал не только пути продвижений языков ледника, двигавшегося по Рюгену на юг и оставившего после его исчезновения многочисленные озера, но и рассказывал многое из жизни и истории славян на Рюгене. Здесь, на этом острове, как нигде в другом месте Германии, раскопано много захоронений славян. Хозяйственная утварь и оружие, найденные в захоронениях, представлены в местных музеях. Показал он нам и местонахождения последнего города-крепости славян Аркона в Северной Европе, точнее на высоком обрывистом берегу северной части Рюгена. Защитники этого города-крепости дольше всех сопротивлялись германским племенам. В конце концов, крепость в 1169 г. была взята и сожжена (она была деревянной). Сейчас можно заметить на её месте лишь понижения, очевидно, бывшие оборонительные рвы.

Рядом с бывшей крепостью Аркона находится красивейший обрыв меловых известняков с многочисленными камнями – кремнями. Верхняя часть этого обрыва выглядит как кресло с подлокотниками. По-немецки это «кресло» называется «Königstuhl» (королевское кресло).

Говорят, что остров Рюген и есть тот самый остров Буян, с которого «пушки палили и пристать кораблям велели», как это описано у А.С. Пушкина.

В настоящее время остров Рюген почти целиком является заповедным местом. Здесь, помимо геологических и исторических памятников, сохранилось много замков и больших охотничьих домов разных баронов и графов. В недавнее время там находились дачи и дома отдыха высокопоставленных военных и самого Гитлера.

В настоящее время в Германии и Польше остались следы проживавших там славян: в Германии – это славянские фамилии (вспомним Ремарка «Три товарища» и военного с фамилией Вольцов). Кажется, в Висмаре я посетил домик Шлимана, первооткрывателя Трои. А в величественном замке в Шверине нам показали комнаты герцогини – русской княжны (фамилии не помню). Комната обставлена «по-русски»: сохранены иконы, кровать с подушками, многие русские реликвии. И все это немцы сохраняли на протяжении веков! Не помню, где стоит действующий костел (собор) Доберан, построенный еще в XI веке и действующий в наши дни. Кольп его также нам показал. Во время заходов в Германию я непременно, почти каждый вечер бегал в величественные соборы, в которых в сентябре проводились фестивали духовной музыки. В соборах выступали симфонические оркестры, хоры, певцы или скрипачи. Во время этих фестивалей я получал очередную музыкальную зарядку, продолжил свое музыкальное образование.

Доктор Отто Кольп – личность весьма интересная. Скажу о нем несколько подробнее. Как-то мы сидели с Отто во дворе за столиком. Кругом цветы, фонтанчик на куче валунов тихо журчит, пчелки с одного цветка на другой перелетают. Хозяйка, в светлые одежды одетая, чистая и аккуратная, как и многие немки, приносит поднос с кофейником, маленькими фарфоровыми чашечками и печеньями. Но с нами не садится. Уходит в дом, небольшой коттедж, такой же аккуратный и чистый, как и хозяйка.

Остаемся вдвоем. Пьем вкусный кофе, хрустим маленькими печеньями. Разговор у нас о Балтике, о геологическом её строении, об её исследовании. Мы оба – морские геологи. Во время захода нашего научного судна в порт Росток Отто и пригласил меня к себе в гости. Но никогда мы не говорили о прошлом, об его прошлом.

Через десяток лет я узнал, что жена Отто умерла, и он, в возрасте более 60 лет, привел домой вторую жену, 22-х лет. Вскоре у них появился сын. Отто успокоился. Было кому оставить наследство.

Еще через несколько лет я узнал, что Отто, среднего роста, но довольно полный, даже грузный мужчина, с совершенно голой большой головой, сильно похудел и умер от рака.

Об Отто я забыл. И вот недавно, будучи на научном конгрессе в Сопоте, я зашел к своему старому коллеге – другу, университетскому профессору географии, который поведал мне некоторые детали из жизни Отто.

Шла II-ая мировая война. Она шла не только на суше, но и на море. Немецкая разведка посылает одного из опытейших метеорологов, профессора, на один из маленьких островков Северной Атлантики для наблюдений за погодой. Профессор требует себе молодого помощника. Выбирает 16–17-летнего парня. Оба они, вооружившись необходимыми метеорологическими приборами и радиостанцией, в строжайшей тайне перебрасываются на этот маленький островок. Устраиваются. Живут мирно, с немногочисленными жителями островка практически не общаются. Единственным их увлечением является небо. Они смотрят

на небо, наблюдают за облаками, измеряют ветер, количество осадков, в конце каждой недели делают обобщение гидрометеоусловий за прошедшую неделю. На основании этого обобщения профессор дает прогноз на следующую неделю.

Много разных звуков радиолюбители и специалисты ловят в эфире. Иногда они слышат случайный на их взгляд звук «Пи-и», и все. Никаких больше сигналов, никаких «Пи-и» больше. После звука «Пи-и» немецкие подводные и надводные суда – охотники направляются в Атлантику. И идут на дно моря корабли и подлодки союзников – врагов рейха. Портится погода, море штормит. В эфире тишина и спокойствие. Наконец-то море успокаивается, и снова случайно раздается сигнал «Пи-и»! И тишина. И «охотники» снова выходят на добычу.

И так всю войну: профессор и его молодой помощник после хорошего прогноза погоды на очередную неделю нажимают на кнопку радиопередатчика и сигнал «Пи-и» летит в эфир. И тишина. И никаких подозрений у контрразведки противника. А суда продолжают тонуть.

Профессор метеорологии, уже в очень почтенном возрасте, работал в Грейфсвальдском университете ГДР. В этот университет и я неоднократно приезжал, и мой старый знакомый – профессор из Гданьского университета – тоже. И однажды профессор-метеоролог и профессор-географ встретились и разговорились. На вопрос польского коллеги, почему он здесь, в маленьком провинциальном городке ГДР, а не там, за берлинской стеной, поведал, что таких как он, раскусив, либо вешают, либо ставят к стенке.

А молодым помощником профессора-метеоролога был мой знакомый по изучению геологии Балтики Отто. Он тоже после войны поселился в ГДР, подалше от «зоны влияния» союзников, где продолжалось выявление и наказание эсесовцев и шпионов. Умер и похоронен Отто тоже на территории ГДР.

Путешествуя по городам, портам Северной Германии, везде находил много интересного: Грейфсвальд – Штральзунд – Росток – Варнемюнде – Висмар – Шверин – Киль и т.д. Это почти все ганзейские города с характерной для того времени (XVII–XVIII века) архитектурой. Особенно красочными являются площади у ратуши, базарные площади.

Во время одного из заходов в порт Штральзунд (ГДР) на судно к нам прибыла женщина и привезла билет на поезд от порта Штральзунд до Берлина. Я – в недоумении: зачем, почему? Она объяснила, что руководство ЦГИ (Центрального Геологического института ГДР в Берлине) убедительно просит меня приехать и дать нужные для ЦГИ научные консультации. Оставив экспедицию на попечение капитана (я был начальником экспедиции), я поехал. После научных разговоров и консультаций в ЦГИ муж женщины, пригласившей меня, по имени Зигфрид предложил мне прогуляться по Западному Берлину. Так как «стена» была уже разрушена, мы свободно пошли смотреть «ихний» Берлин. Зигфрид завел меня в квартал, который был «оккупирован» турками – торговцами фруктами и овощами. Вот тут-то я и увидел много-много бананов в свободной продаже. Я сразу же предложил Зигфриду купить гроздь и тут же съесть. Зигфрид что-то сказал непонятное (хотя он свободно говорил по-русски, так как до этого закончил МГУ). Я купил. Несу в полиэтиленовом мешочке гроздь, а мне так хочется их попробовать. Я говорю Зигфриду: «Давай съедем по банану». От отвечает: «Подожди, вот будет сквер, там сядем на скамейку и съедем». Дошли до сквера. Зигфрид, не останавливаясь, идет дальше. Я говорю: «Вот

сквер, давай сядем и съедем по банану». Попутчик говорит: «Да здесь неудобно. Найдем место получше и присядем». Идем. Прошли место и получше, но Зигфрид идет дальше. Гуляли мы еще долго, но Зигфрид так и не остановился. Наконец дошли до его автомашины. Сели. Говорю: «Перед тем, как ехать, давай съедем по банану». Он говорит: «Вот поедем ко мне домой, там нас ждет Аня, она готовит ужин. Вот там и съедем». Поехали. А я все думаю про бананы. Приехали. Нас встречает Аня Лехерт (известный геолог, по национальности якутка. Вся геологическая братия ГДР её знала как Аню-якутку). Стол накрыт. Кроме закуски стоят водка, вино, неизменное немецкое пиво. Стол заставлен едой, напитками, посудой. Я говорю: «Давай положим и бананы». Зигфрид молча берет у меня из рук пакет с бананами и кладет его на кухонный стол. Выпиваем, закусываем. Говорим о МГУ, Якутии, «стене», работе в новой Германии. А я всё думаю про бананы. Потом говорю: «Аня, ты дала бы детям по банану». Она: «Да они их наелись, больше не хотят». После сытного (не немецкого, а русского) ужина – телевизор, кофе, разговоры. Укладываемся спать. Ночью думаю: «Вот ведь как, а бананы так и не попробовали».

Утром рано собираемся на вокзал. Меня отвозит Зигфрид. Прощаюсь с якуткой. А сам боковым зрением смотрю, лежит ли пакет с бананами. Лежит. Я напоследок и говорю: «Аня, ты угостила бы детей бананами». Смотрю, терпение у Зигфрида кончилось. Он быстро подходит к кухонному столу, берет пакет, идет ко мне и говорит: «На, в поезде и съешь».

В поезде я съел все пять бананов.

А через год и у нас началась перестройка. Через год-два бананы стали поступать к нам вагонами и кораблями. И всюду – бананы, бананы! И я уже не только есть, но глядеть на них не могу. Даже Кизяков в своих телевизионных передачах «Пока все дома» перестал их класть на стол для украшения.

Жизнь наша стала совсем иной.

В ГДР практически все материалы по донным осадкам являлись секретными. И несмотря на то, что ГДР пала в 1990 г., к 1993 г. они все еще не были рассекречены. И стоило много усилий, чтобы их рассекретить. Это сделать удалось новому руководителю секции морской геологии Яну Харффу. Он и стал вторым автором цветных карт по Западной Балтике (впадины Арконская и Борнхольмская), которые я составил, работая в Варнемюнде в качестве приглашенного профессора и которые опубликовал в Санкт-Петербурге (1994 г.) на русском и английском языках.

В 1990 г. в самом начале перестройки, которая в Германии началась с крушения «берлинской стены», облик и руководство Балтийского морского института в Варнемюнде стали резко меняться. В первую очередь были уволены пять руководителей отделов, докторов наук и профессоров. Был изгнан из института и мой коллега профессор Дитер Ланге, директор. В институт пришли новые люди, руководящие должности заняли люди из Западной Германии. Продолжаем работать с ними.

Итоговыми результатами наших исследований были совместные научные статьи, а также книга «Процессы осадконакопления в Гданьском бассейне, Балтийское море» (1986). Общим идейным и политическим руководителем морских научных исследований по линии СЭВ неизменно был профессор Андрей Аркадьевич Аксёнов.

В 1972 г. началось плодотворное научное сотрудничество с шведскими учеными. Оно началось с моего знакомства с директором Геологического института Стокгольмского университета академиком Королевской Академии наук Швеции Иваром Хессландом на симпозиуме в Кембридже в 1970 г. и с моей работы в Стокгольмском университете и на его полевой научной станции Аскё в 1972 г. В то время Геологический институт занимался переоборудованием маленького (около 100 тонн) рыболовного суденышка «Стромбус» для нужд геолого-геофизических исследований в Балтийском море. Переоборудованием судна и этими исследованиями занимался большой энтузиаст науки, помощник И. Хессланда Т. Флодин. В 1974 г. была проведена совместная геолого-геофизическая экспедиция на двух судах: шведском «Стромбус» и советском «Профессор Добрынин». В этой экспедиции мы составляли сейсмопрофили в Готландской впадине от о. Готланд до берегов Латвийской ССР. Наши представители работали на шведском судне, шведский представитель – на нашем. Стыдно вспоминать о поведении наших сотрудников на судне «Стромбус». Первым туда был делегирован инженер-электронщик Саша. Он, естественно, ничего там не делал, так как вся аппаратура работала отлично и в ремонте не нуждалась, Саша «подналег» там на продукты. Питались мы на «Профессор Добрынин» неважно: черствый хлеб, ребра старой коровы, кое-какие овощи, порошковое молоко, реже – сгущенка. А у шведов все свежее, приятное на вид и вкусное. Плюс баночное пиво. Саша под это пиво значительно сократил их продуктовые запасы. Следующим был мой аспирант – геолог Олег. Его шведы также вначале посадили за стол, сказали, чтоб кушал, а сами ушли работать (их экипаж и научный состав состоял из трех человек: капитана – начальника экспедиции, судомеханика и научного сотрудника – матроса). Олег, усевшись у коробок свежих вкусных продуктов и пива, все ел, ел и ел. Начальник экспедиции Том Флодин несколько лет спустя, мне говорил: «Олег все не выходит на палубу и не выходит. Я несколько раз посылал матроса посмотреть, что он делает. Наконец Олег вышел, поглаживая раздутый живот. По возвращению на наше судно, он сказал, что никогда так вкусно еще не ел. Шведы говорили, что Пустельников съел и выпил половину запаса их продуктов и пива, которые они закупили для троих мужчин на две недели. Олег и до экспедиции был известен, как человек, похожий на одного из героев из повести «Солдат Швейк» Гашека. Я предполагал, что в гостях он будет сдержанней. Приглашенного на наше судно молодого шведа Аксберга мы кормили борщом с ребрами говядины, котлетами и пшенной кашей, а также неизменным русским компотом. После возвращения к себе он с ужасом рассказывал о нашей пище.

Питание на нашем судне было сытным, но не всегда привлекательным, особенно для иностранцев. Перед выходом в рейс с заходами в иностранные порты граница СССР закрывалась. Это значит, что свободно посещать наши порты мы не имели права: перед заходом надо было границу «открывать», т.е. пограничники должны были проверять паспорта, смотреть не привезли ли мы чужого человека (т.е. шпиона), таможня и санитарная служба должны были проверить все, что мы привезли или что могли привезти. На это уходило полдня. Плюс пересчет валюты и тому подобное. Поэтому уходя в море на 20–30 дней (обычная продолжительность экспедиции в Балтийском море), капитан набирал на все эти дни продукты, в том числе и хлеб. Хлеб за дни плавания

черствел, при плохой упаковке плесневел. Однажды капитан закупил хлеб, но выход в море задержался в Калининградском порту на 4–5 дней. Когда все-таки мы вышли в море, через иллюминатор я заметил, что кто-то что-то бросает с верхней палубы нашего небольшого исследовательского судна в море. Пригляделся: хлеб! Быстро выскочил на палубу, полез наверх. Вижу, открыв большой ящик, боцман берет булки черного хлеба и, не глядя, швыряет их в море. Я к нему: «Вы что делаете! Ведь это хлеб!» Отвечает: «Хлеб во время подготовки к рейсу отсырел, заплесневел. Капитан сказал выбросить». Я к капитану: «В чем дело? Ведь мы только вышли в море. Нам работать без заходов в советские порты 30 дней. А вы выбрасываете хлеб!» Капитан: «Придем в Стокгольм, купим свежий». Спрашиваю: «На что? Ведь там хлеб стоит в 20–25 раз дороже, притом черного хлеба в Швеции нет!»

Зашли. Купили. Положили на стол. Сели ужинать. Хлеб белый, белый! Мягкий. Вкусный. Моряк берет полбулки, сжимает её в ладошке и с одной тарелкой супа съедает. Весь хлеб, купленный на выделенную нам на 30 дней валюту, 20 человек команды и научного состава съели за время стоянки в порту, т.е. за 2–3 дня. Выходим в море на плановые работы, а свежего хлеба нет. Остались лишь несколько десятков буханок не выброшенного нашего черного хлеба. Впереди 27 дней пребывания в море, без заходов в советские порты. Зайти то можно. Но это в ущерб работе. Притом весь состав экспедиции лишается дополнительной валюты на пять дней после выхода из советского порта. А валюта уже потрачена.

После длительной и громкой «беседы» с капитаном решаем работать в море без хлеба. Вместо него будем печь лепешки и блины из ржаной муки.

Поработав десять дней, опять заходим в Швецию. Но уже в Висбю на острове Готланд. К нашей экспедиции присоединяется шведская. Два судна должны работать одновременно. Решаем просить хлеб у шведов. Мои шведские коллеги, хорошо мне знакомые по совместной работе в Стокгольмском университете, долго не понимают меня, почему мы не можем зайти в свою страну и купить хлеб. В конце-концов до них кое-что доходит. И они отдают нам свой недельный запас хлеба. Это две полиэтиленовые сумки. На один обед нашей экспедиции. Мы шведам дали мешок сахара, выменянный у наших рыбаков, промышлявших в открытой Балтике, на водку и спирт.

Так мало-помалу доходит до сознания членов нашей экспедиции, в том числе и до капитана, ценность хлеба. У нас в стране буханка (около 1 кг) хлеба стоила 16 копеек, т.е. очень дешево. За месячную зарплату рядовой инженер мог купить 600–800 буханок. Хлеб наши люди не ценили. Никита Хрущев даже ввел закон о бесплатном хлебе в столовых и ресторанах. Потребление хлеба в СССР сразу возросло в 1,5–2 раза. Куски хлеба стали выбрасывать на помойку. Им стали кормить свиней и коров. Через пару лет одумались. Опять стали хлеб продавать, но очень дешево. Вот поэтому неопытный капитан и дал указание боцману выбросить подмокший хлеб. Он еще тогда не успел осознать, что за пределами СССР, в первую очередь в Швеции, один килограмм хлеба стоит около 1 доллара США или даже больше. А доллар на черном рынке в СССР стоил 10 рублей (официально доллар на рубль поменять было нельзя). Уже после перестройки и у нас хлеб стал стоить примерно полдоллара, а иногда и больше. И сейчас за месячную зарплату наш рядовой инженер может купить не

600–800 буханок, а всего лишь 120–150 (одна буханка хлеба весом 0,8 кг стоит 20 руб., один батон весом 0,4 кг – 20–25 рублей вместо 0,12 рубля в советское время). Все познается в сравнении. «Железный занавес» отучил советского человека придерживаться общечеловеческих стандартов. И колоссальный ущерб от этого послеперестроечная Россия терпит до сих пор.

В одной из экспедиций по пути в Швецию мы встретились с рыболовецким судном. Подошли, попросили сделать «чейндж» продуктами и питьем на свежую рыбу. Вдруг один из рыбаков, облаченный в желтый прорезиненный костюм, кричит: «Емельян Михайлович, Емельян Михайлович. Добрый день! Как дела в лаборатории?» В рыбаке я узнал своего бывшего лаборанта Перминова. Вспомнил! Перминов, находясь в отпуске в Минске, однажды зашел на главпочтамт отослать телеграмму. Телеграфистка, прочитав адрес, с удивлением подняла глаза на Перминова, попросила его подождать, а сама куда-то убежала. Подав телеграмму начальнику почты, она говорит: «Какой-то сумасшедший требует ее выслать по адресу». Начальник читает: «Президенту США Никсону. Требую, чтобы вы прекратили уничтожать вьетнамцев и закончили свою агрессивную войну. Если не выполните, я объявлю бессрочную голодовку. Перминов». Начальник почты в растерянности. Он звонит в КГБ и просит совета. Там отвечают: «Примите. Возьмите с него за телеграмму по максимальному тарифу. А телеграмму перешлите нам».

Вызывает меня директор института и говорит:» Твой Перминов того ...(и крутит пальцем у виска). Говорит: «Увольняем». Через пару дней Перминова в нашем институте не стало. На следующий год я встретил его на рыболовецком судне в Балтике. Такие вот гримасы приобретала советская пропаганда, во всех газетах кричащая: «Советский народ осуждает агрессию США. Советский народ против войны» и т.д. Народ – да, осуждает, а отдельный человек осуждать не может. А если он и осуждает лозунги и пустословие власти, то он сумасшедший.

Впоследствии после замены судна «Профессор Добрынин» на большее (400 т), переоборудованное для научных нужд судно «Шельф», мы многократно посещали кроме Стокгольма другие шведские порты – Мальмё, Гётеборг, а также Висбю и Слите на о. Готланд. И везде и всегда нам оказывали посильную помощь и неизменное внимание шведские коллеги во главе с И. Хессландом и Т. Флодином.

Швеция для меня стала почти родной страной, так часто мне пришлось там бывать. Первый раз я приехал Швецию (Стокгольм) по приглашению Королевской Академии Швеции работать в Стокгольмском университете (1972 г.). Моим «хозяином» был директор Геологического института (факультета) этого университета академик Королевской Академии Швеции профессор Ивар Хессланд. Это был весьма образованный, широко мыслящий геолог. Он стремился сделать свой институт международным: приглашал много молодых людей и аспирантов из других стран. Я приехал в Швецию в 1972 г. на пару недель. Моя задача – поработать с молодыми сотрудниками института, прочитать цикл лекций в университетах Стокгольма, Упсалы и Гетеборга. Кроме того, я поработал несколько дней в группе геохимика доктора Рольфа Хальберга на научной станции университета в поселке Аскё, что на берегу Балтийского моря.

Первую лекцию (до этого лекции студентам я не читал) я провалил (с содроганием вспоминаю этот провал и сейчас, 35 лет спустя): не было опыта

преподавателя, недостаточно еще владел языком и ораторским искусством. И Хессланд по-отечески меня поддержал, успокоил и дал рекомендации, как надо читать лекции. Все последующие лекции прошли хорошо, достойно.

И. Хессланд персонально меня возил в Упсалу, показывал исторические места, зашел в костёл, где похоронены знаменитости, и мы там «потоптались» на плите Линнея, под которой лежал его прах. Врученная И. Хессландом настольная медаль Линнея (правда, как сувенир, не за научные открытия) хранится у меня до сих пор. В Упсале расположена Геологическая Служба Швеции. Здесь мы тоже побывали и посмотрели, как их геологи составляют геологические карты. С морскими геологами управления (И. Като и другими) я сотрудничаю до сих пор.

В Гётеборге я читал лекцию о Балтике. Её слушали знаменитые учёные: геолог Е. Оллаусон, гидрохимик Д. Дирсен и другие известные геологи.

Эрик Оллаусон показал мне длинные колонки знаменитой Шведской глубоководной экспедиции в Средиземное море на судне «Альбатрос», которая состоялась в 1946–1947 гг. Керны хранятся до сих пор в охлаждаемом керноранилище и постоянно изучаются.

Второй раз в Гетеборгском, а также в Лундском университетах, я побывал уже 16–18 лет спустя: читал лекцию студентам, участвовал в международном совещании по проекту «Eurobridge» (Евромост). После поездки в Швецию мы много работали в Балтийском море совместно с представителями Стокгольмского университета, в первую очередь с доктором Томом Флоденом. Он – на своем кораблике «Стромбус», мы – на НИС «Профессор Добрынин», а позднее – на более крупном судне «Шельф». Знаменитым геологом профессором Куртом Бёстромом и доктором Томом Флодином я был приглашен дважды поработать в Стокгольмском университете. Мы изучали добытые совместные керны, а с Флодином и другими шведскими коллегами я составлял (по их и своим данным) карты осадков.

К. Бёстром, заведующий кафедрой геохимии и минералогии, предложил мне должность профессора кафедры. Но внутри нашего института обстоятельства сложились так, что в Стокгольм я поехать не мог и К. Бёструму пришлось искать другого профессора.

Мы многократно бывали на острове Готланд (порты Висбю, Слите). Профессор И. Хессланд лично возил нас на автобусе по всему острову, показывал интересные геологические объекты, раскопки захоронений викингов и германские доты II-ой мировой войны. И. Хессланд так много знал о геологии, истории и археологии, что слушал я его всегда, раскрыв рот. Подшучивая, он говорил, что чуть ли не все князья, а затем и цари ранней Руси пошли от викинга Рюрика.

Я читал лекции в Стокгольмском университете. Директор (декан) Геологического института этого университета профессор Ивар Хессланд был моим «супервайзером». Однажды в выходной день он пригласил меня к себе в гости. Он отвез меня за город, в красивые окрестности Стокгольма, где на кособоре стоял его особняк. Дома была только хозяйка, его жена, такая же пожилая, как и хозяин. После осмотра цветников и небольшого жилого коттеджа мы уселись за обеденный стол. Тарелочки, салфеточки, вилки и ножи. Когда приступили к закуске, Хессланд и говорит: «Эмиль, а может по рюмочке водки?». Я, находясь в хорошем настроении и забыв, что я в гостях у шведского академика,

говору: «И пиво тоже». Общий, немножко нервный смех. Принес бутылку, налил по 40–50 мл водки и бутылку снова унес в подвал.

После обеда уселись у камина, пьем кофе, ведем светскую беседу. Потом Хессланд и спрашивает: «Эмиль, а может еще по одной?». Я соглашаюсь. Опять приносит, наливает и уносит.

После такого приема, естественно, у меня сложилось впечатление, что академик Хессланд не пьет. И все шведы тоже. На весь Стокгольм, как я потом выяснил, было всего десять небольших магазинов, где продавались крепкие напитки.

И вот Ивар Хессланд – с ответным визитом в СССР. Я как сопровождающее лицо показывал ему научные учреждения в Москве, Таллине и Вильнюсе. Договорившись с моими хорошими знакомыми геологами Литвы, мы организовали в честь высокого шведского гостя прием в новом тогда ресторане «Жирмунай» в Вильнюсе. Нас было двенадцать человек. Под закуску заказали пять бутылок коньяка. Выпили. Под горячее заказали 6 бутылок водки. При смене бокалов на рюмки мы смотрели с удивлением на гостя, который решил сделать так, чтоб и капля коньяка зря не пропадала.

Он схватил руку официанта и отвел её от бокала. Затем взял бокал, наклонил его над новой рюмкой, поставленной для водки, и стал ждать. Одиннадцать мужчин, сидевших за столом, устремили свои взгляды на шведского гостя с опрокинутой рюмкой в руке. Наконец одна капля коньяка капнула из бокала в рюмку, после чего наш гость с облегчением сказал, отдавая бокал официанту: «Вот теперь можете брать».

Выпили и водку. Под кофе заказали еще бутылку коньяка. И Хессланд, сидевший рядом с любителем застолий советским профессором Витаутасом Гудялисом, пил больше большинства из нас и почти не пьянел.

Когда после ресторана Гудялис и Хессланд шли, обнявшись, в гостиницу, они покачивались, разговаривали по-немецки и пели песни.

Миф о том, что шведы не пьют или пьют мало, был разрушен: они, как и многие иностранцы, оказывается, пьют очень мало у себя дома. И притом говорят, что русские пьют много. Когда они находятся у нас в гостях, то многие из них пьют, не меньше, чем мы.

Как-то, гуляя по Стокгольму, я обратил внимание на афишу, повсеместно развешанную на улицах города. На ней был изображен пожилой мужчина с черной с проседью бородой. Я прочитал по шведски: А.И. Солженицын. Я много слышал о нем и ранее, но в лицо не знал. Его портреты находились в каждой второй витрине центральных улиц Стокгольма. Сравнительно молодой, бородатый, он внимательно взирал на проходящих. Центральные газеты также пестрели его портретами. Шли дискуссии о нем по телевидению.

Мы с профессором Иваром Хессландом звонили по специальным магазинам с тем, чтобы подобрать смокинг и все к нему необходимое по моему росту: через два дня нам предстояло принять участие в заседании Нобелевского комитета по вручению ему премии. Ивар Хессланд как член этого комитета пригласил меня в качестве гостя принять участие в церемонии вручения.

На следующий день в перерыве между лекциями, которые я читал в университете, секретарша сообщает, что мне срочно нужно позвонить в Посольство своей страны. Звоню. Тихий вежливый голос спрашивает меня, не мог бы я после лекции зайти в Посольство.

Прихожу. Пропуск заказан, меня ждут. Атташе по науке спрашивает, как дела, как лекции, не нужна ли помощь. А затем говорит: «Как вы знаете, завтра начинаются торжества. Вам ведь известно, что наш народ не одобряет деятельности Солженицына и его писанину. Может случиться так, что вас пригласят на церемонию вручения (и откуда они только узнали!). Под любым предлогом вам следует отказаться. Могут быть провокации». Я говорю: а как они узнают, что я из СССР? «О! Ничего тайного не бывает! Корреспонденты обязательно разнюхают. Сфотографируют, в газетах напишут: «Вот, мол, не все граждане не одобряют деятельность Солженицына. Профессор такой-то специально приехал в Стокгольм, чтобы принять участие в церемонии. Назавтра они могут написать опровержение. Но дело будет сделано. А ваша карьера будет закончена». Естественно, после таких слов я заверил атташе, что если будут приглашать, я обязательно откажусь.

На следующий день вечером мы наблюдали за церемонией вручения премий по телевизору дома у Ивара Хессланда. Когда председательствующий объявил фамилию Солженицына, зал бурно аплодировал стоя. Затем председатель сказал: «К сожалению, господин Солженицын не смог прибыть в Стокгольм. Но он прислал телеграмму, следующего содержания». Читает телеграмму, в конце которой примерно написано так (точно я не помню, прошло уже 30 лет): «Я не могу в данный момент покинуть страну, т.к. в это же время состоится другое, очень важное для меня событие – день защиты прав человека. И я должен в этот день находиться в Москве». Бурные аплодисменты. Председательствующий объявляет, что премия лауреату будет вручена в Посольстве Швеции в Москве в удобное для писателя время. Бурные аплодисменты.

Как читателю известно, сам я до Нобелевской премии не дорос, а вот мое желание попридусловствовать на церемонии её вручения волею судеб не сбылось.

Через 20 лет весь народ нашей страны стал гордиться лауреатом Нобелевской премии в области литературы Александром Исаевичем Солженицыным.

Советское посольство приветствовало официальные научные контакты с шведскими учеными. Я, как начальник экспедиций, регулярно информировал атташе по науке о программе нашего пребывания в портах захода. Профессор Ивар Хессланд как-то сказал, что меня хорошо помнят некоторые члены Королевской Академии наук Швеции. Я спросил почему. «О, ты, Эмиль, стал личностью необычной для шведов: мои знакомые, которые были на приеме только и вспоминают, с какой легкостью ты вылил бокал Советского шампанского за борт». «Неужели это было таким значимым событием, что о нем помнят более пяти лет?» – спросил я. «О да, для нас это было очень необычным», смеясь, сказал Хессланд.

Тогда, пять лет назад, это был очередной наш заход в порт Стокгольм. Мы зашли на судне «Профессор Добрынин» для отдыха и для налаживания научных контактов. После бесед с молодыми учеными и преподавателями Геологического института Стокгольмского университета, а также после осмотра города я пригласил директора этого института профессора Ивара Хессланда к себе на корабль с ответным визитом. Сказал, что на борту будет также атташе по науке посольства СССР. Хессланд порекомендовал мне пригласить на прием несколько влиятельных ученых Швеции. Такими оказались: ректор Стокгольмского университета (латинист по профессии) с женой, женщина – ученый

секретарь Королевской Академии наук Швеции и еще два профессора (их фамилии я уже запомнил). Я, как начальник экспедиции, вместе с капитаном Смолехо, одетым в капитанскую форму, встретили гостей на пирсе у судна. В связи с тем, что кают-компания нашего маленького судна выглядела не совсем презентабельно, мы организовали прием на палубе. Был установлен резервный стол, покрытый белой скатертью, расставлены сладкие закуски и поставлено несколько бутылок Советского шампанского. После короткого рассказа о целях и задачах экспедиции, а также о желании обеих сторон сотрудничать, мы предложили выпить по бокалу шампанского. Бутылки капитан раскрыв с шумом, гостям были вручены бокалы прозрачного искрящегося напитка и мы с Хессландом стали произносить тосты. Был жаркий солнечный вечер июля. Вдруг ученый секретарь стала что-то громко говорить, переступать с ноги на ногу. К ней подошли другие гости и стали смотреть, что там происходит. Оказалось, что откуда ни возьмись прилетела оса и решила попробовать шампанского. Она влетела в бокал, а затем стала купаться в вине. Дама пыталась извлечь осу пальцем, но это ей не удавалось. Другие гости стали советоваться, как осу лучше извлечь. Поднялся шум. Мирный ход приёма был нарушен. Чтобы восстановить былой порядок я подошел к даме, взял бокал с плавающей в вине осой и выплеснул через плечо все это за борт. Раздался дружный «Ох!». Все стали «галдеть» смотреть за борт и говорить, что так поступить с благородным вином мог только русский. Тем временем я попросил капитана наполнить пустой бокал новой порцией шампанского и вручил его даме. Под шумок и тосты мы дружно распили несколько бутылок шампанского. А на «посошок» предложили бутылку «Столичной», содержимое которой с удовольствием смаковали все гости, выпивая по глоточку и не прекращая вести светскую беседу. Вскоре веселые и разговаривавшие гости стали усаживаться в машины. Ученый секретарь же уселась на велосипед, на котором она прибыла, и, махая нам рукой, уехала.

И вот пять лет спустя я снова в Стокгольме. И академик Ивар Хессланд со смехом рассказывает мне, что после приема шведы долго еще переживали о том, как русский ученый неэкономно поступил с вином, без всякого сожаления выплеснув его за борт. Но, говорит, больше всего потом в Академии Швеции смеялись над дамой – ученым секретарем, которая отъезжая от судна на велосипеде, выписывала синусоиду на своем пути.

Научные контакты с университетом Стокгольма после приема на судне были сразу же налажены и продолжаются до сих пор.

Но несмотря на возникшие между нами добрые взаимоотношения, в нашей истории со шведами произошли два политических недоразумения, и оба – по нашей вине. Во время одной из экспедиций на судне «Профессор Добрынин» капитан Смолехо так проложил курс, что мы с работающим сейсмическим прибором «Спаркер», который постоянно посылал звуковые сигналы на дно, оказались у берегов острова Форё, где расположена морская военная база. Находясь в трюмной лаборатории у «Спаркера», я вдруг услышал сильнейший рев и грохот. Выскочив на палубу, я заметил два самолета «Fantom», которые были подняты, чтобы задержать нарушителя шведской границы, то есть нас. Прибежав в штурманскую рубку, спросил у капитана, почему он идет не предусмотренным программой работ курсом. Он от меня отмахнулся, но направил судно в нейтральные воды. После работ в открытой Балтике мы запросили у

шведских властей разрешения на заход в Стокгольм. Нам отказали, но разрешили зайти в маленький городок Слите, что находится на восточном берегу острова Готланд.

После Слите мы продолжили исследования в открытой Балтике. Выработали почти все топливо. Перед возвращением домой капитан запросил разрешения шведских властей на заход в Висбю для пополнения запасов топлива и воды. На рейде, во время 6-бального шторма мы ждали этого разрешения более двух суток. Не получили. Решили с капитаном, что с оставшимся топливом попробуем дойти до Балтийска. Пошли. Шли вместо положенных 14–16 часов больше суток. Шторм был семь баллов. Дошли. В Балтийске у судна оставалось около 200 литров топлива, примерно на один час работы двигателя. Читатель понимает, что мы были на соломинку от царства Нептуна. Господь Бог и Нептун пожалели нас.

Второй случай связан с нашей подводной лодкой. Она тайно зашла в порт, кажется Карлскруна, и, маневрируя, выскочила на мель, при этом ее бак оказался на поверхности моря. Переполюх как в порту, так и во всей Швеции, а также в Москве был большой. А мы на судне «Шельф» в тот день шли в Стокгольм, чтобы взять шведских ученых на борт. Нас в Стокгольм не пустили, но разрешили зайти в порт Висбю, на острове Готланд. К нам в порт (т.е. на судно) прилетел секретарь посольства СССР в Швеции. Он объяснял, что лодка зашла в порт случайно, что она заблудилась, и что СССР здесь не виноват. Секретарь улетел, а мы продолжили исследования в открытой Балтике, но без шведов: они отказались. Уже по возвращении в Калининград я получил цветную почтовую открытку с изображением советской подводной лодки на суше в порту Карлскруна с изображением развевающегося флага СССР. На обратной стороне – пояснение доктора Рольфа Хальберга, который писал, что вместо научного сотрудничества бывает и «такое политическое» имея в виду фотографию.

В начале перестройки мы могли уже более или менее свободно налаживать сотрудничество с учеными ФРГ. Это были сотрудники геологического института Кильского университета: М. Сарнтхайн, И. Тиде и Ф. Кюглер. Со всеми я был знаком и ранее. В одну из экспедиций мы пригласили немецких ученых. К нам на борт приехала студентка 6-го курса этого института Хайди Кассенс со своей однокурсницей Фогельзанд. Мы отбирали пробы осадков в Кильской бухте, а затем в открытой Балтике. Во время шторма решили зайти в порт Клайпеда. Но чтобы стать у стенки порта, нужно было «открывать границу». На это, а также на оформление отхода уходило полдня. Кроме того, мы теряли валюту за пять дней (по 5 долларов на человека), отпускаемую государством на приобретение свежих продуктов в иностранных портах. Чтобы сэкономить валюту, мы с капитаном В. Латожей решили стать в порту на якорь без оформления документов на заход. Студентки, впервые попав в один из портов скрытой и загадочной для всего мира страны, решили хотя бы издали посмотреть на порт, тем более до недавних пор носивший немецкое название «Мемель». Мы велели немкам сидеть в каюте и не высовываться, потому как на палубе их могли рассмотреть в бинокль наши пограничники. А неофициально находящиеся на территории СССР иностранцы – это уже шпионы. Студенткам мы это никак не могли объяснить, а они не могли нас понять. С катера пограничники по радио дважды приказывали оформить заход, но мы во избежание задержек предпочли выйти в море, болтаться на волнах.

Затем продолжили работы. Отбирали мы пробы осадков старыми примитивными приборами: дночерпателем, ударной трубкой. Причем колонку из труб выталкивали не гидровыталкивателем, а примитивнейшим способом – шестом. Все это студентки, естественно, фиксировали на фотопленку. После возвращения в Киль, весь институт спрашивал их, как там русские. При рассказах о заходе в Мемель и при демонстрации слайдов коллеги и профессора от души хохотали. Они не понимали как при очень высоком научном уровне советских океанологических исследований могут существовать такие ограничения в свободе и использовать старые методы работы. Сейчас, когда я встречаюсь с профессором Хайди Кассенс, мы оба с улыбкой вспоминаем те сложные времена перестройки и неуклюжие методы исследований. И эти методы были неуклюжими в основном потому, что финансирование на приобретение и разработку приборов и методов в провинциальных научных учреждениях в СССР было крайне недостаточным (сейчас, в 2008–2009 гг., оно вовсе отсутствует).

Второй этап морских геологических исследований в Балтийском море начался с работ на крупнотоннажных (5000–6000 тонн) научно-исследовательских судах Института океанологии АН СССР. В 1973 г. зам. директора Института океанологии, профессор Артем Арамович Геодекян стал проявлять интерес к недрам Балтийского щита и организовал геолого-геофизическую экспедицию на большом нашем судне «Академик Курчатов» (14-ый рейс). Артем Арамович попросил меня привлечь к организации экспедиции литовских коллег, тем более что целью экспедиции явились поиски признаков нефтегазоносности дна Центральной Балтики. Это были сотрудники Геологического института, кандидаты наук П. Сувейздис, Е. Лашков, П. Лапинскас, К. Сакалаускас, В. Коркутис и другие. А.А. Геодекян на базе возглавляемой мною лаборатории организовал семинар, к участию в котором были приглашены сухопутные геологи и нефтяники, имеющие к тому времени значительный опыт геологических нефтепоисковых работ. В 1973 г. состоялась морская экспедиция, в которой были применены различные геофизические методы, в первую очередь тяжелые воздушные пушки (эрганы), позволившие получить сведения о глубинном строении дна.

В итоге под руководством А.А. Геодекяна была подготовлена и в Москве опубликована коллективная монография по нефтегазоносности Балтики под названием «Геологическое строение и перспективы нефтегазоносности Центральной Балтики» (1976). Названные выше литовские геологи являлись соавторами (или авторами) отдельных разделов данной монографии.

В 1978 г. А. П. Лисицын и я в качестве его заместителя организовали и провели вторую, но уже геолого-геохимическую экспедицию на судне «Академик Курчатов» (26А рейс) в Балтийском море. В экспедиции участвовали практически все сотрудники отдела А. П. Лисицына и моей лаборатории, а также сотрудники из смежных лабораторий и институтов, в том числе 6 геологов из Литвы. Главной целью экспедиции было изучение истории развития Балтийского моря, стратиграфии его отложений, процессов седиментогенеза и геоэкологии. Всего на борту было 85 ученых, в экспедиции работало 12 научных отрядов. Собранные материалы тут же в лабораториях анализировались, данные обобщались и готовились научные статьи и главы будущих монографий. Всего было выполнено 130 геологических станций, отобраны десятки рекордно длинных (до 15 м) колонок донных осадков. Некоторые колонки включали в

себя весь осадочный разрез и захватывали коренные породы мела и неогена. Геологическим отрядом руководил кандидат наук А.И. Блажчишин, исследования загрязняющих веществ выполняли Л. Демина, доктор наук Б. Шишкина, киевлянин А. Митропольский.

Одной из главных задач экспедиции было изучение геолого-геохимических процессов, как природных, так и антропогенных. В экспедиции непосредственно на борту судна работали многие аналитические лаборатории, в том числе по определению абсолютного возраста осадков (по ^{14}C и ^{240}Pb) (В. Купцов), в химических лабораториях было выполнено около 4500 определений состава вод, водных взвесей и донных осадков. Данная экспедиция была своего рода «плавающим исследовательским институтом».

По итогам изучения материалов 26А рейса с привлечением ранее полученных нами данных под общим руководством А.П. Лисицына и Е.М. Емельянова были подготовлены и опубликованы три коллективные монографии по строению осадков Балтийского моря, истории его развития и по геоэкологии. Эти монографии венчали второй этап нашего сотрудничества с ведущими учеными Института океанологии – членом-корреспондентом А. Геодекяном и академиком А.П. Лисицыным.

Геологический институт Литовской ССР в то время был самым большим в Прибалтийских республиках. Ему и было поручено Министерством Геологии СССР руководить всеми геологическими научными учреждениями по изучению Прибалтики, а, следовательно, и созданием геологических карт. Международный редсовет работал над картами около 10-ти лет. От нашего института в совет входили В.М. Литвин и Е.М. Емельянов. Руководителем совета являлся А. Григалис. В результате, были созданы три цветные карты в масштабе 1:500 000 (1990):

- 1) геологическая карта дна Балтийского моря и прилегающей суши;
- 2) карта четвертичных отложений Балтийского моря;
- 3) геоморфолого-физиографическая карта Балтийского моря.

Карты были изданы на карт-фабрике в Ленинграде в 1990 г., т. е. уже после распада СССР. Страны-создатели должны были заплатить фабрике за работу (т. е. выкупить карты). Но в России в тот год перестройка шла бурно, руководство институтов занималось тоже перестройкой, денег не было, и Россия (в лице ВСЕГЕИ) смогла выкупить лишь одну треть тиража карт. В то время А. Григалис сумел убедить свое правительство дать ему деньги и таким образом выкупить большую часть тиража. Перед тем, как карты забрать, он убедил руководство фабрики напечатать названия карт не только на русском и английском языках, как это было согласовано между представителями Прибалтийских стран и России, но и на литовском. Тогда, в 1991–1993 гг., как и сейчас, геологи отлично понимали и понимают, что карты – это результат коллективного труда большого международного коллектива.

Трудом международного коллектива была и объяснительная записка ко всем трем картам, изданная в Ленинграде под редакцией А. Григалиса.

Что касается научной ценности изданных трех карт, то она различна: самой ценной была (и является сейчас) геологическая карта. Она используется всеми геологами. Что касается карты четвертичных отложений, то она составлена по методам Министерства геологии СССР и используется только геологами, работающими на суше.

Хотелось бы подчеркнуть еще один важный момент привлечения литовских специалистов-географов к морской геологии. Я имею в виду Витаутаса Гудялиса, с которым мы тесно сотрудничали, издавая книгу «Геология Балтийского моря» (1976 г.). С университетских времен помимо геоморфологии Литвы он занимался изучением береговых процессов Балтики, Куршской косы и Куршского залива. Кроме того, он издавал ежегодник «Балтика». После защиты докторской и получения звания профессора свою жизнь он посвятил в основном преподавательской и научно-организаторской деятельности. Рейтинг его как организатора науки в Литовской ССР, да и в СССР и в Балтийских странах, был высок.

Ученые-энциклопедисты, подобные В. Гудялису и И. Хессланду, были и в других странах Прибалтики. В науке они сделали не очень много, но в жизни след оставили заметный, особенно как рассказчики-экскурсоводы. Вспомним их имена: это профессор Богуслав Роса, Польша; доктор Отто Кольп, ГДР; профессор Ивар Хессланд, Швеция; доктор Хейки Игнатиус, Финляндия; профессор Карел Орвику-старший, Эстония. К ним можно отнести и прекрасного популяризатора географии, истории и археологии Литвы Чеслава Кудабу, моего коллегу по учебе в университете. Все эти мудрецы умело сочетали научные знания со знанием жизни и с талантом рассказчика.

В 1986–1995 гг. мы активно изучали геологию Борнхольмской и Арконской впадин. В связи с тем, что определенные части этих впадин являлись датскими рыболовными зонами, то к их изучению мы привлекали датских ученых – представителей геологического факультета Орхусского университета. В свои экспедиции мы неоднократно приглашали сотрудника этого университета Христиана Христиансена. Мы работали на советских судах «Профессор Добрынин» и «Шельф».

По просьбе датских коллег в 1989 г. была проведена совместная советско-датская геолого-геофизическая экспедиция на НИС «Профессор Штокман» (6-ой рейс). Договор на оплату работ с датчанами мы не заключали: в начале перестройки у российских институтов еще не было такой практики. С руководством нашего института я договорился, что датчане заплатят. Деньги мы получили. Часть их я шла на закупку свежих продуктов и топлива, другая – на дополнительную зарплату штурманскому составу и механикам.

«И когда только все вы сдохнете!» – выкрикнула молодая женщина (девушка) в адрес пробирающегося к прилавку через длинную очередь военного ветерана за льготной вареной колбасой и пачкой масла. Был дефицитный год начала перестройки.

Я написал об этом рейсе НИС «Профессор Штокман» более подробно потому, что он состоялся на изломе двух эпох – социалистической и неуклюже-капиталистической. Наш опыт работ в новых, рыночных условиях приобретался в «бою», т.е. в экспедициях. Конечно, как, очевидно, читатель понял, те десять тысяч долларов США за 20 дней работы судна – цена очень низкая, почти символическая. Но тогда в период безденежья и «шерсти клок» представлял для нас интерес.

Работая с датчанами в датских водах, мы для отдыха и научных контактов обычно заходили в порты Копенгаген или Орхус.

В Копенгагене находится знаменитый музей Торвалдсона. Первым делом, после встречи с Русалочкой и фонтаном «Колесница Зевса» бежал туда, в музей, любовался прекрасными скульптурами этого художника.

В селе Монтилуото, находящемся в центре Дании, мы неделю работали на полевой научной станции университета, совместно с датскими учеными завершали монографию «Геология Борнхольмского бассейна». После работы как-то мы пошли на экскурсию к фермеру, жена которого присматривала за научной станцией и готовила для нас еду. Семья фермера состояла из двух человек: его самого и жены в возрасте около 50 лет. Дети проживали в городе. У фермера – 20 га земли. Он специализировался на выращивании свиней (тогда у него было около 20 голов) и дойных коров (кажется, 10 или 11 голов). Жена помогала мужу полдня (вторую половину дня работала на научной станции). На полях фермер выращивал корм для животных. Сам пахал, сеял и сажал, убирал, готовил корм, кормил, доил, сдавал свиней на бойню, молоко – на молочный завод. Для такой работы у него в сарае или под крышей находилась вся необходимая техника, которой он сам управлял. Хлевы были устроены так, что жижавоза стекала по канавкам наружу в специальные емкости, навоз он набрасывал на резиновый конвейер, а тот через окошко транспортировал его наружу в поставленный рядом кузов машины. И «жижу», и навоз он сам вывозил на поля, где разливал и разбрасывал. Работали они с женой с раннего утра до поздней ночи. И двор, и хлев, и сарай, и дом – все выглядело прибранным, все находилось в порядке. Я часто сравниваю фермы на наших полях с той, датской фермой. И мое сердце сжимается от наблюдаемой разницы.

В Дании мы, конечно, посетили замок Принца Датского, чудесный рыбацко-курортный городок Скаген с маленькими ярко разукрашенными домиками, а также геологический факультет Орхусского университета и другие населенные пункты и города.

Материалы, собранные в датско-российских экспедициях, в лаборатории геологии Атлантики АО ИОРАН были обобщены и подготовлены к печати в виде монографии «Геология Борнхольмского бассейна». Однако, в эти трудные годы начала перестройки денег на публикацию у нас не было. Чтобы как-то выйти из положения, я предложил Х. Христиансену опубликовать монографию в Дании на английском языке. Х. Христиансен сразу же согласился. Однако руководство Геологической Службы Дании, узнав, что русские подготовили монографию о геологии морской части их страны, публикации воспротивились. Выход мы с Х. Христиансеном нашли через пару лет: решили монографию опубликовать в виде специального выпуска нового журнала Орхусского университета «Aarhus Geoscience». Пришлось выполнить еще одно условие датской стороны: в каждую из глав монографии вписать по представителю Дании. Добавили имеющиеся у них материалы, улучшили наш английский язык, переоформили на компьютерах рисунки. В итоге книга «Геология Борнхольмского бассейна» под редакцией Е.М. Емельянова (Россия), О. Михельсена и Х. Христиансена (Дания) была опубликована в 5-ом номере журнала «Aarhus Geoscience».

Научные результаты по распределению типов донных осадков в западной части Балтики (Борнхольмская и Арконская впадины до районов Дарс-Сил и Малого Бельта) были обобщены мною с коллективом соавторов в виде цветных карт для верхнего слоя и четвертичных осадков. Данное обобщение я сделал,

временно работая в качестве приглашенного профессора в Институте исследований Балтийского моря (ИИБМ) в Варнемюнде, Германия (1993 г.).

В Финляндии я несколько раз посещал Хельсинки. Меня там опекал известный геолог доктор Борис Винтерхалтер. Он прекрасно говорил по-русски, так как его мать, по национальности русская, осталась в Финляндии после предоставленной ей Россией независимости. Борис Винтерхалтер, с которым мы часто видимся до сих пор, всегда дружелюбно встречал советских (и российских) людей, в том числе и меня. Он отредактировал несколько моих английских статей и опубликовал их в финских журналах.

Одним из последних научных международных трудов явилась монография «Геология Гданьского бассейна». Она была подготовлена в лаборатории геологии Атлантики АО ИОРАН. Гданьский бассейн разделен между тремя государствами: Польшей, Россией и Литвой. В подготовке отдельных разделов книги приняли участие литовские, польские и голландские ученые. Книга «Геология Гданьского бассейна» под моей редакцией была опубликована на английском языке в 2002 году в Калининграде.

Активная наша работа по привлечению молодых людей и зрелых геологов (профессоров) Германии, Польши, Швеции, Дании и Литвы закончилась. Из всех названных выше геологов Литвы, выпускников Вильнюсского университета, работающих совместно с нами, остались несколько человек. Таким образом, закончилась 30-летняя эпоха морских геологических исследований, проводимых в содружестве с учеными Балтийских стран. Но это время прошло ярко, активно, и, как результат, в библиотеках осталось много публикаций. В настоящее время из-за трудности финансирования как в России, так и в Литве и других странах Балтии, морские исследования не столь масштабны, они носят в основном либо региональный характер, либо выполняются временно созданными коллективами по проектам Европейского Союза.



Первые сотрудники Лаборатории геологии Атлантики. Справа налево: Борис Кошелев, Емельян Емельянов, Людвикас Лукошевичюс, Анатолий Солдатов (1964 г.)



Один из заходов НИС «Профессор Добрынин» в порт Стокгольм (1973 г.). Справа налево: В. Бубнов, О. Пустельников, директор Геологического института Стокгольмского университета И. Хессланд, Е. Емельянов



Авторы серии цветных карт «Атлантический океан»: А.П. Лисицын и Е.М. Емельянов (в период создания этих карт) «Ах, как молоды мы были!...»



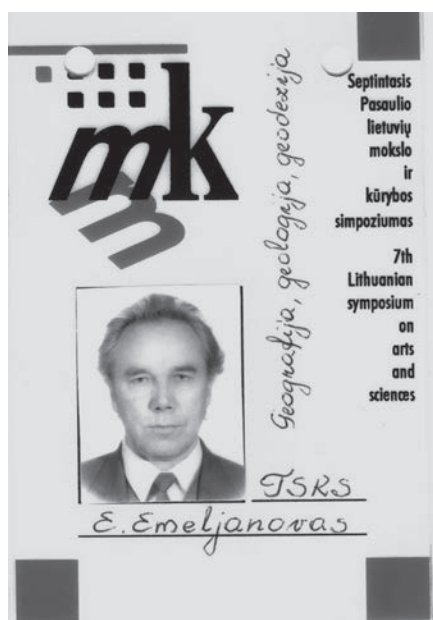
С польскими коллегами в порту Гдыня на фоне судна «Профессор Добрынин» (1970 г.?) Слева направо: Ю. Шайдуров, А. Кожевников, доктор К. Выпых, Е. Емельянов, доктор Р. Буяновски, капитан Л. Наумов, В. Березюк



Экспедиция на НИС «Профессор Штокман», 24-ый рейс, в море Каттегат и в Северном море с датскими геологами (1989 г.). Внизу (справа налево, начиная с четвертого): Н. Свиридов, Г. Бублиц (ГДР – Германия), Н. Шибкова, В. Слободяник, Е. Романова, В. Чечко, В. Кравцов, Е. Емельянов (начальник экспедиции), неизвестный, С Исаченко. Вверху: третий слева В. Купцов, справа Б. Бережной и Кондратьев (третий)



Первое объяснение причин накопления повышенных количеств марганца и зарождения карбонатных марганцевых руд во впадинах Балтийского моря (26-А рейс НИС «Академик Курчатов», Балтийское море, 1978 г.). Среди слушателей – А.П. Лисицын



Удостоверение Е. М. Емельянова – участника 7-го научного и творческого симпозиума (съезда) литовцев Мира в Вильнюсе, 1991 г.

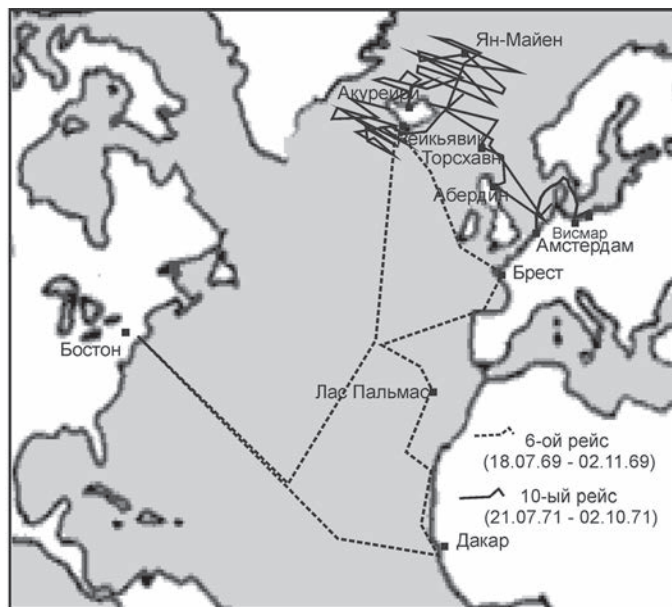
3.4. ЧЕРЕЗ БАРЬЕРЫ – К ПРОСТОРАМ ОКЕАНА

В 1966 г. специально для Академии наук СССР было построено новое большое научно-исследовательское судно «Академик Курчатов», сразу же ставшее флагманом советского научного флота. Длина его – 124 м, водоизмещение – 6830 т. На судне было оборудовано 27 научных лабораторий. На его борту могли работать 81 ученый, помимо экипажа численностью 84 человека. Это был плавающий научный институт. В 1968 г. было построено второе аналогичное судно – «Дмитрий Менделеев». Оба судна принадлежали Институту океанологии АН СССР и были приписаны к порту Калининград.

Как я уже упоминал, меня с 1961 г. в зарубежные рейсы (с заходом в иностранные порты) компетентные органы не выпускали. Поэтому в первые пять экспедиций на судне «Академик Курчатов» ходили сотрудники нашей лаборатории. Лишь в 1969 г. и мне было позволено выйти «... туда, куда мечты когда-то звали: в далекие края, за море – океан».

Я был назначен начальником геологического отряда 1-ого испытательного рейса НИС «Дмитрий Менделеев» (начало 1969 г.). Поскольку данное судно предназначалось для Тихоокеанского отделения Института океанологии АН СССР, в составе экспедиции оказалась большая группа геологов этого отделения во главе с его директором, доктором геолого-минералогических наук, профессором Николаем Петровичем Васильковским. Экспедиция работала в Карибском море и в Гвианской котловине. В данной экспедиции была исследована система Гвианского течения, что позволило впоследствии открыть неизвестное тогда Гвианское противотечение.

Мы, геологи, изучали донные осадки Карибского моря, роль выносов рек Амазонки и Ориноко в осадконакоплении в Гвианской котловине и в Карибском море.



6-ой и 10-ый рейсы судна "Академик Курчатов"

Во время экспедиции мы посетили два острова: Монтсеррат (порт Плимут) и Тринидад (порт Порт-оф-Спейн). На обоих островах были организованы интересные экскурсии. На о. Монтсеррат находится вулкан Гелвейс-Суфриер. Во время нашего захода он фактически бездействовал. Вулкан Гелвейс-Суфриер характеризуется взрывным («пелейским») типом деятельности. Во время последнего (1965 г.) извержения

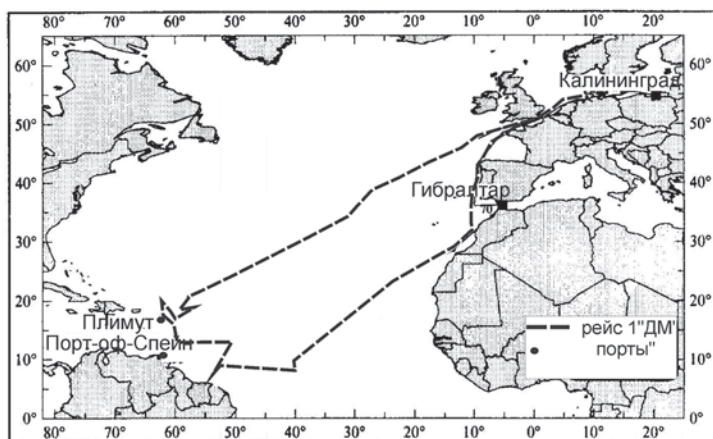
его кратер был разрушен. В разрушенном кратере вулкана, состоящем из белых («отбеленных») пород, из недр высачивались горячие воды. Один из горячих источников был черным от содержащегося в воде сероводорода и гидроксидов марганца. Вокруг термальных источников порода была полужидкой и напоминала кипящую («булькающую») манную кашу. Вокруг источника было много кристаллов гипса, желтой серы.

Вулканы, находящиеся в поле нашего зрения во время экспедиций, в том числе и на суше, нас, геологов, всегда интересовали. Ведь именно в районах действия горячих гидротерм обра-

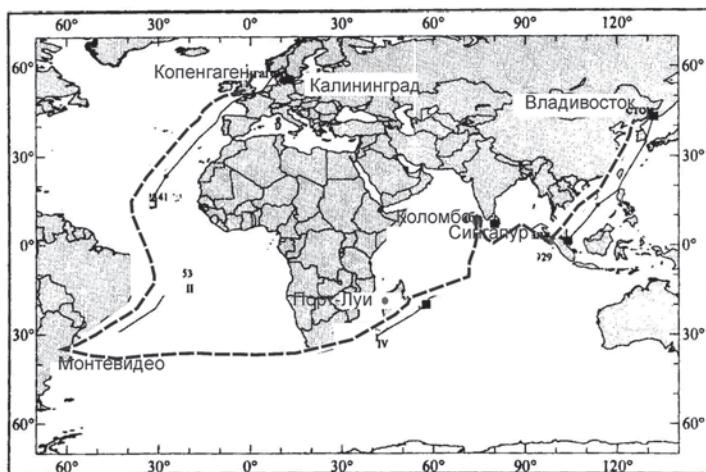
зуются многие виды сульфидных руд (меди, цинка, железа), а также марганца и других, в составе которых содержатся большие количества благородных металлов, поэтому обследованию вулкана Гелвейс-Суфриер я уделил особое внимание и впоследствии результаты исследований использовал в научных статьях и книгах.

Несколько лет тому назад я узнал, что вулкан Гелвейс-Суфриер снова «взорвался», причинив много бед жителям острова Монтсеррат.

Высадка на остров Тринидад для геологов была не менее интересной, чем на о. Монтсеррат: на этом острове имеется весьма экзотическое озеро – Асфальтовое, по-английски Питч-Лейк. Названо оно так потому, что в нем вместо воды – асфальт (pitch). Вот на это озеро (единственное на земном шаре) мы и организовали экскурсию.



1-ый рейс НИС "Дмитрий Менделеев"
(21.02.69 - 23.04.69)



31-ый рейс НИС "Дмитрий Менделеев"
(18.11.83 - 17.03.84)

Озеро имеет глубину 72 м. И на всю глубину оно заполнено черным асфальтом. По асфальту можно ходить, но нельзя долго стоять: ботинки быстро к асфальту прилипают и под тяжестью тела начинают в него погружаться.

Асфальт в озеро поступает из недр земли под тяжестью пород. В нескольких местах асфальт из озера «стекает» к берегу океана. Под действием морских волн он разрушается, и мелкие округлые кусочки асфальта встречаются даже в Саргассовом море, где мы их вылавливали вместе с саргассовыми водорослями.

Собранные нами во время экскурсии материалы позволили уточнить природу и самого озера, и процессы его образования.

Природный асфальт озера Питч Лейк – одно из главных богатств Тринидада. Его экспортируют во многие страны и используют в смесях для дорожных покрытий, в строительстве, а также в электропромышленности для изготовления изолирующих материалов.

В городе Порт-оф-Спейн меня удивили школьники-дети. Все они ходили в школу аккуратно одетые, в чистеньких белых кофточках и рубашках и в синеньких юбочках и шортах. Сами, коричневатые или черные, в такой форме они выглядели аккуратными, опрятными, красивыми.

Во время стоянки в порту Порт-оф-Спейн произошла неожиданная и маловероятная для советских моряков встреча мужа и жены, работающих в океане на двух больших белых судах. Задолго до встречи научные составы этих судов, да еще друзья из экипажей смаковали будущие детали, шутили, да и похорошему завидовали тем, кому предстояло встретиться.

Научные экспедиции тогда длились по 3,5 месяца. Все сильно уставали от однообразия морских пейзажей, судовой жизни, монотонной работы, от камбузной пищи, а главное... друг от друга. Все надеялись отдохнуть. Ну, а когда речь зашла о встрече не только судов, но мужа и жены, это было очень необычным. Тогда в СССР было негласное правило: мужа с женой одновременно за кордон не выпускать. А тут такая оплошность: в чужом порту, далеко от страны должны встретиться муж и жена. А вдруг сбегут?

Муж оказался в порту на два дня раньше жены. Судно жены пришло в порт вечером. На судне мужа иллюминация, народ на верхних палубах кричит от радости.

Второй корабль медленно развернулся, чтобы встать бортом с первым. Концы еще только поданы, швартовые не закреплены, а народ лезет на планширы бортов и прыгает на другое судно. Возгласы радости, объятия, поцелуи! На обоих судах музыка!

И вмиг на палубах никого. Все разошлись по каютам и лабораториям. Везде накрыты столы. На них куски жареной корифены, акулья печень и, как обычно, графины и бутылки «разведенки».

Муж, то есть я, угощался на судне жены, Лидии Петровны. Тосты! Разговоры! Все спрашивают, все хотят что-то рассказать. Шум, гам. А мы с женой все ближе и ближе друг к другу. Наконец, мы оказываемся в моей каюте, где я, как начальник отряда, проживал один. Радости и наслаждению нет конца!

Просыпаемся. Солнце на экваторе жарит вовсю: температура около 45 градусов, находиться на палубе невозможно. Опять общие завтраки, стаканчики для опохмеля, крепчайший чай и свежайший американский кофе, которым мы уже запаслись.

Вышли по невыносимой жаре в город, выпили по бутылке воды и – обратно на судно. На прохладный ресторан денег у нас тогда не бывало: наш дневной заработок в то время равнялся одному американскому доллару.

А уже вечером отход. Наше судно, простояв три дня, исчерпало свой лимит, мы и спешили на полигон работ. А жена на своем судне еще остается. Опять шум! Гам! Объятия, поцелуи, шутки и «тому прочее», как говорит мой одноклассник

Двое ученых – «Дмитрий Менделеев» и «Академик Курчатов», а на них муж и жена, разошлись «как в море корабли», каждый по своим морским дорогам. Разошлись, чтобы встретиться дома.

Мы продолжили забортные работы в Карибском море и в Гвианской котловине.

Как-то утром я проснулся рано, где-то в 6 часов. Ярко-красное солнце, расплющенное атмосферными явлениями, медленно выползало из-за четко обозначенного горизонта. Несмотря на раннее утро, было тепло. Море спокойно дышало тихо-тихо. Мирную, спокойную атмосферу нарушал лишь гудящий звук траловой лебедки: работали биологи. Я выглянул из-за переборки: на возвышении пульта управления лебедкой стоял Федя Пастернак. Смотрю, к нему подходит Володя Беккер и вручает Феде конической формы пол-литровую мензурку с горячим кофе. Федор Александрович берет мензурку, оглядывается назад, смотрит на капитанский мостик, с которого следят за работой на палубе рулевой матрос и вахтенный штурман, слегка кланяется им и медленно начинает пить ароматный кофе. Второй бокал – мензурка с кофе в руке у Володи Беккера. Он тоже, смакуя, пьет кофе. Мирная картина морских будней. Казалось бы ничто не могло помешать ее продолжению до окончания работы биологического отряда: здоровые, улыбающиеся биологи, раннее теплое утро, равномерно гудящая траловая лебедка, на максимальной скорости выбирающая из-за борта толстый стальной трос, и медленно летающие вокруг нашего судна чайки. И вдруг – сильнейший удар по корпусу судна. 120-метровая стальная его махина содрогается, уже проснувшийся народ выскакивает на палубу с вопросами «Что это, где?». Федор Александрович, лебедчик, соскакивает с «пъедестала» лебедки, хватается обеими руками за седую длинноволосую голову и начинает бегать по палубе бака, причитая; «Что я наделал, что я наделал!». Я в это время смотрел на бак из-за угла надстройки. Оказалось, Федя, увлекшись бокалом кофе, нарушил главную обязанность лебедчика; перестал следить за счетчиком троса, не поставил своего помощника к борту, с тем, чтобы тот следил за метками размеченного троса. В результате прикрепленная к концу троса тяжелая, плоская драга, с помощью которой биологи собирают с поверхности дна всякую живность, на полной скорости выскочила из воды, врезалась в блок А рамы. 18-миллиметровый трос лопнул, и драга, ударившись о борт судна, ушла на дно со всей добычей. Федя, совершив несколько кругов по палубе бака, наконец успокоился и стал рассматривать пряди разорванного стального троса. На палубе уже появился начальник экспедиции Иванов-Францкевич. Увидев, что драги нет, а трос оборван, он быстро, не сделав ни одного замечания с палубы удалился. Другие члены экспедиции, включая и меня, стали расспрашивать Федю, почему он так неаккуратно работал, почему оборвал трос и утопил драгу. Виновник ничего не мог ответить.

После аварии в этот же день выяснилось, что биологи во время палубных работ почти всегда попивали «кофе», который они делали сами. Для этого шел

чистый спирт-ректификат, который им выдавался для консервации биологических образцов, и немножко, для придания темного цвета, кофе. Вот после такого бокала так называемого кофе Федя и потерял контроль не только над лебедкой, но и над собой.

Реакция на это событие последовала не сразу, а где-то через месяц, перед завершением экспедиции в Балтийском море. На доске объявлений появился приказ, где говорилось, что за проявленную халатность при работе биологического отряда начальнику геологического отряда Емельянову Е.М., то есть мне, объявляется строгий выговор, а Ф.А. Пастернаку – замечание. Никто не мог объяснить логику этого приказа, все только хихикали и показывали пальцем на меня. Почему я, а не биологи оказались виноваты, одному Богу известно. Возможно, это было неизвестно и начальнику экспедиции Иванову-Францевичу, опытному океанологу, эрудированному человеку, но никогда до этого не руководившему экспедициями. Вначале я обижался на Иванова-Францевича, «никудашного» начальника, но потом перестал, возможно в связи с тем, что он был образован и хорошо знал искусство – в его каюте часто звучала классическая музыка, и именно он предложил нам посетить культурный центр Гульбекияна, выстроенный этим армянином-эмигрантом в Лиссабоне. Кроме разных предметов искусства (картин, посуды, ковров, сувениров и разных других предметов, собранных Гульбекияном), там была необыкновенная выставка сексуальных (любовных) рисунков Пикассо. Именно эта выставка, а не картины с искаженными («кубическими») фигурами, повысила рейтинг этого художника в моих глазах.

А что же Федя? Мы работали с ним еще в нескольких экспедициях, встречались в институте, в котором оба работали, в составе советской делегации участвовали в работе симпозиума в Кембридже, Лондоне, много разговаривали, иногда вместе выпивали. Везде за границей иностранцы интересовались, не родственник ли Федя тому Пастернаку, который написал «Доктор Живаго». По просьбе Федора мы отвечали: «Нет. Это – однофамилец». Лишь самые близкие друзья знали, что Федор Александрович Пастернак – родной племянник Нобелевского лауреата поэта и писателя Бориса Леонидовича Пастернака. С дядей – поэтом, конечно, я не был знаком, но его произведения читал до того, как они появились в СССР. Во время моего пребывания в Стокгольме, где я читал лекции в университете (1972 г.) один поляк, который тоже временно преподавал в этом же университете, принес мне две книги на русском языке: «Раковый корпус» Солженицына и «Доктор Живаго» Пастернака. Прочитал обе эти книги за несколько ночей. На мой взгляд, ничего страшного, антисоветского в «Докторе Живаго» не было. Но я был в курсе всех мытарств его автора.

*Что же сделал я за пакость
Я убийца и злодей?*

*Я весь мир заставил плакать
Над красотой земли моей*

(Б. Пастернак, «Нобелевская премия»)

Мытарства поэта и его преследования коммунистической властью особенно хорошо, кратко и четко описаны Масленниковой [Борис Пастернак. Встречи, 2001]. Фраза Зои Масленниковой (с. 294) «В годовщины рождения и смерти Бориса Леонидовича... собиралось много народу ... иногда племянник Бориса

Леонидовича океанолог Федор Александрович Пастернак с женой» и послужила толчком к написанию этого раздела воспоминаний.

Федор Александрович никогда не хвастался своим родством, был хорошим биологом, кандидатом наук, большим любителем компаний. Оставил о себе хорошую память.

Бунин, Пастернак, Солженицын, Бродский. Все нобелевские лауреаты – все «враги» народа, «вытолкнутые» из родной страны.

В Гвианской котловине наш геологический отряд обнаружил неизвестный к тому времени потухший вулкан. Он возвышался над дном глубиной около 4 км примерно на 3 км. Его вершина находилась на глубине 812 м. Поэтому Александр Васильевич Живаго, начальник геологического отряда, и дал этой вулканической горе название вулкан «812». Вершины и склоны вулкана «812» были покрыты плотной кремнисто-марганцевистой коркой, что свидетельствовало о том, что в геологическом прошлом вулкан действовал и «изливал» в океан гидротермы, богатые кремнием, марганцем и фосфором. Эти вещества быстро выпадали в осадок, покрывая вершину и склоны вулкана твердым осадком-коркой, состоящей в основном из соединений этих элементов.

В 1981 г. мы снова оказались в районе Карибского моря, в Гвианской котловине. На этот раз проходило испытание новейшего тогда научного судна «Академик Мстислав Келдыш» (1-ый рейс), прославившегося впоследствии исследованиями при помощи глубоководных обитаемых аппаратов (ГОО) «Мир» гидротермальных источников в Мировом океане и участием в создании кинофильма «Титаник». В то время ГОО на борту еще не было. Мы испытывали различные другие приборы и продолжили геологические исследования совместно с кубинскими геологами. Помнится, в ожидании разрешения на заход в Гавану, на рейде этого порта мы загорали в буквальном смысле этого слова и купались в судовом бассейне около трех суток.

Для отдыха и взятия на борт кубинских геологов мы подошли к порту Гавана. Суда в порт все заходили и выходили, а нас все не пускали. Когда мы зашли в Гавану, то спросили у местных властей, а также у геологов, почему нам так долго не давали разрешения на заход. А они ответили примерно так: «А какая от вас польза? Вы не привезли ни зерно, ни нефть нам. Мы пропускаем в первую очередь те суда, которые доставляют нам груз» (ясно, почти бесплатно). Такое вот отношение было к нашим научным судам.

Куба запомнилась мне приветливостью людей, распитием кубинцами пива из примитивных жестяных кружек (стеклянной посуды в то время в Гаване не хватало), запу-



1-ый рейс НИС "Академик М. Келдыш"
(27.02.81- 13.06.81)

ценностью знаменитой прогулочной набережной, по которой текли ручейки канализационной жидкости, просачивающейся из трещин некогда блестящих, а тогда обшарпанных домов. Лишь центр Гаваны выглядел по-прежнему фешенебельно и чисто.

И тогда, и сейчас я восхищаюсь твердой верой не только самого Фиделя, но и большинства кубинцев в светлое будущее, которое обязательно «придет, так как больше приходиться нечему».

В Мексике я побывал со стороны Тихого океана в курортном городе Акапулько и со стороны Мексиканского залива в городе Веракрус. В первом из них обсуждали какие-то научные проблемы на конференции. И, конечно, купались на знаменитых пляжах.

В городе Веракрус, куда пришли на судне «Академик Мстислав Келдыш» (1981 г.), мы поехали на автобусе к пирамидам ацтеков. По пути осмотрели дом-крепость Кортеса. Толстые каменные стены стоят до сих пор. Сквозь проемы окон и дверей проросли не только лианы, но и толстые стволы деревьев.

*И помнит дерево – канаты,
Оно стоит и в наши дни,
Поникли в воды мутноваты,
Где гасли прежние огни.
И первый дом в латинском вкусе,
И в церкви первая свеча
Рождалась в древнем Веракрусе –
Кортес так город величал.
И ныне видим мы руины,
В камнях нашли деревья путь,
Их корневые паутины
От краха стены берегут.*
Бурков В.А.

О пирамидах индейцев рассказано в многочисленных фильмах и книгах. Но все это не может заменить чувства гордости теми людьми, которые за многие тысячелетия до зарождения государства Российского построили грандиозные сооружения с прекрасными скульптурами, барельефами, надписями на камнях. В школьные годы я запоем читал романы Карла Майя. Любимыми из них были романы про Винету и последнего могикана. Стоя на вершине усеченной пирамиды, я вновь и вновь возвращался к прекрасному образу Винету, к завоевателям «Запада», к картинам, изображающим убийство всех до единого бизонов (к художественному альбому «Путь на запад» и к одноименному фильму Голливуда), с тем, чтобы нечего было есть индейцам.

На дне Карибского моря при помощи фототелевизионной аппаратуры мы обнаружили в донных осадках много «дырок», к тому времени невыясненного происхождения. Несколько «дырок» группировались в одном месте, и в плане они напоминали следы птичьей лапы или след пятерни человека, как если бы человек втыкал в ил растопыренные пальцы. Некоторые исследователи считали, что это норы донных организмов. Я же предположил, что эти «дырки» образовались в результате выхода газов из осадка.

В ожидании разрешений на заход мы обычно отдыхали на палубе, купались в бассейне.

С судовым бассейном связано несколько печальных случаев. Я уже писал, что многие россияне по-своему понимают слово «свобода», «демократия». Эти понятия они часто заменяют понятием «вседозволенность». Если к этому добавить еще русскую бесшабашность, то результат получается плачевный. Вот один из случаев купания членов экспедиции в судовом бассейне НИС «Академик Мстислав Келдыш».

На наших больших судах имеются отдельные каюты для комсостава, для докторов и кандидатов наук, просторные кают-компании, комнаты отдыха. И сауны. Ведь без них пробыть в море 3–4 месяца тяжело. А сауна облегчает жизнь моряков. Тем более, если при сауне имеется бассейн, как на судах типа «Академик Мстислав Келдыш» и «Академик Иоффе».

Двадцать-тридцать лет назад мы работали в основном в низких широтах, если не в самих тропиках, то близко к ним. Здесь и слабоизученные океанские просторы, и тепло, и луч зеленый на закате, и чистое изумрудное небо. После вахты и работы на палубе и членам экипажа и научным сотрудникам хочется отдохнуть. Многие из них идут в сауну. А те, кто отработал свою вахту ночью, отдыхают днем, и после вечернего чая идут на палубу. Для них (кроме морского воздуха) – и сауна, и бассейн. Люди в сауне греются, пьют квас, припасенное еще на берегу пиво или купленное в иностранном порту виски. В общем, народ отдыхает: купается в бассейне, на палубе рядом с бассейном греется на солнце. В один из таких «пляжных вечеров» молодые люди выпили и стали прыгать в бассейн с соленой морской водой. Обычно они прыгали с палубы через металлическую оградку (леер) высотой около метра. Но некоторым молодым людям показалось этого мало. Один из них, юный, спортивного вида красавец залез на тут же подвешенную на кран-балках спасательную шлюпку. Верх шлюпки был из пластика, овальной формы. Вот молодой человек и прыгнул с неё с высоты всего 2–2,5 метра вниз, в бассейн. Но во время толчка он поскользнулся, прыжок оказался неточным.

К лежащему на палубе прыгуну подоспел судовой доктор. Его унесли в судовой лазарет, но спасти не смогли: сломанные шейные позвонки сделали свое дело.

Когда я смотрел известный французский фильм «Бассейн», я невольно вспомнил случай из нашей морской жизни. В фильме «Бассейн» герой Алена Делона сознательно топит в бассейне своего пьяного товарища. И там, и тут – смертельные случаи. Но в фильме француз в бассейне тонет под действием насилия, а на нашем судне – из-за русского ухарства, из-за безалаберности. Исход в обоих случаях одинаковый: смерть.

После этого случая капитан приказал натянуть над бассейном капроновую рыбацкую сетку. Так мы и купались, подлезая под неё и наслаждаясь в тропическую жару относительно прохладной морской водой.

Что бросилось в Гаване в глаза, так это, как и в порту Порт-оф-Спейн, дети: все они ухоженные, чисто одетые, большинство из них в белых рубашках и кофточках с повязанными красными галстуками пионеров. «Видно как даже в тонких приметах революция строит страну; взять хотя бы заботу о детях – шляпу я перед ними сниму» – писал участник экспедиции профессор В.А. Бурков. Находясь в Гаване, мы не могли не посетить дом-музей знаменитого автора

книги «Рыбак и море» Эрнеста Хемингуэя. Этот дом находится на приличном расстоянии от моря, на облесённом холме. Хемингуэй любовался морским пейзажем издалека, часто разглядывая его с помощью трубы-телескопа: «Был поражён неожиданным фактом – Эрнеста дом не на море стоит». В доме-музее, кроме множества книг, хранятся охотничьи трофеи и ружья: «Жил преспокойненько в Хемингуэе вместе с писателем страстный стрелок, живы охотничьи в доме трофеи, вместе с томами будущих строк» (В.А. Бурков).

Совместно с кубинскими геологами мы обследовали дно Карибского моря, желоб Кайман, банку Кампече. На отдых заходили в порт Веракрус, расположенный со стороны Мексиканского залива. Веракрус – первый город, построенный исанцами в Мексике. Говорят, что название городу дал Кортес.

В Веракрусе мы поехали на автобусе к пирамидам ацтеков. По пути осмотрели дом-крепость Кортеса. Толстые каменные стены стоят до сих пор. Сквозь проемы окон и дверей проросли не только лианы, но и толстые стволы деревьев.

После захода в Веракрус и работ в жёлобе Кайман мы зашли в порт Съент-фузгос, расположенный с противоположной по отношению к Гаване стороны Кубы. В этом порту мы высадили кубинских участников экспедиции. Затем пошли к южным берегам Карибского моря, в котловину, куда обильно поступают выносы реки Ориноко. Эта река, как и Амазонка, протекает по джунглям, воды реки очень мутные, и эта «муть» (речная взвесь) отлагается, в основном, в Карибском море. Выполнив здесь запланированные исследования, мы зашли в порт Виллемстад, расположенный на острове Кюрасао, входящем в состав Мало-Антильской островной дуги. Провинция этого острова являлась колонией Нидерландов. В настоящее время это равноправная провинция Голландии. Как говорили мне геологи-голландцы, правительство Нидерландов предлагает Кюрасао отделиться и провозгласить независимость, но обитатели Кюрасао отделяться не хотят.

После отдыха в Виллемстаде мы вышли в открытый океан, в Гвианскую котловину. В начале работали в районе выдавленного внутренними силами земли из глубин океана острова Табаго, затем – в открытом океане. Гидрологов интересовали распреснённые линзы воды, отрывающиеся от потоков пресной воды устья Амазонки и свободно (автономно) мигрирующие в открытом океане до полного перемешивания с типичной океанской водой. После этого судно направилось в «страшный» Бермудский треугольник, где разогретая в Мексиканском заливе морская вода через Флоридский пролив вырывается в открытый океан и в виде огромной океанской безбрежной реки под названием Гольфстрим устремляется на север, а затем к берегам Европы, согревая и наше Балтийское море.

Нас не интересовало, где берёт начало Гольфстрим (от английского stream – течение и gulf – залив) и почему он возник. Эти вопросы давно решены: пассатные ветры сгоняют морскую воду в Карибское море, в результате чего уровень океана здесь на десятки сантиметров, а то и на целые метры становится выше, чем в океане. Кроме того, жаркий и сухой климат обуславливает интенсивное испарение вод Карибского моря, а это ведет к некоторому их осолонению и увеличению плотности.

Карибское море почти со всех сторон окружено материком и островами, и единственный выход для скапливающихся в нём водных масс – это Юкатанский пролив, отделяющий остров Куба от берегов материка. Вырвавшись из

Карибского моря в Мексиканский залив, воды затем устремляются во Флоридский пролив.

Таким образом, Карибское море, подобно огромному резервуару, с одной стороны заполняется водой в результате её нагона пассатами, с другой – освобождается от неё через Флоридский пролив. Ширина и глубина этого пролива меньше, чем Юкатанского, поэтому воды вырываются в океанские просторы с большой силой и скоростью. Вместе с водами Гольфстрим переносит огромное количество тепла, полученного его водой в жаркой зоне тропической Атлантики.

Гольфстрим – это целая система течений. Длина этих течений превышает 10 тысяч километров. Корневая часть системы называется Флоридским течением. Затем до Большой Ньюфаундлендской банки (до Канады) идёт собственно Гольфстрим. Та часть потока, которая отклоняется от этой банки и следует далее на северо-восток, называется Северо-Атлантическим течением.

В пределах шельфа у берегов США воды Гольфстрима прослеживаются до дна, а в пределах материкового склона – до двух, иногда даже до четырёх километров. Ширина Гольфстрима – десятки миль, местами до ста.

Конфигурация Гольфстрима, образование разных ветвей и меандров обусловлены многими причинами, в том числе и рельефом дна океана. Центральная (осевая) полоса течения, которая имеет максимальную скорость более 4 километров в час, называется стержнем. Гольфстрим ограничивает самое чистое и прозрачное в мире Саргассово море с запада и севера, отделяет это море от холодных вод Лабрадорского течения.

Влияние Гольфстрима на формирование структуры водной толщи Атлантического океана, а также на формировании погоды в Европе и изучали гидрологи и гидрофизики нашей экспедиции. Мы проводили метеорологические, гидрологические, гидрооптические, биологические и геологические исследования. Изучали воздушные потоки, облака, солнечную радиацию. Ставили буи и вешали на трос под бум специальные приборы – вертушки, которые позволяли судить о направлении и скорости течений, опускали сети и тралы, ловили рыбу и планктон. Геологи измеряли глубину, при помощи дночерпателей и трубок доставали и изучали донные осадки. «Научный штаб» экспедиции тут же получал всю эту информацию, обрабатывал её на судовых ЭВМ и интерпретировал. Тут же писались статьи, отчеты, делались научные выводы. Никаких вызывающих тревогу явлений. Все здесь – и состояние атмосферы, и магнитное поле, и дно практически такие же, как и в других областях Мирового океана.

Проводя исследования в Саргассовом море, мы знали, что находимся по описанию Л.Д. Куше в зловещем, враждебном человеку месте, которое, по слухам, вселяет такой мистический ужас в сердца моряков и летчиков, что они избегают говорить на эту тему с посторонними. «...Каждое из судов вышло в свой обычный регулярный рейс, и каждое из них уплыло в страну призраков...», «...Все они закончили свой путь в Гавани пропавших кораблей», «Зловещая страна», «Гавань пропавших кораблей» – все это о той части Атлантического океана, которую и принято называть Бермудским треугольником. Здесь часто гибнут суда, бесследно исчезают самолеты. Только с 1914 года в этом районе погибли около 2000 человек и ежегодно гибнет три-четыре судна.

Гольфстрим, как гидродинамическая стена, отделяет глубоководную часть океана – Саргассово море от прибрежных его участков. В результате воды, отго-

рожденные этой «стеной» от материка Северной Америки, очень чисты и наиболее прозрачны из всех вод Мирового океана. Терригенные твердые частицы, которые поступают с суши, течениями распределяются вдоль берегов и в Саргассово море почти не попадают, а заносятся туда лишь глубинными течениями и мутьевыми потоками. Зарождаясь на очень крутых участках малых глубин, мутьевые потоки периодически пересекают «гидродинамическую стену» – течение Гольфстрим – и устремляются вниз, быстро достигая глубоководных частей моря.

В связи с тем, что в Саргассово море не попадают прибрежные, богатые питательными солями и взвесью воды, жизнь в нем очень бедная. Здесь очень мало планктона, рыб. На поверхности плавают лишь коричневые саргассовые водоросли. Но они не являются гигантскими, как это иногда изображают в популярных книгах, и не образуют сплошных водорослевых скоплений (лугов), опасных для надводных и подводных кораблей.

Но в тропических частях океанов, в первую очередь в Саргассовом море, советскими учеными во главе с академиком Л.М. Бреховских было открыто и изучено новое явление – гигантские водяные (гидрологические) вихри (по английски – ринги), напоминающие атмосферные циклоны. Вихри имеют диаметр до 250 миль (около 400 километров). Скорость круговых течений в них достигает 100–120 сантиметров в секунду, или четыре километра в час, причем она возрастает к центру вихря, и в центре образуется воронка. Вихри прослеживаются почти до дна океана, то есть до глубин 4000–5000 метров.

Воды отдельных меандр, набрав большую скорость, не удерживаются в системе течения Гольфстрим, отрываются от него и уходят в открытые области океана, продолжая вращаться. Гигантский вихрь, будто волчок, раскрученный Гольфстримом, отрывается от этого течения и, крутясь вокруг своей оси, быстро, со скоростью до трех километров в час, несется по океану, достигая иногда берегов Европы. Зарождение вихрей в открытом океане вызвано другими силами, они сложны и не до конца еще понятны.

Так удалось ли нам приоткрыть тайну Бермудского треугольника? Нет, ничего таинственного мы не нашли. Но ведь корабли здесь тонули и самолёты падали! Одной из причин гибели судов могли быть газогидраты – твердые соединения некоторых видов газов (в основном метана) с водой. Они могут образовываться на большой глубине и там спокойно находиться до тех пор, пока их не тревожат. Но если потревожили, гидраты распадаются, и освободившийся газ в виде пузырей мгновенно устремляется вверх, к атмосфере. Если газовых пузырей очень много, морская вода становится менее плотной, и тяжелые корабли, плавучесть которых не рассчитана на такую разуплотнённую воду, могут погрузиться в пучину мгновенно. Распад газогидратов и выделение газов можно сравнить с образованием газа и его выходом в бутылке с минеральной водой. Когда бутылка закрыта, газа мы не наблюдаем. Как только бутылку открыли, газовые пузырьки со дна бутылки устремляются вверх и нередко выталкивают воду наружу. Выделение газов и их убийственная роль наблюдались в некоторых озерах, например в 1986 году в Камеруне, когда углекислый газ, выделившийся из толщи вод, умертвил 1700 человек – жителей близлежащих поселков. Подобное выделение газов (очевидно, сероводорода) наблюдалось и в российском озере Бросно (Тверская обл.). «Спусковым крючком», дающим начало распаду «твердых» газов на дне океана, может послужить землетрясение

или крупный оползень, а в озере – просто брошенный камень или якорь лодки. Вот только неизвестно, имеются ли газогидраты на дне океана в Бермудском треугольнике. Так что многие тайны морей и океанов ещё не разгаданы.

Успешно поработав в области Бермудского треугольника и никого не потеряв из членов экспедиции, мы направились к берегам Африки, точнее, к берегам Марокко. Для отдыха и пополнения запасов продовольствия и топлива зашли в порт Касабланка. Описывать заход не буду: он похож на заход в Танжер, о котором будет сказано ниже. После Касабланки – переход через коварный Бискайский залив в пролив Ла-Манш, оттуда – в Амстердам. Этот город-порт всегда манил советских моряков (в первую очередь мужчин) обилием в городе «красных фонарей» и дешёвых товаров в супермаркетах. А меня, кроме всего прочего, манил архитектурой типичного ганзейского города, водными каналами и картинами любимого мною Ван Гога. «Любоваться» «красными фонарями» советскому моряку строго возбранялось. Но в связи с тем, что «в СССР секса не было», то не было, следовательно, и «официальных» кварталов с красными фонарями. Все мы, члены экспедиции, разделённые помполитом на походные «тройки», устремились в вожделенные кварталы. Наша «тройка» состояла из В.М. Литвина, Г.Н. Ельциной и меня. Мы заранее договорились, что пойдём в «красный квартал», где у входов в дома или в комнатах сидели полураздетые девушки в ожидании соскучившегося по женской ласке моряка. Галина Николаевна с планом согласилась. Пошли, долго бродили, всё выбирали, куда пойти. В конце концов выбрали «секс-театр», купили довольно дорогие для нас билеты. Уселись. На сцене был высвечен операционный стол, на нем – голая девушка. Появляются хирург, анестезиолог, сестра. Вначале обследуют девушку. Затем приступают к операции, которая сводится лишь к осмотру и промыванию интимного женского места. И далее в том же духе, вплоть до питья промываемой жидкости. Не выдержали, вышли. Г.Н. Ельцина изрекла: «Противно». Мы с Литвиным промолчали. Пошли бродить по улицам, освещенным красными фонарями.

На следующий день я затащил группу в места «обжитые» Петром I – в центр древнего кораблестроения Заандам, а там в домик Гаррита Киста, где сохранилась маленькая каморка, в которой спал Петр. Воистину, она не только маленькая, а очень маленькая, спальная кушетка кажется совсем короткой, в ней даже мне, ростом 177 см, ноги не протянуть. И как это он только там спал? Такое ложе можно смело назвать «Прокрустовым ложем». Как известно, король Нидерландов Вильгельм II выкупил домик Киста, чтобы сохранить для истории. И сохранил! Вообще голландцы трепетно относятся не только к дамбае, отгораживающей их страну от губительного моря, к тюльпанам и ветровым мельницам, но и к истории. Позже, когда я приехал в командировку в город Гарлем, мой коллега Кай Лабан повез показывать окрестности. И они с женой стали рассказывать о какой-то русской принцессе Анне Пулевне. Я долго не понимал, о ком идет речь. И когда мы приехали в какой-то поселок, они показали мне указатель – улица Анны Павловны, великой княгини, ставшей женой короля Вильгельма II.

На следующий день после походов в «красные кварталы» и «апартаменты» Петра я уже один помчался к нему, моему любимому Ван Гогу, в музей его имени. Один, потому что другие на «Подсолнухи» и «отрезанное ухо» деньги тратить не пожелали.

3.5. ИЗУЧЕНИЕ СРЕДИННО-АТЛАНТИЧЕСКОГО ХРЕБТА

С начала прошлого столетия А. Вегенером предполагалось, что сотни миллионов лет тому назад некогда существовавший на земном шаре единый крупный континент Пангея стал раскалываться, и отдельные его обломки стали отходить друг от друга. В середине XX-го столетия ученые подтвердили эту идею Вегенера. В настоящее время мы видим материки, «разбросанные» по некогда окружавшему Пангею единому океану Панталассу. В настоящее время установлено, что вся земная кора состоит из отдельных обломков, из так называемых литосферных плит. На этих плитах «сидят» материки, а края плит находятся под океанскими водами. Литосферные плиты в одних местах расходятся, и в местах их расхождения образуются глубокие расщелины, называемые рифтовыми долинами. Через эти долины поднимается глубинное расплавленное вещество – магма. При соприкосновении с морской холодной водой она быстро застывает. Образуются огромные нагромождения этой застывшей магмы, состоящей из черного базальтового вещества. Эти нагромождения возвышаются над дном, образуются огромные горные хребты, называемые срединно-океаническими. Некоторые вершины гор этих хребтов возвышаются над водой, образуя вулканические острова в центре океанов, такие, например, как Азорские, Исландия, Ян-Майен. По центральной продольной части эти хребты «рассечены» рифтовыми долинами (от английского *gift* – ущелье). В свою очередь, срединно-океанические хребты вместе с рифтовыми долинами рассечены поперечными ущельями, называемыми трансформными разломами. В местах пересечения рифтовых долин и трансформных разломов, где глубина в системах хребтов наибольшая – 5–7 километров, обнажаются глубинные породы – перидотиты. Срединно-океанические хребты, рифтовые долины и трансформные разломы представляют исключительный интерес для геологов, так как они в наибольшей степени приоткрывают тайну строения самых глубоких слоев земной коры и верхних слоев полурасплавленного, так называемого мантийного, вещества. Для сбора информации о строении отдельных участков рифтовой зоны Срединно-Атлантического хребта и трансформных разломов был организован ряд экспедиций на судне «Академик Курчатов». Идейным руководителем этих исследований под названием «Рифтовые зоны океана и роль вулканизма» был академик А.П. Виноградов, а непосредственным руководителем экспедиций – профессор Глеб Борисович Удинцев. В двух таких экспедициях, в 1969 и 1971 гг. пришлось участвовать и мне во главе геологического отряда. В 6-ом рейсе (1969 г.) исследования проводились на отдельных участках хребта Северной Атлантики, в частности в районе островов Исландия и Ян-Майен. Сбор материалов по строению глубинных слоев дна, составу пород и донных осадков производился как непосредственно в океане, так и на вулканических островах, куда мы высаживались. Острова Исландия и Ян-Майен – это участки Срединно-Атлантического хребта возвышающиеся над уровнем океана, и, следовательно, доступные для непосредственного их осмотра и изучения.

Нашим двум геологическим отрядам было поручено собирать и изучать состав обломков базальтов, рыхлых осадков в рифтовых зонах, в трансформных разломах и на суше вулканических хребтов с тем, чтобы по отдельным



Вершина одной из гидротермальных построек. Некоторые трубы уже не дымят.
(А. Сагалевиц «Глубина», 2002 г)

минералам и обломкам пород определять близость или дальность выходов на поверхность перидотитов, железистых осадков или других интересных объектов. Мы изучали также количество, состав и дальность разноса вулканического пепла или продуктов выветривания вулканических пород, обнажающихся на океаническом дне или распространенных на островах. В этой экспедиции, как и в других, проведенных на таких больших судах, как «Академик Курчатов» и «Дмитрий Менделеев», мы одновременно со сбором и описанием новых материалов в судовых лабораториях проводили различного рода петрографические, минералогические и химические анализы. В частности, в 6-ом рейсе НИС «Академик Курчатов» я вместе с А. Бажовым из Института минерального

сырья Казахской ССР (г. Алма-Ата) впервые в морской практике использовали на судах новый тогда атомно-абсорбционный метод химического анализа при помощи самодельного атомно-абсорбционного спектрофотометра. Научную статью об этой новинке мы с А. Бажовым опубликовали в одном из научных журналов, издаваемых в Алма-Ате.

На больших судах имеются возможности не только хорошо поработать, но и отдохнуть. Как правило, один раз в месяц, обычно в праздники, экипаж судна и научный состав организовывали вечера отдыха. На этих вечерах выступали и самодеятельные артисты. Однажды в качестве танцора в 6-ом рейсе выступал и я. Это выступление многие помнят и сейчас. Один мой морской коллега, встречая меня, постоянно улыбается. Я спрашиваю: «Что, опять канкан?» Он отвечает: «Ну конечно!». Повернувшись к своему попутчику, он представляет меня как танцора, а потом уж как ученого. С того времени прошло 40 лет. Мы оба заметно повзрослели. Давно стали докторами наук и профессорами морского дела. Но мой коллега Анатолий все это считает менее важным. Вот «канкан это – да!»

Бывает же в жизни такое: совершишь в жизни много хороших поступков и глупостей, а нет! Они не запоминаются! А запоминается какой-нибудь третьестепенный факт из твоей жизни. В моей жизни для Анатолия Сагалевича – это «канкан».

В экспедициях на больших судах забортные работы отряды проводят попеременно. Приходит усталость. Чтобы отдохнуть, организуют вечера и придумывают как развлечь членов экспедиции.

Однажды я заметил у одной девушки отличные танцевальные элементы в утренней зарядке, а она в моей. Мы разговорились и решили подготовить танец для очередного вечера отдыха. Подобрали еще троих девушек. Потренировались, и решили поставить танец «канкан». Сказано – сделано.

Скоро свободный от вахт и работ народ собрался в зале. Попивают за столиками «тропическое». Выходим мы. Я в темной одежде с белой бабочкой, в черном цилиндре и с тростью. Девушки – в соответствующей канкану полуодежде.

Под звуки канкана вывожу я свой женский квартет под такт музыки, и мы начинаем. Что тут творилось! Хохот, шум, опять хохот. Закончив танец, вывожу своих под ритмы канкана из кают-компаний. Хохот и аплодисменты не умолкают еще долго.

Ну, а потом – тропическое вино, общие танцы и сольные выступления. Выступили со своим маленьким оркестром и американцы. Профессор Эджертон играл на деревянных ложках, научный сотрудник Эйтрем на банджо, а студенты Шолер и Майк из Массачусета на ударных, сделанных тут же, на судне, из металлических канистр. Веселье было на всю Атлантику, а пресса рассказала о нем всем Штатам. Когда зашли в Бостон для высадки американцев, нас встречали толпы. Профессор Эджертон, покидая корабль, уносил два наиболее дорогих для него русских сувенира: метлу из проса и буханку черного хлеба.

И вот с тех пор прошло 40 лет. Канкан я уже не танцую, пишу научные работы. Но как встречу участника того концерта, профессора Сагалевича, он сразу представляет меня своим спутникам: «Это Емельян. Он профессионально танцевал канкан!»

Америка удивила меня своим интересом к СССР, точнее к России. В Бостон мы пришли на судне «Академик Курчатов» с четырьмя американскими учеными на борту. На следующий день в местной газете появились четыре фотографии нашего судна: верхняя надстройка судна с белой трубой, опоясанной красной полоской с красным серпом и молотом на ней. В трубе – матрос со щеткой, насаженной на длинный черенок, чистящий трубу. И надпись: «Русские – здесь!». В статье говорилось, что советская научная экспедиция несколько месяцев работала в Атлантике и что в составе экспедиции – четверо представителей Массачусетского технологического института (МТИ) с профессором Г. Эджертоном во главе. Кроме того, сообщалось, что среди экипажа и научного состава – более 30-ти женщин, что все они красивые, но до тех пор, пока не начинают улыбаться: у многих из них – металлические (читай, золотые) зубы.

В этот же день – посещение научных учреждений Бостона, а на следующий день по просьбе местных властей – день открытых дверей на судне. Утро. Лето. Жарит яркое солнце. И длинная, длинная очередь одетых празднично (в основном, в белое) американцев, желающих попасть на судно. Вход открыли в 10 утра. И повалили, повалили американцы смотреть своих «заклятых врагов». Осматривали, спрашивали, угощались. Дивились тому, что многие молодые люди говорили по-английски, а некоторые из них говорят еще и по-литовски, и по-польски. Никак, никак не хотели поверить, что в Прибалтийских республиках детей и студентов учат на их родном языке. А тех людей, которые говорили по-русски, по-английски и по-литовски, американцы считали специально подсланными шпионами.

На следующий день 100 человек русских (на двух автобусах) повезли в Вудс-Холл (100 км), показали институты, научные труды, своё жильё, организовали для 200 человек (вместе с американскими учеными) «клэмбйк» (ужин с моллюсками). Разнообразная закуска, супы, целые куры на гриле, бочки пива и много, много вина. Многие наши ученые потом отстали от экскурсии, и позже на легковых автомобилях американцев догоняли наши автобусы.

Следующим вечером на наше судно пришли 120 американских гостей. На верхней прогулочной палубе мы организовали для гостей ужин «по-русски». Разговоры, песни, братания. И никаких провокаций.

Перед приходом в Калининград мы зашли в порт Брест (Франция). В порту стояло французское судно «Шарко». Вышли вместе в открытый океан, поработали там пару дней, сравнили методы, аппаратуру, Г.Б. Удинцев продолжил свои научные контакты с учеными (профессором Ле Пишоном и другими), которые тоже изучали Срединно-Атлантический хребет. Затем снова зашли в Брест, посетили Морской научный центр КНЕКСО.

Наше судно стояло на рейде. В город нас отвозили на катере. Гуляли «тройками». И вот, один научный сотрудник, москвич, решил «отстать» от тройки. Но бдительные члены группы – матросы – поймали его, силой притащили на судно и закрыли в его же каюте. Но он сумел оттуда выйти, украсть у дежурного офицера свой паспорт и через иллюминатор «свалиться» в море. Была уже ночь. На катерах бросились его искать. Нашли и выбившегося из сил затащили на лоцманский катер. Он думал, что там только французы. А там оказались и свои. Его притащили на судно, закрыли в лазарете, поставили дежурных, чтобы опять не сбежал «к красивым витринам западных городов». В Кали-

нинграде его ждали «Скорая помощь» и «Черный воронок» с представителями советских властей.

В 1971 г. мы продолжили изучение северной части Срединно-Атлантического хребта. 10-й рейс запомнился мне тем, что мы изучали подводные и наземные вулканы Исландии и Ян-Майена, плавали во льдах у берегов Гренландии. У южной части Исландии к тому времени в море образовался новый вулкан Сюртсей, а вулкан Беренберг на о. Ян-Майен извергался накануне. Вулканы (гидротермы, лавы, рудные осадки) проливали свет на формирование океанической земной коры, а также на процессы рудообразования.

Перед длительной экспедицией (73 дня) 10-го рейса НИС «Академик Курчатов» мы усиленно готовились: я готовил тяжелые геологические драги, дночерпатели, батометры, измерительные приборы и т.д. Все это было загружено на судно. Оставалось несколько часов, чтобы взять личные вещи. Наконец отход состоялся.

Весь научный состав судна, которое по каналу направлялось в далекий океан, продолжал еще пить чай и что-то еще к чаю, а я, выпив свою рюмку на прощание, пошел осматривать своё хозяйство. Вышел на главную палубу, а «палубы нет», то есть нет моих труб! Как же так, думаю, куда же они делись: ведь пару часов назад я с боцманом их погрузил к лебедке, аккуратно прикрепил и поехал отгонять свою машину. Заняло это у меня пару часов. Приезжаю обратно: шум, гам, провожающие у борта, на борту и в каютах. В каждой каюте на столах – закуски, кипятильники, стаканы. За столами люди с раскрасневшимися лицами. И я к ним присоединяюсь ненадолго. Наконец, колокол бьет отход, провожающие покидают борт, кричат и машут уже с пирса.

Через пять-десять минут я не обнаруживаю того, что наиболее дорого в океане: орудий своего производства. Я – к боцману: «Почему, куда девал? Без моего разрешения. Так в твою душу!» «Эээ, нет, говорит, это начальство оставило твои трубы на берегу!» «Как на берегу? Ведь ничего на берегу не было! Там только провожающие!» «Да, нет, говорит боцман, как только ты ушел с борта, начальство подогнало автомашину с прицепом и велело все твои длинные и тяжелые геологические трубы вместе с грузами подцепить судовым краном и выгрузить. Я это и сделал».

Я – к заместителю начальника экспедиции: «Что, почему?». Он говорит: «Времени в океане будет мало. На твои геологические работы – совсем не будет. Так зачем же трубы? Ты будешь нам только мешать».

Итак, два моих отряда по пять человек каждый пошли в океан на 73 дня без научного снаряжения. Как туристы! И это было сделано тайком, чтоб я не мешал им работать и чтобы не собрал материал и не написал научные работы по результатам рейса. Я, заведующий геологической лабораторией, тогда принадлежал к другой группе ученых, с которой эта, руководившая данной экспедицией, враждовала.

В институте существовала такая практика. Ученый совет института утверждал план экспедиции, её научную программу и руководителя, который подбирал участников. Он разделял научный состав экспедиции (а это 60–75 человек) на отряды и приглашал руководить этими отрядами опытных ученых. В отряде обычно было от 3 до 10 человек, а в экспедиции – до 12 отрядов. Каждый отряд отвечал за свое дело, предусмотренное научной программой: он уточнял

и детализировал программу работ своего отряда и согласовывал её с начальником экспедиции. Если же находился смелый и нахальный ученый, который согласовывал свою программу непосредственно с директором института, то начальник экспедиции обычно был недоволен и, оказавшись в море, не способствовал работе отряда или просто ему мешал (не выделял забортного судового времени, необходимого для выполнения работ).

Прошли годы. Оба моих обидчика стали всемирно известными учеными, один из них даже членом-корреспондентом Академии наук. И враждующие группы геологов давно помирились. Но этот случай с вынужденной прогулкой за государственный счет без работы в течение двух с половиной месяцев остался в моей памяти на всю жизнь.

В порт Рейкьявик первый раз мы заходили летом 1969 г. Издали виднелись невысокие заснеженные вулканы, черные берега. У входа в порт вырисовывались небольшие строения и маленькие, разукрашенные в яркие цвета домики, обычно с красными крышами.

Рейкьявик – город небольшой. Поэтому обошли, осмотрели его за полдня. Моряки стали искать для себя занятие. Его нашли в открытом бассейне, находящемся тут же, у выхода из порта. Вода в бассейне теплая, около тридцати пяти-сорока градусов. Но по окраинам расположены «бочки» – небольшие бассейны на десять-пятнадцать человек с более теплой водой – сорок пять, пятьдесят градусов! Выбирай любую! В бассейне мы часами резвились в бочках. Второй раз мы оказались в Рейкьявике осенью. Шел снег, температура воздуха минус два-минус четыре градуса. Предварительно некоторые согревались в сауне, мылись в душе, а затем – в бассейн. Идет снег, голова замерзает, покрывается снежинками. Нырешь, согреваешься и продолжаешь резвиться. Один наш штурман так резвился, что ему от серы в воде и серного пара, выделяющегося из теплой воды, стало дурно. Его отвезли в лазарет нашего судна «Академик Курчатов».

Находясь в Исландии, мы не могли не осмотреть её ландшафт, холмы и разломы. В экскурсии нас сопровождали местные ученые – профессора Сигвалдафсон и Эйнарсон. После посещения самого большого гейзера, в который мы предварительно вылили коробку жидкого мыла (чтобы столб воды и пара был выше), мы поехали осматривать чудо природы – рифтовую долину – разлом, расколовший Исландию на две части.

Разлом этот рассекает, как известно, все срединно-океанические хребты Мирового океана и находится глубоко под водой. В Исландии же, являющейся наземным продолжением Срединно-Атлантического хребта, рифтовая долина выходит на дневную поверхность.

Впечатление, конечно, потрясающее! Долина тянется через весь остров с юга на север. Её ширина – 0,3–0,5 км, в некоторых местах до 0,5–1 км, высота совершенно вертикальных бортов до 100–200 м. Днище довольно плоское. Оно состоит из «вулканического мусора» – базальтовых глыб, щебня, пепла. Кое-где покрыто слабым растительным покровом: мхом, травой, кустарниками.

Долина постоянно расширяется со скоростью около 10–20 сантиметров в год. Скорость раздвижения позволили рассчитать лазерные датчики, установленные на Луне и на Земле. Почему Исландия раскололась? Исландия – молодой вулканический остров. Он образовался, а точнее «вылез» из океана, всего

несколько десятков миллионов лет назад. Вначале это был, очевидно, один вулкан или небольшая группа вулканов, расположенных на северном продолжении Срединно-Атлантического хребта. Этот хребет постоянно растрескивался, а в образовавшуюся трещину (рифтовую долину) интенсивно поступала из недр Земли раскаленная магма. В результате образовалась огромная по площади вулканическая площадка, вершина которой оказалась выше уровня океана. Таким образом, Исландия появилась на стыке двух литосферных плит, раздвигающихся в разные стороны. Это часть поднявшегося из-под уровня океана срединно-океанического хребта. А гигантская продольная трещина, разделяющая остров на две половины, – ничто иное, как рифтовая зона, вышедшая из-под воды на дневную поверхность. Рифтовые долины, эти «живые раны» на теле Земли, в океанах они прикрыты водной толщей. В Исландии эта «рана» водой не прикрыта, и ученые могут со всех сторон ее наблюдать и изучать, что делается постоянно и очень активно.

Когда мы зашли в порт Акурейри (1971 г.), находящийся на северном берегу Исландии, работавшие там геологи Геологического института АН СССР на собственной грузовой машине, крытой брезентом, повезли нас в глубь Исландии. Проехали мы километров 30–40. Хорошенько замерзли: температура воздуха была около 10 градусов, ветер – со снегом. Ландшафт этой части напоминал лунный: невысокие черные холмы и долины, почти полное отсутствие растительного покрова. Поскольку по виду и строению ландшафт напоминал лунный, то именно здесь, у порта Акурейри, тренировались американские космонавты перед тем как высадиться на Луну.

Целью нашей экскурсии был не только сбор геологических образцов, но и осмотр термальных источников. Остановившись в голом, слабохолмистом поле, никаких источников мы не видели. Но недалеко стояли две металлические бочки от бензина. Руководители экскурсии указали на них и сказали: «Женщины – к левой бочке, мужчины – к правой». Пришли. Видим какие-то входы (гроты): в подземелье – теплая вода с клубящимся над ней паром. Раздеваемся догола на холодных базальтовых глыбах и ... постепенно шагаем в воду. «Постепенно» потому, что тело наше остыло, а вода – теплая, около сорока градусов. Плаваем почти в полной темноте. Некоторые пытаются нырять. Впечатление, конечно, сказочное!

На обратном пути женщины все охали и ахали: «Ах, почему никто не пришел на нас посмотреть. Мы плавали как русалки в подземелье. Это было так необычно и красиво!».

На вулкан Беренберг, находящийся на острове Ян-Майен за полярным кругом (71° с.ш.), мы прибыли спустя год после его сильного извержения. Ян-Майен принадлежит Норвегии. Это маленький необитаемый остров. На нём в то время (1971 г.) была расположена военная база НАТО. Там работали военные-норвежцы. Они по контракту приезжали на базу на один год. Командовал базой офицер в чине майора. С ним и договорился начальник экспедиции профессор Глеб Борисович Удинцев об организации геологической экскурсии к вулкану.

На Ян-Майене порта нет. «Академик Курчатов» стоял на якоре на глубине около тридцати метров. На остров нас доставили на катерах. Натовцы проживали в одноэтажных домиках, напоминающих большие контейнеры. Их было всего около пятнадцати человек. И ни одной женщины.

В геологические маршруты мы ходили пешком, а на склоны вулкана высотой (от уровня моря) около трех километров, нас возили на вездеходе, имеющем большие колеса с толстыми-толстыми шинами. Экскурсия была чрезвычайно интересной и с научной точки очень полезной.

Руководство экспедиции пригласило хозяев посетить наше судно. Они (человек семь-восемь) во главе с майором прибыли на катере под вечер. Их сразу же угостили как следует, «по-русски». Норвежцы, молодые ребята, живущие по году без жен и подруг, после угощения сразу же разбрелись по каютам, где были наши женщины. Угощение и там продолжалось. Наконец, майор скомандовал: «Все на катер. Уезжаем!» Собрались не все: одного не хватало. Стали искать. Не нашли. Вторично обошли весь корабль. Парня нет. Подняли всех нас. Велели обыскать все каюты, лаборатории. Норвежца нет. Наконец, с пятого раза жильцы одной из кают обнаружили его на верхней койке, задернутой занавеской. Норвежец в «бахилах» (в меховых сапогах), в меховой куртке и шапке крепко спал после угощения.

Норвежцы ушли. Мы продолжали «чаепитие» в каютах, обсуждая визит на берег и общение с норвежцами. Вдруг в полночь по судну раздается команда: «Человек за бортом!». Все вскакиваем, выходим на палубу: за бортом в воде барахтаются какие-то существа. Оказывается, три норвежца, в полной зимней амуниции, после отбоя на базе НАТО, тихо ушли в самоволку, взяли маленькую шлюпку и поплыли любоваться русскими женщинами. Они начали их искать, заглядывая в иллюминаторы. Один такой наблюдатель стал на бортик шлюпки, она перевернулась. Все трое оказались в воде. Вытащили бедолаг на борт. Они – мокрые, полупьяные, виновато улыбаются. Капитан по рации связался с базой НАТО. Пришедший на катере майор долго благодарил руководство судна за спасение ребят.

Когда на третий день мы уходили с острова, майор и три любителя русских девушек пришли вновь на катере и привезли большую картину: «Вулкан Баренберг», написанную одним из солдат. На картине была надпись: «От глупых и счастливых норвежцев».

На траверсе Гренландия–Исландия–Шотландские острова находятся вулканические Фарерские острова. Мы зашли в маленький порт Торсхавн. Из-под плотных облаков, находившихся на высоте 100–150 м, виднелись черные слоистые, обрывистые берега, сложенные в основном вулканическим туфом. Он нас как раз и интересовал. В порту, кроме казенных построек, стояли маленькие чистенькие разукрашенные в яркие цвета жилые домики преимущественно с красными крышами. Городок осмотрели за несколько часов. Моя группа решила познакомиться с окрестностями. Вышли в поле, а сзади – злой окрик. На датском языке мужчина что-то кричал и грозился кулаком. Мы поняли, что это частная земля. Ходить без разрешения нельзя. Мы, дети вольной и «ничейной» (колхозной) земли, еще раз увидели «гримасы капиталистического мира».

Работа была трудной из-за сложного рельефа Срединно-Атлантического хребта, но очень интересной и информативной. Все отряды собрали большой материал. Впоследствии Г.Б. Удинцев совместно с другими учеными (в том числе и со мной) опубликовал ряд научных монографий под названием «Рифтовые долины Срединно-Атлантического хребта».

Перед приходом в порт Калининград мы зашли в Шотландию, в Абердин (1969 г.). Это старинный шотландский город с чистыми улицами, с красивы-

ми, но однообразными домами, тихими, приветливыми жителями. Посетил крепости-музеи, вспомнил Марию Стюарт. Конечно, купил сувениры, в том числе шотландский плед «маккензи», который согревает мои ноги и сейчас, 36 лет спустя. Я хотел купить плед «Стюарт» (черно-бело-красный в клетку), но моя спутница по группе посоветовала «маккензи» (зелено-бело-черный). Послушался. До сих пор жалею, что не купил и тот, и другой.

В Лондон я прилетел с группой ученых из Москвы на научную конференцию (1970 г.). Она проходила в Кембридже, в университетском городе – мечте каждого студента. Проживал я в одиночной комнате студенческого общежития колледжа Черчилль (чтобы все научные работники так жили!). На конференции, а там было около 150 ученых из разных стран, я стал «знаменитым» по двум причинам. Первое, я сделал доклад на тему «Глубинное строение Баренцева моря» (от имени коллектива авторов), и, второе, я там впервые обнародовал комплект тринадцати цветных геолого-геохимических карт Атлантического океана, сделанных и опубликованных только что (1969 г.) А.П. Лисицыным, Е.М. Емельяновым и А.В. Ильиным.

После доклада со мной стремились поговорить многие ученые, как впоследствии я узнал, представители американских и британских нефтяных фирм. Это были «научные шпионы». Они уже тогда интересовались нефтяными структурами в Арктике.

Картами интересовались все, особенно военные-гидрографы. Ведь до этого никто ничего подобного не сделал. Все желали иметь эти карты. До симпозиума никто и слышать не слышал об Емельянове. А на симпозиуме только и спрашивали: кто такой Емельянов, откуда он (на картах было написано, что их представил Емельянов).

Я познакомился со знаменитым к тому времени американским ученым Брюсом Хизеном. Он до этого представил (вместе с Мари Тарп) свои необычные физиографические карты рельефа дна всех океанов (впоследствии эти карты я многократно видел (по телевизору) не только в каждом морском институте, но и в кабинетах политических деятелей. Пригласил Хизена к себе в комнату. Выпили по чарке «Столичной». И Хизен сказал: «Эмиль, я написал более двухсот научных работ, но все они вместе взятые сопоставимы с моими тремя картами. Карты, пожалуй, главный мой труд». Б. Хизен умер в море, во время научной экспедиции

А наши карты живут уже более сорока лет. И нет (и в ближайшем будущем не предвидится) ничего подобного в научном мире. Карты украшают кабинеты многих зарубежных университетов и институтов. Висят они и в коридоре нашего института. В 1975 г. наши карты были представлены на Государственную премию СССР, о них писала газета «Правда».

В Кембридже я пригласил вечером несколько ученых к себе в гости, в мою «келью». Нас было семь человек. Вначале за разговорами мы выпили привезенную мною «чекушку» «Столичной». Затем я поставил бутылку армянского коньяка. Стал всем наливать, но двое французов отказались. На мой недоуменный вопрос «почему?» они ответили: «Мы не хотим портить того впечатления, которое осталось у нас во рту от водки».

В ожидании самолета мы заночевали в Лондоне. Мы – это глава делегации нашего института профессор П.Л. Безруков (впоследствии член-корреспондент

АН СССР), Г.Н. Батулин, Ф.А. Пастернак и я. Когда мы все четверо пришли на площадь Пикадилли, где всегда столпотворение, Федя тут же заявил: «Ну, вот, я вас оставляю. Я иду к знакомому и у него заночую». П.Л. Безруков от удивления только успел глазами похлопать: ведь в то время от группы отрываться нам строго запрещалось.

Оставшись втроем, мы пошли, конечно, к мадам Тюссо. Восковые фигуры тогда были для нас в диковинку. Удивлялись. Видели там и наших: Н. Хрущёва и Ю. Гагарина, а также Ф. Кастро и, конечно, А. Гитлера. Он стоял в двери у входа в планетарий и «проверял» входные билеты.

Весь вечер ходить по городу с пожилым человеком – Безруковым (ему было за 60) – нам с Глебом не хотелось. Мы решили на время от него отделиться и пойти в «злачные места»: мне страшно хотелось взглянуть на чуждый тогда для нас стриптиз. Выбрали, как нам казалось, самый приличный, на одной из главных, хорошо освещенных улиц. Зашли, купили билеты за два фунта каждый (для нас – огромные тогда деньги). Нас пустили в следующую комнату. Там – опять контролеры. Говорят, что они «стриптиз» показывают только членам клуба «Блэк Кэт» (Black Cat – Черный кот). «Вступайте в клуб, платите членский взнос – один фунт, получайте членские билеты и идите смотрите». Мы с Глебом возмутились. Тогда они: «Без билетов нельзя. Не имеем права. Не хотите – уходите». Почертыхавшись, уплатили. Нам выдали членские билеты, записали в журнал фамилии и страну, откуда прибыли. Затем, один из них, афро-англичанин, вывел нас во двор, где было совсем темно и стояло много автомашин, долго вел и привел нас в обшарпанный подвал. В подвале – небольшое помещение с изломанными откидывавшимися сидениями и невысокая сцена площадью около 10 кв. м. Под потолком слабо натянутая проволока, на ней – старые занавески. В зале – несколько чернокожих зрителей. Один из них стоит у сцены. Белые – мы вдвоем. Выходит полуодетая, здорово «поношенная» девица (правда, белокожая), начинает вилять бедрами («ковыляться»). Через минуты три, отвернувшись, снимает полупрозрачные трусики, поворачивается к нам, закрыв ими свое интимное место. И так – несколько поворотов. Во время последнего поворота отдергивает руку с трусиками, что-то мелькает одну секунду рыжеволосое, поворачивается и уходит. Представление окончено! То, что я так стремился увидеть, увидел. Через минуту вышла вторая такого же вида девица, и все повторилось. На третьей девице мы не выдержали: встали и ушли. В темном дворе трусливо озирались, боясь, чтобы нас не пришибли.

В конце 80-ых годов прошлого столетия возникла идея о том, что базальтовые породы Срединно-Атлантического океана по всей его длине неодинаковы. Академик Ю.М. Пушаровский предположил, что хребет по составу пород разделяется на три сегмента: северный, экваториальный и южный. Эта разнородность возникает в связи с тем, что рифтовые зоны хребта указанных трех сегментов питаются магмой из трех, разных по составу магматических очагов. С целью сбора материалов, подтверждающих или опровергающих высказанную идею, была организована специальная экспедиция на судне «Профессор Штокман». Научным руководителем исследований был петрохимик Леонид Владимирович Дмитриев, начальником экспедиции – я. Мы работали в южных широтах Срединного хребта на траверсах Луанды и Кейптауна. Драгировали

дно, «простреливали» его разными геофизическими приборами, собирали донные осадки. Работа была трудной из-за сильной качки, так как мы старались спуститься поближе к «ревушим сороковым широтам». Отдельные моменты экспедиции вспоминаются и сейчас.

Мы вышли на судне «Профессор Штокман» из Калининграда. Идем по Калининградскому каналу в море. Утром, еще до завтрака, стармех Саша зашел ко мне и попросил спуститься в трюм. Там было много всякого научного груза и слабо плескалась вода. Стармех подвел меня к борту, в котором обозначилось длинное узкое окно. Подхожу ближе: «Мать честная!» В борту зияла рваная рана длиной до десяти метров и высотой до одного метра. Мы остановились у этого «окна».

Морская вода за бортом плескалась в метре от него. Края у «окна» рваные, загнутые то вовнутрь, то наружу.

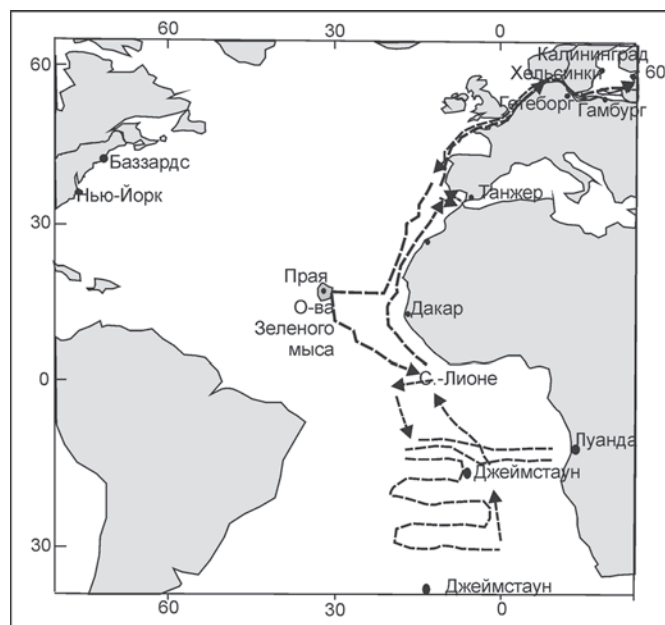
Я спрашиваю у стармеха: «И что, мы шли по каналу, а затем 12 часов в открытом море с этой дырой?»

«Да, говорит стармех, и капитан отказывался остановиться и повернуть назад, пока я не приказал судно полностью обесточить».

Идем к капитану. Он – в каюте. Сидит, обхватив голову руками. Небритый, лицо «помятое». На мой вопрос об аварии отвечает путано: «Вот воду из трюма выкачаем, мотор на спасательном боте горячей водой отогреем, спасательные шлюпки испытаем и пойдем дальше».

«Куда?!» – спрашиваю.

«Дойдем до Танжера. Там за свой счет поставлю заплатку на рваную дырку и пойдем дальше на юг выполнять программу в Южной Атлантике».



7-ый рейс НИС "Профессор Штокман"
(14.02.82 - 10.05.82)

Я спрашиваю: «А как же мы пройдем Балтику? Ведь здесь полно плавающих льдов. А вечно бурлящий Бискай? А если дунет ветер, и волна будет хотя бы два балла? Ведь мы сразу пойдем ко дну!»

Капитан молчит. Иногда лишь повторяет: «Дойдем до Танжера».

Связываюсь по радиации с Москвой, с начальством. Все говорят: «Только обратно, только в порт».

Приказываю прервать экспедицию и возвращаться домой. Идем обратно. На наше счастье штиль полней-

ший. Входим в пролив, идем в порт по забитому льдами каналу. Матросы на палубе ручным насосом, как в кинофильме «Волга-Волга», откачивают воду из трюма.

Благополучно швартуемся у причала. Сбежался народ. Смотрят, удивляются. Расспрашивают нас, потенциальных утопленников, как с такой дырой в борту смогли пройти по морю около 12 часов и вернуться обратно. И еще дивились, где и как мы разорвали борт. И почему лощман, покидая судно и осмотрев дыру длиной в десять метров на уровне метра от ватерлинии, отпустил нас в «свободное плавание»?

Оказалось, что ночью в забитом льдами канале Калининград–Балтийск, пока капитан угощал лощмана, вахтенный штурман перепутал огни, судно на ходу навалилось на бетонное ограждение канала, которое и разорвало борт. А затем мы, как ни в чем не бывало, продолжили путь в открытое море.

После двухнедельного ремонта экспедиция в прежнем составе, но с новым капитаном Р.А. Казаком, вышла по направлению штормовых сороковых широт Южной Атлантики.

Мы успешно пересекли обычно штормовой Бискайский залив, с севера на юг пересекли предполагаемую Атлантиду на подводной горе Ампер, что западнее Гибралтарского пролива и по пути зашли в порт Танжер (Марокко). Танжер – один из самых «бойких» городов Африки. Он расположен в Марокко, в самом начале пути на юг вдоль материка. Здесь тоже беспощинная торговля, шумные базары, продавцы с «самоварами» питьевой воды за спиной, африканскими сладостями и прекрасными сувенирными изделиями из меди, латуни, серебра и других металлов с чеканкой.

На океанском побережье Танжера – прекрасные, очень широкие песчаные пляжи, чистое море, слабый прибой. Солнце жарит во всю. Но берег пуст, туристов на нем нет. Лишь один-другой африканец в цветастых трусах прогуливаются по пляжу. Причина – холодная морская вода (около 19–20 градусов), подымавшаяся с глубин. Здесь находится так называемый апвеллинг (подъем глубинных вод). Туристы купаются в искусственных бассейнах отелей, расположенных вдоль берега океана.

В Танжере капитан пополнил запасы воды и продовольствия, а мы, научный состав и члены экипажа, бросились на знаменитый арабский базар посмотреть и купить «кожи».

На базаре – столпотворение: кажется, на него съехалась половина жителей Марокко и все чем-нибудь торгуют. Мы бросились искать дешевые кожаные изделия. Обычно это были пиджаки. Если ты зашёл в лавку кожаных изделий, то торгующие стараются тебя без покупки не выпустить. Многие из торговцев уже выучили несколько русских фраз и при их помощи стараются угодить покупателям. Когда примеряешь пиджак, они похлопывают по спине и ниже, приговаривая: «Спина – хорошо, жопа – хорошо. Бери». И берём! Уже потом, несколько лет спустя, видим, что одна пола поднялась выше второй, на боку появились морщины или кожа облезла. Всё это результат дешевизны, за которой советский (русский) моряк гоняется.

После Танжера наш путь лежал в Ангольскую котловину для выполнения геолого-геофизического профиля от Анголы до Срединно-Атлантического хребта. Проведя сейсмические исследования (И.Н. Ельников) и драгирование

срединного хребта (Л.В. Дмитриев и Г. С. Харин), мы зашли в порт Луанда. Этот порт расположен в овальном заливе и, следовательно, отгорожен от открытого океана мысами суши. Ангола переживала послереволюционные годы, когда местное население уничтожило и изгнало почти всех хозяев города Луанды – португальцев.

Когда мы пришли в Луанду, в бухте порта находилось много рыболовных судов СССР. Город был практически пустой. Мы не нашли ни одного работающего магазина. Стали совершать бартерный обмен с нашими рыбаками: мы им водку, спирт или сахар и муку, они нам шейки лангустов и рыбу.

Как рассказал 3-й секретарь посольства СССР в Анголе, жители окраин города с завистью смотрели на центр столицы, отгороженный от окраин шлагбаумами и военизированными постами. За шлагбаумами жили белые (в основном португальцы). В центре работали клубы, раздавалась музыка, работали крупные магазины, на улицах был порядок, люди хорошо одевались. За всем этим с завистью наблюдали чернокожие коренные жители. Когда их вожди решили совершить «революцию», они стали агитировать недовольных братья за оружие. Говорили: «Хотите так же красиво и богато жить, как живут белые в центре нашей столицы, берите автоматы, идите к белым, убивайте их и занимайте их дома и квартиры». Взяли, пошли и побежали, причем одновременно. Белые узнали о «революции» лишь накануне или всего за несколько часов. Кто из португальцев успел, тот побежал к своим яхтам, а у кого их не было – на берег моря, чтобы на лодках, шлюпках или самодельных плотках уйти в море. А те, кто не успел или не хотел убежать, были изрешечены автоматными очередями в своих домах и на улице. «Революционеры» тут же вселяли свои многочисленные семьи в захваченные квартиры, призывая родственников из сельской местности переселяться в город. За одну ночь были перебиты все белые, не успевшие убежать. А многие из тех, что оказались в море, тоже были уничтожены догонявшими их на судах или катерах чернокожими «революционерами». Часть беглецов, которых течением отнесло далеко в море, погибали либо в море при усилении волнения, либо от жажды: они не успели взять с собой воду.

Когда в Португалии узнали о «революции», на выручку своих сородичей вышли в море корабли и катера. Часть народа они спасли. «Революционеры», вселившись с семьями в благоустроенные квартиры, стали пользоваться газовыми и электрическими приборами, туалетом, душем и прочими цивилизационными благами, в результате канализационное хозяйство быстро вышло из строя, и туалетная жижа потекла по комнате и по стенкам наружу (такие потоки «жижи» по стенам домов и улицам я сам наблюдал в Гаване).

Стали выяснять, кто же может исправить канализацию. Оказалось, что никто. Центр города обслуживали белые инженеры и техники. А их всех перебили. И лишь после долгих поисков где-то в деревне обнаружили спрятавшегося сантехника-португальца. Его привезли под охраной и велели ремонтировать всё, что он может.

В Луанде магазины были закрыты, мы не смогли купить даже кофе. Секретарь нашего посольства сказал, что он принесёт мне пару пакетов кофе, но за это попросил дать ему либо муки, либо гречки. Обменялись, причем с большой выгодой для секретаря.

Снабжение продуктами Луанды прекратилось. Лишь Советский Союз в благодарность за «революцию» присылал самолеты, полные съестного (слава Богу, не художественные произведения из Эрмитажа, как это было после переворота у нас). Капитан нашего судна выменивал (или покупал) продукты у капитанов советских рыболовных судов, находившихся тогда в порту Луанды (они, как и мы, долго из порта выйти не могли, так как не могли найти капитана порта и его службу: они просто не работали).

Новый «социалистический» режим Анголы охранял черный полувоенный корабль (их «Аврора»). Клубящийся над его трубой дым указывал поставленному СССР во главе этого режима закончившему университет Лумумбы в Москве президенту, что он, корабль, всегда готов в случае непорядков в стране, увести его в открытое море, т.е. подальше от Анголы. Такое условие (насчет готового к бегству корабля) поставил президент прежде чем дать согласие стать во главе «послереволюционного» режима.

Давно это было, посещение Анголы! Но я, когда бываю в Петербурге, особенно у друзей, проживающих в коммунальных квартирах до сих пор, с болью в душе вспоминаю Луанду и тех состоятельных богатых людей – хозяев этих коммунальных квартир Петербурга, тоже если не расстрелянных, то спешно бежавших от «революционеров» в Крым, если им посчастливилось, и далее, в Турцию.

Ещё одно воспоминание связано с Анголой. Это – лангусты. У советских рыбаков, находящихся в порту, давно кончилась водка, мука или гречка, а у нас не было морепродуктов. Состоялся «чейндж». Капитан привозил шейки лангустов в избытке. Мы постоянно ими закусывали. Оказывается, при вылове нашими рыбаками морепродуктов лангусты тоже в избытке попадали в тралы. А они – продукт нестандартный, побочный. Поэтому моряки их использовали по своему усмотрению. И это «усмотрение» сводилось к тому, что у выловленных лангустов прямо в море отламывали шейку, а всё остальное, ещё полуживое, выбрасывали в море. Шейки активно шли на закуску, а тело лангустов на дно. И там, на дне эти тела либо поедались донными организмами, либо разлагались, отравляя продуктами разложения морскую воду. Как тут не вспомнить вкуснейшую нототению. Её вылавливали на противоположной стороне океана – у Фолклендских островов. Нототения – это крупная рыба весом 1–3 кг. Её тут же, на рыболовецком судне шкерили, тушку оставляли, а голову и всё остальное выбрасывали за борт. Нототения нерестилась и обитала в проливах островов и на участках, покрытых песками и щебнем, и тем самым удобных для икротетания. Но загрязненное рыбными остатками дно быстро сделало эти районы непригодными для выведения потомства. И копченой нототении в магазинах мгновенно (в течение нескольких лет) не стало. Так рыбаки, гоняясь за сиюминутной выгодой, сами уничтожают свой будущий продукт. И в итоге лишаются работы.

Светлое воспоминание о стоянке в Луанде – это обилие у нас шеек лангустов и крупных креветок. В одной из экспедиций я как-то рассказал А.М. Горюхиному, известному геофизику и поэту, о жизни лангустов, описанной Жаком Кусто. Когда происходили какие-то изменения в атмосфере и водной толще, лангусты цепочкой уходили на большую глубину. По пути их ждали сетки рыбаков и приятная «сервировка в ресторане». Александр Моисеевич сочинил на эту тему следующие стихи («Куда идут лангусты»).

*Куда идут лангусты,
Построившись гуськом,
Усеяв банку густо
На мелком дне морском?
Куда уходят эти
Жильцы подводных стран,
Когда холодный ветер
Вздувает океан.
Определяться трудно,
Поскольку нету звезд,
И кренил наше судно
Неистовый норд-ост?
Загадочен и вечен
Усатый коллектив,
Переднему на плечи
Усы облокотив.
Неспешно, друг за другом,
Идут они вперед:
Не ведает испуга
Креветочный народ.
Зачем они, как дети,
Рассудку вопреки,*

*Идут навстречу сети,
Что ставят рыбаки?
Их сотни пропадают,
Закусой став к вину,
И все-таки стада их
Уходят в глубину.
Туда, где рои ила
И темная вода, -
Аквалангист не в силах
Последовать туда.
Согнув кривые ножки,
Шагая день и ночь,
Сошедшего с дорожки,
Отбрасывая прочь.
Цепочкой красно-черной
Означив свой маршрут,
Упрямо и упорно
Куда они идут?
Тревожит нас забота:
Узнав о них, мы что-то
Узнаем о себе.*

Из Луанды мы вышли лишь на шестые сутки. Три дня искали капитана порта и таможеню. Покинув порт, мы продолжали исследования на Южно-Атлантическом хребте, дошли до широты Кейптауна и повернули назад, на север. По пути мы зашли для отдыха в порт Прая, что на островах Зеленого мыса. На этих островах находится республика Островов Зелёного мыса, на английском Cabo Verde.

Порт Прая расположен на острове Сантьяго. Прая – столица республики. Здесь расположены посольства разных стран, в том числе и СССР. Встретили нас работники посольства, а затем прибыл на судно и сам посол. После соответствующего угощения посол попросился в баню. Сказал, что уже три года на островах не шел дождь. Воду в дома подают только раз или два в неделю, причем в течение одного-двух часов.

На островах нас интересовали два объекта: широко распространенные здесь специфические вулканические породы – карбонатиты, которых нет, например, в Исландии, а также вулкан Фогу. На автомашине нашего посольства мы двинулись в сторону залежей карбонатитов, которые находились на расстоянии десятков километров от Праи. Ехали и удивлялись: на полях – ни одной речки ни одного колодца: пустые каменистые русла рек и речушек. Ни капельки воды. Голый, высохший ландшафт даже в долинах. Лишь в конце маршрута в одной из долин произрастали бананы – целая плантация зелени. Вода, оказывается, стекает в долину из расщелин подземелий и увлажняет почву. Здесь имелись и источники питьевой воды. Местные жители (обычно женщины) её набирали в ведра или двухведерные бочонки, ставили на голову и шли домой, обычно в гору, преодолевая со своей ношей расстояние в несколько километров.

Помимо засухи и отсутствия воды для Островов Зеленого мыса характерна еще одна особенность – запыленность воздуха. Острова находятся на пути пылевых бурь, зарождающихся в пустыне Сахара. Сильные ветры переносят над островами миллионы тонн пыли (аэрозвеси) в год. Во время нашего пребывания пыли было так много, что на расстоянии от пятисот метров до одного километра не было видно другого судна! Палуба судна, пока мы шли к островам, была покрыта сплошным слоем пыли. Не зря эта часть Атлантического океана из-за пыли и из-за едва пробивающегося через запыленную атмосферу блеклого Солнца, называется «Морем мглы» или «Морем мрака».

Когда женщины – сотрудницы посольства – узнали, что нам, работающим в экваториальной зоне океана, по закону положено выпивать (и мы выпивали) по стакану сухого вина, они тоже стали требовать у посла льгот: доплаты к окладу или стакан вина за вредную работу в Море мрака.

Не позавидуешь работникам посольства на Островах Зеленого мыса.

Вулкан Фогу нас интересовал с геологической точки зрения. Несколько лет перед этим он извергался. Черная базальтовая лава из кратера выливалась на склон, по которому с трехкилометровой высоты текла вниз, к океану, сжигая по пути дома и перекрывая дороги. Состав этих лав и сам кратер и были объектами наших интересов.

Вулкан Фогу – один из крупнейших в системе вулканических островов Зеленого Мыса, что в середине Северной Атлантики. Высота вулкана около семи с половиной километров. Пять километров находится под водой океана, два с половиной – над водой. В кратере вулкана Фогу, на высоте около 2,5 км мы и встретили чернокожих ребят с желтыми волосами. Они, как и чернокожие ребята с черными курчавыми волосами, вместе с родителями проживали в жерле вулкана.

Вулкан давно потух. Его жерло диаметром около 7 км некогда, сотни лет назад, было горизонтально заполнено черной базальтовой лавой. Борт жерла, возвышающийся примерно на двести метров над центральной, горизонтальной его частью, с одной стороны когда-то при очередном извержении вулкана был взорван и обрушился вниз. По проделанной по склону вулкана со стороны обрушившегося борта дороге мы, участники экспедиции и поднялись для сбора образцов лав в само «пекло» – в жерло, которое изредка «оживало» в отдельных его местах, как это было несколько лет тому назад.

Жерло вулкана Фогу служило когда-то пристанищем беглых рабов-негров, которым удавалось сбежать от работорговцев и избежать казни. Ведь острова Зеленого Мыса служили перевалочной базой между Черной Африкой и Америкой. Здесь работорговцы сортировали рабов и перевозили дальше в Новый свет. До сих пор на площадях поселков сохранились металлические столбы с крючьями, к которым привязывали или подвешивали рабов.

Белые люди – французы и португальцы – это люди, причастные к французской революции. Они появились в жерле вулкана Фогу примерно двести лет тому назад. После подавления Французской революции, во избежание гильотины, они бежали в Португалию, а оттуда на острова Зеленого Мыса.

Спрятавшиеся в жерле вулкана белые люди за двести лет, минувших после Французской революции, ассимилировались с чернокожими, и, как результат, появились новые люди с менее черной кожей, но с бело-желтыми волосами.

Так причудливо иногда переплетаются наука и история, революции и извержения вулканов.

Я с удивлением наблюдал за чернокожими мальчишками с прямыми желтыми длинными волосами. Наряду с такими же чернокожими мальчишками и девочками, но с курчавыми черными волосами, они предлагали нам местные сувениры: «застывшее пламя» (застывшая базальтовая лава) и огромные кристаллы пироксенов и роговых обманок, выковырнутых из застывшей лавы. Эта лава за несколько лет до нашего посещения извергалась в жерле вулкана Фогу и текла вниз по крутому склону конуса, к океану.

Местное население, вырезав из черной лавы блоки, построило в жерле вулкана жилые дома (правда, без окон и дверей, но с проемами для них), начальную школу, магазин. За пресной водой люди ходят к обрывистой не обвалившейся стенке жерла, из трещин которой и просачивается пресная, дождевая вода. Там же они выращивают виноград и цитрусовые. Из винограда они делают вкуснейшее вино. На склоне вулкана выращивают кофе. Вулканическая почва оказалась настолько плодородной и благодатной, что кофе произрастает очень хорошо. Из кофейных зерен делают вкуснейший кофе под названием «Кофе Фогу» или «Кофе миллионеров». Это настолько чудный кофе и настолько его мало, что он в десять раз дороже обычного и его заказывают только миллионеры.

Почти во всех уголках нашей планеты побывали наши соотечественники – «новые русские», миллионеры. Но вот в жерле вулкана Фогу, по всей видимости, они еще не были и кофе «миллионеров» не пили.



На ученье во время тревоги «человек за бортом» (НИС «Академик Курчатов», 10 рейс, 1971 г.). Северная Атлантика. На переднем плане – сотрудники геологического отряда (справа на лево): О. Пустельников, Н. Еремеева, А. Мельник, Е. Емельянов, Г. Ельцина



Участники 6-го рейса НИС «Академик Курчатов» (1969 г. Атлантический океан). В первом ряду сидят (справа налево): капитан Э. Ребайнис, третий – Л. Коган, во втором ряду сидят, справа налево: четвертый – помполит В. Котов; пятый – начальник экспедиции профессор Г. Удинцев



Участники 10-го рейса НИС «Академик Курчатов» (1971 г.). В первом ряду сидят (справа налево): третий – старпом Н. Анехтин (в последующем капитан); А. Шкарин, А. Брызгалов (помполит); Канаев, Г. Удинцев (начальник экспедиции); Э. Ребайнис (капитан); И. Урбанович; А. Мельник (за ее спиной сидит Е. Емельянов); крайние слева – О. Пустельников и Г. Ельцина



В каюткомпании НИС «Академик Курчатов» (10-ый рейс, 1971 г.). Слева направо: П. Крюгер (ГДР), начальник экспедиции Г. Удинцев, И. Урбанович, П. Кюн (ГДР)



На «кламбьяке» в Вудс-Холе, США (1969 г.). Слева направо: Е. Емельянов, доктор Спенсер



Наши экскурсоводы по вулканам Исландии: профессор Эйнарссон (слева) и профессор Сигвалдассон (справа). Крайний слева – В. Литвин, крайний справа – Е. Емельянов, (1969 г.)



В рифтовой долине Исландии. На дальнем плане – стена рифтового разлома. В некоторых местах ее высота превышает 100 метров



Низкие облака. Спуск с утеса разрушенного вулкана Эггё (Остров Ян-Майен, Норвегия, 1971 г.). На переднем плане Е. Емельянов



Возвращение участников 10-го рейса НИС «Академик Курчатов» с острова Ян-Майен (Норвегия) на судно, которое находится в дрейфе вдали на горизонте (1971 г.)



В термальной «бочке» Рейкьявика. Слева направо – Е. Емельянов и участник нашей экспедиции П. Крюгер, ГДР (10-ый рейс НИС «Академик Курчатов», 1971 г.)



У Бальморальского замка, Шотландия (X рейс НИС «Академик Курчатов», 1971 г.).



«И чего это ты нахохлился? Сказала, пойдём, найдем укромное местечко. Видишь, на капитанском мостике «Дмитрия Менделеева» полно зевак – туристов. Им только дай повод, хохот раздается на всю Антарктиду» (1989 г.).



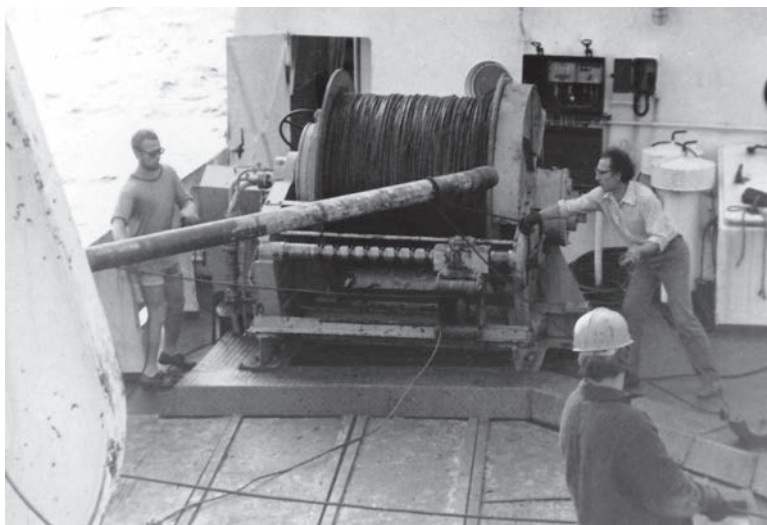
Встреча с английскими туристами в кратере вулкана Гелвейс Суфрнер («1-ый рейс НИС «Дмитрий Менделеев», 1969 г.)



Геологическая трубка готова к спуску. У трубки – Ю. Ребайнис (НИС «Профессор Штокман»).



В ожидании подъема большой геологической трубки. Слева направо: Е. Емельянов, В. Лукашин, А. Блажчишин НИС («Академик Курчатов», Балтийское море, 1978 г.).



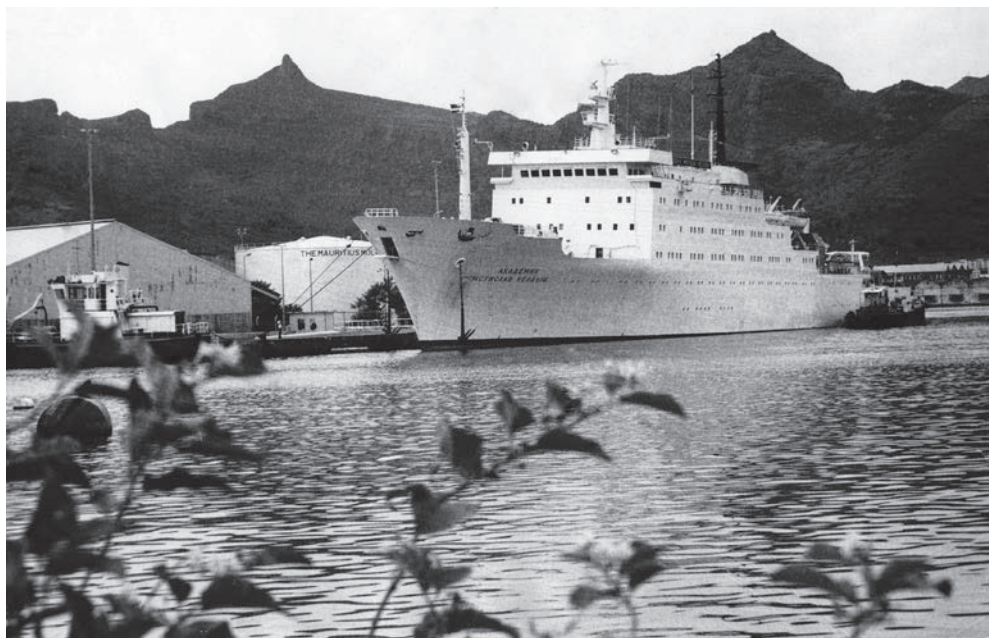
Вывод большой геологической трубки за борт НИС «Профессор Штокман», Балтийское море. Слева направо: В. Слободяник, Э. Тримонис и Ю. Ребайнс (в каске).



Геологи в 1-ом рейсе НИС «Дмитрий Менделеев» (Карибское море, 1969 г.). Сидят (слева направо): Е. Емельянов, Н. Еремеева, Н. Васильковский, сотрудница ИОРАН (фамилию забыл), помполит; стоят: М. Бараш, А. Липкин, Г. Харин, Б. Васильев, С. Орлова, А. Зубков, А. Чайников, Н. Свиридов.



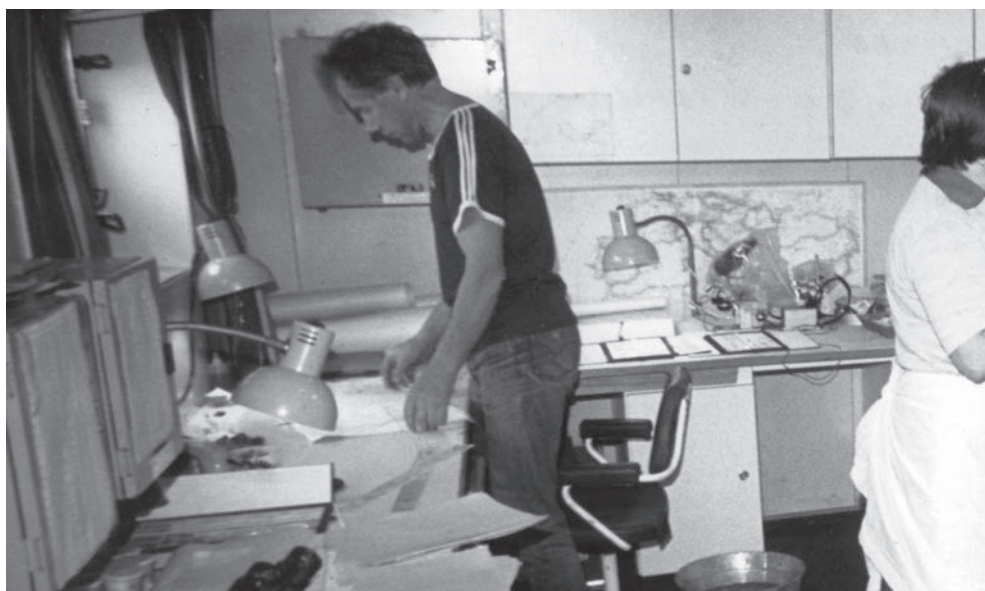
V.19. Карбакемся на пирамиды ацтеков (Веракрус, Мексика, 1980 г.)



НИС «Академик Мстислав Келдыш» в порту Порт-Луи, о. Маврикий (Индийский океан, 1983 г.).



В эхолотной НИС «Академик М. Келдыш» (1983 г.) Профессор А. Живаго с инженером Т. Ражевой.



В геологической лаборатории НИС «Витязь» (IV) (Средиземное море, 1987 г.). За описанием очередной колонки осадков Е. Емельянов и М. Ушакова



С геологами Открытого университета в Лондоне, Англия. Слева направо: М. Ушакова, Хейзи Причард, Е. Емельянов, Смит, А. Рудакова (12 рейс НИС «Витязь» (IV), 1987 г.)



Вперед, вверх(!), чтобы спуститься на ГОА «Argus» на дно Тирренского моря (1989 г.)



НАТОвцы – норвежцы с И Басовым (второй слева) (X рейс НИС «Академик Курчатов», о. Ян-Майен, Норвегия, 1971 г.)



Руководящий состав 12-ого рейса НИС «Витязь» (IV) (Тирренское море, 1987 г.). Слева направо: Соболев, Акентьев, Аррига (Италия), А. Шрейдер, В. Ястребов (начальник экспедиции), Н. Дуков (Болгария), К. Савелли (Италия), помполит Солтавец, Е. Емельянов, А. Городницкий, Ваньян (имен уже не помню).



Автор на обнажении столбчатых базальтов на острове Сантьяго (о-ва Зеленого мыса, 1982 г.)



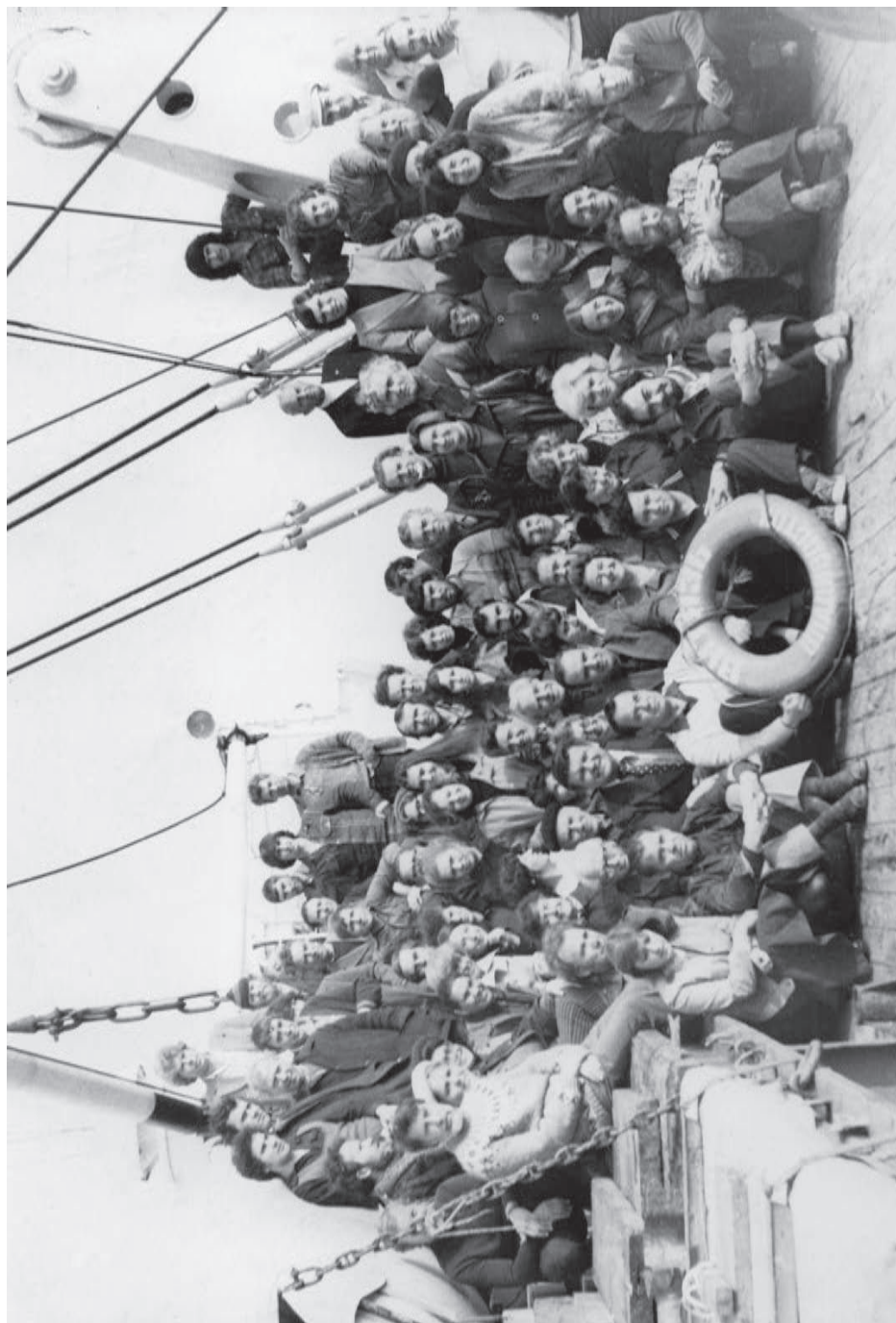
«Разорванная грудь» «Профессора Штокмана» (7-ой рейс, зима 1982 г.). После аварии в Калининградском канале



Е. Емельянов с начальником экспедиции на НИС «Рифт» А. Комаровым перед спуском на дно Тирренского моря (12 рейс НИС «Витязь» (IV), 1987 г.)



Геологи в 32 рейсе НИС «Витязь» (III) (1961 г.) Сидят (слева направо): Е. Кудинов, Е. Емельянов, К. Шимкус (четвертый), студент Ф. Ионитис (в очках). Стоят: И. Волков, В. Гончаров (третий), М. Ратеев, Э. Остроумов, академик Н. Страхов, студент М. Репечка, З. Тимофеева



Участники последнего, 65 рейса НИС «Витязь» III (1979 г.)

3.6. ЭКСПЕДИЦИИ ВОКРУГ ЕВРОПЫ (ПОСЛЕДНИЙ РЕЙС НИС «ВИТЯЗЬ»)

Корабли, как и люди, рождаются, трудятся, стареют и умирают. Великий труженик Витязь-III в конце 70-х годов прошлого столетия тоже постарел, стал давать сбои. Руководство долго решало, что же с ним делать: пустить на переплавку («на иголки») или как-нибудь сохранить для истории. Решили сохранить. А для сохранности перегнать его из Новороссийска в Калининград, по пути заходя в крупнейшие (старейшие) морские научные центры Европы, а между заходами провести последние исследования во впадинах Средиземного моря и Иберийской котловине, находящейся в Северо-Западной Атлантике у берегов Испании и Франции. Последнюю экспедицию (65-ый рейс, 1979 г) поручили возглавить заместителю директора нашего института профессору А.А. Аксёнову. Для выполнения научных работ в море было организовано около десяти отрядов. Отряд литологии Аксёнов поручил возглавить мне. Другие отряды возглавляли крупные учёные, прекрасные специалисты в своей области науки, Э.А. Остроумов, Н.Г. Виноградова, Т.С. Расс, Г.Н. Иванов-Францевич и другие.

Перед экспедицией были поставлены две главные задачи: 1) пропагандировать и показывать в научных центрах Европы высокий уровень советской морской науки и достижения исследователей, выполненные на судне Витязь-III, и 2) выявить причины разной эволюции пелагических рыб, после того как они оказались в разделённых геологическими хребтами впадинах Средиземного моря и Иберийской котловине.

Научным руководителем биологических исследований являлся участник экспедиции академик Е.М. Крепс, а руководителем остальных работ – Парин (впоследствии член-корреспондент РАН). В отряде работали профессора А.П. Андриашев, Д.В. Наумов, доктор наук А.А. Понамарёва.

В задачи отряда литологии входил отбор длинных кернов осадков, определение их возраста и состава.

В рейс мы выходили из Новороссийска в феврале 1979 г. Нас провожали не только родственники и официальные портовые власти, но и оркестр местного мореходного училища. И это придавало проводам и торжественность, и грусть. Торжественность – потому что раньше никогда нас с оркестром не провожали, а только «со штыками», а грустно было потому, что проводы были похожи на похороны. Для «Витязя» это так и было: его провожали в «последний путь», на вечную стоянку в Калининграде. Поэтому на проводы великого труженика, прекрасного и послушного морехода, «заслуженного исследователя неизведанных морских просторов», первооткрывателя новых гор и глубочайших (11022 м) желобов планеты приехали руководители нашего института из Москвы и официальные представители города Новороссийска. Были, конечно, и торжественные речи. Оркестр долго ещё играл после команды «Отдать концы». И мы, удаляющиеся от пирса, долго наблюдали за происходящим на берегу, после чего многие спустились в каюты, где продолжили разговоры о рождении и смерти не только людей, но и судов.

Оторвавшись от пирса, судно направилось напрямик в Босфорский пролив, навстречу с высоким минаретом великого и нестареющего собора святой Софии в Константинополе (другое название Истамбул). Этот город был основан

в 326 г. н. э. римским императором Константином. В порт мы не заходили. Но судно так близко проходило от обустроенного городского берега, что картина прекрасного турецкого города с его обитателями медленно проплывала перед нашими глазами. Прошли высочайший мост, построенный талантливым инженером Керенским, сыном нам хорошо известного политика. Проплыли и минареты. А вот и Дарданеллы, извивающиеся подобно большой реке. Наблюдаем, любимся. Наконец выходим в открытое пространство Эгейского моря с его многочисленными островами и водой, часто меняющей свой цвет и превращающейся из светло-голубой в темно-голубую с фиолетовым оттенком. Наш путь лежит в Неаполь. Слева от нас лежат останки легендарной Трои. Сейчас её окружает город Дарданус. Ни Трои, ни Дардануса мы не видим: они далеко. Но в моём воображении возникают великие крепостные стены, битва троянца Гектора с Ахиллесом, Троянский конь и маленький домик величайшего из археологов Шлимана в городке Висмар, Северная Германия.

Мы идём дальше, на юг. По пути видим много островов. Для нас самым интересным являлся вулканический остров Санторин, находящийся в полосе древней вулканической островной дуги. Некоторые из островов оживают как вулканы, и тогда их жителям приходится туго. Так, примерно десять тысяч лет назад «взорвался» остров Санторин и, как полагают многие ученые, уничтожил располагавшуюся там Атлантиду. В поисках этого загадочного острова они обратили внимание на остатки некогда существовавшего зеленого острова в Эгейском море, расположенного в 70 милях севернее острова Крит. В период с 1500 до 1450 годов до н.э. этот остров при извержении вулкана взорвался, большая его часть погрузилась под воду. В настоящее время осталась лишь кальдера и остатки острова Санторин. Следы взрыва вулкана хорошо запечатлелись в донных осадках Эгейского моря. Работая там, мы почти повсеместно обнаруживали мощные слои вулканического пепла, захороненные в осадках. Определили, что пеплы накопились на дне где-то около 1500 лет до нашей эры. Взрыв, повлекший гибель большей части острова Санторин, был в десять раз сильнее, чем произошедший сто лет назад взрыв вулкана Кракатау.

Американские и греческие исследователи в настоящее время метр за метром обследуют затопленные части острова Санторин а на оставшихся осколках суши (на небольших островах, из которых он состоит) постоянно ведут археологические раскопки. Дважды к вулкану Санторин подходил и наш советский корабль «Академик С. Вавилов». Советские океанологи обнаружили интересные образцы пород и осадков, но... никаких следов пребывания здесь атлантов не нашли. Тайна Атлантиды все еще остается тайной.

Как я писал ранее, именно здесь, на склоне острова Санторин, мы впервые применили подводную телеустановку «в поисках руки Венеры».

Идём дальше, в Центральную котловину Средиземного моря. Слева остаётся Крит, справа Пелопоннес. В котловине биологи пытаются тралами поймать глубоководную рыбу и изучить биохимическую эволюцию их мозга. После этого мы заходим через пролив Отранто во впадину Адриатики. Проводя там комплексные исследования, мы опять оказываемся в Центральной котловине, а после неё – в Мессинском проливе. Перед Мессинской, на восточном побережье острова Сицилия, находится знаменитый вулкан Этна. Последствия извержения этого вулкана я изучал много лет. Я имею в виду распределение вулкани-

ческого пепла в осадках Средиземного моря. Входим в пролив: слева от нас – порт Мессина, справа – Реджо-ди-Калабрия, в котором я побываю в 12-ом рейсе нового «Витязя» – Витязя IV. Мессинский пролив многим известен по греческой мифологии. Именно здесь, по берегам пролива, обитали чудовища Сцилла и Харибда. Сцилла, шестиголовое чудовище, хватывала гребцов из проплывавших кораблей. Харибда же всасывала воду вместе с кораблями и морями. «Находиться между Сциллой и Харибдой» значит подвергаться опасности с обеих сторон.

Вторая причина широкой известности Мессинского пролива – это вулканизм и землетрясения. Именно здесь в 1908 г. подземный удар был такой силы, что полностью разрушил город Мессину и частично Реджо-ди-Калабрия. Российские моряки на судах «Богатырь», «Адмирал Макаров» и «Слава», находящиеся неподалёку в Средиземном море, первыми подошли к разрушенным городам и оказали пострадавшим неоценимую помощь.

Прошли Мессинский пролив, вышли в Тирренское море. Это море живет активной тектонической жизнью и сейчас: оно расширяется в юго-восточном направлении (в направлении носка «итальянского сапога»). И как результат этого расширения в земной коре образуются трещины, через которые расплавленное вещество – магма устремляется вверх. Образуются подводные вулканы. Некоторые из них так сильно выросли, что образовали многочисленную группу островов под названием Липарских. Именно здесь расположен и вулкан Вулкано, давший название всем островам и вулканам, связанным с магматической деятельностью. Вторым знаменитым островом-вулканом является Стромболи, названный маяком Средиземного моря. Этот вулкан никогда не спит. Последнее сильное его извержение было в 1933 г. Стромболи через ровные десятки секунд выбрасывает в воздух газы и пепел, который покрывает дно вокруг подводного конуса и уносится далеко в Тирренское море. Именно этот пепел я изучал в двух экспедициях на судне «Академик С. Вавилов» (1959 и 1961 гг.). На вулканических, так называемых Эоловых островах, проживают итальянцы (более двадцати тысяч человек). Вулканические почвы настолько плодородны, а климат настолько теплый и влажный, что здесь бурно произрастают оливковые и фиговые деревья и виноград. Липарские (или Эоловые) острова в настоящее время – места паломничества туристов.

Миновав Эоловые острова, направляемся в сторону Неаполя. Под нами – ровное, горизонтальное дно на глубине 3400 м. И на этом дне торчит почти острой иглой подводный вулкан Вавилов высотой 2800 м. Название ему дали мы (В.П. Гончаров и Е.М. Емельянов, 1961 г.) как первооткрыватели (от названия судна «Академик С. Вавилов»)

Подошли к Неаполю. Бросили якорь на рейде порта в ожидании разрешения на заход. Взяв бинокли, у кого они были, стали наблюдать, что же творится на берегу. Следили за катерами в ожидании лоцмана. Но прошли сутки, другие, а лоцман так и не прибыл, разрешение получено не было. Начальство решило больше не ждать и идти в следующий порт – Марсель. Когда прошли пролив между Сардинией и Корсикой, капитан извещает нас, что разрешение на заход в Неаполь получено. Но возвращаться поздно: дата прихода в Марсель строго оговорена. Я не переживал, что не зашли в Неаполь, так как до этого там побывал дважды.

От Неаполя мы шли через пролив Бонифачо, что между островами Корсика и Сардиния. Эти острова являются обломками края платформы южной Европы. Много миллионов лет тому назад они откололись от этого материка и на «смазке» полурасплавленного вещества мантии переместились туда, где сейчас и находятся. Перед островом Сардиния на глубине 500–600 м находится обломок самой Сардинии. Я тогда ещё не знал, что через пару лет опущусь на тот хребет на глубины 400–520 м, пробуду там полдня и пробурю несколько скважин в скальной поверхности хребта Барони.

На острове Сардиния я тоже побывал, правда через десять лет. В небольшом курортном городке, расположенном в центральной части острова, я принимал участие в работе симпозиума по переносу пыли из африканских пустынь в Европу.

Пришли в Марсель. Марсель, Брест, Париж, что может быть прекрасней этих городов? Марсель напомнил мне Одессу: красивый, шумный, говорливый. Посетил церковь – собор Нотр Дам де ля Гард с большой золоченной фигурой богородицы, установленной на высоком холме, чтобы с моря видно было её морякам. Она и выстроена была в память о погибших моряках. Поставил свечку в память о погибших и во спасение находящихся в море.

С холма (вернее, с горы), на которой стоит собор, открывался прекрасный вид на Марсельскую бухту, а далее на островок Сен-Жан со старинной крепостью и на остров Иф с замком – тюрьмой Иф, где когда-то томился граф Монте-Кристо, воспетый А. Дюма.

Посетили Андумскую научную станцию, где уже более 100 лет тому назад были начаты работы по морским исследованиям.

Запомнился один анекдотичный случай в Марселе. Наше судно стояло далеко, в шести-семи километрах от центра города, на каком-то грузовом причале. Автобусов до центра города не было, а на такси не было денег. Ходили (как обычно для советских моряков) тройками. Наши две дамы, как положено в чужом интересном городе, нарядились в красивые платья, обули туфли на высоких каблуках и во главе с И. Овчинниковым зашагали к центру Марселя. Хорошей дороги и тем более тротуара в грузовом порту не было. Поэтому группа поднялась на скоростную дорогу, выстроенную на опорах выше домов, и бодро зашагала в нужном направлении по её проезжей части. Сплошные автомобильные гудки, ругательства водителей их вынудили сообразить, что дорога не для пешеходов. Но они продолжили путь. После Марселя дамы уже шли без туфель, так как на шпильках идти были уже не в состоянии.

Марсель – самый древний из французских городов. Прародительница Массалия была основана греческими мореходами и купцами из Малой Азии около 600 лет до н.э. Предприимчивые жители Массалии создавали торговые пункты вдоль побережья – на запад, к Испании, и на восток, до района Монако, основали города Арль, Ниццу, Ним, Антибы, а также проникали в глубь страны.

После Марселя биологи проводили работы в Прованском море (между Марселем и Балеарскими островами). Выполнив экспедиционные задания, направляемся в Испанию, в знаменитый город Барселону. Барселона – крупнейший порт Испании, столица Каталонии. В ней около 3-х миллионов жителей. Но туристов сюда ежегодно прибывает в несколько раз больше. Лоцман поставил судно в самом центре порта. Место удобное и близкое для походов в город. У выхода из порта на небольшой площади видим высокую белую колонну с

памятником Колумбу. Рядом в порту слегка покачивается совсем небольшое деревянное судно – знаменитая каравелла «Санта-Мария». Эта модель, выполненная в натуральную величину, окончательно убедила меня в безрассудной смелости Колумба, отправившегося на ней искать Индию и открывшего старому свету Америку.

Генералиссимус Франко был не только врагом СССР, но и моим личным «врагом» в молодые годы. Но когда я попал в Барселону (1979 г.) мое отношение к нему как-то круто изменилось в лучшую сторону. Это произошло благодаря как испанцам, которые мирно и хорошо жили и благожелательно к нам, русским (как везде нас называли, хотя в СССР было больше пятидесяти национальностей), относились, так и благодаря городу Барселоне, который я впервые увидел. При Франко он был значительно перестроен. Прямые улицы, красивейшие дома, скверы, парки, фонтаны, памятники знатым людям Испании, улыбающиеся и мирно сидящие у фонтанов и за столиками уличных кафе жители города, многочисленные туристы – разве могло все это быть в социалистическом городе? Мое отношение к Испании после прихода в Барселону изменилось. Изменилось оно и к генералиссимусу.

Мы ходили по Барселоне с Владимиром Купцовым. Он – хороший ходок, не нытик. Бывало, возьмем в термос кофе, бутерброды, купим кока-колы, и пошли бродить по городу с утра до вечера. Любовались, ахали и охали от восторга.

Я мечтал попасть в Испании на бой быков. Но корриды в те дни не было: не сезон.

Город лежит у моря, в плодородной долине, окруженной амфитеатром гор. Барселона изобилует парками. Центральная часть города – это площадь Каталонии, от которой отходят широкие нарядные магистрали. На них много зелени, цветов, часто встречаются старинные здания, но много и ультрасовременных домов, в которых проживают состоятельные горожане. В нижних этажах размещаются магазины, банки, конторы и всевозможные учреждения.

Старинная часть города расположена на холме Табор. До сих пор на улицах можно видеть остатки римских стен. В центре старого города стоит собор святой Марии Морской, строившийся между 1289 г. и концом XV столетия. Может быть, наиболее примечательным архитектурным памятником является недостроенная огромная церковь – храм Искупления святого семейства, строительство которой начато ещё в 1880 г. Её фантастические шпили доминируют над городом. Эта церковь считается лучшим творением знаменитого каталонского архитектора Антонио Гауди.

С великим сожалением мы покидали чудо-город Барселону. Наш путь лежал вдоль Пиренейского полуострова к Гибралтару. По пути мы шли мимо Балеарских островов. Это целый архипелаг. Главными островами являются острова Мальорка и Минорка. Несколько лет спустя я прилечу сюда, на остров Мальорка, и проведу неделю в столице провинции Балеарских островов – в городе Пальма.

На Балеарские острова (точнее, на о. Мальорка) я приехал на совещание по изучению реки Рона и её влиянию на Средиземное море. Нас поселили в высотной, но полупустой гостинице: был не сезон, октябрь месяц. Я тут же полез под душ. Намылил голову и стал смывать. Но из моих волос получилась плотная «куделя»: волосы не промывались. Лишь после этого я сообразил: вода-то в кране слабосоленая! Кое-как обмылся и побежал в ближайший магазин за

канистрой с водой. Оказывается, весь город живет без пресной воды! Её привозят танкерами с континента, из Валенсии.

Балеарские острова – это обломки земной коры Пиренейского полуострова. Значительная часть их территории некогда была дном моря. Пляжи и почвы во многих местах состоят из битой ракушки и обломков кораллов. Они – не плотные, пористые. Через эти поры морская вода и проникает на сушу островов, делая подземные воды солеными, непригодными для питья.

Во дворе гостиницы – большой открытый и закрытый бассейны. Вооружившись полотенцем, я спустился вниз и залез в открытый бассейн. Хорошо! Вода тёплая, никого нет. Прогуливающиеся редкие жильцы гостиницы с удивлением смотрели на меня. Многие спрашивали: «Не холодно ли? Ведь сезон купания давно кончился, началась осень». А температура воды была 25°C, а воздуха – 27°C! На Балтике в июле, когда начинаем купаться, температура воды +15–16°C, а воздуха +21–23°C.

Итак, судно приближается к Гибралтару. Перед проливом – заход в порт Сеута, Марроко. Это небольшой арабский город-порт. Моряков он привлекает своей свободной торговлей электротехникой и кожаными изделиями. Город был основан в VII в до н.э. карфагенскими мореплавателями как торговая точка – фактория. После падения Карфагена Сеута переходила то в Римскую империю, то к византийцам, то ею владели португальцы, пока в XVI веке Сеута не была присоединена к Испании. Отоварившись на промышленном и рыбном базарах, вышли в пролив Гибралтар. Об этом проливе несколько подробнее будет написано ниже.

Оставив Гибралтар позади, мы зашли в Лиссабон – столицу Португалии. Путь в порт здесь проходит по широкой (до 5–7 км) полноводной реке Тахо. Вода в реке мутная желтая от обилия взвеси. Из-за этого река здесь названа «Соломенным морем». Прошли под подвесным, самым длинным мостом в Европе.

Лиссабон – главный порт Португалии, в нём проживает около 10% (1.7 млн) населения государства. Лиссабон раскинулся на семнадцати холмах: здесь много каменных лестниц и фуникулёров. Город сохранил древний колорит: многие здания с террасами и галереями. Португалия – страна великих географических открытий XV–XVI веков. Португальские мореплаватели не только прошли и частично описали берега Восточной Африки, они бороздили Индийский океан и расширили свои владения даже в Индии. Вспомним хотя бы Васко да Гама!

Лиссабон, как почти весь Пиренейский полуостров, находится в зоне активной сейсмической активности. Подземные толчки в 1755 г. почти полностью разрушили город. Погибло около 30 тысяч жителей. Но город быстро восстановили. В строительных работах отличился маркиз Помбаль. Стиль его строительства получил всемирное признание и назван стилем помбалино.

В Лиссабоне мы желали пообщаться с сотрудниками старейшей Португальской биологической лаборатории и Морского института. Представители института пришли к нам на судно. В свой институт экскурсию для нас организовали неохотно, причем в обеденный перерыв. Когда приехали в институт, он оказался пустым: все сотрудники были отправлены «на обед». Не только португальцы, но и ученые многих других стран (например, Индии) старались не допустить научных контактов с советскими учеными.

Лиссабон – имперский, красивый город. Много памятников португальцам – морякам, первооткрывателям новых земель.

К нам на борт приходило много корреспондентов. Но вопросы они задавали не по нашей деятельности, а о непонятых пока явлениях, о летающих тарелках, о происшествиях в Бермудском треугольнике, об Атлантиде и т.д. Профессор А.А. Аксенов, начальник экспедиции, как мог, отвечал на вопросы. После нашего отхода из порта были опубликованы сообщения о том, что, якобы, Аксёнов заявил, что в экспедиции обнаружена Атлантида. Андрею Аркадьевичу задним числом пришлось объясняться со своими корреспондентами, жаждущими тоже опубликовать что-нибудь сенсационное.

Да, чуть не забыл. В Лиссабоне помимо разных музеев художественного толка и морских имеется уникальный музей карет. В нём демонстрируются отреставрированные кареты XVII–XVIII веков монархов разных стран. В Лиссабоне находится также знаменитый Центр культуры Гульбенкяна. О нём я уже писал. После Лиссабона судно направилось на северо-запад. В Иберийской котловине, что напротив Португалии, делаем остановку. Глубина 3500 м. Биологи и мы, геологи, начинаем забортные работы. Биологи на большой глубине орудуют тралом Сигсби. Начинают подъём трала. Геологи спускают дночерпатель с другого борта. На глубине около 2000 м дночерпатель зацепился за трал. Стали «выяснять отношения». На это ушло много времени. Затем работы продолжились уже на глубине около 5000 м. Биологам повезло: тралом Сигсби они поймали самую глубоководную рыбу из семейства бротулид. Мы спускаем тяжёлую ударную трубку, чтобы получить с её помощью керн осадков. Но трубка на борт возвращается пустой. Спускаем вторично. И опять мимо: трубка легла на дно и керн не «взяла». Первая мысль: дно здесь твёрдое, трубка ударилась о него и легла. Почему «твёрдое»? Не может этого быть! Ведь на ровном дне во всех котловинах океана на глубинах 5 км существуют илы. Даю волю фантазии: предполагаю, что осадки сцементированы сульфатом бария – баритом, образовавшимся тут же, на дне. При более внимательном изучении дна уже на берегу выясняю, что в этом месте на дне имеется кольцевая форма рельефа, место возможного столкновения Земли с крупным космическим телом более сотни миллионов лет назад. Это фантастическое предположение. Но истинные причины безуспешного спуска трубы и наличия на дне огромной кольцевой (несколько километров) структуры остались невыясненными до сих пор.

После завершения работ на полигоне Иберийской котловины идём в котловину Бискайского залива. Здесь, на глубине 5000 метров, была последняя остановка «Витязя» (станция номер 7943). Работали с тралом, геологи опускали дночерпатель. Был получен осадок (серый ил), трал собрал много беспозвоночных организмов. Кажется, 2 апреля 1979 г. знаменитое исследовательское судно «Витязь» навсегда закончило работы в открытом океане. Начальник экспедиции профессор Андрей Аркадьевич Аксёнов поручил старейшему биологу нашего института Нине Георгиевне Виноградовой по этому случаю дать несколько прощальных гудков. У кое-кого выступили слёзы: мы шли на «похороны» величайшего из труженников морей и океанов «Витязя», но с надеждой, что в скором времени это судно начнёт новую, музейную жизнь.

Работы закончили вовремя: Бискай начал проявлять свой нрав. Шторм 8 баллов, крен судна достигает 30°. Ночью шторм немного стих, утром 5 апреля подошли к Ла-Маншу. Днём показались белые скалы Альбиона. Вскоре лоцман завёл наш «Витязь» в порт Дувр, что на южном берегу Великобритании, в самом

узком месте пролива Ла-Манш. Именно из Дувра в Бретань (Франция) высаживался военный морской десант союзников в 1943 году. В Дувре мы стояли десять дней вместо запланированных трёх: в последний порт захода – Копенгаген – наше судно не пускали, так как датчане готовились праздновать Пасху. В это время мы осматривали окрестности Дувра. Пешком ходили в расположенные рядом с Дувром деревни. В одной из них в чистом, аккуратном парке возвышалась согбенная фигура Уинстона Черчилля. Оказалось, что он здесь родился.

В Дувре мы, сидя на белом обрывистом берегу, наблюдали, как ловко бегают пассажирские судна на воздушной подушке. Одно, французское, выходит из Па-де-Кале, второе, английское, из Дувра. Расходятся они на полпути.

Пришлось бывать и в Брайтоне. Туда мы ходили на судне «Профессор Штокман» на океанографическую выставку.

Англия – место смерти и погребения моего старшего брата Андрея. Лежит он на кладбище Нордгумберлянда, севернее Лондона. Не посетил: тогда нельзя было, а сейчас мешают другие причины.

Дувр расположен примерно в 130 километрах от Лондона. Мы ездили туда на автобусе. Конечно, Лондон меня потряс своей величием. Это настоящая столица большой империи. Посидели в Гайд-Парке, побывали в Британском музее. Уже потом, несколько лет спустя, я прилетал в Лондон рейсовым самолётом.

Простояв десять суток в Дувре, направляемся в Копенгаген. Идем по проливу Скагеррак, морю Каттегат, по Датским проливам к острову Зеланд, на котором Копенгаген и расположен. Идем проливом Зунд. В самом узком его месте (5–6 км) на берегу возвышается замок Кронборг (или Эльсинор), описанный В. Шекспиром в пьесе «Гамлет». Глядя на серый величественный замок, про себя повторяю: «Быть или не быть».

19 апреля – мы на рейде Копенгагена. Этот город (и Дания) многократно упомянуты в других местах книги. Простояв несколько дней в Копенгагене, направляемся к себе домой, в Балтийск. 22 апреля 1979 г. – мы в Калининграде. Морская исследовательская жизнь «Витязя» закончилась. Вместо ожидаемого музея, «Витязь» ждёт десятилетнее ожидание: лишь в 1989 г. он станет основным экспонатом музея Мирового океана.

Из всех участников последней экспедиции на судне «Витязь» в Калининграде остался только автор этих строк. Я часто бываю на «Витязе». Всё внутреннее убранство там сильно изменено, моя жилая каюта исчезла, она преобразована в выставочное помещение. Автору, как человеку, оказавшему посильную помощь в организации музея, была предоставлена честь расписаться на латунном гребном винте «Витязя», который хранится в этом музее.

3.7. ИЗУЧЕНИЕ ТИХОГО ОКЕАНА

Тихоокеанская плита разрастается с максимальной для нашей планеты скоростью. Она передвигается в северо-западном и западном направлениях. При столкновении с Евразийской и Индийской плитами она как бы «подъезжает» под них и погружается вниз, в астеносферу. Земная кора Евразийской и Ин-

дийской плит при этом растрескивается, и расплавленное вещество – магма – по трещинам поднимается вверх. Образуются вулканы и вулканические острова, островные дуги и глубоководные желоба, горные хребты. Другая часть плиты дна Тихого океана, находящаяся на линии Калифорния–Антарктида, передвигается на восток и погружается под материки Центральной и Южной Америки. Здесь тоже образуются вулканы, острова и горные хребты. В различных частях Тихого океана из воды «торчат» вулканы – вулканические острова. На юго-западе это Японские острова, Филиппины, на севере – гирлянды Курильских и Алеутских островов. На востоке и юго-востоке вулканы из океана перемещаются на сушу – ими усеяны горные хребты Кордильер и Анд. Многочисленные вулканические вершины то и дело торчат то тут, то там (и на суше и на море). Но основная их часть расположена вдоль берегов океана. Таким образом, Тихий океан оказывается окруженным «огненным кольцом» (кроме южной границы).

Первый европеец по имени Васко Нуньес де Бальбоа, пешком и на лошадях преодолевший в 1513 году Панамский перешеек с востока на запад, выйдя к водному пространству, появившемуся перед его взором, назвал его «Южным морем». «Тихим океаном» («Пасифико») это «Южное море» было названо Магелланом, впервые переплывшим сюда из Атлантического океана через пролив, позже названный в его честь. Это название отразило впечатление Ф. Магеллана – в период всего плавания (1520–1521 гг.) океан был тихим, спокойным.

Но в 1756 году французский путешественник Бюаш предложил назвать его «Великим океаном», так как он самый большой из всех океанов. И в настоящее время используются оба названия, но «Тихий океан» в научной литературе утвердился прочнее, так он значится на всех картах мира.

Мы, участники советской морской геологической экспедиции, когда на судне «Дмитрий Менделеев» (8-ой рейс) в 1972 году дважды пересекали Тихий океан, лично убедились, насколько были правы Ф. Магеллан и Бюаш, давая ему свои названия. В Тихом океане мы находились четыре месяца, и все время погода была спокойной, тихой. От Владивостока до Лос-Анджелеса мы шли на своем быстроходном современном научно-исследовательском судне более 15 дней, а от Перу до Японии несколько недель и практически нигде не видели суши, такой огромный, безбрежный, «Великий» был этот океан.

Мы вышли в рейс из Владивостока. Работали на Восточно-Тихоокеанском поднятии, являющимся наиболее вулканически активной областью Тихоокеанского срединно-океанического хребта (см. рис. на стр. 197).

В экспедиции работало 12 отрядов. В их составе было много маститых учёных, в том числе и учёные из США: С. Этрейм, Дж. Бишофф и другие. Район исследований – Восточно-Тихоокеанское поднятие – представлял исключительный интерес потому, что срединный хребет здесь покрыт типичными пелагическими гидротермальными железистыми осадками. Эти осадки содержат не только необычно большие количества железа, но много марганца и редких металлов, поэтому осадки назывались металлоносными. В экспедиции изучали состав воды, воздушную и морскую взвеси, состав осадков и пород, железомарганцевые конкреции. Работа велась очень активно. Александр Петрович Лисицын как начальник экспедиции сам много работал и всех нас подгонял. И я впервые в жизни не справился со своими обязанностями начальника отряда и

организатора работ по взвеси. Вернее, так считал А.П. Лисицын. Главная черта Александра Петровича – работать много самому и заставлять так же активно работать подчинённых. Его принцип: «давай, давай, потом разберёмся». Моё же прибалтийское воспитание не позволяло так работать. Я предпочитал вести работы планомерно и аккуратно, с тем, чтобы материал был детально описан, задокументирован. Кроме того, работая в Атлантическом отделении института, я уже привык сам планировать и командовать. В связи с этим возник конфликт. В результате, оставаясь формально начальником отряда взвеси, я был переведен в отряд литологии. Мне было поручено описывать колонки донных осадков, которые поднимали со дна и днём и ночью. Работу я выполнял в срок и правильно. Работали мы по двенадцать часов: неделю днём, неделю ночью. Уставали сильно. Однажды на судне был организован вечер отдыха. Все прилично оделись. Я тоже. Было всеобщее веселье. Но в этот день меня назначили дежурным, но не по стране, как Жванецкого, а по экспедиции. Так как я человек весёлый, то во время дежурства мой рот почти не закрывался. Вдобавок белая рубашка и яркий галстук на груди не понравились Александру Петровичу, и он посчитал меня пьяным. Я таковым не был, пьяными были геологи, работающие вместе со мной. Александр Петрович продолжал сердиться на меня, а не на пьяных геологов. В итоге, на следующий день приказом по экспедиции он обвинил меня в пьянстве и лишил положенного по закону тропического вина. Тут уж я разозлился. Я вообще практически не пью и пьяным был всего один раз, в университете. Все участники экспедиции стали смеяться надо мной, говорили: «Емельян, ты единственный законный пьяница», что подтверждено приказом. Через пару дней приказом капитана несправедливое распоряжение о лишении меня вина было отменено. Но и сейчас, тридцать пять лет спустя, шутка о том, что я «дипломированный пьяница» в нашем институте нет-нет да и высказывается. Ну а конфликт-недоразумение между мной и Александром Петровичем на наших отношениях практически не сказывался. Мы продолжили и продолжаем сейчас плодотворное сотрудничество.

А в целом, в научном плане экспедиция была весьма успешной. Однако в соавторы научных статей по результатам экспедиции мои коллеги-москвичи меня не включили.

Лос-Анджелес, куда мы пришли на судне «Дмитрий Менделеев» (1974 г.), удивил меня своей «растянутостью», отсутствием пешеходных тротуаров, красивыми коттеджами. Целый день я провел в Голливуде, где осматривал бутафорские улицы, дома, памятники, сделанные специально для съемок фильмов.

В Дисней-Лэнд нас, 100 человек русских, пригласил участник нашей экспедиции доктор Джеймс Бишофф, профессор Калифорнийского университета. Он же купил для всех нас входные билеты по 10 долларов каждый.

Из Лос-Анджелеса мы совершили экскурсию в город Сан-Диего, где расположен знаменитый океанографический институт Скрипса, а также кернохранилище материалов глубоководного бурения дна океанов.

Кто не мечтает попасть на Гавайи, выкупаться на пляжах Вайкики-бич? Мы там побывали после Лос-Анджелеса. Все там, на Гавайях, восхищает: город, пляж, растительность, беспокойный вулкан Килауэа, университет и, конечно, хьюла-хуп. Мы смотрели выступление ансамбля «Хьюла-хуп» на большой

травяной площадке. В конце представления нас пригласили принять участие в разучивании танца. Среди желающих был и я. Мы танцевали с танцовщицами ансамбля около получаса. Запомнилось надолго.

После работы в Северном полушарии мы пересекли экватор и оказались в Южном. Несколько слов о празднике «Нептуна».

У моряков при пересечении экватора принято отмечать «День Нептуна» и «крестить» новичков. Об этом празднике – подробнее.

Младший «черт» пришел ко мне в каюту и сказал: «Совет чертей прислал меня с ультиматумом: если дашь два литра спирта, то обойдешься «малой кровью», если нет, то тебе будет худо». Я знал, что «черти», а также некоторые другие члены экипажа сердятся на меня из-за того, что в отличие от других научных работников я не «угощаю» их алкоголем. И они грозились за это меня проучить. Подумал я всего несколько секунд. Затем твердо: «Нет!». «Черт» усмехнулся и захлопнул за собой дверь. Я остался со своими мыслями. За эти несколько секунд пролетела почти сорокалетняя жизнь, я вспомнил трудные минуты, часы и дни, когда мне тоже приходилось быстро принимать решения, иногда определявшие мою дальнейшую судьбу, вспомнил твердого Досифея из «Хованщины» Мусоргского, и еще раз, уже только себе, мысленно сказал: – «Нет!». Я решил не менять своих моральных убеждений, не сдаваться, а позволить себя затащить на «Голгофу».

Был жаркий, как всегда, солнечный день: мы находились на экваторе в Тихом океане. Экипаж и научный состав готовились к празднику «Нептуна», к «крещению» новичков, впервые пересекающих экватор. А перед этим, в теплой компании «за чаем» я как-то обронил фразу, что вот, мол, двенадцать лет работаю в море, а диплома о «крещении» у меня нет. Тут же это стало известно команде «чертей» и они решили выполнить свою угрозу, оглашенную младшим «чертом» в моей каюте. Напомню, что я, в отличие от всех остальных, не «благодарил» отдельных членов команды стаканом спирта за различные услуги, входящие в их обязанности. Спирт в научных морских экспедициях (да и всех других экспедициях) в советское время являлся «твердой валютой»: водки на борту судна обычно не было или её не хватало, а алкоголь в коллективе из ста пятидесяти человек, находящихся в море без семей и «ресторанов» на протяжении трёх-четырёх месяцев, был очень популярен. Научный состав хорошо знал это и правдами и неправдами запасал спирта (а он стоил тогда несколько рублей за литр) как можно больше и «благодарил» экипаж, да и друг друга, этим спиртом. И наша экспедиция не была исключением. Народ нередко напивался, работа страдала, а люди иногда калечились. Я решил не соблюдать их правил, а потому выглядел «белой вороной». И «черти», особенно любители веселящего напитка, решили на мне «отыграться», а все остальные посмотреть: сломается Емельян или нет. Начальник экспедиции, он же мой учитель и коллега, тоже принял их сторону. И я оказался в одиночестве. Корабль бурлил, предвкушая представление. Друзья и коллеги выжидали, начальник экспедиции молча наблюдал за развитием событий. Очевидно, решил меня проучить (он был в тот день зол на меня поскольку, по его мнению, я не так быстро выполнял свою работу, как ему хотелось, притом высказывал на этот счет свою точку зрения). Короче говоря, известная фраза «казнить нельзя помиловать» большинством была разделена запятой после слова «казнить».

В общем, показательная «расправа над Квазимодо» состоялась. Когда меня вызвали, я сам пошел, изображая на лице «кислую» улыбку. Уже пьяные к тому времени «черти» мазали меня разными мазутами везде и всюду, пропуская через чистилище, на мне сидели и прыгали, после чистилища «пираты вздернули» меня «на рею», приставив деревянные кинжалы к горлу, обещали вот-вот голову отрезать и т.д. и т.п.

Часть публики, в начале хохотавшая, стала, как на площади перед Собором Парижской Богоматери, утихать: как бы «черти и пираты» на самом деле не сломали мне руку или ногу. Я не издавал никаких звуков – знал, что если начну кричать или сопротивляться, будет хуже. В конце концов издевательство закончилось: взяв за ноги и за руки, черти с размаху бросили меня в купель.

В критические минуты или секунды, когда нужно принимать судьбоносное решение, у людей всегда высвечивается характер. И этот характер сопровождает человека всю жизнь.

Когда вечером прилюдно мне вручали диплом «крещеного», смеха уже не было: большинство смотрело серьезно, испытывая, как мне показалось, чувство одобрения и гордости за меня. Протрезевшие «черти» потом извинялись.

Мы побывали в Южной Америке и с тихоокеанской стороны – в порту Кальяо. Кальяо запомнился реликвиями индейцев, особенно их серебром. Магазины полны серебряных украшений и сувениров, в том числе столовой посуды. Одно из серебряных украшений «инков» украшает мою жену, Лидию Петровну, до сих пор.

Подход к порту Кальято, а также выход из него в открытый океан происходили в сильнейшем тумане. Такие туманы в портах Южной Америки обычное явление. Они связаны с наличием у берегов Южной Америки холодных вод и их активным испарением. У берегов Перу вода испаряется и конденсируется в воздухе настолько сильно, что из-за сплошного тумана другой корабль не виден уже за километр. Еще более холодная вода у западных берегов Южной Африки – у Намибии и Анголы. Температура ее даже в самые жаркие дни здесь, у берегов Перу, а также у самых жарких, солнцем выжженных пустынь, всего лишь 12–14°.

Почему же у Африки, Перу и Чили, а также у западных берегов Австралии вода холодная? Чтобы ответить на этот вопрос, опять необходимо вспомнить про пассаты. Пассаты дуют постоянно: и зимой, и летом, и весной, и осенью. Они сдувают на запад (т.е. от материка в открытый океан) верхний, прогретый солнцем слой воды. Остаются воды, не прогретые солнцем. И так изо дня в день, год за годом. Верхний слой еще не успевает прогреться, как пассат его уже сдувает, а на его месте оказывается нижний слой холодной воды.

Образуется как бы огромный насос (или «лифт»), который верхний слой воды откачивает от берега, а новую засасывает из глубин. Вначале к берегу проникает вода из глубин шельфа, а на ее место поднимается уже вода с материкового склона (с глубин 200, 300, даже 500 и более метров), температура которой резко понижена и составляет 8–10 градусов. Правда, по пути на шельф и на шельфе она несколько успевает прогреться, но все равно остается холодной. Таким образом, в жарких субтропических поясах, где дуют пассаты, у западных берегов материков в океанах действуют вертикальные течения («лифты»), переносящие глубинную воду в зону шельфа. Такое явление называют

подъемом вод, или апвеллингом от английского *up* – вверх, *well* – бить ключом, родник.

В специфических условиях апвеллингов на дне накапливаются и специфические типы донных осадков. Их состав и процессы накопления и интересовали нас. Участники экспедиции отбирали на анализы морскую воду, фильтровали ее, изучали под микроскопом частицы на фильтрах, сопоставляли эти частицы с теми, что слагают донные осадки. Особый интерес у нас вызвали те типы осадков, которые содержали много фосфора и в будущем могли превратиться в сырье для удобрений – фосфориты.

В континентальной части Чили побывать мне не удалось, а вот на небольшом острове Пасхи (Рапануи) я побывал. Это вулканический остров, «затерявшийся» в юго-восточной части Тихого океана. Мы зашли туда в 1972 г. на судне «Дмитрий Менделеев». Перед этим я читал «Аку-Аку» и «Кон-Тики» Тура Хейердала. Мечтал воочию посмотреть на «фабрику» истуканов – длинноухих, «ров», который их защищал во время восстания короткоухих, и все остальное. Маленький городок – порт, столица жителей Пасхи. Местные «турагенты» предлагали нам всевозможные средства передвижения: от автомобилей типа «Антилопа-гну» из «Двенадцати стульев» Ильфа и Петрова до старых, совсем дряхлых местных лошадей, с седлами и без них. Ещё не отправившись осматривать остров, узнаем, что участник нашей экспедиции геолог-чилиец Хосе, всю экспедицию певший нежным тенорком чилийские песни под гитару, уже улетел в Чили. Даже не успел попрощаться. Узнаем: в Чили – всеобщая стачка водителей грузовиков, оппозиция готовит переворот. Вскоре Пиночет берет власть, Альенде – убит. Оставшийся с нами второй участник экспедиции чилийский геофизик Александр помогает выбрать нам маршруты – вглубь острова и вдоль берега. Остров Пасхи невелик, его площадь всего 165 квадратных километров, а население не более двух тысяч человек. На автомашине по побережью остров можно объехать за один час.

Арендовав машину, выехали на «фабрику». Это старый, с одной стороны разрушенный взрывом вулкан: гора высотой около четырёхсот метров. Вот на склоне этой горы «длинноухие» и высекали себе подобных. В скалах видны заготовки статуй длиной в 5–6 м, на склоне горы – готовые стоячие скульптуры. С горы хорошо виден ряд скульптур «длинноухих», выстроенных на крутом, обрывистом берегу океана.

«Защитного рва» мы не находим. Если он и был, то уже засыпан рыхлой породой. Видели вместо рва лишь небольшие понижения поверхности земли.

Едем дальше, в бухту Анакена. Там стоит самая большая статуя – Кон-Тики. Она установлена Т. Хайердалом на каменном постаменте лицом в сторону океана. Высота статуи около десяти метров. Осмотрели, подивились, собрали для исследований образцы пород.

Было прохладно. Дул сильный ветер, море у берега волновалось. Несмотря на это, мы – мой аспирант Олег Пустельников и я – решили не нарушать нашу традицию: купаться во всех портах заходов. Раздеваемся, окунаемся в Тихий океан. Вода у острова Пасха холодная, около 20°C. И это несмотря на то, что о. Пасхи находится недалеко от экватора, но в южном полушарии. Нежаркая погода на этом острове связана с влиянием холодного Перуанского течения, берущего начало у Огненной Земли и идущего вдоль берегов Чили и Перу на

север. Это холодное течение омывает и остров Пасха, расположенный на расстоянии нескольких тысяч километров от берегов Южной Америки.

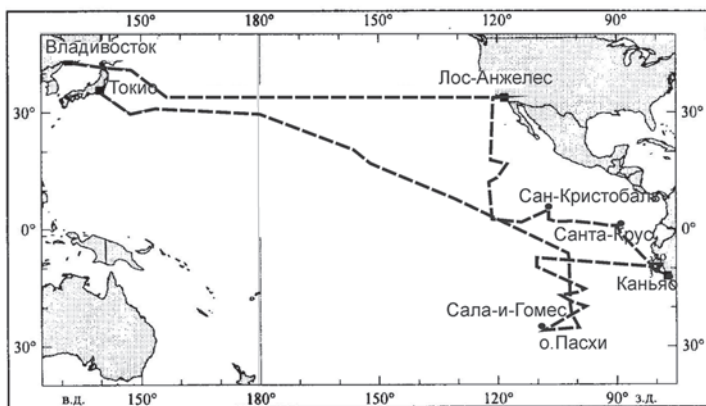
Покинувшего борт нашего судна на о. Пасхи геолога Хосе мы больше не встречали и о нём ничего не слышали. Предположили, что он исчез, как и сотни других противников Пиночета в борьбе за «светлое будущее».

После о. Пасхи судно подошло к необитаемому острову Сала-и-Гомес. Островок площадью около одного километра – это вершина древнего иглоподобного вулкана. Остров возвышается над уровнем океана всего на несколько метров. Во время штормов он покрывается волнами. Жить на острове невозможно, на нем отдыхают только птицы. Члены нашей экспедиции на остров высаживались на шлюпке. В группу высадившихся начальник экспедиции меня не включил. Мои коллеги собрали много раковин моллюсков. Часть раковин (особенно красивые каури) была подарена и мне.

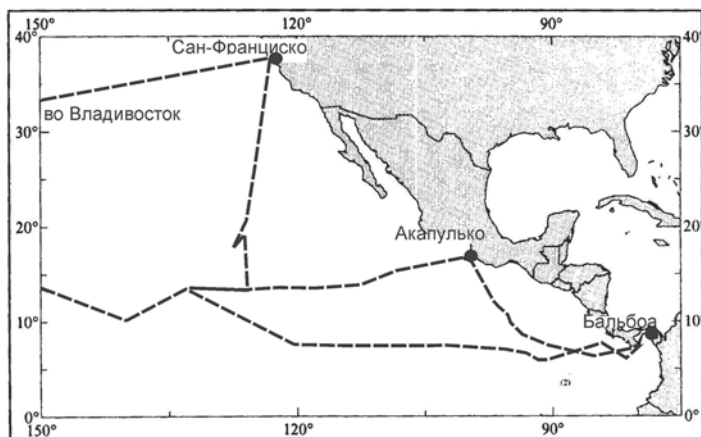
Несколько севернее острова Пасхи, почти на самом экваторе, находятся знаменитые Галапагосы – уникальные своей живностью острова, принадлежащие Эквадору. На островах обитают многие животные – эндемики, в первую очередь игуаны, их на берегу полно. Купаемся вместе с игуанами. Некоторые участники ловят их, держат в руках, фотографируются. Посетили знаменитую научную биологическую станцию. Пообщались с учеными, которые приезжают сюда со всего света поработать. Посидели на знаменитой трёхсотлетней черепахе, сфотографировались.

Вторая крупная экспедиция (41-й рейс) в Тихий океан на том же судне «Дмитрий Менделеев» состоялась в 1988 г. накануне великих событий в нашей стране – накануне перестройки.

В задачи данной экспедиции входили: изучение железомарганцевых конкреций в восточной части Тихого океана, точнее, в провинции Кларион-Клиппертон и в Гватемальской котловине, комплексное исследование процессов седиментогенеза в экваториальной части Тихого океана у склонов Мексики – Панамы. В эту экспедицию был направлен и большой отряд, состоящий из сотрудников возглавляемой мною лаборатории. Начальником экспедиции был геохимик кандидат наук Розанов Александр Георгиевич, заместителями начальника, согласно приказу директора института А.С. Мониной, были назначены: И.И. Волков, Г.И. Кашинцев, Г.Н. Батурин и Е.М. Емельянов. Одновременно я являлся и начальником геологического отряда, в который входили десять или двенадцать моих сотрудников. Привезли из Калининграда много аппаратуры, приборов, реактивов. Планы были грандиозные. Но, прибыв во Владивосток, я узнал, что начальник экспедиции издал приказ, в котором понизил меня в должности: оставил только в качестве начальника отряда. Судно отошло от берега, и жаловаться было некому. В море надо подчиняться капитану и начальнику экспедиции. Иначе – бунт на корабле. Пошли без забортных работ прямо на Панамский перешеек. В области конкреционных полей провинции Кларион-Клиппертон начались детальные забортные работы. Выяснилось, что начальник экспедиции не разрешает моему отряду работать на станциях, несмотря на то, что почти всё геологическое оборудование мы готовили в Калининграде, и что именно мой отряд является геологическим: все забортные геологические работы были поручены литологическому отряду. Начальник отряда Свальнов В.Н. не допускал меня даже к визуальному



8-ый рейс НИС "Дмитрий Менделеев"
(03.06.72 - 01.10.72)



41-ый рейс НИС "Дмитрий Менделеев"
(04.01.88 - 23.04.88)

осмотру колонок и, конечно, не разрешал отбирать пробы осадков. И многочисленный отряд калининградцев остался не у дел. Чтобы хоть как-то использовать наши возможности, мы начали выполнять химические анализы тех проб, которые Свальнов В.Н. все же выдавал нам. Но через несколько недель приказом по экспедиции начальник лишил нас и этой возможности: он отнял у меня мою же, калининградскую химико-аналитическую группу, определил её в отдельный химико-аналитический отряд во главе с моим сотрудником Н.Г. Кудрявцевым и переподчинил этот отряд себе и своему ближайшему коллеге И.И. Волкову. Я со своими геологами остался вообще без дела. Все дела вершили Розанов и Волков. Так они разделились с ведущими в своих областях знаний сотрудниками, своими коллегами. И делалось это со злым умыслом: они усматривали в нас сильных научных сотрудников – по-

тенциальных конкурентов. Первый из них в институте возглавлял партком, поэтому позволял себе вышеназванные издевательства над двумя профессорами. Мало того, всю аналитическую работу отряда моего сотрудника Н.Г. Кудрявцева он поручил своему малоопытному химику-аналитику Завадской. Они делали анализы на американском приборе Перкин-Эльмер. Сотни анализов! Как выяснилось впоследствии, все анализы бракованные! Их пришлось повторить на берегу. После экспедиции её руководство с подвластным ему коллективом сотрудников подготовили по результатам экспедиции монографию. Монография издана не была, опубликовали только несколько статей. Эти статьи и являются отдачей стране, заплатившей за экспедицию не менее пятисот тысяч долларов США. Какова организация, такова и отдача! В связи с тем, что часто так неэффективно использовались такие большие средства, страна (СССР) и рухнула.

Я высказал здесь справедливые обиды, показал, как москвичи вели себя по отношению к сотрудникам своего провинциального подразделения. Но экспедиция на этом не заканчивалась. Мы работали, посещали иностранные порты. Первым был город-курорт Акапулько, Мексика. В этом городе – прекрасные песчаные пляжи. На пляжах – всевозможные аттракционы, развлечения. Главным из них был полёт над морем и пляжем на парашюте, затем катание на водных лыжах. Не помню, куда мы ездили на экскурсии.

Порт Бильбао, Панама. Что там мы делали, кроме как ходили по магазинам, уже не помню.

После Бильбао снова работы в Гватемальской котловине. Несколько слов об условиях формирования железомарганцевых конкреций (ЖМК). Они здесь очень крупные (до 10 см в поперечнике, в других регионах 5–8 см) и образуются на малых для океана глубинах – 3,0–3,2 километров. Это обусловлено, по моему мнению, агрессивностью придонных вод по отношению к карбонатам. Так называемая критическая глубина карбонатакопления, ниже которой карбонаты в осадках не сохраняются (они растворяются), здесь находится на меньшей глубине – всего 3200 м. Соответственно, и конкреции начинают образовываться на этой глубине (в открытом океане обычно на глубинах 4,6–6,0 км). Продуктивность ЖМК здесь очень высокая. Поэтому СССР и заявила о желании «приватизировать» находящиеся недалеко участки дна (в зоне разломов Кларион-Клиппертон), предполагая добывать в будущем железомарганцевые конкреции как сырьё для получения никеля, меди и других химических элементов.

После работ на конкреционных полях руководство экспедиции решило зайти для отдыха и закупки продуктов в порт Сан-Франциско. Но по пути мы узнали, что в этот порт нас не пускают: заход не был заранее согласован. У А.Г. Розанова, как начальника экспедиции, не было связей с учеными-американцами, которые могли бы способствовать посещению США. Я попросил своих коллег из Ламонта и Геологической службы США помочь нам организовать заход. Коллеги откликнулись, обратились в соответствующий Госдепартамент США, и разрешение было получено.

Сан-Франциско – огромный мегаполис. Поразили нас длинный подъемный мост через пролив, огромные небоскребы, красота зданий, старинные трамвайные линии и трамваи, которые часто показывают в телевизионных фильмах.

В порту нас встретил мой коллега доктор Стефан Эйтрейм, который работал в моем отряде в 6-ом рейсе НИС «Академик Курчатов». Это он организовал нам разрешение на заход. Вечером С. Эйтрейм привел к нам на судно около десяти своих коллег-геологов Геологической службы США. Мы организовали для них прием. Но этот прием был «скудным»: на стол были выставлены две или три бутылки «столичной». В СССР уже действовал безалкогольный закон, и водки в свободной продаже практически не было. Пришлось все это американским коллегам объяснять. Они все понимали, вежливо кивали головами. Осмотрев наши лаборатории и скудную аппаратуру, американцы пригласили нас приехать к ним и посмотреть, как живут и работают они. На предоставленных хозяевами автобусах мы, около сотни россиян, прибыли в роскошный зеленый Менло-Парк, где расположена Геологическая служба. Первым делом хозяева привели нас к столам, расставленным в парке и нагруженным различными яствами и бутылками калифорнийского вина. Русские, забыв о том, зачем они приехали сюда, бросились к столам, расталкивая друг друга и хватая закуски. Ни один россиянин, включая руководство экспедиции, не вспомнил, зачем их пригласили в Менло-Парк. Мы с начальником Геологической службы США стояли на пригорке и наблюдали за тем, что происходило у столов. Наши коллеги-американцы стояли группой и тоже наблюдали за сутолокой. Я поглядывал то на столы, то на лица американцев. Эти лица не выражали ни удивления, ни радости. Для них поведение вечно голодных россиян (имею в виду моряков) было привычным. Насытившись едой и вкуснейшим вином, начальник экспедиции и его заместители наконец повернулись лицом к хозяевам, чтобы налаживать дружеские контакты.

В Менло-Парке показали нам офисы, лаборатории, аппаратуру. Везде порядок, чистота, диаграммы, карты, книги, компьютеры. Затем – осмотр окрестностей парка. После обеда на тех же автобусах отправились домой, к себе на корабль. На следующий день мой знакомый доктор С. Эйтрейм приехал на джипе с тремя девочками. Некоторые из них были с узким разрезом глаз. Стефан объяснил, что это его дети. Потом я узнал, что все они приемные. Эйтрейм повозил нас по Сан-Франциско, показал скверы, исторические здания и с особой гордостью старинный, XVIII-го века сохраненный для потомков трамвайный парк.

Вечером мы с профессором Г. Б. Батуриным оказались в гостях у профессора Джеймса Бишоффа, который принимал участие в работе наших экспедиций. Обильный стол с вином и виски, тихая музыка и приятная беседа о событиях в России и в США. Бишофф не выпивал, так как «был зарулём»: вечером он отвез нас на корабль. Его жена нас провожала. Она положила нам в полиэтиленовые пакеты подарки: глянцевого журналы, которых в то время у нас еще не было и, в обязательном порядке, по флажку США. На этих флажках американцы «помешаны»: в комнатах и на домах – флаги, в подарочных пакетах – флажки. И никого не надо агитировать, искать национальную идею, объединяющую нацию. У них идея – само государство, которое они укрепляют и славят везде и всюду.

В последний день С. Эйтрейм привез мне (от себя и от своих коллег, о чем он мне сказал) целую сумку разных сортов виски. Сказал: «Раз у вас сухой закон, выпейте на славу нашего виски». После отхода мы с Г. Батуриным и с калининградцами тут же одну бутылку «оприходовали».

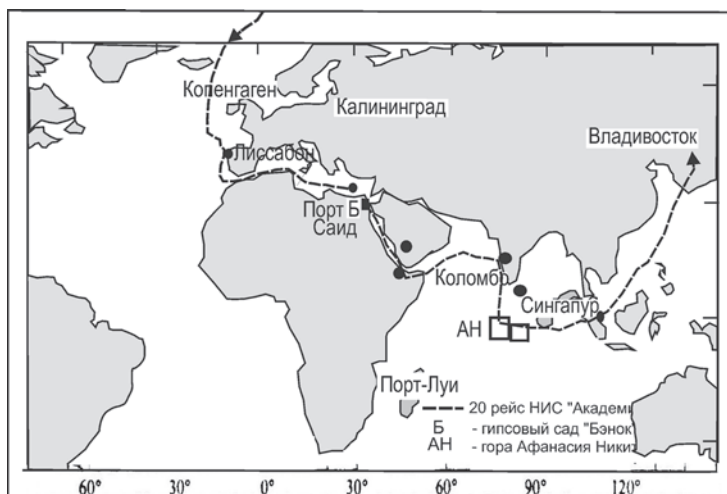
3.8. ИЗУЧЕНИЕ ИНДИЙСКОГО ОКЕАНА

Было две экспедиции в Индийский океан: 31-й рейс НИС «Дмитрий Менделеев» (1984) и 20-й рейс НИС «Академик Мстислав Келдыш» (1990 г.). Первая экспедиция под руководством профессора Ю.П. Непрочнова длилась 120 суток. Мы вышли из Калининграда, по пути зашли в Копенгаген для пополнения запасов продовольствия и через Ла-Манш направились в сторону Монтевидео (Уругвай). Работали на полигонах в котловинах Зеленого мыса и Бразильской. Руководимый мной геологический отряд отбирал длинные колонки донных осадков. Выполнялась рутинная работа.

В Монтевидео мы зашли зимой, под Новый год. За неимением снега жители города из окон верхних этажей поливали прохожих водой и сыпали нарезанной мелкими кусочками бумагой – снежинками.

Выехав на побережье, я увидел, что пляжи заилены, вода мутная. Купаться в ней нельзя. Река Парана выносила в океан много илистого материала из джунглей Южной Америки.

Находясь в Монтевидео, я то и дело вспоминал описанную Ч. Дарвиным в его «Бигле» природу Южной Америки. Описание его путешествия вокруг света на судне «Бигль» так прекрасно, что я не решаюсь хотя бы приблизительно его повторить. Особенно мне запомнилось его описание жителей и природы Огненной Земли в порту Ушуайя, которого тогда еще не было, но в который во времена перестройки (1996–2009 гг.) часто заходили наши большие белые суда «Академик Сергей Вавилов» и «Академик Иоффе». Сейчас вместо научных исследований из-за безденежья они возят туристов с Огненной Земли в Антарктиду и обратно. По Монтевидео я гулял вместе с сотрудниками нашего института: знаменитым сейсмологом членом-корреспондентом Соловьевым С.Л. и создателем самовсплывающих донных станций, впоследствии



профессором Контарем Е.А. Оба они оказались приятными попутчиками, но слабыми ходоками.

После Уругвая судно направилось прямо на восток с остановкой в Капской котловине, в которой выполняли детальные (полигонные) исследования, после него приблизились к южной оконечности Африки и вышли в Индийский океан. Судно проходило вблизи берегов. В южной Африке я никогда не бывал, поэтому пристально наблюдал за берегами. Особенно меня интересовали границы между морями и океанами, в данном случае граница между Атлантическим и Индийским океаном. Название «Индийский океан», значит океан, омывающий Индию. Первоначально (в XVI веке) он назывался Восточно-Индийским (Oceanus Orientalis Indicus), в противоположность Западному (Атлантическому). Граница между Атлантическим и Индийским океаном проведена не по рельефу дна, как обычно, а условно, по нулевому меридиану и представляет собой не полосу, а тончайшую линию. Она проходит от самой южной точки Африки, от мыса Игольный по меридиану на юг. Вот эту «линию» мне и хотелось увидеть. Я зорко наблюдал за берегом. Вот как я описал пересечение этой границы.

*Есть точки на Земле, которые моряк пройти желает:
Полярный круг, экватор.
Пролив, что назван именем одного из славных моряков,
Залив Гвинейский и мыс Игольный тоже.
Четверть века моря я бороздил и все мечтал попасть сюда я.
И вот он, наконец, передо мною! Виднеется чуть-чуть.
Но где ж игла, что остро выдается в море?
Не вижу я её! И горна я не слышу.
Туман вокруг, и шторм на море.
Иду на мостик я. Бинокль я беру.
Но нет иглы! Я вижу только сушу слева от себя.
Мне говорят: «Вон, вон игла! Смотри, сейчас проходим!».
На палубу бегу, пытаюсь устоять. И вижу мыс.
Он прямо предо мною:
Одна нога в Атлантике стоит, другая – уж в Индийском океане.
Не долг сладкий миг! Но я почувствовал его.
Еще одна зарубка сделана в душе. Доволен ею я.
И это несмотря на то, что жизнь моя укоротилась:
На штрих один я ближе к смерти стал.
(«Мыс Игольный»)*

Поработав на одном из полигонов в Индийском океане, мы зашли в Порт-Луи, что на острове Маврикий (в архипелаге Маскаренских островов).

Государство Маврикий расположено на нескольких островах островного архипелага, который находится в центре Индийского океана. Острова – вулканические. На каждом из островов имеются реликтовые постройки (бывшие конусы) древних вулканов. Везде – пышная тропическая растительность на плодородной вулканической почве.

Порт, носящий название Порт-Луи, куда мы зашли, является одновременно и столицей Республики Маврикий. Город нас привлекал мало. Нас притягивал

океанский берег, который во многих местах на глубинах 2–5 м был опоясан коралловыми рифами. Вооружившись трубочками, масками и ластами, все мы бросились в голубые прозрачные воды ломать кораллы и собирать сувенирные ракушки. Я бросился в море со всеми. Но от роду я был пловцом неважным и трусливым. Поэтому в первый же час при нырянии на глубине около 2 м я захлебнулся, вынырнул уже без маски и понял, что если опять нырну, то уже надолго. Лишь невдалеке хорошо плавающая моя соседка Клавдия (остальные все находились далеко-далеко от меня) заметила мое «замешательство», стала подплывать ко мне, тем самым сильно меня подбодрив. Кое-как выбравшись на коралловый пляж, я пообещал себе «никогда, никогда больше». Сидел на пляже в одиночестве долго, пока мои более подготовленные коллеги не возвратились с полными сетками наломанных кораллов.

Из коралловых и раковинных сувениров мне тогда досталось лишь то, что другие из-за излишеств не стали брать. О сборах сувенирных кораллов мне вспоминается ещё один случай.

У небольшого кораллового острова в океане однажды появился большой белый пароход. На безопасной глубине от острова он лег в дрейф. С судна спускались шлюпки, в них садились люди.

Ожидая редкую встречу с белыми людьми, аборигены острова побежали в жилища, чтобы одеть самое лучшее: шорты и юбки почище и поярче. В ожидании гостей они ходили по берегу, оживленно обсуждая, как встретить пришельцев.

На мелководье острова был сильный накат. Небольшие на глубине волны пенились и бурно опрокидывались на мелководье.

Шлюпки вплотную к берегу подойти не могли. Люди со шлюпок прыгали за борт и вплавь или по грудь в воде выходили на сушу.

Местные жители недоуменно наблюдали за «европейцами», за их одеждой и снаряжением. Пришельцы были одеты в старые рубашки, рваные брюки и дырявые шорты. Их головы были повязаны тряпками. В руках они держали ломы и молотки. За собой на веревках они тащили по воде деревянные ящики, окантованные пенопластом.

Вначале местные жители, которые ожидали увидеть богатых туристов в белых одеждах и белых колониальных шляпах, не понимали этот странный маскарад. Но вскоре все прояснилось.

И тогда аборигены стали смеяться, показывать на пришельцев пальцами и что-то обиженно кричать на своем языке. Они разошлись по своим хижинам, сняли нарядные одежды, сели на лавочки и с пренебрежением поглядывали, что делают «оборванцы».

Десант оборванных пришельцев – это русские моряки и океанологи. Они высадились на остров, чтобы наломать кораллов и набрать кокосовых орехов и отвезти их домой как заморские сувениры.

Маврикий, Мальдивские острова – это те районы отдыха, которые пропагандируются российскими турфирмами как курорты. Когда я слышу про эти острова, я с содроганием вспоминаю свое пребывание на пляже у порта Порт-Луи.

Простояв в порту Порт-Луи три дня, мы пошли на большой полигон в центре Индийского океана, на возвышенность Безрукова, для продолжения исследований. На полигоне пробыли около десяти дней. Закончив работу, зашли в порт Коломбо, Шри Ланка.

В Коломбо к нам на корабль пришел известный кинорежиссер Савва Кулиш, создатель фильма «Мертвый сезон» и других. Много часов мы провели с ним и А.М. Городницким в приятной беседе.

Запомнилась также встреча с летчиком-космонавтом, дважды героем СССР В.А. Ляховым, посетившим наше судно в порту Коломбо.

Остров Цейлон (ранее – остров Коломбо) на карте имеет очертания, похожие на падающую каплю. Она как бы отрывается от полуострова Индостан и летит вниз, к экватору. В стенгазете судна я дал следующее описание Шри-Ланки.

«Смотрю на карту я: слезинкой Шри Ланка сползает. Но это не слеза. Шри – распрекрасная, Ланка – земля. Жемчужиной Индийского она наречена.

Вот едем мы по Шри. Ланка раскинулась перед нами. Тут и холмы тебе, и ровные поля. И речки горные, слонов что обмывают. И зелени везде полно. А там смотри – цветы, сто семьдесят сортов прекрасных орхидей. А слева вон – и древо бо, и Будда восседает.

Вот в храме мы, где зуб его лежит. Под колпаком его хранят, чтоб веру дольше сохранить. Обходим мы колпак, что цепью люди окружили. Идем мы вниз. Монахи там стоят, за нами зорко наблюдают. На улице народ везде. Цепочки длинные вдоль озера стоят, чтоб зубу поклониться. Гуляем мы. Вдоль озера идем. И видим мы улыбки тех людей, что издали пришли, чтоб память предков помянуть.

Назад мы едем, вниз. И снова виды Шри пред нами возникают. Любуемся, глядим. Я думаю, как хорошо банк данных бы иметь, чтоб прелесть эту вечно в памяти хранить».

Конечно, в Шри Ланке люди более приветливые, улыбающиеся, нарядные и чище одетые, чем в Индии.

На автобусе мы забрались в глубь страны, на чайные плантации, на чайной фабрике запаслись свежайшим цейлонским чаем. Осмотрели плантации различных специй, откуда они поступают на кухни европейских домашних хозяек. Побывал я и на знаменитых плантациях орхидей, которые самолетом за одну ночь доставляют на цветочные рынки Европы.

В одной деревне демонстрировался маленький, всего с полтонны весом слонёнок, прикованный за заднюю ногу цепью к скале. Стали фотографироваться. Я подошел близко к слонёнку, чтоб кадр был насыщенной. Вдруг слонёнок махнул головой в мою сторону. Я еле успел отскочить. Очевидно, Будда уберет меня от ног «маленького» слоненка.

С чудесными впечатлениями от Индийской «жемчужины», с карманами, полными полудрагоценных камней, которым так богат остров Цейлон, мы покинули Шри Ланку.

После Коломбо мы снова пошли в Центральную котловину Индийского океана, где продолжили геофизические и литологические исследования. Затем зашли в порт Сингапур.

Сингапур. И кто о нем не мечтал? Тем более сейчас, в начале XXI века, когда эта страна за 40 лет независимости совершила удивительный экономический подъем? Когда мы пришли в 1984 году на судне «Дмитрий Менделеев», высотные здания из бетона и стекла только-только начинали появляться. Стояли, как все большие суда, на рейде. С берегом сообщались на катере. В первый день все бросались по магазинам за дешевой музыкальной аппаратурой, а затем и за всем остальным. Сингапур – порт, который венчал почти все советские океанологиче-

ские экспедиции. Где бы судно ни работало, руководство экспедицией составляло программу работ так, чтобы её закончить в Сингапуре. Именно в этом порту моряки «спускали» последние доллары и покупали последние сувениры.

Город Сингапур я осматривал пешком. Кроме людей, в основном китайцев, малазийцев и японцев, образующих единый народ – «сингапурцы», интересен и сам город, и его скверы и парки, где я и ходил два дня. Сколько там птиц! Какое их разнообразие! А цветов! Море! И много земли насыпной: из-за нехватки площади Сингапур, как и Япония, пытается расширяться за счет моря. В нашу бытность на насыпной земле расширялись производственные площади и, кажется, строился аэропорт.

Вот как я описал в стенгазете наше пребывание в Сингапуре.

«Сингапур потряс меня до основания. Издалека его видать. Дома высотные стоят. Кругом сады. На рейде – масса кораблей. Высаживаемся мы, по улицам идем. И чудеса везде: народ цветной, и белых мало. Но нет толпы бездельников, и пьяных тоже не видать. Народ подтянут как струна, их нервы – как пружина: устремлены вперед и ввысь, всегда готовы к делу. И дело движется у них. Там улицы прямые строят, там сплошь дома уже снесли. А тут, гляди, у моря землю «отхватили», чтоб новый Сити возвести. Гуляли мы, дивились. Бутылок нет, окурков – тоже. И улицы чисты.

Вот деньги получили мы, гроши свои морские. И устремились мы туда, куда моряк всегда идет, чтоб женам угодить. Вот лавка «Ялта», а по соседству – «Чайка». А там еще «Москва», «Одесса», «Николаев». Везде полно народу. Все наши тут. И шум, и гам кругом. Кто кеды примеряет, кто «Шарп» лучше подобрал. Все подешевле мы хотим, все больше надо нам. Один, смотрю, в придачу майку просит, другой кричит: «Дай в придачу соску мне!». Смотрю, дивлюсь: народ совсем преобразился. Вот так: работаешь в тиши, как будто знаешь человека. А вот попали в другой мир, другими люди стали.

Купили мы подарки. Играет «Шарп-700». И звуки чистые, и вид приятный. И вот сосед завел, и тоже звуки льются. А там, смотри, его сосед. И весь корабль – в звуках иностранных. Так день играем, ночь. И утром рано «Шарпы» мы включаем. Прошло три дня. Пора домой. Вот якорь мы подняли. Идем на северо-восток, идем к себе, домой. Остался позади их Сингапур. И жалко стало мне, что город этот «их». Пора б иметь и свой. Где сами бы могли и «шарпы» делать быстро, и соски не просить».

Купив дешевую радиотехнику, заправив судно топливом и питьевой водой, мы пришли уже без забортных работ во Владивосток. Из Владивостока мы отправились к себе, в Москву и Калининград.

Вторая экспедиция в Индийский океан состоялась в 1990 году на судне «Академик Мстислав Келдыш» (20-й рейс). Начальником экспедиции был доктор наук, зам. директора Института океанологии РАН Игорь Матвеевич Сборщиков. Мне было поручено возглавить геологический отряд. В отряде кроме техников работал также профессор Ивар Оскарович Мурдмаа. Зимой, в январе 1990 года, мы вышли из Калининграда, через Кильский канал вышли в Северное море, а через Ла-Манш в Бискайский залив и далее, в сторону Португалии. Зашли в порт Лиссабон. В этом порту приняли на борт английских участников экспедиции. Напротив Гибралтарского пролива находится группа подводных гор. В плане они расположены таким образом, что напоминают подкову, поэто-

му по-английски они называются горами Хосшу (по-английски Horse shoe). В южной части этой «подковы» находится гора Коралл Патч. Вот на этой горе мы и остановились. Провдрили геоморфологические и геофизические исследования. Мой отряд отобрал пробы осадков на вершине, склоне и подножии горы, осмотрели дно при помощи установки подводного телевидения. Напомню, что именно в группе гор Хосшу находится и гора Ампер – место предполагаемого расположения таинственной Атлантиды (о ней я писал выше).

После обследований горы Коралл Патч судно через Гибралтарский пролив вышло в Средиземное море. Шли без остановок в сторону Суэца и далее в Индийский океан. В Восточном Средиземноморье ранее на глубинах около 3–3,5 км было обнаружено несколько таинственных впадин – бассейнов с очень соленой, холодной водой с рассолами. Один из них, самый крупный, назывался бассейн Бэннок. Маршрут нашего судна как раз проходил над этим бассейном. Я упрямил начальника экспедиции остановиться и позволить мне исследовать его. Получив разрешение, мы приступили к работам. Спускали дночерпатели, геологические трубки. Отобрали длинные керны осадков удивительного для морей состава: в осадках находилось много крупных кристаллов гипса.

Набрели на бассейн Бэннок случайно голландские, итальянские и американские геологи. Они спустили на дно прибор, подняли, открыли его, и, о ужас! – из него шел сильный запах тухлого яйца. Прибор спускали много раз, и к их удивлению сильный запах шел из осадка, в котором находилось множество хорошо ограненных плоских и прозрачных кристаллов гипса! Это была сенсация. Кристаллов было так много и местами они были такими большими (до 10 см), что ученые назвали бассейн с кристаллами «Гипсовый сад».

Гипс на дне морей, океанов, и тем более на глубине около 3,5 км – явление уникальное, этот минерал в Мировом океане, где в глубинных водах много кислорода, не встречается и встречаться не может.

Когда в 1962–1963 годах я писал диссертацию по осадконакоплению в Средиземном море, А. П. Лисицын передал мне вопрос одного (фамилию я замятовал) океанолога: не нашел ли я в осадках минерал гипс. Я так резво и самоуверенно ответил: «Какой вопрос! Гипса в осадках нет и быть не может!» Как мало мы еще знаем об океанах и морях!

При помощи тяжелых геологических трубок, дночерпателей, мы подняли то, что и ожидали поднять: ил с множеством кристаллов гипса. На переходе к Индийскому океану я занялся изучением собранных материалов. Оказалось, что на дне Восточного Средиземноморья на глубине 3–3,5 км имеются локальные впадины глубиной в 400–500 м от поверхности дна моря, заполненные не морской водой, а рассолами, соленость которых в 5–10 раз больше, чем морской воды. Эти рассолы холодные, слоистые. Рассолы каждого бассейна состоят из 3-х слоев, и каждый из них содержит разные количества солей, а также растворенных форм кальция, магния, стронция и других элементов. Сверху рассолы покрыты резиноподобной полупрозрачной бактериальной пленкой толщиной в 3–5 мм. А над этой пленкой – три с половиной километра обычной морской воды. В общем, в наших руках оказался уникальный материал для изучения и размышлений. Вскоре все было описано, упаковано и подготовлено к отправке в наш институт.

По пути в Суэц мы зашли в Порт-Саид, Египет. Руководство судна решило дозаправиться топливом, приобрести свежие продукты и воду. А свободные от

вахты и работ решили совершить автобусную экскурсию в Каир, к пирамидам. Было жарко, градусов за 40. По пути экскурсовод-египтянин предложил руководителю экскурсии, помполиту нашего судна, а также всем участникам осмотреть плантации роз и фабрику по изготовлению духов. Долго уговаривать не пришлось.

Каир осматривали из автобуса, который в сутолоке автомобилей ехал очень медленно. На осмотр Национального исторического музея экскурсовод отвел всего один час. Пробежав бегом по залам, я задержался в уже знакомых мне комнатах с золотой маской Тутанхамона, затем забежал посмотреть на Нефертити. Еще раз смог полюбоваться этой незаурядной по красоте женщины и не менее незаурядному мастерству древнего художника. Приобрел соответствующие пергаменты с рисунками, в том числе и головку Нефертити, которая до сих пор висит в рамке в моем кабинете.

За те 30 лет, которые я не был в Египте, Каир почти слился с пирамидами: они оказались на окраине города.

Опять – те же по облику египтяне, предлагающие свои услуги что-то показать, что-то продать, сфотографировать или прокатить на верблюде. Не стану описывать свои впечатления. Скажу только, что с тех пор как, Марк Твен со своими «Простаками за границей» побывал здесь, практически ничего не изменилось, за исключением того, что пирамиды почти «слились» с Каиром.

Позволив нам побродить у пирамид всего минут 40–50, экскурсовод усадил нас в автобус и повез на фабрику духов. Проехав метров триста от Сфинкса, мы оказались у двухэтажного домика из прессованных древесных щитов и картона, выстроенном тут же у пирамиды Хеопса на песке пустыни. Оказалось, что это и есть «фабрика духов». Зашли – внизу магазин, нас повели наверх. Там – зал со стульями у стенок, человек на 50. Усадили. Подали то, из-за чего наши русские люди согласились променять время, отведенное нам на осмотр музеев и пирамид, на бутылочку (200 граммов) холодной кока-колы или на чашечку кофе «на шару», как сказал вначале пути наш экскурсовод, знавший эти и еще несколько слов по-русски и выявив за долгие годы работы с российскими экскурсиями особенности характера российского туриста.

Принесли в зал колбы с какими-то жидкостями. Стали рассказывать о производстве духов, об их запахах. Закончив рассказ, лектор предложил подходить к нему и покупать. Ну, думаю, ни за что не пойду: это чисто арабское надувательство. Но через 20–30 секунд поднимается Ивар Оскарович Мурдмаа и начинает выбирать духи. Затем встает второй участник экскурсии, и после этого все побежали к столу. Образовалась толчея, переросшая в длинную очередь, я в ней был в конце. Все купили по несколько флакончиков розового масла, из которого изготавливают духи.

Задача нашего экскурсовода, оказавшегося хорошим психологом, и, очевидно, знавшего коллективное (стадное) чувство россиян, была полностью выполнена: мы оставили на фабрике духов порядочные суммы денег, из которых наш «психолог», несомненно, получил определенную долю. На фабрике духов мы провели больше времени, чем в Историческом музее Каира и у пирамид.

Покинув Порт-Саид, судно вышло в Суэцкий канал. Шли с лоцманом, медленно. Наблюдали за берегами, поселками, людьми. Много встречали судов, идущих в противоположном направлении.

Вышли в Красное море, море – мечту любого любителя подводной охоты или искателя затонувших кладов. Именно здесь уже нашли свою тихую смертельную «гавань» несколько российских туристов-ныряльщиков. А на дне Красного моря не только коралловые рифы и затонувшие корабли, но и бассейны с рассолами, как в Средиземном море, но горячие! Опишу их несколько подробнее.

1981 год. Советские океанологи на специальных подводных лодках-аппаратах опускаются на глубину 1900–2000 метров. Но что это? На глубине около 2000 метров они снова увидели... поверхность моря! Настоящую поверхность, с ее волнами, с плавающими на ней многочисленными предметами и пленками. Она также имела волноприбойную зону с хорошо отсортированным песком на пляже. Мираж? Галлюцинация? Акванавтам, сидевшим в батисфере ГОА «Пайсис» (Pisces), это тоже первоначально показалось невероятным. Но, убедившись в реальности увиденного, они тут же, на месте, попытались найти этому объяснение. Сделали попытку погрузиться в «глубинное море», чтобы посмотреть на открывшуюся перед ними поверхность **снизу, из** его толщи. Но это им не удалось: лодка, погрузившись на 1–2 метра, тут же выталкивалась наверх. Тогда исследователи попытались «с разбегу» проникнуть в негостеприимное море. Они поднимали батисферу «Пайсиса» на 20–50 метров, а оттуда, работая всеми гребными винтами, устремлялись вниз. Однако, лишь немножко погрузившись, батисфера как теннисный мячик вылетала из воды, наверх. При этом по поверхности «глубинного моря» от нее, как положено, во все стороны расходились круги, то есть образовывались морские волны.

Толщина слоев рассолов (а это – глубина «глубинного моря») составляла 200, а иногда и более 200 метров. Впоследствии выяснилось, что температура рассолов в разных впадинах неодинакова: в одних она выше 50 градусов, в других колебалась между 30 и 40 градусами. Соленость также неодинакова. В некоторых впадинах рассолы расслоены: внизу находится наиболее соленый и плотный слой, выше – менее соленый и плотный, а еще выше (обычно на глубинах менее 1900 метров) слой с обычной для морей соленостью. В одних впадинах рассолы заражены сероводородом, в других – нет. Рассолы очень богаты растворенными в них железом, марганцем, медью, никелем, цинком и другими металлами – практически это «жидкие руды». Мало того, на дне, под рассолами распространен мощный (местами более, чем в 10 метров) слой донных осадков, в которых также очень много металлов.

Поскольку рассолы более тяжелые, то все предметы, которые тонут в обычной морской воде (те самые газеты, книги, окурки, полиэтиленовые банки, сброшенные с кораблей) в рассолы не опускались, а оставались на их поверхности. Ведь граница между рассолами и морской водой очень резкая и хорошо сохраняется. По законам физики на этом разделе двух жидких сред возникают волны. Они доходят до берега «глубинного моря» и образуют там настоящую волноприбойную зону с «пляжем». Волны, которые образовывались от лодки, пытавшейся проникнуть в рассолы, достигали «берега» и взмучивали песок на «пляже» – все, как в настоящем море!

В Аденском заливе Индийского океана делали остановку на глубине около 2-х километров. Обследовали. Затем американцы – фотографы из журнала «Нэшнл Джеогрэфик», находящиеся на борту, в течение нескольких суток, с помощью спущенной ко дну телефотоустановки, старались сфотографировать крупных мор-

ских обитателей, в первую очередь, акул. Акул пытались фотографировать и на ГОА «Мир». Спусками руководил А.М. Сагалеви́ч, ныне профессор, герой России. Спуски были не совсем удачные: акулы на приманку не реагировали. Затем, заход в Индию, порт штата Гоа. Морской институт, который мы собирались посетить в дни захода, был закрыт: власти Индии показать нам институт не желали. Поэтому все три дня стоянки были посвящены осмотру города и его окрестностей. Город – как многие индийские города: много народу, много торговцев, много нищих и много худющих, но святых коров на улицах и в торговых рядах, поедающих из-за отсутствия овощей на прилавках полиэтиленовые пакеты у мусорных ящиков и свалок. В реках было много женщин и детей. Они, нагнувшись, что-то там делали. Потом нам объяснили, что люди собирали моллюсков, и все, что в реках ползало и передвигалось. Все это они употребляли в пищу.

После Индии – продолжение забортных работ в Индийском океане. Научный состав изучал строение дна, его возвышенностей, железомарганцевые руды и другие интересные объекты. Самым интересным объектом являлось поднятие Афанасия Никитина, названного в честь неутомимого купца, совершившего путешествие из России через Персию в Индию (1466–1472 гг.) и написавшего знаменитую книгу «Хождение за три моря». Группой И. Сборщикова на гору А. Никитина было осуществлено более десяти спусков на ГОА «Мир». Собранный материал твердых пород, рыхлых осадков и железомарганцевых конкреций изучался тут же, на судне.

После завершения наших исследований, согласно программе, мы зашли в порт Сингапур. По сравнению с 1984 годом, когда мы в этом порту находились на судне «Дмитрий Менделеев», в Сингапуре многое изменилось: стояли уже красивые высотные дома, в том числе и на насыпной земле, отвоёванной сингапурцами у моря.

На смену нам в Сингапур прилетел новый состав экспедиции нашего института для продолжения работ уже в Тихом океане. Согласно договоренности и приказу директора института, все наши геологические материалы и приборы вместе с материалами и приборами новой, тихоокеанской геологической экспедиции после завершения работ в Владивостоке должны были быть отправлены сотрудниками тихоокеанской экспедиции поездом в Москву. Но начальник экспедиции сразу же улетел в Москву, поручив отправкой заняться своему заместителю. Тот тоже улетел, предоставив отправкой руководить уже начальнику отряда В.М. Купцову. Начальник отряда погрузил все материалы и оборудование московской части нашего института в контейнеры и отправил поездом в Москву. Все наши (т.е. моего отряда) научные материалы и научное оборудование, в том числе и ценнейшие материалы по Гипсовому саду, были оставлены на борту судна «Академик Келдыш», т.е. брошены. Никакие последующие запросы, поиски и другие попытки найти брошенное не помогли. Когда я неоднократно обращался к начальнику индийской части экспедиции, заместителю директора нашего института, он от ответа уклонялся, отвечал: «Емельян Михайлович, что же ты ко мне пристал. Подумаешь, интересные материалы! Здесь вон вся страна рушится, а ты о каких-то материалах».

Так начиналось разрушительное шествие перестройки некогда созданной страны, которая в течение сотен лет разрасталась территориально и крепла интеллектуально. Шел 1991 г. К этому разрушительному шествию были при-

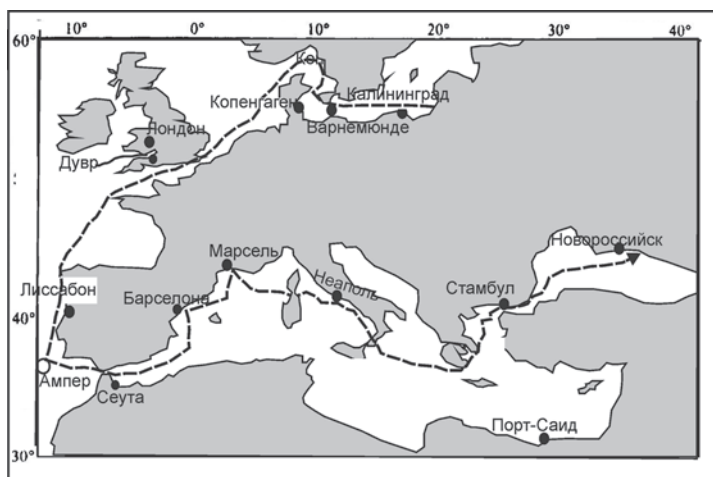
частны и ученые нашего института, которые в настоящее время «рыдают» по прошлому и сокращают исследования из-за безденежья.

«Золотой век» советской океанологии закончился. Начались будни выживания ученых, жесткая отчетность за потраченный рубль на экспедиционные работы и борьба за мизерное финансирование для продолжения исследований в океане.

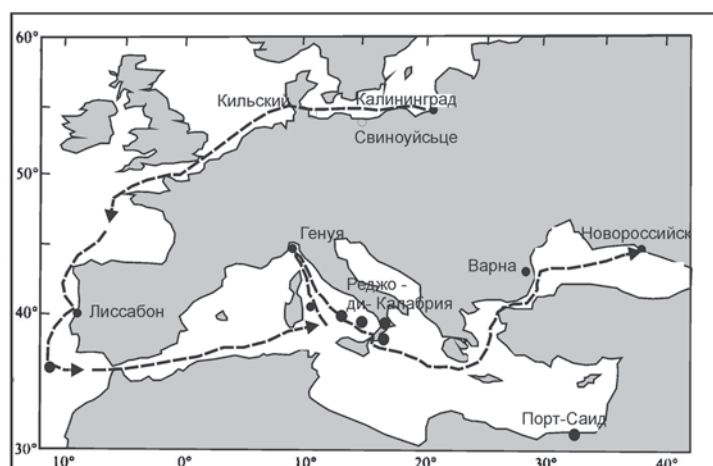
3.9. ИЗУЧЕНИЕ СРЕДИЗЕМНОГО МОРЯ (ЭКСПЕДИЦИИ НА ПОДВОДНЫЕ ГОРЫ-ВУЛКАНЫ)

Одну из таких экспедиций организовал директор Института океанологии профессор Вячеслав Семёнович Ястребов на новом судне «Витязь-IV» (1986 г.). Судно было построено в Польше специально для подводных исследований. Оно было снабжено специальной аппаратурой для спуска акванавтов на глубину до 250 метров. Я был приглашен в экспедицию со своим отрядом. Мы вышли из Калининграда, зашли в Свиноуйсьце (Польша), Кильским каналом прошли в Северное море, а оттуда в Бискайский залив и на юг, в сторону Гибралтарского пролива. Не доходя до пролива, мы «залезли» на уже знакомую читателю подводную гору Ампер. На этой горе мы предполагали продолжить поиски признаков пребывания здесь загадочной Атлантиды. Мы пересекли пару раз практически плоскую вершину горы, дночерпателем отобрали несколько проб донных осадков, при помощи буксируемой, сконструированной в отделе В.С. Ястребова телефотоустановки Звук-4М осмотрели уступы (клифы) по периметру вершины на глубинах около 40 метров. Группа акванавтов наблюдала за небом в ожидании лучшей погоды. Акванавты никак не могли решиться на спуск: по их словам, им мешало волнение (оно было несильное, всего 2–3 балла). Акванавты должны были пройти специальную подготовку к спуску в барокамере, после чего прямо из неё перейти к колоколу для спуска на дно. И уже на дне, привязавшись специальными канатами к колоколу, выйти из под него и начать обследование дна в поисках признаков Атлантиды: фундаментов зданий или наличия на дне различных других археологических предметов. Когда колокол находится у дна (он удерживается на специальном канате), то при качке поднимается и опускается одновременно с качающимся судном. Вот этой качки колокола и боялись акванавты: колокол мог раздавить акванавта, если он попал бы на его край. Кроме того, акванавты боялись сильных придонных течений, которые практически всегда, даже в штилевую погоду омывают вершины гор, особенно их края.

Прождав три дня и не получив согласия акванавтов на спуски, так и не используя сложнейшую аппаратуру для подводных исследований, судно направились в Гибралтарский пролив, а оттуда в Тирренское море для обследования других подводных гор. В первую очередь мы обследовали подводный хребет Барони, предположительно являющийся осколком гранитной земной коры, отколовшимся от острова Сардиния. Вначале хребет обследовали всеми имеющимися геофизическими приборами, затем при помощи дночерпателей и трубок отобрали пробы донных осадков и обломки твёрдых пород, осмотрели



65-ый рейс НИС "Витязь (III)"
(12.02.79 - 22.04.79)



12-ый рейс НИС "Витязь (IV)"
(18.10.86 - 17.12.86)

поверхность дна при помощи телефотоустановки. В конце решили спуститься непосредственно на дно при помощи подводного обитаемого аппарата «Аргус». «Аргус» к нам подвезли на судне «Рифт» из Геленджика через Босфор и Дарданеллы. Первым на дно спустился, кажется, геофизик А. Шрейдер. Затем руководство экспедиции решило «спустить» меня. Я, конечно, изучив горы в предыдущих экспедициях, горел желанием непосредственно посмотреть, как же они выглядят и из чего состоят. В день спуска рано утром меня доставили на судно «Рифт». Я в полной амуниции (т.е. в спортивном костюме и без туфель) спустился в шарообразную батисферу, в которой уже находились борт-инженер и командир. Командир полулежал у центрального иллюминатора, бортинженер

— у левого, мне, исследователю, было отведёно место у правого иллюминатора. Командир предупредил меня, что туалет находится тут же, у наших ног (это была пол-литровая консервная стеклянная банка), что у нас имеются бутерброды и термос с чаем. Неудобства с туалетом в барокамере служили (и, очевидно служат сейчас) основной причиной того, что в барокамеру для спусков не брали женщин, хотя они часто просились, не обращая внимания на «неудобства удобств», но их не брали. Страшно ли было мне первый раз спускаться? Нет! Во-первых, я не осознавал, что опасности акванавтов поджидают в любой момент, что не все спуски проходят гладко, без происшествий. Напомню читателю об одном таком происшествии в рифтовой долине Атлантического океана. Эти долины с глубинами 4–6 километров подчас характеризуются очень сложным рельефом: узкими ущельями, навесами, отвесными склонами, камерами-пустотами. А исследователю хочется всюду заглянуть. В одном из таких районов с очень сложным строением дна — у Азорских островов — на глубине 2800 метров застряла подводная лодка «Алвин» с французскими и американскими акванавтами на борту. Вот как описывается этот драматический момент в книге ученых-исследователей Клода Риффо и К. Ле-Пишона «Экспедиция «ФАМОУС».

«Раздался голос акванавта Джека Донелли «Кажется, нам не... всплыть. Нас заклинило в трещине». Трещины. Перед каждой из них останавливался аппарат. Прицеливался. Медленно продвигался между вертикальными стенками.

«Джек, нам не подняться», — произнес спокойным тоном Билл Брайан. Джек Донелли, припавший к иллюминатору, уже и сам понял, что ни продувка балластной цистерны, ни включение винта вертикального подъема не дали никакого результата. Между бортами аппарата и стенами расщелины было, на первый взгляд, не меньше метра. Теоретически не существовало причин, мешающих всплытию. И тем не менее... Прошло два часа. Сверху, с надводного корабля, спросили, удалось ли продвинуться вперед, назад, вверх. «Всего на дюйм», — последовал ответ. Скрежетала обшивка судна, крошилась порода, «Алвин» не двигался. Он попал в западню. Самым серьезным и неприятным для трех узников-акванавтов, находившихся в этой подводной лодке, было то, что они не знали, в какое именно место аппарата базальт вонзил свои «клыки» и насколько крепко он его держит».

Акванавтам повезло: после долгой борьбы с «клыками» базальтов им все же удалось высвободиться.

Со мной ничего подобного не случилось. Поверхность хребта была ровной, твердой. Я велел командиру «Аргуса» сесть на дно для бурения. Пробурил несколько скважин, убрал образцы в специальный ящик. Затем мы спустились на крутой склон хребта, осмотрели донные осадки, сделали фотографии. Всплыли мы успешно. Под водой находились около шести часов. Популярный отчет о спуске я разместил в стенгазете судна. На следующий день с утра уселся за микроскоп, чтобы изучить поднятые обломки пород и донные осадки. Засмотревшись в «трубу» микроскопа, я не увидел, как в комнату вошли. Услышал только звук шарканья ногами по полу и слова какой-то песенки. Оказывается, танцевали участницы экспедиции геологи — Маола Ушакова и Наталья Келлер. На мой недоуменный взгляд они ответили примерно следующее: «Только что прочитали твой отчет в стенгазете. Это потрясающе! Это не тра-ля-ля, а складный отчет и всё по делу. Мы радуемся за тебя. Молодец!». Я притворно, якобы смущенно, потупил взгляд, ответил: «Ну, ничего особенного», а сам подумал:

«Вот так, и я могу быть поэтом-прозаиком!». И выпятил вперёд на целых два с половиной сантиметра свою тощую грудь. Вот этот отчёт.

*Там, по ту сторону барьера¹
Смотрю на пленку я. На пленку, что два мира разделяет: воздушный и морской.
Десять, сто микронов. Совсем, казалось бы, немного. Но барьер извечный это.
Из воды морской мы вышли, где жизнь рождалась, развивалась.
И, достигнув высоты разумной, вновь мы смотрим в воду.
Разум, дерзость не дают покоя:
Те бездонные пучины, прародительницы жизни,
как Сирены, манят человека.
Спокойна гладь морская.
Но дунул ветер, заиграла плёнка, заплескалось море.
Бежит волна, себя перегоняя.
И тысячи живых существ, под плёнкою играя, гибнут,
вновь миллиарды порождая.
Частицы за частицей, на дно ложась, нам книгу пишут.
Пока читаем эту книгу лишь чрез гладь морскую.
И вот в «гондоле» я. И двух миров граница пред глазами:
вверх смотрю – в родной стихии я, вниз – в чужой среде.
«Десять, двадцать пять», – ведётся счёт.
Лишь после ста осознаю, что вот оно, свершилось!
В запретном мире мы, в чужой среде!
Свет гаснет, сумрак наступает.
К иллюминатору прильнув,
стараюсь осознать подводный мир, знакомый лишь по крохам.
«Двести, двести двадцать. Мы – у дна», – я слышу командира.
Смотрю в окно: песок вокруг. Кораллы, как рожки,
на дне морском лежат.
И рыбка с изумрудными боками, взмахнув пером, песочек возмутила.
Наш «Аргус», как циклоп с двумя глазами, всё глубже проникает.
А вид всё тот же: песок, кораллы, углубления.
Но вот «пятно» из мрака выползает.
Нет! Пока это не то, зачем сюда спустились.
Скользим всё глубже мы, откос всё круче.
И кажется, что не земля, а наш корабль влево наклонился.
Но держится осадок даже на крутом обрыве! Постой, постой!
Ведь то, что вижу я, пригодно для скольжения.
И видится Чегет, склон снежного Эльбруса.
И хочется на лыжи встать и завернуть такой вираж!
А вон и дырки там, истыкано всё дно.
Как будто пятерню вил кто-то опускал.
... И вдруг по телу дрожь прошла – как будто Вагнер дал аккорд:
из мрака скалы показались. Одна, две, три и много скал.*

¹ Под барьером понимается верхняя пленка воды

*С опаской я гляжу вперёд: там бездна за скалой.
Ни дна, ни края не видать.
Удержимся ли мы? Но твёрдая рука «циклопом» управляет.
Седлаем мы скалу.
И бур взрывается в ребро. И слышу
Как-будто зуб гиганту сверлят.
Тем временем смотрю в окно.
Одно, второе существо, как в цирке, выступают:
то вверх пойдут, то вниз,
то в колесе спираль закрутят.
Откуда столько сил и грации у них?
Ведь тело их – одна вода, прозрачно всё.
Лишь чёрные глаза блестят. Неужто жизнь в них держится на том,
что эти крошечные существа атомы сортируют?!
Закончилось жужжание за бортом. Керн плотно упакован.
Скользим опять мы вниз. «Аргус»,
как будто Карлсон, винтами управляет.
И вот опять я слышу голос: «Пятьсот. Пятьсот пятнадцать.
Пора назад».
«До встречи новой, – говорю я, – приду опять!».
Но слабо верю в то, что вновь я в бездну загляну.
... Погасли фонари. Скользим наверх. К Светилу яркому. К друзьям.*

После Барони исследовали подводные вулканические горы Вавилов, Мирсили, Полинуро. Я уже писал, что первые два вулкана торчат из совершенно горизонтального илистого дна на высоту 2700–2800 метров. Их вершины поднимаются на 657 (Марсили) и 732 метров (Вавилов). Вот на эти вершины и «ныряли» мои коллеги-геофизики: Городницкий, Шрейдер, Сборщиков. Меня же, несмотря на мои просьбы, больше не спускали. Хотя мне, литологу, больше всего необходимо было осмотреть осадки вершин. Как показали исследования, эти вершины покрыты рыхлым, чрезвычайно пористым гидротермальным железистым осадком. Этот осадок, выпавший на дно в результате разгрузки гидротермальных потоков, обволакивал неровности дна, сохраняя его форму. Когда «Аргус» садился на казалось бы твердую вулканическую глыбу, он по «брюхо» погружался в этот осадок. Осадок был настолько порист, что, несмотря на то, что на 20–30% состоял из гидроксидов железа и марганца, в воде не тонул!

Гидротермальный железистый осадок это прообраз железных руд. Именно с этой точки зрения он был чрезвычайно интересен мне. Когда Городницкий «всплыл», он передал его мне для изучения. Результаты этого изучения я опубликовал в журнале «Природа» под названием «Железная шапка на горе».

Помимо упомянутых выше вулканов мы изучали и другие объекты вулканической природы, в том числе и Тирренское море, образование которого практически целиком обусловлено вулканической деятельностью. Это показал в своих моделях доктор наук, профессор Л.И. Лобковский. Согласно этим моделям, «носок итальянского сапога» внутренними силами Земли оттягивался в сторону Ионического моря, то есть на юго-восток. При растяжении земная кора растрескивалась и в образующиеся трещины из недр поступало полужидкое

раскаленное вещество – магма, которое мы часто наблюдаем при извержении вулкана Этна по телевизору. Таким образом, сформировались и многочисленные вулканы в юго-восточной части Тирренского моря, образующие современную вулканическую дугу, носящую название Эоловой (или Линарской), которая расположена севернее острова Сицилия. Грандиозное зрелище представляют собой остроконечные конусы, вздымающиеся из морской пучины. Большинство вулканов являются активными, извержения происходили в историческое время, а Стромболи фонтанирует и сегодня.

Здесь же расположен остров Вулкано, давший название всем вулканическим горам Земли. Этот остров известен со времен греческой цивилизации как место обитания бога огня Гефеста (а у римлян – Вулкана). На некоторых геологических схемах этот разлом ограничивает с запада островодужную систему Средиземного моря, что подтверждается исключительно щелочным характером магм так называемой шошонитовой серии. К данной структуре примыкает цепочка островов северо-восточного простирания, включающая острова Аликуди, Филикуди, Панареа, Стромболи. Такая позиция типична для вулканов над зоной погружения океанической плиты под континентальную.

Ниже я привожу описание некоторых вулканов Эолийской дуги, приведенное в книге В.В. Зайкова, «На исторической родине Вулкана» (2008)¹.

«Первое свидетельство об активности Вулкано датируется 5 веком до н.э., а затем извержения происходили каждые 100–200 лет. Небольшие взрывы отмечены в 1831 г., 1873 г. и повторялись с нарастающей силой в 1876–1879 и 1885 гг. Описание последнего извержения опубликовано Г. Меркалли в 1907 г.: «Эруптивная туча состояла из плотной серой массы лапиллей, песка и пепла; она медленно поднималась, приобретая форму цветной капусты или гигантского гриба... Наиболее сильное извержение началось с образования пиниеподобного облака, имевшего абсолютно черный цвет... Крупные черные обломки поднимались выше облака, и в эти моменты облако освещалось вспышками молний, за которыми раздавались короткие резкие раскаты грома». При извержениях выбрасывался пепел, смешанный с угловатыми обломками пород ранних извержений, которые были так раскалены, что светились ночью, но не было признаков жидких выбросов.

В августе 1888 г. произошло новое мощное извержение, выбросившее глыбы пород весом до сотен тонн. Некоторые из них упали в 1.5 км от кратера и были настолько горячими, что подожгли лодки в гавани. После 18 августа извержение с короткими промежутками продолжалось 19 месяцев. Еще продолжали выбрасываться глыбы пород ранних извержений, однако появляются и обломки из свежей лавы. Самые сильные взрывы давали много стекловатых обломков, а также бомб из очень легкой пемзы, заключенных в тонкую оболочку плотного обсидиана. Однако округлые или веретенообразные бомбы, характерные для стромболианских извержений, полностью отсутствовали. При наиболее мощных взрывах бомб вообще не было: выбросы состояли из неправильных глыб свежей, но уже застывшей лавы.»

Вулканы Стромболи, Панареа, Филикуди и Аликуди образуют цепочку северо-западного простирания параллельно побережью Сицилии.

¹ Смирновский сборник – 2008. Фонд им. академика В.И. Смирнова, с. 234–239 (с разрешения Президента фонда проф. В.И. Старостина)

Стромболи возвышается в виде могучей пирамиды непосредственно из моря на 926 м, но поскольку глубина дна более 1000 м, его общая высота 2 км. Кратер вулкана, расположенный на западном склоне, на 250 м ниже вершины, заполнен отчасти лавой, отчасти глыбами. Со стороны вершины горы он ограничен вертикальными стенками, а на западе переходит в широкий ровный склон, опускающийся к морю. Его называют «Скьяра-дель-Фуоко» – огненная осыпь. Этот склон образовался при взрыве, снесшем западную часть постройки. Многие в механизме умеренной, но почти постоянной деятельности Стромболи остаются загадочным. Предполагается, что поверхность склона обеспечивает постоянное удаление вулканических продуктов, которые в ином случае привели бы к закупориванию кратера и подготовке более сильных эксплозий. Кратер имеет три отверстия, которые действуют не одновременно и являются изолированными, глубоко проникающими каналами, допускающими подъем газов и магм. Иногда извержения усиливаются и могут даже создавать угрозу жителям двух селений, приютившихся на противоположной кратеру стороне острова.

Извержение Стромболи в 1930 г. началось с необыкновенно мощных взрывов, грохот которых был слышен на расстоянии 60 км. Над вулканом поднялась эруптивная туча на высоту 2,5 км в форме пинии. Тяжелые глыбы весом до 30 тонн были выброшены на расстоянии до 3 км и разрушили многие дома в селении Джиностра. Тотчас за взрывами и выбросами обломков закупоривавшей жерло старой пробки посыпался плотный дождь из раскаленных добела шлаков. Похожая на страшные раскаленные тучи взвесь из пепла и камней в горячем газе двигалась по руслу как огромная раскаленная лавина и достигла вскипевшего моря. Через 40 минут выбросы прекратились, и в ближайшие 12 часов в море вылились многочисленные лавовые потоки.

Стромболи действует с незапамятных времен и под названием «Стронгиле» упоминается еще древнегреческими и римскими учеными (Аристотель, Страбон, Плиний). В соответствии с этими описаниями мы можем сделать вывод о том, что деятельность вулкана, по крайней мере, в течение последних 2500 лет происходила в том же режиме, что и сейчас. Благодаря выбрасываемым через короткие промежутки времени струям лав и огненного града он заслужил у моряков название «Маяк Тирренского моря».

Первые поселения возникли на островах Липари и Салина в среднем неолите, в конце 5 тысячелетия до нашей эры. Основным занятием островитян была добыча вулканического стекла, которым снабжалось все Западное Средиземноморье. Приходится признать, что уже в то далекое время лодки регулярно «ходили» по морю. Обсидиановая индустрия процветала почти 2 тыс. лет, до наступления бронзового века. С этим периодом связан экономический кризис, обсидиан стал не нужен.

Возрождение жизни происходит во время колонизации островов древними греками, о чем свидетельствуют находки протогреческой керамики и микенских ваз. С этим периодом связана легенда об Одиссее и сиренах. Позже острова попадают в зависимость от этрусков и Сицилийской державы. Пелопонесская война Афин и Спарты позволила властелину Сиракуз освободиться от греческого влияния. Начинается эра пиратов, снабжавших греческие колонии рабами.

Во время Первой пунической войны между Карфагеном и Римом Липари служили базой флота для Ганнибала. Однако в 260 г. до нашей эры молодой римский флот одержал первую победу при Липари и поселения на острове были разрушены. Имеются свидетельства существования стратегической базы Октавия на Липари во время борьбы с Помпеем.

В I–II веках нашей эры народы Средиземноморья впервые в истории оказались в пределах одной державы – Римской империи. Были стерты границы между бывшими государствами, которые стали римскими провинциями, войны и морской разбой были прекращены. Таким образом, были созданы условия для экономических и культурных связей между различными областями Средиземного моря. Это привело к прогрессу сельского хозяйства, ремесла, строительного дела, внешней и внутренней торговли. В построенной крепости стоял гарнизон, а острова использовались как место ссылки, в том числе влиятельных особ: жены императора Каракаллы, императоров Алларио и Онорио.

В 543 г. готы основали базу на Липари, а в конце столетия была построена церковь Святого Варфоломея. Но начавшееся извержение на Липари в 729 г. стерло с лица земли городки, люди покинули архипелаг на два столетия. Возрождение поселений на острове связано с норманнским Сицилийским королевством, правитель которого Рожер II организовал в 1083 году монастырь бенедиктинцев. В поселения вернулась жизнь, чему способствовала выданная папой Урбаном II привилегия островитянам в торговле серой, пемзой и квасцами.

Мирная жизнь прекратилась после возникновения пиратских баз. Важное стратегическое положение островов стало использоваться пиратами, между ними даже происходили крупные столкновения. В 1544 г. пират «Красная борода» атаковал, сжег и разграбил Липари, всех уцелевших жителей (8 тысяч человек) продал в рабство, что поразило христианский мир. Чарльз V, король Испании, решил исправить положение: разогнал пиратов, построил вокруг Липари мощную крепостную стену, населил остров выходцами из южной Италии и Испании. Однако люди продолжали жить в тревожном ожидании террора и вторжений вплоть до XVIII века. Смутное время правления Бурбонов и австрийцев закончилось после гарибальдийского восстания и воссоединения Италии.

Сегодня на всех островах живут люди, иногда по соседству с извергающимися жерлами. Экономика базируется на туристическом бизнесе, дороги и маршруты проложены по всем вулканам, острова посещают десятки тысяч людей. Кроме природных памятников природы действует Эолийский археологический музей, в котором можно познакомиться с бурной историей архипелага. Будет возможность – посетите родину Вулкана!»

3.10. ПРОГУЛОЧНО-НАУЧНАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ НА ГЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС

Россия, как обычно, «долго запрягала, но быстро ехала». В Академии наук знали, что 41-ый Геологический конгресс состоится, но к нему не готовились:

не было денег. Затем, за несколько месяцев до начала спохватились и решили направить ученых в Рио-де-Жанейро, где происходил конгресс, на судне «Академик Иоффе» (2000 год). Ходу от Калининграда до Рио-де-Жанейро почти 30 дней. На подготовку экспедиции оставалось то ли неделя, то ли две. Бросили клич по всей России: «Кто готов представить доклады и новые идеи, собирайтесь в Калининграде на судне и будете участвовать в работе конгресса». Не все были готовы. Тогда были спущены разнарядки: такому-то институту послать на конгресс одного ученого, такому-то два. Некоторые сибиряки приехали в Калининград вообще без докладов. Все должны были иметь иностранные паспорта и медицинские справки. Если чего-то не доставало, дооформляли здесь, в Калининграде. Я к конгрессу был подготовлен заранее: тезисы моих докладов были опубликованы, я получил от Организационного Комитета конгресса грант на проживание в Рио, на руках были готовые доклады. На конгресс я решил не лететь, а идти со всеми вместе на судне «Академик Иоффе». Переход через океан меня привлекал еще и потому, что на ходу судна я решил работать: изучать рельеф дна и измерять мощность осадочной толщи при помощи профилографа «Парасаунд». Этот прибор не только для россиян, но и для океанологов всего мира был уникален. Всего их на научных судах было семь комплектов, в том числе два на наших судах «Академик Сергей Вавилов» и «Академик Иоффе». Грех было их не использовать при пересечении Атлантического океана.

Вышли мы из Калининграда. Когда проходили по Кильскому каналу, народ «глазел» на окрестности, на дачные домики и мирно отдыхающую за столиками публику. В Северном море я включил эхолот ЭЛАК и «Парасаунд». Моя работа началась. Приборы работали круглосуточно. Все светлые сутки, а также по вечерам я дежурил у приборов, делал соответствующие отметки и записи. На ночь сил у меня не хватало. Я попросил электронщиков поставить в мою жилую каюту монитор и вывести на него запись «Парасаунда». Когда это было сделано, я корректировал записи и ночью: открою глаз, вижу, что работа идет нормально, закрою опять. И так все ночи, в течение всего похода. А он длился 25 дней. Правда, на траверсе речного конуса Амазонки запись прерывалась на гидрологических станциях, на которых гидрологи во главе с начальником экспедиции А.В. Соковым при помощи специального прибора «Розетта» зондировали водную толщу.

Все «конгрессмены» по пути готовили свои доклады. Их мы опробовали прямо здесь же, на судне перед своими товарищами. Заседаниями таких научных советов руководил директор Геологического института РАН в Магадане член-корреспондент РАН В.И. Гончаров. Ему в этом активно помогал сотрудник Государственного Геологического музея им. В. И. Вернадского Ю.В. Миронов. Так что подготовка докладов и их опробование шло очень активно и во многих случаях успешно. Пишу «во многих», так как некоторые «конгрессмены» приехали на судно без достаточного количества научных материалов без иллюстраций к докладам. В Рио поставили нас в центре порта у хорошего (удобного) причала. Руководство экспедиции и Гончаров посетили офис конгресса. Выяснилось, что наши «конгрессмены» не оплатили организационный взнос – по 300 долларов США за одного участника. А без взноса участвовать в работе конгресса нельзя. Обратились за помощью к органи-

затору экспедиции вице-президенту Российской Академии наук Анатолию Павловичу Лавёрову. Однако и ему договориться с Организационным комитетом не удалось. Было еще раз сказано: «Кто не заплатит, в зал не войдет». У меня проблем не было, так как за меня было заплачено заранее. Кроме того, меня ожидало место в гостинице, которая была Организационным комитетом забронирована для участников, получивших финансовую поддержку – грант. В гостинице я проживал с учеными из Болгарии и Нигерии (три человека в комнате). Я сразу же получил «бэджик» участника конгресса и пошел в зал на его открытие. Там встретил тех «крутых» российских ученых, которые уплатили за себя организационный взнос. Наша судовая научная команда с «протянутой рукой» все еще находилась за дверью. Так продолжалось, кажется, три дня. Те ученые, у которых были личные деньги, могли уплатить уменьшенный (студенческий) взнос (по 100 долларов). Так что некоторые солидные доктора наук и профессора ходили по залам с надписью на груди «Студент». Не буду описывать работу самого конгресса. Это для читателя неинтересно. Скажу только, что многие из нас активно общались с учеными разных стран, устанавливали нужные контакты, обменивались научными материалами. Доклады российских участников конгресса В.И. Гончаровым и Ю.В. Мироновым были опубликованы в отдельной книге. Я свои доклады опубликовал в других, более престижных изданиях, в том числе и в книге «The barrier zones in the ocean» (Springer, 2005).

Конгресс проходил в Дворце конгрессов, расположенном на окраине Рио. Из центра города в конгресс-холл мы ездили на специальных автобусах. Помимо большой загруженности улиц машинами нас всегда удивлял запах воздуха: около 80–90% всех автомашин в Рио заправлялись не бензином, а спиртом, запахом которого был «пропитан» весь город.

Конгресс – столпотворение геологов. Заседания одновременно проходили в пяти-восьми секциях. Приходилось много бегать по разным залам на выбранные доклады. Я тоже сделал один доклад.

Рядом с залами заседаний – большой выставочный зал. В отдельных кабинетах этого зала каждая из стран показывала свои достижения в геологии. Бразильцы демонстрировали (и раздавали в качестве сувениров) свои драгоценные камни. Особенно богата Бразилия изумрудами. Но их продавали. А в качестве сувениров раздавали друзья розоватых аметистов и некоторые другие, не очень ценные минералы.

Почти все мы побывали на Сахарной голове (гора Каркавадо) у огромной скульптуры Христа с распростертыми в стороны руками и, конечно, купались на знаменитом пляже Копакабана.

На этом пляже многие из делегатов конгресса лишились либо фотоаппарата, либо портфеля, либо сумочки с деньгами и документами, которые неожиданно оказывались у делающих зарядку мужчин, пробегающих мимо делегатов. Бывало, бежит в трусах человек мимо, нагнется, подхватит портфель или сумочку и бежит дальше. Пойди, догони.

Конгресс, помимо интересных научных докладов и встреч с учеными, запомнился мне карнавалом. Такой мини-карнавал (концерт) был устроен и для нас. После окончания концерта разнаряженная публика ансамбля спустилась со сцены к нам, зрителям, и пригласила «праздновать» вместе с ними. Я не

удержался и «пошел в пляс». Обхватив за голую талию очередную танцовщицу, я пытался крутить своими бедрами в такт музыке и шагать, пританцовывая вместе со всеми. Веселье было сверх моих возможностей. Но я продержался в танце до конца – танцевал ламбаду почти полтора часа. Говорили, что у меня получилось.

В один из поздних вечеров я как-то зашел в кафе на пляже Копакабана. Меня пригласил за свой столик директор Института литосферы РАН член-корреспондент Н.А. Богданов. До этого мы виделись в России несколько раз, но мельком. Лично не разговаривали. Когда я присел, мой визави сказал, что знает меня заочно, и пояснил: «Я был членом ВАКа, когда утверждали вашу диссертацию. Скажу откровенно, было много сложностей. Но в итоге мы вас утвердили». Я сказал Никите Алексеевичу, что мне известно, что знаменитый геолог, академик РАН после моей весьма успешной защиты докторской тайно написал на меня кляузный отзыв с рекомендацией не присуждать мне степень доктора наук. И из-за этого моя диссертация пролежала в ВАКе не положенные три месяца, а целых четырнадцать. Рассказав друг другу несколько анекдотичных случаев из жизни ученых, выпив по бокалу красного вина и по чашечке совсем не крепчайшего кофе, мы разошлись. Через несколько лет, с великим прискорбием, я узнал, что Никита Алексеевич Богданов ушел от нас навечно.

Находясь в Рио, конечно мы гуляли по городу.

Как известно, все начинается и все кончается. Закончился и конгресс. Мы снова в пути. Снова наш корабль режет своим форштевнем океанскую гладь, а иногда и волны. Я опять слежу за эхолотом и за «Парасаундом». Помимо меня на судне находились мои сотрудники А.А. Пустовой и Н.П. Лукашина. По пути в Рио они оба не работали, а полностью предавались неге. Когда Гончаров узнал, что это мои сотрудники и что они не помогают мне нести вахту, он с большим удивлением спросил: «И вы им позволяете не рабrotать? И их не увольняете?» После этого я поговорил и с А.А. Пустовым и с Н.П. Лукашиной. Оба они отказались помогать мне, мотивируя отказ тем, что за питание на судне дополнительно уплатили по 5 долларов США в сутки и рассматривают свой вояж как частный, оплаченный за счет своих средств (хотя это и не соответствовало действительности: за А. Пустового 5 долларов платил Геологический музей им. Вернадского). И тогда я им напомнил, что вояж на таком роскошном судне, как наше, стоит не 5, а 100 долларов в сутки, и что эти 95 долларов уплатил за них институт. Сказал также, что работа, которую я, заведующий лабораторией и профессор выполняю, является не моей частной работой, а плановой, предусмотренной программой института. Лишь после этого разговора они согласились присматривать за приборами, но только днем в течение 4-х часов, в удобное для них время. Но и тогда они несли вахту неаккуратно, часто и надолго отлучались из лаборатории и не ставили отметки на лентах приборов и в журналах. В 2000 г. перестройка была в полном разгаре, и разврат сотрудников и распад государства успешно продолжались. Шёл 2000-ый год, был стык двух тысячелетий.

Материалы, полученные в этом прогулочно-научном рейсе, оказался крайне интересным. Я их использовал в двух научных работах по изучению придонного антарктического течения в юго-западной части Атлантики. Одна работа опубликована на английском языке, вторая – на русском.



На 8-ом Литологическом совещании в Москве (1968 г.). Во втором ряду (справа налево): Г. Богоров, А. Ильин, Е. Емельянов, и В. Кадун ас (Вильнюс)



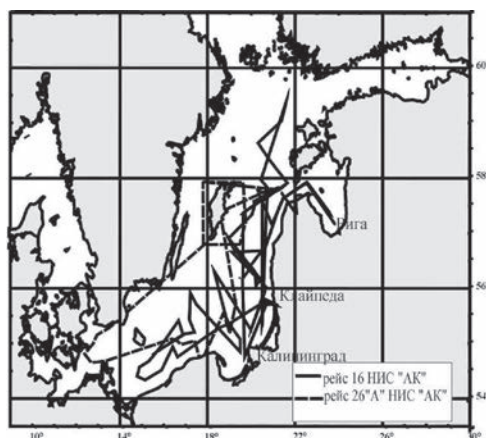
На геологическом конгрессе в Москве (1984 г.). Во втором ряду справа налево друзья – пока еще единомышленники А Григалис (Вильнюс), В. Лукашев (Минск), Е. Емельянов (Калининград), А. Гайгалас (Вильнюс)

3.11. ЭКСПЕДИЦИИ В БАЛТИЙСКОМ МОРЕ ВО ВРЕМЯ ПЕРЕСТРОЙКИ

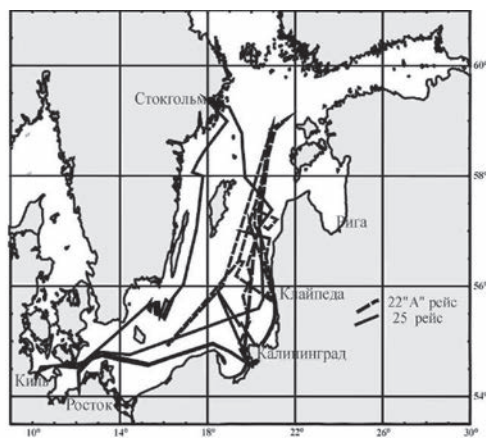
Экспедиция по Балтике. Весна 1991 года. Перестройка началась. Народ страны (тогда еще СССР) волнуется, беспокоится. Сплошные дебаты по радио, телевидению, в газетах. Огромные очереди у «амбразур» магазинов за водкой (сухой закон еще не отменен). В нашем институте – тоже неопределенность, суматоха: финансирование научных исследований сильно сокращается. Вместе с тем идет приватизация заводов, отелей, портов, служебных зданий, магазинов. Кажется, что страна рушится, и что все сошли с ума. Что делать, куда идти, как сохранить свое положение в экономике, в жизни?

Наши большие, практически новые исследовательские суда стоят в порту. На экспедиции денег либо нет, либо не хватает. А ведь мы привыкли за счет государства (то есть народа) ходить в тропики, за «тридевять земель», заходить в теплые страны. И вдруг это все прекратилось! В этот смутный для нашей страны год нам вдруг разрешили короткую экспедицию в Балтийское море на крупнейшем судне «Академик Сергей Вавилов» (9-ый рейс). Это судно, как и судно «Академик Иоффе» снабжено интересным для нас, седиментологов, параметрическим сейсмическим профилографом «Парасаунд». До этого с аналогичным прибором не только мы, но и ученые других стран на Балтике еще не работали. Экспедицию возглавил Глеб Николаевич Батулин, специалист по рудообразованию. Его заместителем был я. Основной задачей было изучение процессов железомарганцевого рудообразования. Мы вышли из порта Калининград и с работами пошли в Стокгольм. Там к нам на борт подсади двое молодых шведских ученых. Погуляв в Стокгольме пару дней, мы направились на юг к Борнхольмской впадине. Здесь по просьбе шведской стороны отобрали несколько длинных колонок. То же самое сделали в Арконской впадине. Для высадки шведов зашли в Копенгаген. После Дании мы направились в Финский залив с остановками на конкреционных полях для отбора проб донных осадков и конкреций. В восточной части Финского залива обнаружили пласт сцементированных погребенных конкреций («конкреционную мостовую»), что явилось новым для Балтики. Ранее погребенные конкреции в таком количестве не обнаруживались. Данные об этой находке опубликованы Г.Н. Батулиным. Выполнив работы на конкреционных полях, мы пошли в сторону Калининграда. По пути при помощи «Парасаунд» измеряли мощность отдельных осадочных слоев на дне.

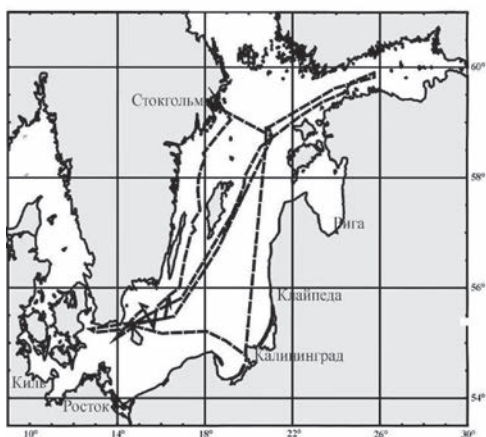
Для организации следующей экспедиции на крупном судне по Балтийскому морю мы начали искать спонсоров. Нашли. Бросили клич: «Кто хочет участвовать в морской экспедиции, собирайтесь! Несите деньги. кто сколько может» Нас услышали, стали нести. В качестве добавки к государственным средствам собрали достаточную сумму. Составили списки участников. И началась подготовка к походу по следам викингов. Но, в отличие от этих смелых мужчин и храбрых воинов, у нас вместо серых деревянных ладей имелся большой, белый, красивый пароход со специально к рейсу сделанными надписями на борту – крупным шрифтом были указаны основные спонсоры экспедиции, и более мелким – перечень тех кооперативов и организаций, которые заплатили наше-



16 (05.10.73 - 31.10.73) и 26 "А"
(25.06.78 - 17.07.78)
рейсы НИС "Академик Курчатов"



22 "А" рейс НИС "Академик М. Келдыш"
(16.11.76 г)
25 рейс НИС "Академик Мстислав Келдыш"
(25.09.91 - 17.10.91)



9 рейс НИС "Академик Сергей Вавилов"

му институту за участие в экспедиции. Главным спонсором экспедиции был СП «Марин инженеринг сервис». Эта организация имела право пригласить на борт НИС «Академик Мстислав Келдыш» 42 участника. Среди них были такие известные в Калининграде люди, как Я. Г. Кузин, актер драмтеатра Т.М. Матеулин, архитектор Н.П. Фролов, геофизик В.И. Аристов, создатель Калининградского канала «Каскад» О. Котовская, и многие другие. Коммерческую группу возглавлял представитель Калининградского технического института профессор Розендент, назначенный к тому же заместителем начальника экспедиции. Начальником экспедиции, которая шла под номером рейса 25А (осень 1991г), была назначена Ольга Иолиевна Кобленц-Мишке, а первым заместителем начальника – Е.М. Емельянов.

Впервые мы, океанологи – профессионалы, оказались в такой полупраздной экспедиции. Пришлый народ (группа спонсоров) вышли в море смотреть, гулять, отдыхать. У нас же основной была задача изучения первичной продукции, процессов хемосинтеза и тяжелых металлов в осадках дна. Эти премудрые названия можно объяснить проще: мы изучали морские водоросли, поглощающие из осадков газы, и распределение металлов в донных илах. Работали мы относительно мало. Маршрут экспедиции для удовлетворения «отдыхающих» участников был в основном «прогулочным». Из Калининграда мы пошли в Росток, Германия. Эта страна уже объединилась и представляла единое государство. Интересно было наблюдать за немцами, как они толпились в новых, только что открытых на территории бывшей ГДР крупных магазинах. Западные фирмы завезли в эти магазины дешевые товары и в них, как и у нас в последние годы существования СССР, народ толпился, покупая дешевую одежду. Смешно было наблюдать, как в субботу, когда магазины были закрыты, на освещенные ярким осенним солнцем улицы Ростoka вышли почти все жители этого небольшого города, и почти каждый второй был одет в черную кожаную куртку, приобретенную тут же в Ростке в новых магазинах.

В целом, народ гулял на улицах с радостной улыбкой: было видно, что местные жители довольны тем, что «стена» рухнула и они могут в конце концов свободно поехать в западную часть страны. В Ростке было много и западных немцев. Они были узнаваемы по другой одежде (не в кожаных куртках), несколько иным манерам. Все гуляющие по городу, включая и нас, ели неизменные немецкие сосиски с капустой или гороховой кашей и запивали неизменным немецким пивом. На улицах царили мир и спокойствие.

После Ростка с редкими остановками по пути для забортных работ мы вдоль берегов бывшей Советской Прибалтики направились в Стокгольм. Этот город соответствовал холодному духу скандинавов: тишь, порядок и никакой суеты. Члены экспедиции разбежались по городу, и что казалось странным, уже не строго «тройками», а по два человека или даже по одному.

Вечером приходим на судно. У трапа вместе с дежурным офицером судна стоят полицейские и таможенники. Спрашивают у каждого: «Водка, сигареты есть?». Оказывается, многие из спонсорско-коммерческой группы прихватывали с собой не только по дополнительной пачке сигарет, но и по одной-две бутылке водки. Ее они использовали в качестве обменной валюты. Полиция, поймав некоторых из них на обменных операциях, пришла к капитану за объяснениями и штрафом. Пришлось уговаривать и угощать, после чего полицейские и таможенники ушли с судна без штрафа. Не стану описывать обстоятельства нашего общения с шведскими учеными, так как они практически не отличались от наших общений во время более ранних экспедиций.

После Стокгольма, на радость спонсорам-туристам, мы двинули в сторону Киля. Это – уже типичная Западная Германия. Город встретил нас без суеты. Со своей группой геологов я двинул в уже знакомый мне Геологический институт Кильского университета. Мои коллеги, профессор М. Сарнтхайн и доктор Ф. Кёглер, дружелюбно встретили нас. Осмотрев лабораторию и обсудив наши общие научные дела по Балтике, мы отправились в город. Везде чистота и порядок. Сходили в аквариум, погуляли по паркам. Некоторые из наших спонсоров покатались на велосипедах, благо здесь везде имеются велосипедные дорожки.

За вечерним чаем в моей каюте Н. Фролов рассказывал, как они с Т. Матеулиным ходили в местный драмтеатр и как там Тахир Мусеевич, дабы соблазнить немцев на приглашение труппы Калининградского театра на гастроли в Киль, по просьбе руководителя этого театра прочитал монолог Ивана Грозного. Фролов говорил, что это было потрясающе.

После Килия мы уже без работ направились в Калининград. По пути – прощальный ужин, обмен адресами, обещания заходить и звонить. Всего этого (заходов и звонков), конечно, не было, все занимались своими делами. Но после экспедиций в течение нескольких лет при встречах мы обсуждали наш поход «по следам викингов» с Т. Матеулиным и А. Фроловым. Встречался мне в Калининграде и молодой спонсор – кооператор, фамилию которого я запомнил. Он запомнился мне тем, что в кают-компанию часто приводил свою жену, директора кооператива, в котором он работал, с подбитым глазом. Спустя несколько лет я узнал из газет, что один молодой человек, сидящий за рулем автомобиля, не уступил дорогу второму, такому же молодому и ретивому, как и он сам, дорогу. Поспорили. Один из них выхватил из кармана пистолет и несколько раз выстрелил в несговорчивого водителя. Стрелка поймали, судили. Выяснилось, что это мой знакомый по экспедиции. Вот с такими спонсорами нам тоже приходилось искать новые пути выживания науки в период перестройки.

Во время одной длительной стоянки наших больших судов мне удалось договориться с руководством института провести небольшую, всего 25 суток, экспедицию в Балтийском море на судне «Академик Мстислав Келдыш» с использованием погружаемых обитаемых аппаратов «Мир». Ранее я тоже делал попытки организовать подобные экспедиции, но ответственный за работу на «Мирах» А.М. Сагалевич не соглашался, мотивируя это тем, что вода в Балтике мутная и мы там ничего не увидим. Но в начале перестройки аппараты оказались свободными. Было решено наши исследования сосредоточить в Северной Балтике, где имеются обрывистые формы рельефа дна – так называемые глинты. Они не были покрыты осадками, и коренные скальные породы можно было наблюдать из иллюминатора и отбирать образцы пород для последующего изучения. Командиром ГОА «Мир» был Евгений Нечаев. Мы составили с ним график спусков, оговорили маршруты. Несмотря на то, что глубины на Балтике – 100–200 м, мы планировали находиться под водой у дна 6–8 часов. Спустившись первым, я попал во впадину, несколько в стороне от обнаженных твердых пород. Вода была мутная, но не настолько, чтобы ничего не видеть. «Мир» равномерно работал гребными винтами, и мы проплывали над дном на расстоянии двух-трех метров со скоростью примерно три-четыре километра в час. На дне темно-серый ил. Вдруг, по мере продвижения нашей батисферы, он начал желтеть. Когда я дал команду взять металлической трубкой колонку этого желтого ила, выяснилось, что желтым является лишь верхний миллиметр ила, а ниже ил черный и содержит сероводород. Желтая пленка – это так называемый бактериальный мат (пленка, состоящая из соединений серы, кислорода и железа, она образуется при малом количестве кислорода в результате бактериальной деятельности). Ранее ничего подобного в Балтике не наблюдали. Идем дальше. Дно то бело-желтое, то желтовато-белое, то серое. На дне полно организмов. Это так называемые изоподы (*Mesodotea entomon*), маленькие ракообразные величиной в 2–5 см. Они прыгали по илу, взмучивая его. Ранее я никогда их не видел. Сейчас я понял, кто

перемешивает донный ил, как он перестает быть микрослоистым и становится однородным по всей длине колонки.

В других погружениях на «Мирах» были осмотрены вертикальные уступы – глинты высотой 5–10 м. Они состояли из мергелистых пород (со следами растворения известкового вещества) и из песчаников. Кое-где были видны большие пустоты – гроты. На всех глинтах были отобраны образцы обломков пород для их изучения. Материалы экспедиции позволили нам уточнить характер глинтов и состав слагающих их пород. Все восемь спусков в районе глинтов прошли успешно и плодотворно. Последний спуск мы осуществили в Готландской впадине, где наблюдателем был не геолог, а гидрофизик (директор нашего отделения ИОРАН В.Т. Пака). Он упросил меня разрешить спуститься на дно и попытаться обнаружить там утопленный в одной из предыдущих экспедиций дорогой прибор – зонд. Я дал ему задание понаблюдать не только за дном, но и за водной толщей. Он должен был видеть мутный слой на границе кислородных и сероводородных вод. Выяснилось, что они сели сразу на илистое дно, подняли опорами «Мира» облако илистой мути, ничего там не увидели и вновь всплыли. Никакого прибора они, конечно, не нашли. Мутного слоя Вадим Тимофеевич тоже не увидел. Отчет о спуске представлен не был. Спуск стоимостью около десяти тысяч долларов прошел впустую.

3.12. ЭКСПЕДИЦИЯ ПО РЕКЕ АМАЗОНКЕ

«На далекой Амазонке не бывал я никогда» – нам уже не придется спеть эту песенку на слова Р. Кипплинга. Мы побывали на Амазонке несколько лет назад на научно-исследовательском судне «Профессор Штокман» Института океанологии АН СССР (9-ый рейс), провели работы в притоках, озерах, самой Амазонке, пройдя более 2000 км вверх по ее течению. После этой экспедиции были многие другие места, города, люди. Но память возвращала нас в то незабываемое время, на берега великой реки. Мы собирались, вспоминали. Мы чувствовали потребность поделиться впечатлениями и не успокоились, пока не выплеснули их на листы бумаги¹.

Река без берегов, «Профессор Штокман», осторожно маневрируя, медленно продвигался по узким извилистым протокам, соединяющим реку Пара с Амазонкой.

Глубокие, позволяющие без опасений проходить и океанским судам, протоки в то же время были настолько узкими, что казалось, протяни руку – и ты прикоснешься к веткам экзотических растений, зеленым коридором выстроившихся вдоль берегов...

Ни следа не осталось от проплывающих за бортом ярких тропических пейзажей. Вместо них раскинулась безбрежная и пустынная водная гладь. И как

¹ Описание экспедиции по реке Амазонке дается по неопубликованной рукописи В. А. Чечко и В.Л. Стрюка «Амазонка далекая и близкая» (с разрешения авторов). Капитаном судна был Р.И. Казак, начальником экспедиции В.В. Гордеев (1983 год).

пристально мы ни осматривались, даже на окутанном утренним дымком горизонте не угадывались очертания берегов. Что это? Мы опять повернули в океан? Если нет и мы по-прежнему на реке, то где ее берега?

Тем временем кто-то уже успел подняться на мостик и стало известно, что ширина русла Амазонки здесь 50 километров, так что низкие пологие берега на таком расстоянии вряд ли удастся увидеть. Глубина, которую показывал эхолот, также не вписывалась в привычные речные характеристики: 70, 90, а то и все 100 метров до дна – цифры вполне внушительные, не так уж и много рек с такой глубиной встретишь на Земле.

С первых же минут пребывания на великой реке удивила еще одна особенность: после недавно еще чистой и прозрачной ультрамариновой воды Атлантики за бортом «Штокмана» бурлили, пенились, куда-то торопились мощные потоки желто-коричневой, грязно-белой воды. Было в них нечто притягательное и интригующее, своя суровая красота. Они наводили мысли на тайны, и, казалось, именно в этих темных пучинах и может быть сокрыт от человеческого глаза особенный мир, неведомая жизнь.

Многие известные реки, иногда называемые великими, в сравнении с Амазонкой кажутся просто жалкими ручейками. Достаточно сказать, что она выносит в океан воды в десять раз больше, чем наш Енисей или в полтора – чем все реки бывшего Советского Союза вместе взятые. Амазонка уверенно занимает первое место по стоку, величина которого около 5700 кубических километров в год. На втором месте, как известно, находится африканская река Конго (около 1260 кубических километров в год), однако по количеству выносимой воды она уступает не только самой Амазонке, но и ее притокам Мадейре и Риу-Негру. А всего у Амазонки более 1000 притоков, из которых 17 протянулись на 1600 с лишним километров, т.е. сами являются крупными реками.

Продвигаясь вверх по Амазонке, исследуя ее притоки, мы имели возможность убедиться, что цвет воды в разных местах неодинаков. Мы встречали красноватые и коричневатые, желтые, белые и черные воды. Такое разнообразие в цвете амазонским водам придают входящие в их состав минеральные и органические вещества, которые река собирает, протекая через разные по возрасту и составу породы.

В соответствии с количеством этих веществ, реки бассейна Амазонки делятся на белые и черные. К белым относится сама Амазонка, Мадейра и другие ее притоки, текущие со склонов Анд и других горных областей. Черные реки – это прежде всего Риу-Негру, а также притоки Амазонки, текущие по древним кристаллическим породам Бразильского и Гвинейского нагорий. Вода в них темная, похожая на крепкий чай или черный кофе, она лишена вредных микроорганизмов и, по утверждениям бразильцев, чрезвычайно полезная для человека.

Пожалуй, одно из самых удивительных явлений мы наблюдали в районе слияния двух рек – собственно Амазонки и ее притока Риу-Негру. Здесь темные воды Риу-Негру, попадая в русло Амазонки, не смешиваются с ее белыми водами, а текут рядом, образуя четкую границу. Приближаешься то к одному, то к другому берегу, граница извилистой линией протягивается вниз по реке на десятки километров. Как непримиримые соперницы, две реки текут в одном русле, пытаясь потеснить, прижать к берегу, оттолкнуть друг друга. И так продолжается не одно столетие. Еще Франсиско де Орельяно во времена своей

экспедиции в середине XVI века с удивлением отмечал, что протяженность границы между двумя типами вод составляет почти 110 километров.

Помимо колоссальных размеров, больших глубин, красочных вод имеется еще одна бросающаяся в глаза отличительная особенность Амазонки. Это плывущие по реке деревья, коряги, отдельные пучки и целые островки травы, тростника, цветы. Эти неизменные атрибуты великой реки начали встречаться уже в устье, а с нашим продвижением вверх попадались все чаще, при этом островки травы становились заметно крупнее – уже настоящие зеленые луга с кустарником, небольшими деревьями и птицами плыли по воле ветра и течения. Рано или поздно плавающие луга попадут в океан, долго будут блуждать там, пока шторм не разорвет их в клочья. Там и исчезнут бесследно свидетели и плоды неустанной работы Амазонки, ее мощного течения, а также гремящей волны – пороки, которая подмывает речные берега.

Если с порокой мы не встречались (во всяком случае с той страшной волной, какой ее обычно представляют), то силу течения Амазонки на себе испытывали не однажды. Якоря ползли по дну, течение то и дело сносило судно на станциях, когда работы нужно было выполнять в одной точке. А сколько пришлось помучиться с забортными измерениями! Приборы никак не шли на глубину, а сносимые течением то и дело запутывались в плывущих лугах, в любой момент их могли испортить, разбить или оторвать дрейфующие деревья.

Не обошлось без приключений и первое купание. Конечно же, купаться на Амазонке – дело рискованное, но кто же устоит против такого соблазна! Первые смельчаки, во главе с капитаном на одной из остановок решительно прыгнули с борта и ... стали быстро удаляться от судна, отчаянно работая руками. Выгрести против течения даже самому сильному пловцу оказалось не под силу, и шлюпка, временно спущенная на воду, подобрала не на шутку испугавшихся пловцов.

Все же находясь на судне, нельзя увидеть, понять всю сложную систему, именуемую Амазонией. Только сверху открывается неповторимая панорама раскинувшегося поперек всего южно-американского континента гидрографического дерева Амазонки, корни которого омывает Атлантика, а ветви протягиваются чуть ли не до Тихого океана. Весь этот удивительный бассейн, занимающий почти половину Южной Америки и по площади в 14 раз превышающий территорию Франции, вдоль и поперек рассечен реками и речушками, изрезан бухтами, опутан сложным и затейливым переплетением бесчисленных протоков, усыпан зеркалами озер и пятнышками зеленых островков.

Край неузнаваемо преобразается зимой, когда наступает пора дождей, пора половодья. Это нелегкий период, большое событие в жизни населения, зверей, птиц и рыб Амазонки. Невообразимые по масштабам пространства лесов, полей и лугов оказываются под водой – как-никак перепады воды между сухим и влажным периодом иногда достигают двадцати метров! Одни обитатели сельвы в таких случаях находят приют на деревьях, другие переселяются на участки посуше, покидая на 3–4 месяца обжитые места. Только для рыбы это самое благодатное время. Она разбредается по затопленной сельве, где пищи вдосталь, и попробуй, поймай ее там. Нелегко пришлось нашим биологам – плавали-то мы в сезон дождей!

Как-то на корме удобно устроились любители рыбной ловли, и вся компания с интересом наблюдала, как они забрасывали свои донки и удочки в мутные

воды реки в надежде вытащить оттуда что-нибудь уж совсем необыкновенное. И, надо сказать, это им удавалось – иногда, ко всеобщей радости, на палубе появлялись действительно необычные и редкие обитатели амазонских пучин, которые не были известны ни нашим, ни бразильским специалистам.

Мы обратили внимание на какое-то оживление в стане рыбаков. Еще недавно находившиеся в застывших позах, они пришли в движение, слышались их громкие, возбужденные голоса, восторженные восклицания. Нам, конечно, захотелось узнать, что же там случилось, что могло нарушить покой рыбаков-любителей. Все стало ясно, как только мы возвратились на корму. Оказывается, они всего-навсего ловили рыбу. Но как ловили! Зрелище было впечатляющим. В воздухе мелькали руки рыбаков, удилища, лески, одна за другой пролетали пойманные рыбки. Несколько человек тут же сбегали за снастями, и рыбалка разгорелась с новой силой. Рыбы по несколько штук с какой-то яростью налетали на наживку, брали ее сразу, без разбора, пытались вырвать изо рта у своих соперников, нападали друг на дружку. Наиболее отчаянные, а может быть, самые голодные из них, выпрыгивали из воды, стремясь поймать крючок с мясом даже в воздухе.

Вода возле борта буквально кипела от огромной стаи обезумевших хищников, в которых на наших глазах превратились небольшие симпатичные рыбешки. В ней уже нельзя было разглядеть отдельных рыб, кишачий косяк походил на некое дикое и страшное чудовище, извивающееся и сиюминутно изменяющее цвет и форму гигантского тела, со всех сторон покрытого шевелящимися хвостами, плавниками и зубастыми пастями. Мурашки бежали по коже от одной только мысли очутиться в это время за бортом.

Правда, нашествие это продолжалось недолго. Вся стая скоро ушла, а на палубе осталась целая куча подцепленных на крючок их сородичей. Они были совершенно одинаковы, с серебристой чешуей и розоватым животиком, размером чуть больше мужской ладони и напоминали наших карасей. У некоторых остались следы недавнего неистовства в виде свежих ранок на теле, обглоданных плавников и хвостов.

Тем временем подошли бразильцы, и один из них, едва взглянув, воскликнул: Каридо! Так в Бразилии иногда называют пираний, снискавших дурную славу своей кровожадностью и стоящих в числе самых опасных рыб Амазонки. Сейчас они лежали на палубе, ничем не примечательные и как будто безобидные рыбешки. Но в те моменты, когда, судорожно работая челюстями, они приоткрывали рот, обнажая ряды острых крепких зубов, вид их преображался, становился грозным и хищным. Именно такими, с открытой зубастой пастью, мощной удлиненной нижней челюстью и изображают пираний на рисунках в приключенческих книгах да описывают в своих рассказах путешественники.

Осторожно, чтобы не пораниться, собрали рыбу в ведро. Несколько штук оставили для биологов, которые находились на берегу, остальные сообщая почистили и отдали на камбуз. Спустя час мы с удовольствием уплетали замечательную уху из пираний, приготовленную поваром Юрием Худяковым.

В списке опасных обитателей Амазонки пираньи занимают одно из первых мест. Истории и легенды о них выглядят одна ужаснее другой. В них пираньи то предстают безжалостными чудовищами, в считанные минуты расправляющиеся с быком, зашедшим в реку утолить жажду, и оставляющими от него

лишь скелет, то лихо охотятся на кайманов и крокодилов, заставляя последних трусливо бежать, то обглаживают до костей случайно упавшего в воду человека. Впрочем, судя по рассказам, любому живому существу, попавшему в Амазонку, нет спасения от пираний, его ожидает неминуемая гибель. Когда-то, по преданиям, у некоторых индейских племен существовал специальный способ мучительной казни пленных врагов. Их привязывали к столбу, установленному в реке, и пираньи приводили в исполнение смертный приговор.

К концу экспедиции таррафой, сетью, неводом и удочками было поймано около 700 экземпляров рыб примерно ста видов. Некоторые из них оказались неизвестными даже бразильским специалистам, знатокам Амазонки. Вообще, надо сказать, каждый добытый, а в особенности неизвестный экземпляр, являлся настоящей удачей, событием в жизни экспедиции. В такие моменты особо ощущалась важность работ, чувствовалось, что после наших исследований «белые пятна» на Амазонке если и не исчезнут, то во всяком случае их станет значительно меньше.

В порт Манаус «Профессор Штокман» вошел рано утром. В золотистых лучах восходящего солнца весело и нарядно выглядели разноцветные портовые постройки, уходящие вдаль городские кварталы, разделенные рядами сочной тропической зелени. Справа и слева от судна сновали гайолы, лодки, мелкие катера, у причала выстроилось несколько грузовых океанских лайнеров. Мы пришвартовались к бетонному плавучему причалу. Это оригинальное инженерное сооружение было сделано, как сообщил лоцман, из советского цемента. Причал держался на плаву, поднимаясь или опускаясь в зависимости от уровня воды в Амазонке и Риу-Негру.

Географическое расположение Манауса оказалось уникальным: вокруг на сотни тысяч километров раскинулись непроходимые амазонские леса, болота и реки; единственными соседями были индейские племена да их селения (название Манаус происходит от индейского племени, проживающего в тех местах). Ближайший город Белен находится на расстоянии в две тысячи километров, попасть в него можно было только водным путем по Амазонке; никаких других дорог, связывающих Манаус с городами, не было (сейчас, конечно же, этой проблемы не существует: Манаус воздушным путем связан со всем миром). Правда, несомненным большим «плюсом» в расположении Манауса было то, что большие глубины на Амазонке позволяли без особых проблем проходить в этот порт крупным океанским лайнерам.

Незаметно пролетели отведенные для работы дни, и вот «Профессор Штокман» опять ошвартовался у знакомого причала океанского порта Белен. Тогда, полтора месяца назад, с Белена начался отсчет жарких амазонских миль. Теперь мы пришли проститься с городом, с бразильскими учеными, с Амазонкой.

На этот раз стоянка короткая, всего два дня, а успеть сделать надо очень много. Первым делом собираемся на рынок «Веро-Пезо» с надеждой все же попробовать жареного крокодильего мяса. Где еще, как не в Белене, сделать это? В первый заход нам этого не удалось, хотя и ходили на рынок ежедневно. Крокодилов не было.

У самой воды на пальмовых листьях лежит окровавленная туша аллигатора. На раскаленной жаровне шипят желто-белые куски мяса, рядом несколько человек, судя по одежде, европейских туристов, пристроившись на ящиках, с удоволь-

ствием уплетают аппетитные куски. Вынимаем из карманов и мы свои крузейро. Молоденькая девушка прямо из жаровни достает понравившиеся нам куски. Соус тут же. Пробуем. Вкусно, крокодилье мясо нежное, чем-то напоминает жареную телятину. Благодарим хозяйку и с чувством исполненного долга покидаем рынок.

На судне находились и бразильские коллеги, они в центре внимания, счастливые, живо отвечают на вопросы корреспондентов, показывают гостям судно. Это первые бразильские ученые, которые столько времени проработали на советском судне в Амазонии. За полтора месяца между нами установились прекрасные отношения, расставались мы с чувством легкой грусти. Обмениваемся адресами, обещаем писать друг другу, затем выходим на верхнюю палубу и фотографируемся все вместе на память. Жмем друг другу руки, обнимаемся, и гости покидают судно. Лоцман уже на мостике, звучит знакомая команда: «палубной команде по местам швартовки стоять!» Это значит, что сейчас отдадут швартовы, и «Профессор Штокман» возьмет курс на Атлантику. Расстояние между причалом и бортом судна медленно увеличивается, машем руками, что-то кричим. Берег все дальше и дальше, все меньше фигурки на берегу, и вот их уже совсем не видно в сумерках. Бросаем монеты за корму, молчим, разговор как-то не клеится. Еще не верится, что все позади, что прекрасные дни уже, может быть, никогда не повторятся. Все же хочется сказать не «Прощай», а «До свидания! До встречи, Амазонка»!

Одной из задач экспедиции являлась оценка влияния стоков Амазонки на процессы, протекающие в Атлантическом океане, в частности, на процессы осадконакопления. Ведь именно реки являются основным источником материала, поступающего с континентов в виде твердых взвешенных частиц, из которого формируются осадки на дне Мирового океана. Роль Амазонки как самой крупной реки в этой работе весьма значительна. Изо дня в день, днем и ночью она выносит в океан огромное количества песка, глинистых частичек, органического вещества, смытого со склонов Анд, с необъятной территории южноамериканского континента. Около 500 миллионов тонн осадочного материала ежегодно, как считают специалисты, Амазонка сбрасывает в океан.

Для выяснения и уточнения этих и других процессов были проведены работы в той части Атлантического океана, которая примыкает к устью Амазонки, на шельфе, а также в глубоководных районах.

Наши научные корабли часто заходили в порт Монтевидео, Рио-де-Жанейро. Мы отдыхали там три-пять дней. Осматривали города, поднимались на гору Сахарная голова и конечно купались на знаменитом пляже Копакабана. Песок на пляже чистый, вода прозрачная и теплая. С моря дует ветерок, и тысячи красочных воздушных змеев развевались на пляжах, привлекая покупателей. Разноцветная толпа, шум, веселье.

Но совсем иная обстановка на другой стороне Бразилии, на ее северо-востоке. На берегу – ни одного человека. Вода мутная, шоколадно-серая. Берег полужидкий, словно покрытый студнем. Волны, ударяясь об этот берег, заставляют его пружинить и трястись, как трясется желе на тарелке. Мути в морской воде настолько много, что трудно определить, где кончается суша и начинается море. Даже с помощью длинного шеста невозможно нащупать дно, поскольку здесь его как такового нет. Вода ближе ко дну становится все мутнее и мутнее, и трудно определить, где же начинается настоящее дно. Вот уже и берег, и дно

здесь «кисельное», не хватает только «молочной» реки. Впрочем, и река здесь есть, только вода в ней не белая, а шоколадно-серая. Такой цвет придает ей взвесь, состоящая из глинистых частиц, окрашенных ржавчиной. А река эта – Амазонка, впадающая в Атлантический океан.

Амазонка берет начало в Андах и затем почти на протяжении пяти тысяч километров протекает по равнинной местности, занятой джунглями. По пути ее питают многочисленные притоки, принося вместе с водой и речную взвесь. По площади бассейна Амазонка самая крупная река мира, и собирает она осадочное вещество с площади в 7 млн квадратных километров. Это огромное количество взвеси большей своей частью подхватывается морскими течениями и уносится от устья вдоль берега к острову Тринидад, а затем в Карибское море. Именно она и образует те илистые («кисельные») берега и дно у северо-востока Бразилии. Волны и течения не в силах переработать здесь всю массу тонкой речной взвеси, рассортировать ее, тонкие частицы вынести в океан, а песчаные оставить у берега. Оттого здесь и нет пляжей, нет отдыхающих и мало поселений.

Таким образом, бассейн Амазонки – это не только непролазные джунгли, вотчина диких зверей, птиц, крокодилов, знаменитых рыбок пираний. Это не только «легкие земли», ибо его пышной растительностью очищается атмосфера и обогащается кислородом. Это и крупнейший «завод» по производству тончайшего глинистого вещества и растворенных химических элементов, которые в огромных количествах выбрасываются в Атлантический океан и определяют его состояние на площади, почти равной площади самого бассейна реки Амазонки.

Чтобы лучше узнать, как влияет Амазонка на Атлантический океан, какие осадки и минеральные ресурсы здесь могут образоваться, необходимо хорошо знать и саму реку, и прилегающую к ней часть океана. Именно с этой целью в 1983 году и была организована экспедиция по Амазонке на судне «Профессор Штокман». В ее составе было двадцать российских океанологов, среди них – четыре человека из возглавляемой мною лаборатории (В. Чечко, В. Стрюк, Э.С. Тримонис и Ю.О. Шайдуров).

Около двух месяцев океанологи собирали речные взвеси, осадки, почвы, воду, различные водоросли, изучали их состав. В лабораториях Института океанологии исследовался этот богатейший материал. Результаты работы экспедиции и лабораторных исследований опубликованы А.С. Мониным и В.В. Гордеевым в книге «Амазония» (1988 год). В книге даны рекомендации, как лучше сохранить Амазонку в первозданном виде, как лучше планировать новые экспедиции в прилегающие к устью Амазонки участки Атлантического океана. Ведь значительная доля взвеси этой реки течениями выносится в открытый океан и отлагается на дне на глубинах от 200 до 5000 метров. И даже эта доля взвеси настолько велика, что за период существования реки (примерно 15 миллионов лет) на этих глубинах образовалась самая мощная в Атлантическом океане толща илов. Ее называют конусом выноса Амазонки. В отдельных районах мощность этого конуса достигает 14 километров! Под тяжестью такой толщи илов земная кора прогнулась здесь более чем на 10 километров. Конусы выноса крупных рек являются хранилищем углеводородов и кладовыми нефти и газа. Нигерия, Венесуэла, Бразилия добывали нефть именно из древних ко-

нусов выносов, причем Бразилия извлекает «черное золото» с глубин океана до четырех километров!

3.13. УЧАСТИЕ В ГЛУБОКОВОДНОМ БУРЕНИИ ДНА. ГИБРАЛТАР

В семидесятые годы XX-го столетия ученых-океанологов перестали удовлетворять сведения о строении лишь верхнего, обычно 10-метрового слоя дна. Геологические керны такой длины позволяли «прочитать» историю морей и океанов лишь за последние сотни тысяч – миллион лет. Океаны же имеют возраст в сотни миллионов лет, а согласно некоторым гипотезам, они существовали всегда. Возникла необходимость получить информацию об истории океанов с «момента их зарождения». Для этого в США был разработан проект морского глубоководного бурения. Первым исследовательским судном, позволяющим бурить дно на глубину до 1 км (от поверхности дна) при глубине океана 5 км, было американское буровое судно «Гломар Челленджер». Строительство судна и проведение бурения – очень дорогостоящий проект. Одной стране финансировать такой проект практически невозможно. Поэтому был создан Международный комитет глубоководного бурения океана (Deep Sea Drilling Project – DSDP), куда кроме США, Великобритании, Японии, Германии, Франции и других стран вошел и Советский Союз. Для покрытия расходов на бурение каждая страна вносила свой денежный вклад. СССР ежегодно перечислял на эти нужды 5 миллионов долларов США. Первыми представителями СССР – участниками океанского бурения были А.П. Лисицын и В.А. Крашенинников.

В 42-ом рейсе (1975 г.) было пробурено около 20-ти скважин в Средиземном и Черном морях. Так как бурение каждой скважины стоило несколько миллионов долларов, важно было не ошибиться и правильно выбрать участки дна, которые наиболее полно отвечали бы поставленным научным задачам. Комитет бурения обратился и к нам с К.М. Шимкусом с просьбой дать свои предложения. Мы много работали над созданием программы, которую затем и представили в комитет. Бурить дно Средиземного и Черного морей Международный комитет пригласил меня, как специалиста по донным осадкам. Это означало, что американские коллеги (которые главенствовали в комитете бурения) отдают предпочтение СССР и в изучении материалов бурения. Я приступил к подготовке к работе. Научный состав каждого рейса (по-американски – лега) менялся в течение нескольких дней в одном из ближайших портов от мест бурения. Я (единственный представитель СССР) должен был сесть на борт судна «Гломар Челленджер» в испанском порту Малага. Однако, когда я прибыл в Москву для полета, выяснилось, что советская сторона меня не рекомендует для участия в бурении: за день до вылета в Малагу этот вопрос решался в кабинете вице-президента АН СССР академика А.П. Виноградова. После долгих ожиданий один из участников совещания у А.П. Виноградова сообщил мне, что я «не рекомендован» и должен отправляться домой. В Международный комитет по бурению (в США) было

сообщено, что Е.М. Емельянов в Малагу не приедет. Вместо советского представителя срочно на судно пригласили ученого из Франции. Таким образом, наше руководство решило пожертвовать несколькими миллионами долларов, уплаченными за участие в бурении, но не пускать «политически ненадежного» человека. Мы лишились также возможности быть соучастниками грандиозных геологических открытий, сделанных при бурении дна Средиземного моря. Как выяснилось в ходе экспедиции, 6–5 миллионов лет тому назад (в Мессинии) Гибралтарского пролива не было, а Средиземное море было бессточным. Находясь в засушливой (аридной) климатической зоне, оно практически высохло: уровень этого моря оказался на 2 километрах ниже уровня Мирового океана. В результате постоянного испарения морской воды на дне накопилось очень много эвапоритов – доломитов, известняков, различных солей калия и натрия. Мощность этих отложений превышала сотни метров или даже несколько километров. Были сделаны и другие важные открытия. Но все они были сделаны без нас, т.к. буровые материалы попали не к нам, а к американцам, итальянцам, французам. Мы с К.М. Шимкусом приняли участие лишь в изучении гранулометрического и минерального составов некоторых кернов. В результате в отчете рейса 42А «Гломар Челленджер» появилась наша (Е.М. Емельянов, К.М. Шимкус и К. Ксю (из США) работа.

В так называемых «мессинских событиях», приведших к почти полному высыханию Средиземного моря, первостепенную роль играл Гибралтарский пролив. О нем и об его изучении пишу несколько подробнее.

По заказу испанских и британских фирм Казимир Миколович Шимкус организовал экспедицию по изучению строения дна Гибралтарского пролива, глубина которого в отдельных местах превышает триста метров. В качестве главного геолога экспедиции Казимир Миколович пригласил меня, как знатока Средиземного моря, но я в это время был не совсем здоров и от участия в интереснейшей экспедиции отказался. Тогда он пригласил второго геолога, тоже прибалта (эстонца), доктора геолого-минералогических наук, сотрудника нашего института в Москве Ивара Оскаровича Мурдмаа. Экспедиция проходила на российском судне «Рифт» с ГОА «Аргус» на борту. Казимир Шимкус и Ивар Мурдмаа многократно в течение месяца спускались на ГОА «Аргус» на дно, отбирали пробы донных осадков, окаменевшие породы, остатки кораллов и другие образцы. В Гибралтарском проливе придонные течения иногда настолько сильны, что они сметаю́т со дна не только илы и пески, но даже гравий и гальку. Дно в таких случаях состоит из твердых скальных пород.

Чтобы получить образец такой скалы, силы руки-манипулятора ГОА не хватает. Приходится «садиться» на скалу и бурить; бур находится в нижней части ГОА «Аргус». Пробурив скважину глубиной 20–30 см, акванавты начинают раскачивать ГОА «Аргус», чтобы отломить отбуренный в скважине керн. Эта операция очень опасна, так как бур может заклинить в скважине и прикрепить ГОА к скале. Чтобы избежать этого, предусмотрен механизм «отстегивания» бура от ГОА. Лишь освободившись от бура, «Аргус» всплывает на поверхность моря.

Гибралтарский порог протягивается 18-километровой выгнутой в сторону Атлантического океана дугой между юго-западной оконечностью Пиренейского полуострова и северо-западным побережьем Африки. Это узкая

подводная гряда с глубинами над вершиной 100–500 метров, ограниченная на обоих концах крутыми сбросовыми уступами, свидетельствующими о тектоническом опускании (провале) порога при открытии Гибралтарского пролива. Гряда находится западнее самого узкого створа Гибралтарского пролива, где глубина превышает 800 м. Когда возникла амбициозная идея проложить тоннель под Гибралтаром (благодаря чему наша экспедиция там и оказалась), проектировщики выбрали по вполне понятным причинам более длинный маршрут под порогом. Иначе пришлось бы закладывать тоннель на километровой глубине. Но и здесь проектная глубина достигала 500 м ниже уровня моря.

Ниже я привожу краткое описание экспедиции в Гибралтарский пролив по статье участника экспедиции профессора И. О. Мурдмаа «На пороге Средиземного моря» из журнала «Природа» (2004 год).

«Что же мы видели через маленький иллюминатор «Аргуса» на Гибралтарском пороге? Первые впечатления Шимкуса об увиденном на дне звучали примерно так. Голые скалы. Рыхлых осадков вообще нет. Стоят параллельные стенки толщиной в несколько метров и высотой до десятка метров, обросшие донной фауной, а между ними гладкое твердое дно аж блестит. Все промыто течениями. Стенки – это, очевидно, вертикально стоящие пласты песчаника, а более глинистые породы (аргиллиты) в промежутках размыты.

Средиземное море под влиянием жаркого солнца примерно 6 миллионов лет тому назад, в так называемый «Мессинский кризис» высохло. Оно превратилось в громадное соленое озеро. Уровень воды быстро понижался и он стал ниже уровня Мирового океана на два километра. За сравнительно геологически короткий срок (0,5 миллионов лет) на дне высыхающего сверхсоленого бассейна накопился толстый (мощностью до 2500 м) слой соли, которой по сей день подстилает в виде прочного фундамента толщу более молодых рыхлых донных отложений, накопившихся за последние несколько миллионов лет, прошедших со времени Мессинского кризиса.

Долго такое неустойчивое сооружение существовать не могло. И вот плотину, то есть Гибралтарский порог, прорвало. Скорее всего это произошло при сильном землетрясении, связанном с подвижками земной коры в крупном Азоро-Гибралтарском разломе, протягивающимся от Азорских островов через Гибралтарский пролив в Средиземное море. Прорыв произошел примерно 5,3 миллионов лет назад на месте современного Гибралтарского пролива. Воды Атлантики хлынули через пролив в «яму» Средиземного моря в виде грандиозного водопада. Для заполнения огромного глубокого бассейна потребовалось столько воды, что уровень Мирового океана заметно понизился. С этой катастрофой связывают существенные изменения климата и условий обитания живых организмов в Мировом океане.

При спуске на ГОА «Аргус», на дне Гибралтарского порога было обнаружено множество современных кораллов. И вот «Аргус» парит над покрытой зарослями кораллов вершинной поверхностью дна. Однообразие подводного кустарника изредка нарушается появлением небольших прогалин, в которых просматривается слоистое строение фундамента этого необычного глубоководного рифа. По ходу подгоняемого течением «Аргуса» разглядеть предполагаемые обнажения не удастся, и Шимкус дает указание пилотам садиться на

дно. Под хруст ломающихся кораллов подводный аппарат совершает посадку в одной из прогалин. Видеокамера фиксирует характерную ребристую картину выходов слоистых песчаников, над которыми возвышаются «кусты» кораллов высотой 1–1,5 м.

Все заснято, дана команда к всплытию, но аппарат не сдвигается с места. «Кажется, застряли» – записывает К. Шимкус на диктофоне и далее подчеркнуто деловым тоном дает информацию о месте нахождения аппарата, окружающей обстановке, сделанных научных наблюдениях. Минуты идут, а пилотам никак не удается высвободить лыжи «Аргуса», застрявшие в коралловых зарослях. На борту «Рифта», где мы напряженно следили за событиями на дне, уже поговаривают о необходимости выключения всех приборов для экономии электроэнергии, когда снизу приходит успокоительная весть: «Освободились».

Наши датировки кораллов рода *Caryophyllia* свидетельствует о том, что они жили в относительно холодное время, предшествующее теплomu средневековью. Не здесь ли кроется причина относительного расцвета цивилизации перед закатом Римской империи?»

Спуск на дно, его осмотр и отбор образцов – опасное и волнующее, но очень увлекательное «путешествие». Впервые погрузившись на вершину хребта Барони, что находится в Тирренском море восточнее острова Сардиния, и пробуравив в скальном дне несколько скважин, после подъема я написал о погружении «поэтический отчет», который приведен в настоящей книге выше.

3.14. О ЗНАЧЕНИИ ГРАНИЦ И ГЕОХИМИЧЕСКИХ БАРЬЕРОВ В ГЕОЛОГИИ

«Природа обладает поразительным совершенством, являющимся суммой пределов. Познав её пределы, мы узнаем, как работает её механизм. Главное – познать пределы». Это строки из романа А. Барикко «Океан моря» (Ocean mare). О важности пределов (границ) в природе я задумался на 20 с лишним лет раньше, чем А. Барикко, когда прочитал последнюю научную статью академика Николая Михайловича Страхова (1976 г.), где он писал о важности геохимической зональности в морском (океанском) седиментогенезе. После некоторых раздумий я стал выделять границы в водной толще и на дне. Я все больше убеждался, что именно на границах происходят наиболее важные процессы не только седиментогенеза вообще, но и рудообразования в частности. Я сравнил границы (пределы) с геохимическими барьерами на суше, которые выделял известный советский ученый Александр Израилевич Перельман, и убедился, что между границами (пределами) в море и геохимическими барьерами на суше много общего. И в этом я все больше убеждался, когда формулировал основные положения и основную идею своей докторской диссертации в 1979 г., а затем – в монографии «Седиментогенез в бассейне Атлантического океана» в 1982 г. В диссертации я впервые привел определение геохимических барьеров и барьерных зон в океане, дал их классификацию, а затем и характеристику вы-

деленных барьеров и барьерных зон. В основу классификации геохимических барьеров на суше А.И. Перельман положил представление о типах миграции химических элементов. При выделении барьеров и барьерных зон в океане я использовал этот же геохимический принцип, но в дополнение к нему приобщил еще многие литологические и фациальные признаки донных осадков.

Отдельные пограничные зоны (пределы) в морях и океанах изучали многие ученые. Помимо издавна известных границ водной толщи с сушей, атмосферой и дном, были обнаружены многообразные границы внутри водной массы океана, связанные с резкой изменчивостью – перепадами значений физических и химических характеристик, и в связи с закономерным и почти постоянным их положением в океане. Эти границы получили собственные наименования: «полярный фронт», «субарктический фронт», «субтропическая конвергенция» и другие. Были выделены три типа таких границ: гидрологический фронт, разделяющий теплые и холодные воды, экваториальный фронт, разделяющий воды с различным знаком параметра Кориолиса, и слой скачка, разделяющий воды с различными турбулентными состояниями и плотностью. Слой скачка, моделируемый поверхностью разрыва, служит нижней границей верхнего, почти однородного по температуре слоя толщиной от нескольких десятков до примерно 100 метров.

Выявленные в океане физические, физико-химические и биологические эффекты на границах связаны с расположением контактирующих и взаимодействующих сред и фаз веществ. При этом во взаимодействии непосредственно участвуют пограничные структуры или активные поверхности контактирующих пар различных уровней организации. Среди них важнейшими для понимания структуры океана и механизмов преобразования осадочного вещества являются макроскопические границы разделов: «атмосфера–вода», «вода–дно», «вода–лед», гидрофронты и другие; микроскопические границы: «вода–взвесь», «вода–частицы осадка», «вода–микроорганизмы» и другие. Несмотря на существенные различия масштабов этих контактирующих пар, наиболее активные процессы протекают в тонких прослойках, где происходит резкое преобразование вещества и энергии, интенсифицируется биологический обмен, предельно повышается активность микроорганизмов. Хотя в названной иерархии контактирующих пар на каждом последующем уровне осуществляются практически все процессы предыдущих уровней организации вещества, начиная с атомарного, все же эти процессы на каждой границе имеют свою специфику. Это связано с изменением механизмов переноса и трансформации вещества на микроскопическом уровне – изменением структуры минеральных фаз, переносом ионов, молекулярной диффузией, коагуляцией, адсорбцией и другими; на макроскопическом – турбулентной диффузией, перемещением водных масс и взвесей, процессами метаболизма.

Смысл океанских геохимических барьеров и пограничных зон видится в том, что они представляют собой участки (или слои) водной или осадочной толщи морей и океанов, где на коротком расстоянии происходит резкое уменьшение интенсивности миграции одних химических элементов (и как следствие их концентрации) и увеличение других. Пограничный слой кончается там, где влияние границы с удалением от нее уменьшается до 10–20%.

Часто на небольшом участке или в тонком слое вод моря (океана) одновременно проявляется не один, а несколько барьеров. Для обозначения таких

участков (слоев) автором введено понятие «геохимические барьерные зоны» (ГБЗ). Геохимическая барьерная зона в океане (море) – это естественная граница (слой, полоса), по разные стороны которой существуют различные условия осадконакопления (гидродинамические, физико-химические, геохимические), приводящие к резкому изменению форм и интенсивности миграции определенной группы (ассоциации) химических элементов и, как следствие, их концентрации. Абсолютные концентрации (в мг/л или мкг/л) микрокомпонентов и микроэлементов в водной толще, а также относительные их содержания (в %) во взвеси и осадках по разные стороны ГБЗ изменяются обычно более чем в 2–10 раз, иногда – в 1000–100000 раз! Таким образом, резкое изменение абсолютных концентраций и относительных содержаний элементов, а также изменение форм их миграции – основные критерии, использованные при выделении геохимических барьеров и пограничных зон. Геохимические барьерные зоны можно рассматривать как зоны разрыва непрерывности свойств среды (в горизонтальном и вертикальном направлениях).

Предлагаемое исследование касается создания и развития нового научного направления – литолого-геохимической лимологии океана. Лимология, в соответствии со смыслом слова «limes» – «граница», понимается как наука о системе разнообразных по природе границ и разделов в окружающей среде и о процессах, на них происходящих.

Как пишет А. Барикко, «Там, где природа решает поместить свои пределы, рождается незаурядное зрелище». Как выглядит это зрелище я описал во многих своих научных статьях, а также в книгах «Седиментогенез в бассейне Атлантического океана и черты его зональности» (1982 г.), «Барьерные зоны в океане. Осадко- и рудообразование, геоэкология» (1998 г.) и «Barrier zones in the ocean» (2005 г.). Эти книги являются своеобразной энциклопедией границ, встречающихся в океане с изложением процессов осадко- и рудообразования и геоэкологии на этих границах. Как пишет А. Барикко: «Главное познать границы».

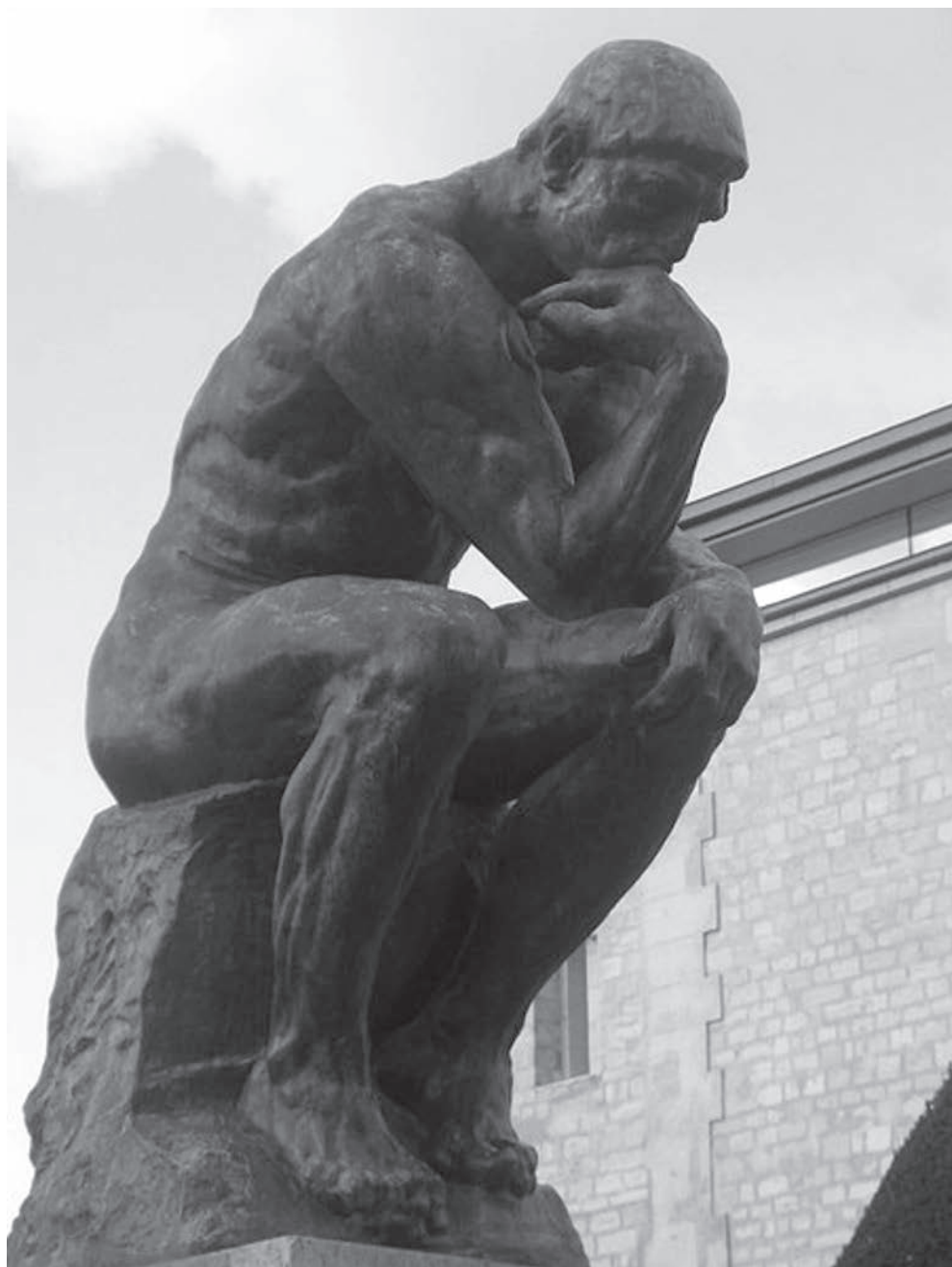
Читатель вместе с автором этих книг и частицей, подготовленной для миграции в самых отдаленных участках водосбора, мысленно проходит путь в тысячи километров – от горных водоразделов на суше до центральных частей океана, пока частица не достигнет пелагических областей, где она ложится на дно и становится частью донного осадка. Другие частицы начинают свой путь к глубинам с верхнего миллиметрового слоя океана. Падая вниз, они встречают на своем пути многие преграды – барьеры. На этих барьерах они видоизменяются: то проходят через желудок живых организмов, то частично растворяются, теряя одни атомы и молекулы и приобретая другие. Однако они неизменно продвигаются к конечной цели – к спокойной обстановке на дне, где формируют донные осадки, которые потом становятся осадочной породой. Сложен этот путь. Мысленно мы в состоянии его понять. Можно ли этот путь представить зрительно? Пока нет таких схем и диаграмм, которые могли бы способствовать зрительному восприятию всего того, что происходит в океане. Но недалек тот день, когда появится модель – блок-диаграмма, которая разным цветом на огромных экранах будет высвечивать все те барьеры и барьерные зоны, которые уже известны или которые еще будут выявлены в недалеком будущем. Автор представляет тело океана в трехмерном измерении, с хорошо видимыми барьерными зонами в виде полос, линий или плоскостей разной степени освещенности.

ценности и разной окраски. Слой фотосинтеза и все, связанное с зеленой массой, показано зеленым цветом разной интенсивности, все фронты, солевые или физико-химические барьеры и барьерные зоны – голубым цветом разных тонов, с вулканизмом – красным. И чем резче выражен барьер, чем интенсивней в нём процессы потока и трансформации вещества, тем ярче окраска барьерной полосы. Такая трехмерная модель морей и океанов будет состоять из видимых линий, полос, зон в толще воды. Это будет каркас, состоящий из линий, полос и зон, представляющих собой как бы нервную и кровеносную системы океана, которая живет, пульсирует, в одном месте изгибается, в другом расширяется, то усиливается, то ослабевает. Водное пространство внутри этого каркаса является как бы инертным, малоактивным. Но в нем, как и в барьерных зонах, но значительно менее часто, то и дело вспыхивают «светлячки» – частички, которые автономно, вне всяких барьерных зон, взаимодействуя с водой, обмениваются атомами и молекулами и приходят в равновесие с её физико-химическими свойствами. И этих частичек – астрономическое множество. И вспышки на экране никогда не кончаются. И является все это отголоском тех явлений, которые происходят в атмосфере, на Солнце, в далеком космическом пространстве.

На воображаемой блок-диаграмме золотым блеском выделяются места отложения минеральных богатств, формирующихся на дне, на барьерах и в барьерных зонах океана (или рядом с ними), и черно-красными полосами – места, где естественные процессы нарушаются в результате беспечного или халатного отношения человека к океану.

Создав такую модель океана, ученые пойдут дальше. Выявив признаки и критерии выделения барьеров и барьерных зон в современном океане, они начнут реконструировать состояние океанов (каркас барьерных зон) прошлого. Частично эта работа начата, но в таком комплексе, который представляет себе автор, реконструкции – дело будущего.

Среди огромного множества всех видов природных границ – барьеров, существующих на всех уровнях организации вещества от клетки и мельчайшей коллоидной частицы до глобальных разделов сфер и крупнейших экосистем, пока удалось обнаружить, очевидно, лишь часть таких барьеров, при переходе через которые резко меняются состав веществ и формы их миграции. Несомненно, что попытка определения общих черт природных барьеров океана и их особенностей, создание систематики и классификаций и вытекающих из этого методик и методологии исследования пограничных эффектов откроет широкие возможности прогнозирования вероятных геолого-геохимических и экологических последствий процессов в океане, а также минеральных и биологических ресурсов, участков загрязнения и самоочищения, зон рекреации и так далее. Это уже будет модель океана в четырех измерениях: четвертым является время.



Идея! Это – мысль, озаряющая путь вперед!
«Мыслитель» Родена (из Интернета)

ЧАСТЬ 4

РАССКАЗЫ, МЫСЛИ, ОТЗЫВЫ

4.1. АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

Мишень

Он был уже полусвободным человеком. Находясь еще в лагере заключенных, он имел право в дневное время выходить за пределы лагеря и гулять в окружающем лагерь лесу. В тот раз, перед тем как выйти за ограду, он обошел барак, размышляя про себя о том, как он вернется домой и продолжит заниматься своим хозяйством. Выйдя за ворота, он направился вправо вдоль колючей проволоки, окаймляющей ограждения лагеря. Было тихое морозное утро. Солнечные лучи, отскочив от зеркала блестящего свежего снега, слепили глаза. Он остановился, о чем-то задумавшись. Затем, посмотрев кругом и ничего подозрительного не увидев, расстегнул брюки и присел. Уже сидя на корточках, он увидел двух солдат с винтовками на плечах, направляющихся из лагеря в лес. Затем он отвернулся от них и, закрыв глаза, совершал ту важнейшую естественную потребность человека, которой не суждено избежать не только такому смертному человеку, как он, но и королю и даже королеве. Вдруг он почувствовал сильный удар и всё заглушила боль, и уже ничего не чувствуя и не видя, он повалился набок.

Двое солдат из немецкой охраны концентрационного лагеря Провиншкес, что между Каунасом и Вильнюсом, в тот день не караулили. Они решили выйти в близлежащий лес погулять и пострелять. Войдя в лес, они приостановились, сняли с плеча винтовки и стали выискивать цель, которую надо бы поразить. Один из них, чуть постарше, обернувшись назад, на лагерь, заметил присевшего у колючей ограды лагеря человека. Он сказал приятелю: «Смотри, вон и цель». Второй ответил: «Да, ну тебя! Слишком далеко, ты никак в эту мишень не попадешь». «Давай поспорим!». Пospорили. Ударили по рукам. Первый солдат поднял винтовку и стал целиться. Целился долго. Нажав на спусковой крючок, он увидел, что сидевший на корточках человек, немножко приподнялся и повалился набок. «Видел! А ты говорил, что не попаду. Ты проиграл. Водка за тобой». Говорили они по-русски.

В 1943 г. эти молодые люди были насильно взяты в немецкую армию. Получив винтовки и оказавшись в рядах охранников концентрационного лагеря, они, сыновья добропорядочных крестьян, почувствовали силу власти над дру-

гими людьми, быстро забыли о своем происхождении и о своей исторической Родине. Эти молодые люди, переодевшись в униформу, уже не считали грехом нарушение одного из главных заветов Библии: «Не убий».

Закончив разговоры и вскинув винтовки на плечи, два нелюдя пошли дальше, в лес искать следующую мишень.

Лука

Положив цветы, а также незажженную из-за ветра свечку на могилу родных, я в ожидании друга, который убирал могилку своей матери, пошел бродить по кладбищу. Разглядывая надгробные памятники, я вдруг остановился у одного из них. Меня поразила надпись на надгробной плите: Лука. В моем мозгу что-то быстро зашевелилось, мгновенно появилась в воображении картина «Святой Лука» и тут-же – кинофильм с аналогичным названием. Но все это не связывалось со словом «Лука» на надгробной плите маленького кладбища в небольшом городке Литвы – Шилуте, куда я поехал к родной сестре. Мысль искала какое-то другое сходство, связывало слово «Лука» с каким-то иным событием в моей жизни. И после недолгих блужданий моя мысль остановилась: она набрела на то давнее событие, которое произошло около 60-ти с лишним лет тому назад и было зафиксировано в моей памяти.

Они, пятеро молодых парней-староверов – бежали от погони. И парни, и погоня были необычны. Парни были с винтовками и в немецкой военной форме, погоня тоже состояла из немецких солдат. Погоню возглавлял шестой старовер из их группы по имени Гришка. Парни бежали из лагеря заключенных Провиншикес, что расположен в лесистой местности между Каунасом и Ионавой. Они не были заключенными. Они служили охранниками в этом лагере.

После разгрома армии Паулюса под Сталинградом Гитлер объявил тотальную мобилизацию, и в армию стали забирать всех молодых ребят, в том числе и русских. Многие добровольно служить отказывались. Тогда их ловили полицаи. Такие облавы устраивали обычно на базарах. В одну такую облаву на рынке в Каунасе и попали молодые ребята-староверы. В принудительном порядке на них надели солдатскую форму, дали винтовки и послали служить охранниками в лагерь Провиншикес. Бежать из армии было опасно: всю семью или кого-нибудь одного из родных сбежавшего забирали и загоняли в лагерь или расстреливали.

Но вот настал критический момент: Советская Армия стремительно наступала, немецкая – отступала. И у группы солдат-староверов созрело решение: чтобы спастись, надо бежать. Бежать в лес к советским партизанам. Но не все с этим решением были согласны. Гришка, узнав о планах группы, собирался донести об этом немцам. Чтобы его опередить, группа из пяти солдат и убежала той же ночью. Гришка с группой других фашистов организовал погоню. Но не догнал. Ушедшие попали к партизанам и в их отрядах выступали уже против отступающих немцев. В группе бежавших к партизанам был парень по имени Лука.

Разная и мне сейчас малопонятная судьба сложилась у беглецов и догоняющего. После освобождения Советской Литвы от немцев партизаны, в том числе и беглецы – староверы, влились в ряды помощников советской милиции – истребителей лесных бандитов. Одного из них по кличке Рыжий за службу фашистам судили и сослали на каторгу в Воркуту. Судьба Рыжего описана в

рассказе «Исковерканная судьба». Парень по имени Лука из отряда истребителей сразу же был призван в Советскую Армию, а затем продолжил армейскую службу, очевидно, где-то за пределами Литвы, поэтому уцелел. Сведения о судьбе оставшихся троих беглецов, если они и были мне, двенадцатилетнему мальчику известны, за 60 прошедших лет в памяти сохранились. Лет десять-двадцать спустя после войны, когда уже были возможны контакты с Польшей, до нас дошли слухи, что Гришка, отступавший вместе с немцами, остался жив и поселился в усадьбе своих родителей, в той же деревне староверов, откуда он переехал в 1941 г. в СССР.

Лука же после длительной службы в Советской Армии вернулся в городок Литвы Шилуте, где проживали мои родители и его родные, и после смерти был похоронен на кладбище, где лежат и мои родители.

Старообрядческая община, в поисках лучшей судьбы переселившаяся в феврале 1941 г. из Польши в СССР, раскололась не только из-за разных жизненных интересов и трудностей, но и по политическим мотивам. Жизненные и религиозные узы, которые прочно связывали эту общину на протяжении 300 лет – от раскола церкви до II-ой мировой войны, не выдержали военных невзгод и политических катастроф: они быстро, в течение нескольких лет практически полностью распались. Для староверов-переселенцев, как и для многих миллионов других людей, наступила другая жизнь. О превратностях судьбы человека в критические, переломные этапы истории и жизни я и думал, стоя у могилы с надписью на надгробном камне «Лука» – слове, так неожиданно всколыхнувшим мою память.

Две судьбы

Я проезжаю мимо него почти каждый день, когда еду на работу и обратно. Он, молодой и красивый, лежит здесь недалеко от моего дома, на городском кладбище, уже около четверти века. Прихожу я к нему все реже и реже. Да и забывать начинаю те далекие годы когда мы, дети, в послевоенные годы на самокатах катались на перегонки по деревне Тракседжай, а затем в город Шилуте, в школу, а после школы обратно к себе домой. Наши дома находились недалеко друг от друга. Его родители проживали в добротном каменном доме обходчика железной дороги, мои – в крестьянской избе. Возвращаясь домой после школы, мы, поставив у дерева своих «лошадей» – самодельные самокаты, обычно присаживались на травку или камень, долго беседовали о нашем будущем.

Прошло несколько лет. И мы снова были вместе, но уже в Вильнюсе: я учился в университете, он же выбрал училище МГБ. Общаясь, мы опять много говорили, но уже не только о будущем, но и о прошедшем. В выходные дни мы выезжали за город, где в лесу он пробовал обучать меня стрельбе из пистолета, который ему уже разрешалось носить. Закончил он училище младшим лейтенантом и какое-то время работал в Вильнюсе. Я продолжал учебу в университете. Затем судьба нас разлучила, и я оказался на берегу Черного моря, он же – в каком-то районном городке Литвы. При редких встречах нашу беседу он сопровождал выпивкой и игрой на аккордеоне.

Спустя еще несколько лет, судьба опять нас свела в Калининграде. Он уже не был офицером: он был уволен за дружбу с «зеленым змием» и в Калининграде трудился в какой-то организации снабженцем. Мы вначале продолжили

наши беседы о «жизни», а о будущем уже говорили все реже и реже: повседневная жизнь нас «захлестывала»: я все больше и больше углублялся в изучение морей, он же все больше и больше увлекался веселой, как ему тогда казалось, жизнью. Правда, ко мне он пьяным не приходил: в таком виде разговоры о жизни я с ним не поддерживал. У него находились новые друзья и компании, в которых ему нравилось общаться больше, чем со мной. Мы окончательно разошлись, когда он, попросив разрешения поработать на моей пишущей машинке, подправил цифру 1,5 на 15 на требовании о выдаче спирта. Узнав об этом, я его попросил с такими вопросами и делами ко мне больше не заходить. Может это было и жестоко с моей стороны, но я в силу прямолинейности моего характера иначе поступить не мог. Еще через несколько лет ко мне зашёл его старший брат и сказал, что Коля безнадежно болен: его печень разрушается с ужасающей быстротой и что он находится в больнице. Через пару дней я уже ехал с венком к нему в поселок Шпандинен, который славился как самый хулиганский рабочий район города Калининграда. Похоронили его на городском кладбище, вблизи которого во время перестройки я и построил дом. Так что сейчас мы тоже рядом: он после разложения печени – в могиле, я – в своем особняке недалеко от него.

Проезжая или проходя мимо кладбища, я все чаще и чаще думаю о том, почему так быстро русский народ спивается. Сотни, тысячи людей, особенно бедных, из рабочих кварталов окраин городов, а также сделанные коллективизацией «калеками» сельские жители, погибают от «зеленого змия» и не только в пожилом, но и в среднем и молодом возрасте. Разве это от слабости характера русского человека? Часто говорят, что «он пьёт, как сапожник» или «как ломовой извозчик». Это не так: он пьёт в несколько или даже в десятки раз больше: ведь ломовые извозчики «для сугреву» выпивали лишь по сотке на брата. А сейчас без выпивки пары «соток» не обходится ни одна беседа и молодых и старых людей, в том числе и девушек, и матерей, которых мы видим на улице или в каждой из серий многочисленных сериалов.

Где спасение тела и души русского человека? Этот вопрос мучает россиян с незапамятных времен. Но ответа на этот вопрос люди не находят.

Не нахожу ответа и я, когда подхожу или проезжаю мимо кладбища, мимо моего доброго друга детства.

Люстра

В советское время мы, молодежь, да и многие взрослые туристы любили приезжать в Таллин, небольшой чистый, но столичный город. Узкие улочки, невысокие дома, тихие немногочисленные площади в старом городе, а главное – маленькие кафетерии, где можно было за умеренную плату посидеть за столиком, выпить бокал хорошего пива, закусив его редкой в те застойные времена тонкой сосиской, или выпить чашечку крепчайшего, пьянящего своим незабываемым ароматом кофе вместе с рюмочкой вкуснейшего черного ликера «Ванна Таллин». Этот ликёр стал своеобразной маркой не только самого Таллина, но и людей, и самой обстановки, существовавшей в кафетериях, в музеях или просто на площадях этого города. Вежливое обращение, красиво и аккуратно одетые люди, быстрое обслуживание, правильные денежные расчеты (без требования чаевых). Такая обстановка располагала к отдыху от повседневных

забот, к душевной беседе, к добрососедству. В общем, для людей Советского Союза, особенно для жителей крупных российских городов, столица Эстонской ССР – Таллин (да и другие, более мелкие города Эстонии) был тем оазисом, в котором люди приближались к вожделенному Западу, отделенному от нас не только железным занавесом, но и каменной стеной.

С такими добрыми воспоминаниями о Таллине, Эстонии и эстонцах в разгар перестройки – распада Советского Союза и полного безтовария у нас, в Калининграде, я каким-то образом оказался в Пярну. Независимость советских республик уже была провозглашена, но политических границ еще не было, и в прибалтийских республиках «ходили» еще советские рубли. С радужными мыслями о лучезарном будущем после завершения перестройки и окончательного отделения друг от друга и от России всех республик Союза я гулял по Пярну, ел в кафе эстонские сосиски, запивая их пивом, а затем – и черным кофе, правда, уже не столь ароматным и крепким, как ранее. В Калининграде в самом разгаре шла стройка моего коттеджа: уже была возведена крыша, вставлены окна и двери, выполнялись штукатурные работы. Вставал вопрос, как лучше украсить и осветить комнаты. Но в магазинах Калининграда – пустота. Ни электрического провода, ни ламп, ни светильников. Вот в Пярну и зашел я в магазин электротоваров: товары разложены по полкам или подвешены под потолком, в светильниках, бра, настольных лампах горят лампочки. В магазине светло, чисто. Выбрал я более или менее, как мне тогда казалось, приличный комплект светильников: люстру под потолок, бра на стенку и лампу на стол. Милая, аккуратно одетая продавщица, эстонка, вежливо мне сообщила, что весь комплект будет стоить что-то около 276 руб. Потом добавила: «Русские могут вывести из Эстонии товаров только на сумму 250 руб.» Я это принял во внимание, оплатил счет и попросил все упаковать в один пакет. Так как до отхода моего автобуса в Калининград оставалось еще несколько часов, я попросил у продавщицы разрешения оставить пакет со светильниками в магазине до его закрытия с тем, чтобы погулять по прекрасному курортному городку, особенно по его паркам. Получив согласие продавщицы, я отправился в город. За 10 минут до закрытия я был у магазина, но он оказался уже закрытым. Продавщицы еще находились внутри. После стука в дверь они открыли мне и выдали пакет со светильниками.

Автобус на Калининград, в котором я ехал, был остановлен в поселке, где была пока еще только намечена (но не обустроена) государственная граница. Но эстонская таможня уже работала. Служащая таможни зашла в автобус и стала проверять багаж. Я ответил, что в пакете у меня светильники. Она спросила, сколько все это стоит. Узнав, что 276 руб. она заявила, что товаров на такую сумму она пропустить не может, можно вывозить товаров не более чем на 250 руб. (тогда это было меньше 10 долларов США). После долгих переговоров мне было все же разрешено вывезти все.

Приехав домой, я тут же стал разворачивать покупку, чтобы показать светильники супруге. Каково же было мое изумление, когда вместо 3-х купленных мною предметов в упаковке оказалось 2: настольной лампы там не было.

Я вспомнил вежливую улыбку милой женщины, упаковывавшей все три предмета и подумал, что внешний вид человека не всегда совпадает с его внутренним моральным обликом. Подумалось мне: почему так часто мораль человека бы-

стро меняется в зависимости от политических событий, казалось бы, не имеющих значения в таком незначительном вопросе, как продажа светильников.

Бра давно выброшено на свалку, а вот трехрожковая люстра в бабушкиной комнате висит до сих пор. Правда, уже без одного плафона. Сейчас я мог бы здесь, на месте, купить сотню светильников, и получше эстонского, но все как-то недосуг. В связи с катастрофической скоростью уходящих лет я сам перебрался этажом ниже, в бабушкину комнату. И когда, проснувшись, я вижу люстру без одного плафона, я вспоминаю чистый городок Пярну, симпатичную аккуратную одетую эстонку и думаю о том, что как часто внешний облик человека не совпадает с его внутренним содержанием.

Уроки, уроки

- Пожар! – слышу голос супруги, – горим! горим! – продолжает она. Я услышал, почувствовал, что на втором этаже творится что-то неладное. Тем более, едкий запах, достигший и моего совершенно не чувственного на запахи обоняния, подтверждал это неладное. Перепрыгнув через несколько ступенек, оказываюсь на втором этаже. В каминной комнате «черный туман» и дым, состоящий из мельчайших пылинок сгоревшей пластмассы. Сквозь дымку вижу супругу, что-то там делающую. Открываем окно, балконную дверь. Смотрю, на полу – черная дырка, в дырке какой-то сгусток горячей массы с металлическими деталями, из массы торчит электрический шнур, выдернутый из розетки. Спрашиваю: «Что случилось?» Супруга кричит: «Совсем обалдел! Почему оставил фен включенным в розетку? Чуть не спалил дом! Это твой серый фен загорелся и мог натворить вон сколько бед. Хорошо, что я была в спальне. Почувствовала едкий запах. Вышла посмотреть. Смотрю – дубовый паркет горит, а шнур фена находится в розетке. Выдернула. Вылила пару кружек воды на горящий паркет. Вон какая дырка выгорела». Дырка, действительно, большая, черная. Я вспомнил, что паркет-то положен на смеси битума и смолы. Загорись и они, пожарным тут нечего было бы делать. А смердящий бесформенный ком пластмассы – это все, что осталось от корпуса фена.

Перестройка в нашей стране была уже в самом разгаре. В Москве уже стали появляться большие магазины, наполненные самыми дешевыми и некачественными иностранными товарами. После глобального товарного дефицита народ по привычке бросился все сметать с прилавков. Но вскоре он понял, что все эти импортные товары некачественные, большинство из них непригодны к употреблению, а закупленные товары начинающим частным торговцам надо было как-то сбывать. Они придумывали для этого разные способы. В тот период бедствования и подъема нашей частной торговли я и оказался в Москве.

Бодро, как поросёнок Степашка в студенческом анекдоте с воздушным пухом на кисточке, с трубочкой на шее и с телкой сзади, шагаю по новому Арбату. Поздняя осень. На тротуаре – уже снег, морозец пощипывает нос. Я одет в длинное серое зимнее пальто со светлым каракулевым воротником. Старая и лохматая, но очень крепкая шапка из белька тюленя на голове. Пальто хорошо прилегает к телу. Мне в нем уютно и тепло. Я то и дело, как Акакий Акакиевич на свою шинель, поглядываю на свое пальто. Оно мне нравится. Я почувствовал в тот момент гордость за советскую легкую промышленность. «Ведь и правда, что «советское – самое лучшее». А пальто я купил в конце

самого бестоварья: помню у меня оставались сотни советских рублей, ценность которых таяла по часам, а купить было нечего. Захожу в магазин, все полки, вешалки пустые. Но, нет! На одной из вешалок сиротливо висит единственное пальто. Его даже при тотальном товарном дефиците, когда горожане, чтобы реализовать свои денежные сбереженья даже бутафорские чучела медведей раскупили, никто не брал. Покрутился я в пустом магазине, еще раз подошел к пальто, пощупал материал – добротный драп, цвет – серый, красивый, воротник – качественный. И решил: так и быть вложу я свои последние 220 руб. в это пальто. Вложил, принес домой, примерил. Как раз! Как-будто на меня сшито. Вот и одел я его, поехав в очередную командировку, в Москву.

Итак, бодро шагаю я ранним утром по Новому Арбату. Мне тепло, хорошо. Дела закончены, через пару дней буду у себя дома, в Калининграде. Поглядываю на свое пальто, и на лице вновь появляется скрытая улыбка, и мне хочется, чтобы меня заметили прохожие, чтобы они тоже посмотрели на мое пальто, порадовались жизни вместе со мной. И, представьте, заметили. Подходит ко мне молодой человек, очень прилично одетый, с галстуком, и говорит: «Наверное, вы – гость столицы? Так хорошо выглядите». Я подтверждаю: «Да, я гость». Молодой человек: «Я вижу, вы очень хороший человек. Наш магазин проводит сегодня гуманитарную акцию. Одаривает хороших людей подарками. Эта акция в целях рекламы будет показана сегодня в 17 часов по телевизору. Так что примите от нашей фирмы вот эти подарки и смотрите себя по телевизору». И вручает мне иностранные коробки. В одной из них – сушилка для волос (фен), во второй – коробка конфет. Смотрю: все вроде настоящее. Молодой человек спрашивает: «А откуда вы приехали?». «Из Калининграда!» «О, Калининград красивый город. Вот вам еще два подарка». Вручает мне еще два полиэтиленовых пакета. Затем, опять: «Вижу, вы очень хороший человек» (при этих словах опять улыбка появляется на моем лице, сильнее выпячиваю грудь), «Вот вам еще один самый дорогой подарок, бритва Braun». Открываю коробку: действительно, красивая круглая бритва, работающая от электросети и от батареек. Говорю: «Спасибо» и поворачиваюсь, чтобы идти дальше. Молодой человек задерживает меня. «Знаете что, бритва – очень дорогая. Мы её просто так не дарим. Мы собираем пожертвования для детских домов. Просим и вас пожертвовать на это благородное дело триста рублей. Обо всем этом будет сообщено и по телевидению в 17.00. Так что включайте и смотрите». Ну, думаю, дети действительно достойны помощи, да еще покажут по телевидению. Лезу в карман, достаю 300 рублей и отдаю парню. Он благодарит. На прощание говорит: «Смотрите телевидение!». Я довольный, с двумя большими полиэтиленовыми пакетами подарков продолжаю свой путь по Арбату. Но примерно через сто шагов останавливаюсь, как «вкопанный». Мой мозг начинает шевелиться, улыбка исчезает с лица, взволнованный, начинаю соображать, что же произошло. Ведь я отдал почти последние деньги, а мне нужно еще купить билет в Калининград, который стоит больше 200 рублей. Притом начинаю соображать, а как же они снимали видео-кино, если у парня не было аппарата? Где же был объектив, неужели, как у шпиона, в пуговице его плаща? В смятении я оборачиваюсь назад, смотрю на парня. Первый порыв был идти, отдать все подарки и забрать деньги обратно. Но, увидев хитрую улыбку на лице парня, а также на лице другого молодого человека, очевидно, страхующего первого, я понял,

что окончательно покорила их своей наивностью, что никаких денег обратно они не отдадут. Я снова разворачиваюсь, и понутив голову и спустив «пар» из выпяченной груди, уже не гордясь своим «пальто-шинелью», побрел в сторону Белорусского вокзала.

Перестройка набирала силу, а самые большие обманы были еще впереди.

Выгоревшая, черная дырка в паркете каминной комнаты сохранилась до сих пор. Когда я вхожу в эту комнату и вижу её, я вспоминаю парня, желающего за счет таких же наивных людей, как я, побыстрее пересест со своего разбитого «Москвича» на «Мерседес», вспоминаю очередной урок, преподнесенный мне, и снова на моем лице появляется наивно-счастливая улыбка, сопровождающая меня вот уже около 70-ти лет: я доволен тем, что легко отделался, и что молодые люди начинают мыслить по-иному, чем мы, советские люди.

И никакой злости и обиды на парня, преподавшего мне очередной жизненный урок, у меня не осталось. По утрам бреюсь бритвой «Жилет», волосы сушу качественной сушилкой, а зимой продолжаю ходить в добротном сером зимнем пальто советского покроя.

Термос воды

Мой аспирант Алексей стоял перед ней с открытым термосом. Перед тем, как его открыть он произнес: «Хот вассер, бите?». Она, хозяйка маленькой гостиницы, в которой мы несколько дней проживали, Алексея с протянутым термосом «не замечала», спокойно продолжала убирать посуду после нашего завтрака. Убрав с одного стола, она перешла к другому. Мы все, группа геологов из пяти человек, стояли у открытой двери и поджидали Алексея с термосом. Прошла минута, две, пять, а хозяйка все не реагирует на просьбу налить кипяченой воды в термос, а Алексей без воды не уходит. Все молчат. Наконец хозяйка не выдерживает, берет со стола электрочайник и нервно наливает воду в термос. После «Danke» Алексей подходит к нам, мы усаживаемся в поджидающий нас микроавтобус и уезжаем к себе, в Калининград. Ехать примерно сутки. Поэтому мы и решили попросить термос воды, чтобы в пути выпить не только пива или кока-колы, но и обычной воды. А ехали мы из Киля, где находились по приглашению Геологического института несколько дней на конференции. По рекомендации пригласивших нас немецких коллег мы и проживали в частной, уютной гостинице. Нас обслуживала очень вежливая, всегда аккуратно одетая хозяйка. И никаких вопросов ни у неё, ни у нас не возникало. Вежливость и уважение с обеих сторон. За все уплачено по счету, и мы уезжаем. И вот – вода. Её нам давать не хотели. И долго над нами молча то ли издевались, то ли учили: «За все надо платить». За ночлег и питание мы уплатили, и все – пожалуйста. Теплую воду мы не покупали, мы просто, как это принято у нас, в России, её попросили, памятуя о том, что вода – не продукт, и она ничего не стоит. Но это – у нас. А у них – продукт. И он стоит денег. Причем у них что-нибудь просят уж очень бедные люди, а к ним отношение в Европе пренебрежительное.

Получив еще один наглядный урок капитализма, мы молча выезжали из Киля, анализируя каждый про себя случай с термосом. Я невольно вспомнил поворот рек Аму- и Сыр Дарьи, уничтожение при этом полупресного озера-моря Аральское и уход примерно половины дебета повернутых рек в пески пу-

стыни, пренебрежительное наше отношение к чистейшей питьевой воды – озеру Байкал, все еще не замолкающие разговоры о желании повернуть великие реки Сибири на юг, в другие государства, и у меня как-то само собой исчезло возникшее было нехорошее чувство к немке, долго не дававшей нам термос «дармовой» воды.

Отцы и дети

- Славик! – крикнул старик, выбежавший из палаты в длинный коридор дома для престарелых.

Славик (Ростилав) заткнул уши пальцами, чтобы не слышать больше отца, ускорил шаг, направляясь к выходу. Выбежав во двор, он быстро уселся в свой рыжий «Москвич» и рванул со двора, а затем и из городка, где находился дом престарелых. Оказавшись дома, он почувствовал себя свободным от забот о состарившемся больном отце, что, по его мнению, позволяло ему жить с женой более вольготно. Проживали они в малогабаритной квартире многоэтажного дома в областном центре и могли уже не волноваться, что потерявший память и зачастую не контролирующий своих поступков отец откроет кран газовой плитки или кран в ванной комнате.

Жена Ростилава спокойно заснула. Он же сам в дреме и во сне все чаще слышал последнее отцовское «Славик!». Проснувшись, он все резче чувствовал свою вину. Он вспоминал те времена, когда с отцом ходили на рыбалку, работали на даче, строили домик, а после работы, вечером сидели за столом и обсуждали будущее. Затем он видел уже состарившегося отца, потерявшего память, и все чаще не контролировавшего свои действия. И слышал знакомый, надрывной крик любимого некогда отца «Славик!», одетого уже в длинный балахон-рубашку казенного дома, но в тот момент все соображавшего и понявшего, что его родной сын Славик отказался от него и бросает его в самый печальный, но торжественный момент, момент расставания с жизнью здесь, на Земле, и встречи с Всевышним, там, в неведомом никому другом мире. Ростислав пытался оправдать себя тем, что их квартира состоит всего из двух маленьких комнат, что он и его жена работают, и что денег на приглашение для ухода за больным отцом и оплату услуг сестры-служанки у них нет, но и после таких раздумий появлялась щемящая боль за отца и он не мог от этой боли избавиться. Наконец, на седьмые сутки он не выдержал.

Ведомый криком «Славик!», Ростислав завел «Москвич» и рванул обратно в Славск. Вбежав в палату, он отца в ней не нашел: его труп уже находился в комнате для отошедших в другой мир. В этой комнате находились трупы других стариков, сданных в дом престарелых, которые, оказавшись в непривычных для них условиях, быстро уходили в другой, потусторонний мир.

Через несколько лет и душа самого Ростислава улетела туда навстречу с душой отца, чтобы покаяться и повиниться.

По следам Германа

Он появился передо мною в уютном скверике, возвышаясь на узком пьедестале, раскинув свои знаменитые усы и опустив почти до пояса еще более знаменитую бороду. Он как-бы сливался с растущими позади него березками, которые своими маленькими твердыми листочками тихо шелестели, создавая

еле слышный звуковой фон. Слева от него находилось прибранное кладбище советских воинов, погибших во время боев за прославленный Германом Зудерманом городок Хайдекруг, а справа, устремив острый шпиль вверх, ближе к богу, возвышался лютеранский костел. Позади постамента с надписью «Hermann Sudermann, 1857–1928», сразу за березками виднелось двухэтажное здание с красной крышей, рядом с которым угадывалось здание первой гимназии, в которой я учился почти шестьдесят лет назад. Герман данную гимназию не посещал: он учился в частной школе в деревне Мацикай, что в 3–4-х километрах от Хайдекруга, затем в Эльблонге, Кенигсберге и Берлине. Мы с Германом, хотя и земляки, но разница во времени нашего пребывания в Шилуте, как сейчас называется Хайдекруг, составляет почти семьдесят лет. Я назвал себя земляком Зудермана, правда, условно, в связи с тем, что в детстве я проживал именно в тех местах, которые писатель описал в 1917 году в своих знаменитых новеллах «Литовские рассказы»: торфяные заливные луга (бывшие болота), на которых Ионас и Эрдме с такими горестями строили свой первый дом и налаживали семейную жизнь, а также реку Неман, по которой Ионас и Она путешествовали в Тильзит.

Правда в годы моей учебы в гимназии (1946–1952 гг.) я, конечно, ничего не знал о творчестве и жизни писателя и драматурга Германа Зудермана. Сейчас, прочитав его рассказы о жизни простых и бедных жителей данного края, я вновь проехал и прошелся по тем описанным Зудерманом местам, где прошло детство самого писателя и где я играл, учился, косил с отцом сено, ловил рыбу и отдыхал. Интересно было сопоставить эти места сейчас, сто лет спустя, после того, как Зудерман описал их в рассказах.

На автомобиле я проехал по хорошо заасфальтированной дороге, что ведет из Хейдекруга в Русне и остановился на длинном каменном мосту Шлажу, откуда лучше всего видна панорама тех низменных и когда-то болотистых мест, на которых разворачивались события, описанные в рассказах. Был жаркий и солнечный день июля. Сегодня никаких болот я не увидел, хотя еще во время моего детства, особенно весной, они хорошо были видны. Тогда, 60–65 лет тому назад, островки небольших возвышенностей, на которых виднелись добротные, чаще всего каменные усадьбы крестьян, построенные местными жителями, которых мы, дети, в первые послевоенные годы называли пруссами, во время разлива Немана были окружены водными пространствами. И сообщаться тогда крестьянам с «болотной земли» с жителями «большой земли» или друг с другом приходилось по воде на лодках. Сейчас же, стоя на мосту Шлажу, я с трудом мог представить себе такие большие разливы рек и окруженные водой островки возвышений с жилищами, которые наблюдались в мою бытность гимназистом. Спустившись с моста, сошел с ленты асфальтированной дороги и пошел по сухому лугу, который называется «Шилутское пастбище». Почва лугов была твердой, тех давних болот как и не бывало. Столь разительные перемены за столетний период времени произошли в результате мелиоративных работ: заливные луга в недавнем прошлом в советское время были разделены прямоугольными мелиоративными каналами, в которые и сбегала болотная вода. Вокруг каналов этих лугов на некогда болотистых местах раскинулись садовый городок Раса, новый жилой поселок Науякурый (Новоселы) с красивыми каменными домами. И жители города Шилуте, некогда бывшего Хейде-

круга, все активнее и активнее переселяются в эти дома, все дальше и дальше простирающиеся от города в глубь некогда существовавших здесь болот, в направлении городка Русне, что на берегу Немана. В каналах близ жилищ расцвели многочисленные водяные лилии, делающие садовые участки, а ныне прекрасные жилые поселки, еще более разительно отличающимися от тех отдельных жалких домишек, что описаны Зудерманом. Каменный дом моей сестры расположен как раз на берегу одного из таких каналов. Когда я утром открываю окно, чтобы полюбоваться на лилии с яркими розово-красными с белой каёмочкой бутонами, я вижу либо дикую утку с выводком утят, либо курочку-чирка с выводком цыплят, бегающих то по листьям водной лилии, то плывущих по чистой воде.

Герман Зудерман родился в деревне Мацикай, что с противоположной стороны от деревни Тракседжай, где я, гимназист, проживал. Мацикай находится в 3–4 километрах от города Шилуте по дороге в Жемайčiu Науместис. Предки Германа приобрели здесь двухэтажный каменный дом и устроили в нём пивоварню. В доме-пивоварне и родился Герман. Этот дом сохранился до наших дней. На стене дома находится мемориальная доска с фамилией и годами жизни писателя. В одной из комнат организован маленький музей литературных произведений писателя и драматурга. С некоторым волнением я смотрел на пожелтевшие от времени труды Зудермана, на немногочисленные его фотографии. Новая книга, изданная в 2007 г. в Клайпеде на русском языке с новеллами «Литовские рассказы», до этого музея еще не дошла.

За домом Зудермана находится небольшой пруд и парк со столетними дубами. Все это, а также красивые усадьбы новых литовских богатых людей, украшенные каменными стенками и валами с цветами, делают деревню весьма привлекательной для туриста и путешественника. Каждый из нас, побывав в усадьбе Зудермана и в Мацикай, получил бы огромное наслаждение, если бы не одно «но» За усадьбой родителей Зудермана, в каких-то 400 метрах находится второй музей – бывший лагерь для военнопленных Мацикай. Лагерь был создан в 1939 г. немцами для содержания военнопленных Польши, Великобритании, Франции и других стран. В 1941–1944 гг. здесь содержались советские военнопленные, а в 1944–1946 гг., то есть после восстановления в Литве советской власти – немецкие. В 1948–1958 гг. лагерь существовал как филиал ГУЛАГа, в котором содержались уже политически неблагонадежные (для советской власти) жители Литвы.

В настоящее время из лагерных построек сохранился лишь каменный дом с небольшими комнатами (камерами) для 4–10 человек каждая. Дом настолько добротный (с толстыми стенами и маленькими окошками), что, очевидно, был построен немцами. В настоящее время в первом помещении этого дома висят портреты Ленина и Сталина, герб Литовской ССР, карта СССР с обозначением мест расположения ГУЛАГов и мест ссылок граждан Литвы. Осмотрев это печальное место, мы снова проехали мимо усадьбы с мемориальной доской «Герман Зудерманн» и приехали домой, в садовое общество «Раса» города Шилуте. Я зашел на второй этаж дома моего зятя Виталия и сестры Анны, открыл окно, посмотрел на канал с прекрасными лилиями и водяными курочками-чирками и далее на луг – городское пастбище с пасущимися на нем коровами. И снова меня охватила теплая волна чувств, особенно при воспоминании о тех добрых

строках и страницах, которые 100 лет назад написал немецкий писатель и драматург Герман Зудерман о простых людях – литовцах, жителях здешних болотистых мест дельты реки Неман.

«Око Земли»

Прошло уже около 40 лет, но я снова и снова с некоторым содроганием вспоминаю те чувства, которые остались у меня при его рассмотрении. Казалось бы, чего содрогаться из-за такой мелочи: малюсенькое озерцо, даже не озеро, а овальная лужица диаметром около 10–20 метров. Но эта «лужица» находилась в сосновом лесу и, по рассказам местных жителей, была глубокой и таинственной. До сих пор мне так и не удалось узнать, действительно ли эта «лужица» была очень глубокой или даже «бездонной». Обнаружив длинный сук, я пытался воткнуть его в «лужицу» в надежде достать дно, но куда там!

Жители близлежащей деревни Морковцы называли эту «лужицу» озерцом. Говорили, что там водится окунь. Никакой другой рыбы там нет, потому что вечно голодный окунь все живое употребил в пищу. Соорудив из длинной ветки что-то наподобие удочки, прицепив к леске крючок с жирным червяком, я отправился к озерцу на проверку. Закинув удочку в воду, стал ждать, когда проглотит червяка голодный окунь и я его выдерну наружу. Но прошла минута, две, пять, а сооруженный из палочки поплавок мертво лежал на воде без движения. Я удлинял и укорачивал леску с тем, чтобы червяк оказался как можно поближе ко рту воображаемого голодного окуня, но все было бесполезно: поплавок не двигался. Я еще и еще раз обходил озерцо вокруг, глядя на зеленовато-голубоватую прозрачную воду. Какое-то неведомое, даже таинственное чувство в моем сознании и душевный трепет говорили о том, что действительно это озерцо необычно, что оно даже опасно для меня. Я боялся стать на обрывистый берег озерца с тем, чтобы попытаться дотянуться до уровня воды, находящейся на один метр ниже берега, зачерпнуть ладошкой воду и попробовать ее на вкус. Я, моряк, побывавший во всех океанах и во многих морях, боялся, что если прикоснусь к воде, какая-то неведомая сила или, в худшем случае, крупный окунь схватит мою руку и утащит в глубь этого озерца-колодца. Смотав леску на кривое удилище, я еще раз посмотрел на поверхность воды озерца: вода как вода, чистая, прозрачная, в ней четко отражались плывущие в небе облака и ничего больше.

Поразмыслив еще несколько минут над загадочностью этого озерца, я пошел к себе в деревню, где находилась моя семья.

Забрели мы сюда, в белорусскую деревню Морковцы, соблазненные рассказами наших сослуживцев по институту Гены и Тани Бамбизовых, которые не единожды здесь отдыхали. Рядом – сосновый лес, песчаная почва, разнообразие ягод, грибы, молоко, чистая колодезная вода, тишь – чего еще надо для летнего отдыха городской семье с маленькими детьми. Наша дочурка Юля, дети Бамбизовых, местные дети быстро организовали единую детскую команду, играли с собаками и курами, собирали ягоды и грибы, учились ездить на велосипеде. В общем, нормально отдыхали. Мы с женой Лидой тоже ходили в лес, вечером с Бамбизовыми готовили ужин, сидели у костра, иногда смачивали сытную сельскую еду стаканчиком самогона местного разлива. Однако, несмотря на сельскую благодать, я нет-нет да и опять задумывался над происхождением таинственного

озерца, над его еще более таинственными обитателями – окунями, которые, по рассказам местных жителей, с голоду хватали даже голый крючок.

Так и не разгадав тайны озерца, после отдыха мы на автомобилях уехали к себе домой, в Калининград. Озерцо я стал забывать. Но вот однажды, вместе с другими участниками конференции, я попал на экскурсию по интересным местам Литвы. Наши коллеги завезли нас в лес, в котором показали геологический объект под названием «Яма». На ровном месте в лесу – глубокая овальная яма неразгаданного геологами происхождения. Я стал вспоминать другие геологические объекты на земле, в частности маленькое море-озерцо под необычным названием Могильное, расположенное на острове Кильдин в Баренцевом море. Затем любознательность столкнула меня с многочисленными, бездонными лагунами на острове ... в Индонезии. Для меня они представляли специальный интерес в связи с тем, что несмотря на многие попытки акванавтов измерить глубину этих лагун дно они так и не нашли. Изучая строение толщи воды и ныряя с аквалангами, за дно принимали слой мутности, очевидно, порожденный геохимическими процессами на границе раздела вод с кислородом (вверху) и сероводородом (внизу). Такие образования как озерцо у деревни Морковцы, названное мною «Оком Земли», а также лагуны в Индонезии представляют интерес не только для любознательных людей, но и для ученых-специалистов. С этой точки зрения они интересовали и меня. Мой интерес к таким таинственным образованиям еще более обострился благодаря программе «Телепутешествия». В почтенном возрасте меня стала одолевая бессонница. Включив ночью телевизор, я знакомлюсь с жизнью зверей или путешествую по разным странам. На днях показали таинственный и обожествляемый индейцами майя подводный мир полуострова Юкатан, где майя выстроили когда-то свои города и священные пирамиды. Я уже писал в одной из книг воспоминаний о своем последнем посещении одного из таких городов индейцев майя в Мексике. А на Юкатане я не был, хотя морские просторы, омывающие земли индейцев Юкатана, я изучал. В последние десятилетия я заинтересовался многочисленными овальными и продолговатыми озерами, расположенными в плане в виде окружности в джунглях, где обитали майя. Эти озера являлись таинственными и священными местами этой древней и весьма просвещенной по тому времени цивилизации, там где индейцы брали чистую воду. Оказалось, что эти озера, по моим представлениям тоже являющиеся «глазами Земли», соединены между собой подводными пещерами, заполненными водой, которая течет. Куда течет? И почему течет? И каков состав этой воды? Ученые уже дали ответы на эти вопросы. Вода является слоистой: нижний слой – соленый, верхний – пресный, подводные реки соединяются с океаном, при этом пресная вода течет в океан, а соленая – из океана в пещеры. Доказано, что этот подводный мир и служил причиной концентрации индейцев майя, их городов и святилищ именно у источников чистой питьевой воды. Ученые предполагают, и не без основания, что 65 миллионов лет назад овальные и круглые озера полуострова Юкатан образовались в результате столкновения Земли с гигантским метеоритом. Именно в результате этой космической катастрофы вымерли многие виды животных, в первую очередь известные всем в мире динозавры. Но для меня, как для естествоиспытателя, «подводные реки» Юкатана в первую

очередь интересны с геохимической точки зрения: если водная толща рек состоит из кислородного и сероводородного слоев и если вода течет, то в зависимости от пятен на Солнце и, следовательно, от разных катастроф – от изменений климата, от усиления или ослабления приливо-отливных явлений – потоки вод в пещерах то усиливаются, то ослабевают. А это может приводить к необычным явлениям, которые мы наблюдаем в Слупском желобе и во впадинах Балтийского моря. В этих впадинах благодаря смене кислородного режима на сероводородный образуются интереснейшие полезные ископаемые – марганцево-никелевые руды, подобные рудам Никопольского месторождения на Украине. Сопоставляя это месторождение с донными осадками впадин Балтийского моря, я заявлял, что эти впадины – единственные места на Земле, где процесс марганцеворудного образования протекает в настоящее время. Но после просмотра фильма о подводном мире Юкатана я засомневался: а может и в пещерах майя образуются подобные руды? Ответ на этот вопрос дадут дальнейшие исследования подводного мира майя.

Удивительно устроен мозг человека, особенно мозг ученого. Если он постоянно думает о каком-то загадочном явлении природы, то иногда достаточно случиться какому-нибудь мелкому явлению, например, прилету пчелы или падению звезды, и это явление, помогает ученому найти ответ на более крупный, проблемный вопрос. Для Ньютона таким толчком мысли, как известно, было падение яблока.

Время идет. И часто, когда к нам в гости приходит Сморгонька, как мы в Морковцах называли дочку Юлю, я вспоминаю то маленькое и для меня таинственное до сих пор озерцо – «Око Земли» в деревне Морковцы Сморгоньского района Беларуси.

4.2. ВСЕСОЮЗНЫЕ ШКОЛЫ МОРСКОЙ ГЕОЛОГИИ

По инициативе и при непосредственном участии профессора Александра Петровича Лисицына (в последующем академика РАН) в 1974 г. была организована большая геологическая конференция, названная Всесоюзной (в последующем Международной) школой. Первые десять школ проходили в г. Геленджике под непосредственным руководством кандидата наук Казимира Шимкуса. Научное руководство неизменно осуществлял А.П. Лисицын, называемый школьниками Учителем. На первые школы, которые проходили каждые два года, в разные годы съезжались по триста-пятьсот человек. Работа продолжалась 5–6 дней, в результате публиковались расширенные тезисы докладов, издаваемые в Москве под редакцией А.П. Лисицына. На школу приезжали не только морские геологи, но и маститые «зубры» науки – академики, члены-корреспонденты, директора институтов, профессора университетов. Все эти ученые выступали и в качестве учителей, то есть делали научные доклады, и в качестве школьников, то есть слушателей докладов других ученых. Польза от школ была несомненная: люди, работающие в разных областях естествознания, имели возможность высказать свои идеи и показать свои научные наработки. Они имели также возможность познакомиться с идеями и материалами своих коллег из

разных уголков СССР, а в последующем и мира. Во время школьных «занятий» все школьники имели возможность непосредственно общаться друг с другом, делиться признанными и еще пока мало популярными идеями.

Завершались школы общим банкетом, обычно на природе, в Голубой бухте, с приготовлением шашлыков, которые запивались молодым краснодарским вином.

Я не стану в данной книге описывать достоинства школы, это – тема для других, научных книг, а здесь в шутливой форме выскажу несколько сугубо моих впечатлений.

Эволюция среднего «школьника»

*Посвящается организатору первых десяти школ
Казимерасу Миколовичу Шимкусу*

Первая школа, 1974 г.

Он бодро поднялся на трибуну. Стройный, в строгом костюме, с ярким галстуком и с обвораживающей улыбкой на лице. Аудитория притихла в ожидании такого же стройного доклада, как и он сам. Посмотрев в зал, он открыл папку и, запинаясь, стал читать название доклада. В зале послышался тихий шепот. Пробежав по залу глазами, он еще больше смутился, но продолжил доклад. Показав первые несколько слайдов, он опять уставился в написанный текст доклада и продолжил чтение. Шум в зале усилился. Слушатели увидели какое-то несоответствие между его стройной фигурой и нескладной речью. Закончив кое-как скомканный доклад, он, красный от напряжения, спустился с трибуны и, понурив голову, пошел на свое место в зале. На трибуну уже поднимался следующий докладчик.

Школьник, сконфуженный неудачным докладом, не стал слушать своего коллегу – следующего докладчика, вышел из зала и пошел погулять на набережную. Погуляв и восстановив свою нервную систему, он вернулся в зал заседаний. Доклады продолжались до вечера. За ужином все шумно делились впечатлениями об услышанном, а также о том, как хорошо шумит море, и когда народ пойдет купаться.

Первая конференция (школа), продолжалась еще четыре дня. Все ждали пятый, чтобы приступить к выполнению мероприятия номер пять – к поеданию шашлыков. А мероприятие обещало быть шумным, но приятным. Местный организатор школы К. Шимкус всех успокаивал: «Подождите еще немножко, не всех баранов еще отловили, костры пока не готовы, да и вино еще не подвезли». Все устремили взгляды на шесть полыхающих костров у речушки Ашамба, не забывая интересоваться столами, где уже стояли граненные стаканы, лежал нарезанный хлеб и много, много овощей. Народ, несколько сотен человек, стал группироваться в кучки, обсуждая разные вопросы. Стемнело быстро. Костры еще догорали, когда Шимкус выкрикнул: «Вино привезли!». Все стали подходить к столам. Помощники Шимкуса стали наполнять стаканы. Учитель произнес первый тост, подчеркивая, что все мы, невзирая на разные научные степени и занимаемые должности, являемся школьниками и должны прилежно учиться, то есть внимательно слушать подготовленные и неподготовленные (т.е. с незаконченными результатами исследований) доклады и активно участвовать в дискуссиях. Наконец он закончил. Все подняли стаканы со свежайшим каберне. Выпили. Еще раз на-

лили, и тоже выпили. Наконец главный по шашлыкам Юра Евсюков крикнул, что шашлыки готовы. Все бросились к кострам, получать свой шампур. Ели шашлыки, запивали вином, а кое-кто и водкой. Общий шум, гам. Где-то вдали играла музыка. Но из-за шума мелодию слышно не было. Лишь «бум, бум, бум!» звук барабана долетал до ушей. Съели, запили. После чего даже совсем молчаливые заговорили. Тут кто-то объявил, что сейчас будем выбирать самую красивую школьницу. Стали выдвигать. По итогам всеобщего, но самого демократичного голосования, выбрали. Красавицей оказалась «юная», с седыми кудрями, пенсионерка Аня Косовская, доктор наук. Любвеобильные мужчины её откуда-то извлекли и доставили на своих плечах в центр пиршества. Поздравления, хохот, всеобщее веселье. Народ продолжает подливать уже кончающееся каберне из бутылей и канистр. В ход уже пошли бутылки белой, припасенные предусмотрительными школьниками заранее. Ненасытившиеся бросились искать запасные шашлыки. А там, у костров, группа мужиков, несколько отделившись от центра пиршества, выясняли между собой вопрос о том, кто кого больше любит. Парочка самых здоровых и наиболее любвеобильных, не удовлетворившись ходом выяснения, и схватив друг друга за галстуки, стали выяснять вопрос значительно громче. Но оба они после выпитого вина под вселенский шум друг друга не слышали. Поэтому начали испытывать друг друга на устойчивость. К всеобщему удовольствию один из выясняющих оказался на земле, а второй, оседлав первого, старался заломить ему руку. Посторонние бросились спасать руку. В одном из разведенных силачей мы узнали приятного на вид школьника, но уже доктора наук, обитающего где-то то ли на 26-ом, то ли на 32-ом этаже высотного здания МГУ.

Больше выяснений любовных отношений между однополыми школьниками ко всеобщему неудовольствию не было. Все как-то понуро, но с ехидной улыбкой стали обращать внимание на противоположный пол и тихо, тихо приближаться к кустарникам. Благо, кустов на поляне было много. Некоторые же из школьников кустам предпочли тихие или громкие разговоры у догорающих костров. Третья группа, состоящая из наиболее философски настроенных, отойдя в сторону, любовалась лежащим на спине турецким месяцем и ярко светящейся Кассиопеей. Учитель тем временем тоже не терял времени даром: в уединении он упивался политическими разговорами с секретарем райкома партии, женщиной приятной во всех отношениях, удостоившей своим присутствием наше важнейшее мероприятие – поедание шашлыков. Левой рукой Учитель подливал из бутылки армянский коньяк, припрятанной для него услужливым Шимкусом, не забывая правым глазом следить за талией общепризнанной красавицы.

На следующий день – грустно-веселое расставание, обещание помнить и любить, но при этом «рожать» новые научные идеи и писать доклады, как на всех школах повторял Учитель, прямо с рабочего стола.

Девятая школа, 1990 г.

Прошло восемь школ, наступила девятая. Опять все еще Геленджик. Вездесущий ответственный, так же как и раньше, все еще бегаёт, но уже не так рьяно. Он то приветствует приезжающих школьников, то объясняется перед ними: «Извините. Перестройка. Денег не хватило на аренду автобусов. Но вопрос решаем».

Заседания школы проходили в большом зале. Школьников в два раза меньше. На школе все еще главенствуют «плитогоны»: они запросто разрывают земную гранитную кору, раздвигая ее обломки – плиты в океаны либо подсовывая одну плиту под другую. И во время поддвига самый любопытный из старых школьников, высокий, стройный все еще с богатой, но совершенно белой шевелюрой, все подглядывает и подглядывает под этот подвиг. Он старается узреть в каждом из поддвигов алмазы, чтобы стать Абрамовичем в науке либо учуять нефть и газ, чтобы быть похожим на Алекперова.

Седиментологам и геохимикам на трибуну прорваться почти не удастся. Но один пожилой и бравый малый из России (то есть из Новосибирска) все же завоевывает ее и начинает оттуда «пускать пыль». И не только в глаза, но и в тайгу Сибири и даже на снег Арктики. И тут, пока народ протирает глаза от запыленности, пользуясь суматохой, на сцену пробирается школьник младших классов и под одобрительные кивки Учителя начинает завоевывать умы тем, что извлекает эту пыль из снега и льда, дабы не допустить политической стычки с НАТО: ведь российская пыль (в основном радионуклиды), осев на снег арктических льдов, так и норовила ползти по пути, указанному верным ленинцем – Папаниным по дороге к Фраму. Больше ей ползти было некуда. Молодой школьник, собрав пыль в ладошку, умело демонстрировал ее на экране. Народ слушает, изумляется. Наконец, на сцену попасть удастся и нашему школьнику. Он, одетый так же аккуратно как и прежде, такой же стройный, но без прежнего лоска, начинает доклад. Доклад делает без написанного текста: два оверхеда высвечивают на экран его четкие цветные рисунки то с русскими, то с английскими подписями. Речь докладчика – стройная, гладкая. В аудитории – тишина: все внимательно слушают. Чтобы никто не уснул, докладчик то и дело обращается к воображаемому слушателю с вопросом или с замечанием. После доклада – аплодисменты. Девять классов, то есть школ не пропали даром. Школьник стал зрелым учеником. Пройдя обучение в первых 8-ми классах, он научился излагать мысль и выделять главное. Аплодисменты!

Восемнадцатая школа, 2009 г.

Она проходила в Москве по двум причинам: 1) из-за безденежья и 2) из-за того, что для москвичей Россия начинается и кончается до окружной дороги. В крайнем случае к России они еще присоединяют нефтяные скважины и газовые трубы, чтобы меньше пахло газом в настоящей, очень большой, но бедной России.

Школьников значительно меньше, чем на предыдущих школах: всех одолевают финансовые трудности. Суетиться некому, так как бесплотная душа организатора Шимкуса давно блуждает у райских ворот Вселенной. Заседание проходит в большом зале института. Школьник (я) тоже здесь. Устроился в 3-ем ряду, так как в 1-ом сидят «гиганты» (конечно, мысли), а 2-ой ряд неудобен. Учитель как обычно, открывает школу. Говорит, как здорово мы поучились в первых 17-ти классах-школах, и что в работе данной школы мы должны особое внимание обратить на нанотехнологии и на наночастицы. Школьники с интересом слушают. Нано – красивое и очень модное слово Нанотехнологиям принадлежит будущее. Новые идеи – характерная черта докладов на школе. Народ аплодирует Учителю.

Немногочисленные доклады начались. Первыми, как и прежде, на трибуну поднимаются прореженные временем ряды самых сильных учеников – «плитогонов», которые по-прежнему пытаются раздвигать плиты. Наконец к трибуне

стали приглашать и простых школьников. Дошла очередь и до Школьника. Он, как и раньше, не пошел к ступенькам, а решил шагнуть прямо на возвышение сцены. Но его ноги задрожали (почему-то эта дрожь больше всего чувствовалась в икрах и пятках), и он стал заваливаться назад. Но не упал, так как кто-то поддерживал его сзади. Школьник, как и прежде, был одет в темный костюм, но его брюки были невыглажены, засаленный, бывший некогда ярким галстук сдвинут на бок, рубашка была застегнута не на все пуговицы. Но на это Школьник уже не обращал внимания. Он, не дойдя до трибуны, сразу стал говорить. Говорил он о своих идеях и материале, световой индикаторной лампочкой бойко указывая на высвечиваемые компьютером рисунки. Говорил гладко, не заикаясь, без текста – бумажки. Семнадцать школ – классов, которые он прошел, сделали свое дело. Говорить и мысль излагать он научился. Но 35 лет, прошедших между 1-ой и последней школами сильно отразились на его как физическом состоянии, так и на внешнем облике. Под аплодисменты Школьник осторожно сошел со сцены и уселся в кресло третьего ряда. Под монотонные звуки следующего докладчика, он закрыл глаза и ... тут же задремал. И в дреме он увидел, как супруга, провожая его в Московскую Россию, наказывала: «Ты там смотри, опять не выйди на улицу в одном ботинке и в одном тапочке, и галстук проверяй, чтоб не оказался сбоку, и молнию на брюках». Открыв глаза он взглянул на ботинки – ботинки на месте, и левая рука автоматически поднялась и проверила, на месте ли галстук, а правая прошла по молнии на брюках. И после этого он снова задремал.

Прошло два дня. Школа работу закончила. Ученики, вооруженные новыми идеями, благодарят Учителя за интересные доклады. Вечером народ собрался за столами в малом зале для проведения хотя и куцего, но мероприятия номер пять. Куцего, потому что без шашлыков и без свежего каберне. Смех, шепот, звук передвигаемых стульев, бульканье «белого» напитка в стаканах. Учитель поручил руководство мероприятием своему ретивому, но все еще молодому последователю. Тот, не долго думая и не вдаваясь в тонкости философского искусства тамады, без перерыва на закуску стал предлагать выступить со словом то Иванову, то Петрову, то Сидорову. Народ не успевал почувствовать всей прелести прохождения горячительного напитка. Снова и снова слышались тосты и бульканье жидкости в бокалах.

Быстро все прошло, потому что все что быстро начинается, быстро и кончается. Под столом – никого, но за столом осталось несколько молодых душой, но матерых вечных школьников. Они, умилившись одобрением своих докладов, сливали остатки напитков из бутылок в свои бокалы.

Прощания, обещания помнить и не забывать, встретиться если не на юбилейной, 20-ой, то хотя бы на 19-ой школе.



Всесоюзная геологическая школа (1974 г.). На экскурсии по Кавказу. Справа налево: Ю. Богданов, неизвестный, Л. Лобковский, Г. Сорохтин., Л. Зоненшайн, Е. Емельянов.



На одном из заседаний геологической школы в Геленджике (1974 г.). В первом ряду (справа налево): П. Безруков, А. Лисицын, Е. Емельянов. Во втором ряду: О. Вялов, А. Коссовская.



Участники Всесоюзной школы морской геологии на фоне ГОА «Пайсис» в Голубой бухте (Геленджик, 1975 г.). Первый слева Ю. Гурский, Г. Сорохтин (стоит в очках), А. Митропольский (с усами, пятый слева направо в последнем ряду, стоят (справа налево) – Т. Линькова и А. Айнемер. В первом ряду (на корточках) – Е. Емельянов и В. Лавров



С единомышленниками К. Шимкусом (справа) и А. Комаровым (слева). VI Всесоюзная школа морской геологии (Геленджик, 1986 г.)

4.3. БЛУЖДАЮЩИЕ МЫСЛИ¹

Врачи и психологи говорят, что мозг человека никогда не перестает работать. Но чаще всего, когда человек не занят делом, его мысли «скачут» с одной темы на другую, беспорядочно сменяясь, и в памяти практически ничего не остается, кроме усталости. Волевые, целеустремленные люди в периоды ничегонеделанья пытаются беспорядочные мысли «обуздать», направить их по нужному руслу на решение какой-либо задачи или проблемы. Тогда человек отвлекается от окружающих его явлений, думая только о своём. Особенно это характерно для ученых. Тогда говорят, что это человек рассеянный. В последние десятилетия медики и психологи объяснили, что во время «рассеяния» мозг человека на самом деле очень сосредоточен, он усиленно работает в нужном для этого человека направлении.

Идея. Это мысль, озаряющая путь вперед.

Идея возникает спонтанно, без подготовки, или она «вымучивается» в процессе длительной деятельности, при предельном скоплении фактов? Этот вопрос преследовал меня долгие годы. Является ли работа плодотворной, если она выполняется без идеи? И может ли заменить идею постановка задачи и четкий план ее реализации?

Еще в гимназии я узнал, что работа без идеи это «бой негров темной ночью». Чтобы правильно вести этот «бой», нужно озарение, световое или мысленное.

Идея – явление редкое в научном мире. Большинство выполненных наших исследований являются безыдейными. Они выполняются ради плана и получения денег. Поэтому сотни и тысячи наших публикаций через год – несколько лет забываются, работы человечеством не востребовываются. Это побочный «научный мусор». А что относительно моих, то есть автора, работ? Являются ли они идейными? Скорее всего, нет, чем да.

Новая для меня (но, очевидно, не для научного сообщества) идея, причем весьма мелкая, то есть незначительная по научной значимости, за всю мою научно-творческую жизнь осенила меня лишь однажды. Мы выполняли исследования поверхности дна моря при помощи фотоустановки и подводного телевидения. И видели много дырок на дне (они описаны выше). Тогда в науке шла дискуссия о происхождении этих дырок и я не знал, как тот или другой исследователь объясняли их происхождение. Но большинство склонялось к биологической их природе. Днем и вечером я смотрел на фотографии или вспоминал телекадры дна с дырками на его поверхности, но так и не решил как же они образовались и почему не «заплывают» (не захороняются). И вдруг, рано утром я просыпаюсь от острой мысли, пронзившей не только мой отдыхающий (на самом деле, активно работающий и во сне) мозг, но и все тело. Соскакиваю со своей койки, и идея готова: это же газы! Газы, в основном метан, выходят из глубинных слоев земли и из верхних слоев осадков, разрыхляют его, и в мягком, вязком осадке взрыленный газовым потоком канал и является «дыркой».

Вторая плодотворная идея, появившаяся, правда, не внезапно, а в результате длительного размышления, это идея об образовании окисдно-карбонатных марганцевых руд, обнаруживаемых на континентах. Они образовались в ре-

¹ Поток сознания

зультате процессов, подобных происходящим во впадинах Балтики при периодическом сероводородном заражении придонных вод.

И все? И больше идеи не возникали в голове внезапно? К сожалению, нет! Остальные идеи приходили в результате кропотливого труда. И что же я такого сделал? Сформулировал и описал «правила фракций» и выявил их роль в геохимии, разработал основные положения учения о процессах на границах (барьерах) (это учение я назвал лимологией).

А остальные мои труды безыдейные? Не все. Многие из них разрабатывались под чужие идеи, то есть под идеи научного руководителя и коллег, либо под идеи ученых-предшественников.

Я заметил, что с возрастом, особенно после 60–65 лет, становлюсь все чаще «рассеянным». Я думаю о своей какой-то задаче, на вопрос отвечаю невпопад или иногда даже заворачиваю свою машину не в ту сторону.

Ни один человек все блуждающие мысли записать не в состоянии. Под заголовком «блуждающие мысли» я хочу записать лишь отрывки тех мыслей, которые зарождались в моем мозгу и я потом их несколько раз или многократно повторял. Эти блуждающие мысли не предназначались для читателя. Но раз читатель знакомится с ними, значит что-то повлияло на мое решение и они оказались опубликованными.

В 1989 г. в 1-ом рейсе НИС «Академии Мстислав Келдыш» мною был организован клуб невероятных (безумных) идей. Цель клуба – пробуждение мысли ученых, поиск среди «безумных» истинных, научно-значимых идей. Было разработано положение клуба. Оно должно было храниться у помощника капитана по науке.

Список участников 1-ого собрания клуба любителей невероятных и мало-правдоподобных идей

ФИО	Степень, звание	Институт
Матвеевков В.В.	кгн	ИО АН
Мерклин Л.С.	ктн	ИО АН
Городницкий А.М.	дгмн	ИО АН
Ваньян Л.Л.	дтн, профессор	ИО АН
Казьмин В.Г.	дгмн	ИО АН
Кашинцев Г.А.	кгмн	ИО АН
Соловьев С.Л.	дфмн, член-корр.	ИО АН
Шайдуров Ю.О.	н. сотрудник	АО ИОАН
Беляев И.И.	кгн	ИО АН
Кулиш С.	режиссер	Ленфильм
Лобковский Л.И.	кфмн (впоследствии чл. корр.)	ИО АН
Островский А.	дмфн	ИО АН
Рудник Г.Б.	кгмн	ИО АН
Емельянов Е.М.	дгмн, профессор	АО ИОАН
Москаленко В.Н.	кгмн	ЮО ИОАН
Контарь Е.А.	ктн	ИО АН

Впоследствии филиал клуба действовал и на НИС «Дмитрий Менделеев». Выше приведен список участников одного из заседаний клуба. Каждый из участников высказывал ту или иную невероятную идею. Наиболее интересными были идеи: 1) мантия – единый кристалл (оливина) – Г.Б. Рудник; 2) Америка отодвигается от Африки благодаря силам прибоа – А. Островский; 3) искажение геоида (и поверхности океана) происходит за счет перераспределения массы ядра Земли – Л.И. Лобковский и Е.М. Емельянов.

Е.М. Емельянов заявил, что необходимо создать Всесоюзное общество любителей невероятных (безумных) идей с изданием собственного журнала. Много говорилось о влиянии космических тел на продвижение литосферных плит, об эволюции органического мира и так далее.

Председатель клуба Емельянов Е.М.

Имеются ли равные возможности у сельских и городских детей, у бедных и богатых, у детей городской интеллигенции и детей трудящихся шахтерских поселков при получении первичных школьных знаний, при поступлении в вузы и выходе на старт жизненного бега? Большинство утверждает, что нет, меньшинство говорит обратное: да, возможности равные, все зависит от человека. Надо только хорошо учиться и работать. В трех книгах воспоминаний я описал свои возможности получить образование и пройти по намеченному научному пути. И читатель мог видеть, какие это были возможности и какими путями я шел к достижению своей научной цели: глухая деревня, семья крестьян, двенадцать детей, неграмотная мама, малограмотные старшие братья и сестры, отсутствие грамотных и культурно воспитанных друзей. В детстве в нашей семье не было ни книг, ни газет или журналов, ни радио, телефона, телевизора, электрического света, теплой воды, не говоря уже о душе или туалете. Именно в таких условиях многие сельские дети начинали (и, очевидно, многие начинают и сейчас) свой жизненный путь. Конечно, этот старт нельзя сравнивать со стартом детей интеллигентных городских родителей, у которых все было, чего не было у нас, сельских детей. С ясельного возраста им включали тихую музыку, напевали колыбельную, а в раннем детстве читали не только сказки Бажова или Андерсена, но и стихи, и рассказы классиков литературы. Многие из таких детей воспитывались не только образованными родителями, но и слугами или гувернантками, при этом они уже не только тыкали пальцем в клавиатуру пианино, но уже играли гаммы и несложные мелодии. А дети еврейских семей неизменно водили смычками по струнам скрипки или решали задачи на шахматной доске. В первый класс дети как того, так и другого сословия приходили с совершенно разной подготовкой.

За 10–12 лет обучения фундаментальные знания и приобретенные научные навыки в большинстве случаев у детей выравнивались. Но чего это стоило сельским детям! Это можно видеть хотя бы на моем примере.

Итак, высшее образование. Получить его могут как дети крестьянского сословия, так и дети так называемой интеллигенции. Но пусть попробует сельский ребенок поступить в творческий вуз. Фундаментальные знания в школе он, сельский ребенок, приобрел, а вот общее его развитие все еще сильно отстает от развития городских ребят! Причем детям интеллигенции не только

«стены помогают», к которым они уже привыкли, но и знакомые члены комиссий, преподаватели вузов, друзья и знакомые. А что имеется у сельского ребенка? Только аттестат зрелости и желание учиться. Только это он и может противопоставить своему будущему сокурснику из семьи интеллигента.

Правительство нашей страны уже начинает понимать эту разницу. Оно ввело единый государственный экзамен – ЕГЭ. Хорошо это или плохо? Городская интеллигенция, а также богатые люди в один голос кричат: «Это плохо!». А мне кажется, что хорошо. Ведь Россия в целом – аграрная страна, и большинство детей рождаются в селах или малых городках. Так они же и должны если не править страной, то хотя бы принимать активное участие в ее управлении! Сельским детям надо помогать!

Став на старт вузовского обучения, сельский и городской ребенок имеют практически равные возможности. Они бегут к финишу более или менее параллельно. Но, добежав до финиша, их пути зачастую вновь расходятся: родители, родные, друзья, да и сами городские дети уже заранее присмотрели (или даже подобрали) для своей будущей работы престижные институты, фирмы, министерства и в перспективе готовы занять командные посты. А сельские дети? Они занимают наименее престижные и наиболее низкооплачиваемые посты: учителя сельской школы, агронома, мастера цеха, прораба на стройке.

Неравенство продолжается и после 16-летнего бега к образовательному финишу. Причем во время этого «бега» многие представители села не выдерживают городских соблазнов и сходят с беговой дорожки по пути: одни увлекаются дружбой «с зеленым змием», вторые надрываются, третьи, поносив вместо нормальных трусов и кофт стринги и «топы» до пупа, терпят неудачу в конкуренции. И что в результате? Сельская молодежь покинула деревню, «мыкается» в городе, влача жалкое безквартирное существование. А земли остаются непаханные, сельские избы не отремонтированные, дороги грязные, а сортиры продуваемые, и, естественно, холодные.

Газета «Известия» советских времен вела дискуссию на тему: что бы я делал, если был бы директором. Тогда я все время отвечал (себе, не газете): сделал бы туалеты платными. Но кроме туалетов в советской жизни еще было, по крайней мере, два порока: это – отсутствие ножей в общественных столовых и отсутствие дорог. Эти два порока характерны для нашей страны и сейчас: в хорошей по-европейски современной больнице «Водников» в областном центре Калининграда до сих пор нет не только ножей, но нет ложек, нормальных тарелок, и, естественно, стаканов и чашек. Больные пациенты все это должны приносить в «карманах» и за голенищем сапог с собой.

То же и с дорогами: ведь до сих пор нет даже стратегической дороги, соединяющей Москву с Владивостоком! Сообщаемся по бездорожью или по железной дороге.

Так прогрессивная мера ЕГЭ или нет? Думаю, что в эпоху настоящего состояния России – прогрессивная. Это всего лишь маленький шаг в сторону всеобщего использования интеллектуального резерва россиян.

Я иногда думаю, почему дети одних и тех же родителей, проживающих в одной и той же семье и в одном и том же окружении, вырастают разными. С

разными характерами, разными устремлениями, разными взглядами на окружающий их мир и на окружающее социальное положение. Этот вопрос тревожил, очевидно, не только меня, но и многих до меня. А. Платонов писал: «Первый раз растение производится из семени отца и матери, второй раз от производителя из почвы, состоящей из праха отца-матери. Прах отца-матери – непрерывное основание жизни сына. Мы поднимаемся на прахе своих отцов». Все мы, дети наших отцов, поднялись на прахе своего отца и своей матери, очевидно, унаследовали те же гены, проживали (в детстве) в одной и той же крестьянской обстановке, но пошли разными путями, молились разным богам, приобрели разные социальные взгляды. И в итоге по-разному сложилась наша жизнь. Что повлияло на мое решение стать ученым, а брата Фёдора – служить другим, враждебным нашему вероисповеданию богам – немцам? Только внешние обстоятельства? Немецкая оккупация и принуждение его служить враждебным силам? Или остатки отцовского праха – гены? Но ведь другие братья, проживающие в таких же условиях, как и я, не только не пошли в науку, но даже не получили среднего образования. Или наши судьбы были предreshены сверху, Богом? Один мой друг, прочитав книгу моих воспоминаний «Через барьеры к просторам океана», заметил, что в ней слабо раскрыта роль родителей в моем воспитании. Он писал: «Откуда у тебя такой твердый характер, откуда устремленность, жизнерадостность, и так далее? Не от родителей ли?»

Меня это замечание вначале немножко удивило, так как я довольно подробно и откровенно описал характеры и повседневный быт родителей, их взаимоотношения в семье, но ничего не написал, что именно повлияло на формирование моего характера и целеустремленности. Стать «ученым» это моё, тогда не осознанное решение, или это решение было предсказано судьбой? Окончательный ответ на этот вопрос я дать и сейчас, на склоне моих лет, не могу. Но я старался правдиво показать, как мальчик жил, как относился к семье, как семья к нему относилась, каково было ему жить с чужими людьми, ставшими впоследствии его друзьями. Повседневные отношения, жизненные трудности и радости, примеры окружающего мира и служили мне той путеводной звездой, к которой я стремился всю несознательную (?) и сознательную жизнь. Ведь у меня не было не только гувернанток, но и нормального человеческого ухода и примера сильной личности, которой бы я подражал в детстве.

В детстве, устав ходить за утятами или гусятами, я часто садился на землю, ко мне за пазуху, в карманы и штанины, нащипавшись клевера, набивались утятки, и мы вместе согревались. Лежа на спине, я смотрел на пробегающие облака и думал: куда и почему они бегут? Как они зарождаются и где они скапливаются? Почему облака разные по форме и по окраске? Что находится выше облаков?

Когда немного повзрослел, бегал на ближайший холм, чтобы посмотреть, что там за холмом. Там был очередной холм. Я бежал туда, но и за этим холмом был либо холм, либо какая-нибудь долина или ручей. Мне уже тогда, в дошкольном возрасте, хотелось бежать и бежать, чтобы посмотреть и опять бежать. Таким образом, у меня уже тогда зарождалась склонность к путешествиям, к познанию новых территорий. И эта склонность сохранилась во мне на всю жизнь, определив выбор профессии и мою научную деятельность. В свободное от работы время или в ранние часы старческой бессонницы я вклю-

чаю телевизор и смотрю любимые телепередачи «Телепутешествия», «Зоо» или «365». Намного позже во мне зародились строки:

*.... Там вдалеке суда идут
Одни заходят в порт, вдали другие исчезают.
Садимся на корабль, идем туда,
Куда мечты нас в детстве звали.*

Давно стал замечать, что я люблю парные числа, избегаю трещин, швов, разрывов. В моей жизни это проявляется очень часто. Например, когда я смотрю телевизор, звук на шкале я довожу до парных значений – 10, 12, 14 либо 16, но никогда не останавливаюсь на нечетных числах. Я не мистик и в мистику не верю. Но почему-то склонность к парному у меня проявляется.

Когда я иду по тротуару, уложенному большими (размером с шаг) плитками, или когда иду по растрескавшемуся асфальту, я избегаю ставить ступню на стык плиток или на трещину. Откуда это у меня? Может это связано с моей профессиональной деятельностью? С изучением трещин и разломов в земной коре? Помню, какое глубокое впечатление на меня произвела трещина (рифтовая долина), расколовшая на две части остров Исландию. Я стоял на практически вертикальном крае этой трещины и смотрел на другой ее край, находящийся на расстоянии в несколько сот метров. Глубина трещины впечатляла: поверхность геологического «мусора», устилавшего дно этой рифтовой долины – трещины, находилась ниже ее бортов на 50–100 м! И эта трещина постепенно расширяется! Может с этим связано мое подсознательное нежелание становиться ступней на стык плит, трещину в асфальте или ветку, лежащую на моем пути? Ведь трещины в земле, домах, технике, а также во взаимоотношениях людей, в первую очередь в отношениях мужа и жены, осложняют нашу жизнь или даже делают ее невозможной.

От рождения у меня есть небольшой дефект: иногда я начинаю немножко заикаться, мне трудно выговорить какое-либо слово или словосочетание. Это связано с нервной системой, а, следовательно, с мозгом. Небольшое «заикание» наблюдается иногда (не всегда!) не только в речи, но и в работе моих конечностей, например, пальцев рук. Когда я играл на аккордеоне, иногда мои пальцы просто опаздывали взять $\frac{1}{4}$ или тем более $\frac{1}{8}$ или синкопу. Играя какую-нибудь мелодию, я боялся, что «споткнусь» в неожиданном месте и мелодия нарушится.

Бывают у меня «осечки» в памяти. Насколько я помню, первая такая «осечка» случилась во втором классе. Ученики всех четырех классов тогда сидели в одной комнате. Учительница задала задачу 4-му классу по арифметике: сколько будет 24×3 . Долго никто не поднимал руку. Тогда учительница обратилась с вопросом ко всем нам: кто знает? Я мгновенно поднял руку, потому что в уме задачу сразу же решил. Учительница стала стыдить старшеклассников. Наконец она сказала, чтобы я ответил. Я встал и ... напрочь забыл. Сколько учительница и ученики ни пытались меня «поддержать», ответа я не знал. Это был первый мой позор.

Сейчас, уже на склоне лет, я часто забываю, что, где и когда. Особенно трудно мне запомнить имена и отчества. Трудно еще и потому, что обучаясь все 17 лет в литовских школе и университете, мы называли старших либо по фамилиям, либо по именам, либо просто «господин» (пан).

Из-за моей забывчивости у нас в семье случаются неприятности. Их количество заметно возросло, когда из-за возраста ослабла память и у моей супруги Лидии Петровны. Мы то и дело что-то ищем, утверждаем, что положили туда-то, а через час, сутки или неделю находим утерянное совсем в другом месте.

Являясь профессионалом-естествоиспытателем, я до сих пор не могу представить себе ясно, что Вселенная – бесконечная, что в ней ни конца, ни края нет. Как же так? Ведь должны быть где-то конец и где-то начало! Осмысливая понятие «бесконечность» и самую бесконечность, я часто возвращаюсь к океану. Ведь многие и про него говорили, что он «бесконечен» и «неисчерпаем». Может под влиянием этих сомнений я посвятил двадцать пять лет своей научной деятельности изучению «концов» (пределов), то есть границ в океане, в том числе и в его водной толще и написал две книги о процессах на границах, о направлении науки, которую я предложил назвать «лимологией» (от греческого – *limes* – граница, предел). Если мы знаем границы (лимиты), мы знаем и предмет. В ином случае наше знание является неполным.

Трудно мне также осознать кривую Лобачевского. Ведь всюду нас окружают ломанные, кривые или прямые. Нет, Лобачевского это перестало устраивать, и он стал утверждать: «Прямых нет, есть только кривые». Пожалуйста, поднимись до космических высот и осознай эту самую кривую.

В настоящее время на телевидении стали появляться передачи о космосе, о метеоритах, о распадающихся («взрывающихся»?) звездах. Это хорошо. Это страшно интересно! В одной из передач говорилось, что получены сигналы от «взорвавшейся планеты (звезды?)», и что сигнал от этой планеты шел к нам 10 миллиардов световых лет!» Разве возможно такое? Я понимаю, что свет может «идти» («лететь», «проникать») в течение секунды, часа, суток, ну года, но чтобы он шел в течение миллиона или тем более миллиарда лет(!), это уж слишком! А что же там, за этой «взорвавшейся» планетой (звездой)? Тоже бесконечность? Не верю! Не осознаю! Ведь должен быть где-то конец!

В космосе проявляются и другие, глазом невидимые силы: притяжение, магнитные силы и многие другие, о которых, очевидно, мы и не подозреваем. И эти «силы» проникают к нам, на нашу планету, нередко подвергая наши сердца изменению нормально-привычной работы, что в свою очередь приводит к остановке сердца. Для специалистов это, очевидно, понятно, а для нас, простых людей, не совсем.

Дайте мне предел в космосе и я скажу как его, космос, изучать.

Магнитное поле влияет не только на здоровье людей (возможно, и животных, и растений), но и на работу разных приборов – часов, телевизоров, компасов и т.д. Ведь только изменением магнитного поля (его ослаблением) некоторые

ученые объясняют исчезновение пяти военных самолетов США в сороковые годы прошлого века в районе Бермудского треугольника.

В космосе в «свободном» полете находятся тысячи и тысячи больших твердых осколков планет. Это кометы, астероиды, метеориты. Люди боятся, что в однажды наша планета может столкнуться с таким «блуждающим» по пространствам космоса предметом. В 1986 г. одно из космических тел под названием «комета Галлея» приближалась к Земле. Мир всполошился. Мир гадал: взорвемся – не взорвемся? А она неумолимо приближалась. По радио и в газетах активно обсуждался этот вопрос: столкнемся или «мимо пролетит она». А она летела в нашу сторону с космической скоростью. Летела из бесконечности в бесконечность, но через нашу Солнечную систему. У ученых спрашивали: Как её увидеть? Как встретить? Что делать? И ученые ответили созданием невиданных аппаратов с «глазами» и «ушами», и послали их навстречу комете. И один аппарат – межпланетная станция, созданная Европейским космическим сообществом, её встретил и увидел. Встретил в космосе, увидел там же, на расстоянии для космоса ничтожном: всего в 500 километров. Нам её показали, по телевидению. И выглядела она таинственно, завораживающе-таинственно, а для меня – волнительно и страшно. Я смотрел на её поблескивающие бока и думал: откуда она появилась? От какой планеты, от какой звезды она оторвалась? Что это такое – космическое пространство? И где его начало, и где конец? Где те границы и пределы, изучению которых в океане я посвятил большую часть сознательной жизни? Есть ли подобные пределы в космическом пространстве? И если есть то, как они «выглядят»? Как их осознать? И можно ли их осознать?

Я думал, а она все летела и летела, и яркий хвост следовал за ней. И этот хвост мы наблюдали 6–9 марта 1986 г. И, наконец, нам сообщили: комета Галлея пролетела мимо. Мимо нашей планеты Земля.

Под влиянием мыслей о бесконечности, о таинственных космических телах и их обломках, я написал по этому случаю следующие строки:

*Дарю тебе хвост от кометы Галлея.
К сожалению, ядро подарить тяжело:
На миг приоткрылось ядро человеку
И снова в Пространство умчалось оно.
Дарю тебе Солнце, Юпитер – в придачу.
В небе звезды блестящие преподношу.
И давнюю нежность, и трепет душевный –
Все это тоже тебе я дарю.
Когда я умру, прах в землю зароешь,
А может развеешь его ты в воде.
Луч яркой кометы направишь ты в небо,
Чтоб душа не исчезла совсем в темноте.
Взлечу далеко я, к иным планетам,
Направленный светом кометы-луча.
Ждать буду нежности, души трепетания,
Чего не дала мне при жизни Земля.*

Да, мы думаем о пространстве, его безграничности и таинственности. Раздумывая, начинаем его постепенно осваивать. Уже более ста человек побывали в космосе, а некоторые из них и на других планетах. Думаю: каково же им, увидевшим из бескрайнего пространства нашу Землю, возвращаться к нам, на маленькую, но зеленую планету, блуждающую где-то в пространствах Солнечной системы, а вместе с нею в бесконечности пока непонятного космического пространства. Я думаю об этом часто. Думаю, когда пишу об океане, об его границах, когда смотрю на безоблачное ночное звездное небо. И часто – о первом побывавшем там человеке, об его яркой и очень короткой жизни.

Однажды я долго стоял на краю ямы. Она была глубиной около 5–6 метров и наполовину заполнена мутной коричневато-серой водой. Вокруг лежала выброшенная из ямы коричневатая глинистая земля. Я обошел яму несколько раз. В плане её край имел форму овала.

Сама яма находилась на небольшой поляне в глухом елово-сосновом бору. Кое-где под деревьями еще лежали остатки свежих сломанных сучьев. Я посмотрел на вершины высоких елей и увидел, что на некоторых из деревьев они отсутствовали. Значит, сделал я вывод, самолет летел под острым углом к поверхности земли и по пути падения срезал вершины. Никаких металлических предметов ни в яме, ни у ямы видно не было: очевидно, все, что осталось после страшного взрыва специальной военной спасательной службой несколько дней тому назад было тщательно убрано. Убраны, очевидно, были и вершины срезанных деревьев.

Я снова и снова смотрел по направлению деревьев без вершин. Мой взгляд простирался дальше и выше, к облакам, и далее, к заоблачному пространству – в космос. Туда, где перст Господний указал ему конец! Ему, молодому и красивому, с обаятельной улыбкой, известной всему миру! Но как же этот Перст смог предугадать, что гибель свою парень найдет здесь, в этой яме. Ведь выбор был сделан тридцать с лишним лет тому назад!

С тяжелыми думами о таинстве судьбы человека я катился на лыжах к себе, в пансионат, куда меня забросила судьба в ту зиму, услышав мое тайное желание побегать на лыжах по дремучим лесам и рощам в каком-нибудь подмосковном районе, уже не помню его точного названия. Но как-то мне говорили, что именно в этом районе, у самой границы Владимирской области, выращивают вкуснейшие пупырчатые огурчики под названием «нежинские».

Впервые я услышал о нём, космическом человеке, лежа на второй полке мчавшегося из Москвы в Новороссийск поезда. «Человек в космосе! Юрий Алексеевич Гагарин облетает нашу планету!» – неслись эти или подобные слова из радио нашего вагона. Народ ликовал! Я – тоже!

Живым Юрия Алексеевича Гагарина я видел всего лишь один раз, случайно. Я встретил его в павильоне «Космос» на ВДНХ в Москве. Он был в военной форме, в чине майора. Он показывал маленькой девочке, очевидно, своей дочери, ту черную от огня сферу, в которой его со страшной скоростью родная планета тянула к себе обратно, на Землю. Из павильона он шел быстрой походкой, и на его лице уже не было той обаятельной улыбки, которой восхищался весь мир. Юрий Гагарин шел, не оглядываясь по сторонам, лишь слабо кивая головой на смотревших и приветствовавших его редких ранних посетителей выставки. За руку Юрий Алексеевич вел свою дочку. Я стоял как замороженный: смотрел на человека, выбранного судьбой для первого полета в безвоздушном простран-

стве. Я мог только догадываться, какая тяжелая ноша в виде славы давила на его плечи, и от усталости он уже был не в состоянии излучать ежеминутно ту первоначальную радость от победы, победы не только его, но и всего человечества.

С космонавтами я близко знаком не был. Пишу «близко», так как вообще с некоторыми из них был все же знаком. Например, с космонавтом Владимиром Афанасьевичем Ляховым, дважды побывавшим в космосе и установившим мировой рекорд длительности пребывания там, где звезды ярко мерцают, и откуда наша планета Земля кажется небольшим шаром. В 1984 г. Ляхов пришел к нам на научное судно «Дмитрий Менделеев» в порту Коломбо – столице Шри-Ланки. Долго рассказывал про полеты, про кометы, про свои переживания. Выпили с ним чаю и кофе, сфотографировались на память, взяли автографы. Напоследок мы спросили, хотел ли бы он еще раз слетать к звездам и там в одиночестве провести еще несколько месяцев. Ляхов без колебаний ответил: «Я не знаю ни одного космонавта, который хотел бы лететь туда второй раз. Но если потребуется – полечу».

Калининград – город космонавтов: А.А. Леонов, В. Романенко и В. Пацаев – все трое наши земляки. Леонова, почетного гражданина нашего города, я часто вижу на торжественных мероприятиях, в которых он участвует и выступает с речью. Романенко у нас в городе бывает редко. А вот «Космонавт Пацаев» нашел у нас пристанище. Правда, не сам, а большое научное судно, предназначенное для слежения и корректировки полетов спутников, ракет и космических лабораторий. Стоит судно «Космонавт Пацаев» в самом центре города на реке Преголь в качестве экспоната Музея Мирового океана.

Все космонавты, конечно, герои, все они достойны глубокого уважения, всяческих почестей и исторической памяти. Но Юрий Алексеевич Гагарин – первый космонавт – достоин самой большой почести.

Когда я проезжаю железнодорожную станцию Гжатск, которая одно время называлась «Гагарин», я невольно смотрю в окно и среди пробегающих мимо моего вагона домов пытаюсь высмотреть тот небольшой деревянный дом, где родился, рос и мужал тот, кто был помечен судьбой и по указанию Перста Господнего умер там, в той глубокой яме. В яме, наполовину заполненной мутной водой и осмотренной мною с таким странным, гордым и печальным волнением тридцать с лишним лет тому назад.

Перефразируя известный греческий миф можно сказать:

«Дедушка, а дедушка, а кто такой был Королев?». – «Это, внучка, конструктор, который создал космическую ракету». «А кто такой Гагарин?» – «Это тот молодой человек, который первым вырвался при помощи ракеты в неведомое космическое пространство, «опалил» там свои крылья, упал на Землю и умер!».

Жизнь сильнее смерти, а любовь сильнее жизни и смерти – сказал Тристан Изольде.

Я часто размышлял над психологической стороной извечной проблемы – над взаимоотношениями «учитель – ученик». Фактически, т.е. нормально, они должны были бы строиться по закону «отрицание отрицания». В большинстве случаев так оно и происходит: иначе не было бы прогресса. Но бывают в жизни случаи,

когда во взаимоотношениях учителя и ученика закон «отрицание отрицания» нарушается. Это в тех случаях, когда либо ученик оказывается значительно слабее учителя, либо когда учитель, оберегая свой авторитет и руководящую роль, тормозит деятельность своего ученика, очевидно, предполагая в нем своего конкурента. В этом случае либо ученик сдается, и он не в состоянии реализовываться как творец, либо начинает бороться с влиянием учителя и вырываться из круга этого влияния. Возникает конфликт. В результате образуется новый творческий коллектив вокруг этого ученика, а иногда – и новая научная школа.

В научной жизни случаются противоположные явления. Первое, это когда учитель под разными предлогами не позволял, либо не имел возможности позволить самостоятельно развиваться своему ученику. И многие ученики оставались «вечными кандидатами наук». Те ученики, которые проявляли большую твердость и целеустремленность, пробивались выше, становились докторами наук и профессорами. Но все равно испытывали ограничительную власть учителя, который не одобрял дальнейший научный рост бывшего ученика. Это делалось путем ограничения публикаций научных книг нового направления, торможением заявок на участие в конкурсах различных фондов и другими способами. Такой учитель постоянно находился на научном Олимпе, но его научная школа ослабевала, в случае прекращения своей научной деятельности он оставлял свою школу без хорошо подготовленного лидера. В этом случае школа должна была в скором времени исчезнуть.

Второй вариант это когда учитель дает своему ученику полную свободу. Талантливый ученик при поддержке учителя быстро делает научную работу, в своей научной проблематике превосходит учителя. В этом случае срабатывает закон «отрицание отрицания», намечается прогресс и талантливый ученик должен уйти из под влияния своего учителя. Он должен развивать свое научное направление. Но чаще всего учитель воспитывает специалиста в своей научной области: учитель учит ученика тому, что сам лучше всего знает и умеет. Поэтому талантливый ученик, оставаясь в сфере влияния своего учителя, начинает с ним конкурентную борьбу. Назревает конфликт, который может быть разрешен лишь с прекращением работ в области данного научного направления либо ученика, либо учителя. Учитель в данном случае сделал хорошее дело – воспитал своего последователя. Но с другой стороны, учитель проиграл, так как он вовлечен в борьбу со своим же воспитанником и либо должен сойти со сцены, либо, продолжая разрабатывать свою проблематику, должен постараться удалить своего ученика из сферы своего влияния.

Часто бывает еще и так, что ученик переоценивает свои силы: он мирно или в борьбе уходит от учителя, но самостоятельно выше расти не может и, следовательно, не в состоянии создать свое направление.

Борьба – это признак прогресса. В том числе и борьба научных идей и направлений. Но важно в этой борьбе сохранить чистую совесть и быть морально достойным звания Человека.

Люди с твердым характером нередко в своих действиях являются жесткими или даже жестокими. Особенно это случается, когда нужно решить важный стратегический или тактический вопрос в критической ситуации. В нормальной обстановке некоторые из таких людей бывают мягкими и сентиментальны-

ми, «пускают слезу» и не могут «обидеть комара». Вспомним хотя бы Гитлера. Это был жестокий тиран и убийца, но в бытовых условиях, как пишут, он «пускал слезу» умиления при поглаживании своей любимой собаки.

Николсон – Волк, Лебедев – Лошадь! Два великих артиста, два величайших перевоплощения! Не верится, что такое возможно!

Говорят, что у меня твердый, иногда жесткий характера. Но когда я вижу скелетики полуживых детей Эфиопии, невольно к горлу подкатывает комок и капает слеза. Часто капает слеза и тогда, когда я слышу русские народные песни в исполнении русского народного хора, когда слышу романсы, которые я очень люблю. Я никогда не могу удержаться от слез, когда слышу наиболее сильную песню военных лет «Вставай страна огромная, вставай на смертный бой...». Слез в таких случаях – это слабость? Или ее может «пустить» и человек с твердым характером?

Твердость и жесткость характера – это достоинство или недостаток? Думаю, что в большинстве случаев – это достоинство. Особенно, если это касается важного, судьбоносного дела. Но ведь известно множество случаев, когда твердость характера направлялась на совершение зла. Вспомним разных политических деятелей, мафиози и других. Вспомним хотя бы практически всеми любимого в СССР Владимира Ильича, а его обычно описывали таким душкой – человечным, любящим детей и народ, мирно сидящим за столом и при свете настольной керосиновой лампы с зеленым абажуром пишущим труды о народе. А сколько он бед натворил? Ведь это он наставлял и приказывал: «Чем больше мы попов расстреляем, тем лучше!»

Меня и сейчас потрясают кадры кинохроники, где показывают эпизоды гражданской войны, красного террора или раскулачивания крестьян. Как-то в одном эпизоде такой кинохроники были показаны кадры следующего содержания: сидящие в вагоне идущего поезда смотрят в окно и видят выстроенных в ряд раздетых до нижнего белья крестьян – бородатых мужчин и женщин, а в другом ряду – красноармейцев в «буденовках» и с длинными винтовками с примкнутыми штыками. Раздается команда, бойцы поднимают винтовки, стреляют. И падают полураздетые крестьяне в заранее вырытый ими же ров. Разве можно такое забыть и простить. Уже не говоря о голоде на Украине и в Поволжье или о ГУЛАГ-ах. А многие люди с красными знаменами на площадях городов и сейчас, 70–80 лет спустя, кричат: «Да здравствует Ленин, Сталин!».

В молодости, да и в зрелые годы моими героями были Овод, Коммунист (исполненный в фильме Урбанским), Д'Артаньян, Робин Гуд и многие им подобные литературные герои. Я с сочувствием относился к декабристам. И когда о них заходила речь, мой друг Казимир всегда говорил: «Знаю, знаю. Ты был бы тогда на Сенатской площади». И вот недавно в телевизионной передаче выступал известный художник Илья Глазунов. Я люблю картины этого художника. Одна из них, кажется «Русь», с давних пор висит у меня в кабинете. Так в своей речи Глазунов сказал, что как замечательно, что царь Александр (?) расправился с ними (декабристами) и пятерых из них повесил. Тем самым он революцию

и кровопролитие отодвинул на сто лет. А вот Николай II совершил глубочайшую ошибку: допустил большевиков к власти и сам отказался от престола. И мы видим сейчас, что коммунисты, экспериментируя, сделали с Россией. Россия оказалась в авангарде в этом коммунистическом эксперименте. На протяжении 70 лет она одна, жертвуя миллионами человеческих жизней, все пыталась доказать, что идеи о добре и свободе, о равенстве являются основополагающими и единственно правильными. Доказать не удалось. Идеи оказались нежизненными, ошибочными. Думаю, что все человечество Земли не должно порицать Россию за этот эксперимент, а, наоборот, должны благодарить ее и славить, потому что Россия доказала Миру, что не может быть справедливого мира, равенства и подлинной свободы и демократии.

Некогда казавшиеся ранее правильными постулаты и догмы переоцениваются через десятки-сотни лет. Так что когда мы ворчим, что все плохо, или, наоборот, восторгаемся тем, что все хорошо, это моментальная оценка. Все рассудит история.

Но отдельному человеку от этого не легче: ему жить надо сейчас, сегодня, а не завтра.

Многokrатно (сотни-тысячи раз) блуждали мои мысли вокруг вопроса: «Могут ли быть порядочными людьми так называемые «сексоты» – информаторы тайных служб, следящих за политическим настроением граждан». Ведь в советское время все граждане СССР, контактирующие с иностранцами, должны были писать отчеты о своих контактах. Тем более, что это касалось нас, ученых-океанологов, много путешествующих по портовым городам разных стран или выезжающих в командировки за рубеж. Почти с каждым из нас беседовали представители специальных служб и задавали вопросы или требовали письменные отчеты о контактах с иностранцами. И многие из нас, путешественников, писали такие отчеты. Но этого спецслужбам было мало: они требовали и характеристик своих коллег по экспедициям или по командировкам, т.е. доносов на них. Значительная часть людей не могла устоять перед напором таких служб, и они «сексотили» на своих друзей, коллег, начальников или подчиненных. Я понимаю, что в целях безопасности страны такие сведения правительству нужны. Ну, а где тогда мораль человека? Что, всю жизнь он должен двурушничать: быть «порядочным» и тайно писать доносы? И такая форма контактов спецслужб с гражданами была превращена в негласный закон. Кто не «сексотил», лишился возможности работать за рубежом.

Так порядочные ли «люди-сексоты» или нет? Вопрос для меня и сейчас остается открытым. Хотя первого официального «сексота» – Павлика Морозова общественность нашей страны и осудила.

Когда я вижу талантливых людей или знакоюсь с талантливым человеком думаю: «А если бы он работал в другой области, проявился ли бы его талант или нет?» Я слышал мнение некоторых людей, которые говорили, что талантливый человек везде талантлив. Иногда я этому верю, иногда – нет. Ну, например, все ли талантливые ученые могли бы реализовать свои возможности, если

бы они вынуждены были (конечно, в молодости) заниматься организаторской работой или, например, политикой? Конечно, не может быть сомнений, что творческие люди, талантливые в своей области (например, скрипач или художник), очевидно, не смогли бы быть талантливыми администраторами или дизайнерами.

Вопрос «талантливости» или «особой талантливости» (гениальности) волнует человечество постоянно на протяжении тысячелетий. Волнует и меня.

Всех нас восхищают вундеркинды. Мы удивляемся, когда они в четырех-пятилетнем возрасте в уме делят четырехзначное число на трехзначное и дают правильный ответ, когда в восемь лет потрясают своей интерпретацией фортепьянных пьес Шуберта или в двенадцать лет поют так, как когда-то пел итальянский вундеркинд Робертино Лоретти. Но, кажется, история не знает случаев, когда вундеркинд, повзрослев, стал бы выдающимся ученым, музыкантом или инженером. Жизненных успехов добиваются и нами руководят не бывшие вундеркинды и не бывшие отличники, а троечники и даже двоечники. Они, оказывается, наиболее приспособлены к жизненным невзгодам и к неудачам, сильнее других расталкивают себе подобных и расчищают себе путь к командным постам, лучше «отличников» ориентируются в выборе правильного производственного и жизненного пути. Возникает вопрос: надо ли детям хорошо и отлично учиться? Не совершают ли педагоги ошибку, заставляя (или стимулируя) ребенка быть отличником? И правильно ли я вел себя в детстве, заставляя себя быть отличником?

Но, с другой стороны, троечники, заняв командные посты в государстве, продолжают оставаться троечниками! Не это ли причина столь неумелых их действий в экономической и производственной политике нашей страны?

4.4. САМОВОСХВАЛЕНИЕ И КРИТИКА

Каждому приятно слышать одобрение того, что он замыслил, сделал или собирается делать. Мы постоянно видим по телевизору, как восхваляют себя артисты, тележурналисты и политики, как на разных посиделках дарят друг другу какие-то звания, премии, сувениры, не спрашивая нас, народ, достойны ли они такого восхваления.

Но среди многократно называемых имён практически нет имён ученых, а если есть, то только в специальных передачах. Имена сельских тружеников и рабочих производства из телевизионных передач и со страниц газет практически полностью исчезли. А ведь польза обществу и стране от труженика села или от ученого нередко кратно больше, чем любого из телевизионной «попсы».

Я долго думал, писать мне этот раздел в воспоминаниях или нет. Если писать, то многие скажут: «Смотри, ни хрена не сделал, а туда же». Но, если сам не скажешь, то, если ты не гений в науке, то и никто не скажет. Наши статейные труды, если они вообще живут, то живут один-два года, а книги – монографии всего лишь несколько лет. Работашь, работашь, думаешь, что сделал что-то важное, а умер, и ты канул в неизвестность. А, ой как хочется,

чтобы и после смерти сказали: «Смотри, умер, а работы его до сих пор живы: читаются и цитируются». Чтобы облегчить читателю его благодарный труд – прочтение этой книги и понимание того, достоин ли её автор внимания или нет, я напишу несколько страниц о содеянном мною. Конечно, мне стыдно (!?), но как хочется возвыситься! Я «восхваляюсь» не своими словами, а фразами других: критиков, читателей или просто друзей. Некоторые отрывки из письменных отзывов (те, которые сохранились) на научные труды и воспоминания я привожу ниже.

Комплект из 13-ти цветных карт «Атлантический океан» (1969)

В серии цветных карт наиболее точно показаны границы характерных геоморфологических зон дна океана, мощность осадочного чехла, типы донных отложений, важнейшие литологические параметры, определяющие состав донных осадков. И в нашей стране и за рубежом эти карты широко используются как учебные пособия в вузах, при планировании и проведении морских экспедиций, прогнозировании запасов минеральных ресурсов, районировании дна океана по физическим параметрам. Научный потенциал серии карт оказался настолько высоким, что спустя годы после опубликования они с добавлением текущего фактического материала неизменно входят в состав крупнейших картографических изданий мира.

Коллектив авторов в составе А. Лисицына, Е. Емельянова и А. Ильина проводил свои исследования на протяжении 25 лет. Работа, выполненная ими, представляет крупнейшее обобщение по геологии дна океана и является достойным вкладом в мировую океанологическую науку. Она достойно выдвинута на соискание Государственной премии СССР.

Л. Бреховских, П. Тимофеев. Газета «Правда», 1985 г.

Серия книг по геологии Атлантического океана (1975–1979).

Лет тридцать назад сотрудниками Института океанологии им. П. П. Ширшова АН СССР опубликована серия больших работ по геологии Атлантического океана:

1) Осадконакопление в Атлантическом океане, 1975. Калининград: изд. «Калининградская правда» (авторы Ю.А. Богданов, Е. М. Емельянов, А. П. Лисицын и др.).

2) Емельянов Е.М., Лисицын А.П., Ильин А.В., 1975. Типы донных осадков Атлантического океана.

3) Геология Балтийского моря, 1976 /Под ред. Гуделиса В.К., Емельянова Е.М.

4) Лисицын А. П., Емельянов Е. М., Ельцина Г. Н., 1977. Геохимия осадков Атлантического океана.

5) Емельянов Е. М., Романкевич Е.А., 1979. Геохимия Атлантического океана. Органическое вещество и фосфор.

6) Емельянов Е. М., Митропольский А.Ю, Шимкус К.М., Мусса А.А., 1979. Геохимия Средиземного моря.

7) Формирование минерального состава осадков Атлантического океана. Под ред. Емельянова Е.М., 1979. Океанологические исследования, № 26.

Отдельные книги сопровождаются 13 цветными картами под общим названием «Атлантический океан» (коллектив авторов). Масштаб 1:20 000 000. М.: Издание ГУГК, 1969.

Серия названных работ подготовлена по многолетним (1965–1980) планам Института океанологии им. П.П. Ширшова АН СССР и его Атлантического отделения. Она осуществлялась под руководством А.П. Лисицына и Е.М. Емельянова.

Серия работ посвящена преимущественно современным осадкам и процессам их накопления. В отдельных книгах освещены рельеф и геоморфология дна Атлантического океана и морей его бассейна (Балтийского, Черного, Средиземного, Норвежского).

Важной заслугой авторов является то, что осадки Атлантического океана описаны в разных климатических и геоморфологических зонах: от полюсов к экватору и от берега к Срединно-Атлантическому хребту. Такое описание очень близко к официальному анализу, принятому в геологии.

Серия работ охватывает бассейны различного тектонического и геологического строения: платформенное море – геосинклинальные (средиземные) моря – котловинные моря окраин океана – открытый океан. Именно такой ряд дает наиболее полную возможность проследить ход осадконакопления в разных тектонических, климатических, гидродинамических и фациальных обстановках. Это позволило авторам выяснить общие и характерные черты седиментогенеза, отличающие разные моря от океана или приполярные области Атлантики от экваториальных ее областей. Именно такого сравнительного материала не хватало Н.М. Страхову (1960–1963, 1976) и А.П. Лисицыну (1974, 1978) при подготовке основополагающих работ по литогенезу. Следовательно, фактические данные и теоретические построения авторов по Атлантическому океану в заметной мере дополняют ту цепь литолого-геохимических построений, которые были даны Н.М. Страховым и А.П. Лисицыным в их фундаментальных трудах.

В настоящее время Е.М. Емельяновым подготовлена и сдана в печать книга «Седиментогенез в бассейнах Атлантического океана», являвшаяся как бы заключительной в рецензируемой серии работ. В этой работе автор проводит литолого-геохимическое районирование бассейна Атлантического океана, освещает процессы седиментогенеза в отдельных литолого-геохимических областях, районах и провинциях.

Книги и карты данной серии широко используются в качестве пособий в вузах и научно-исследовательских институтах не только у нас в стране, но и за рубежом.

Серия работ не лишена недостатков. Так, в некоторых книгах чувствуется слишком большое увлечение фактическим материалом. Отдельные разделы книг носят чисто описательный характер.

В конце хотелось бы отметить, что серия по геологии Атлантического океана пока является единственным подобного рода трудом как у нас в стране, так и за рубежом.

А.А. Аксенов, журнал «Океанология», 1981

Г.С. Харин, Е.М. Емельянов «Геология Атлантики в Исландском регионе» (1987)

Обобщены материалы многолетних геологических исследований советских экспедиций (НИС «Академик Курчатов», «Михаил Ломоносов» и др.; всего не-

сколько сот станций, около 2 тыс. проб), выполнявшихся по Геодинамическому и другим геолого-геофизическим проектам, а также данные глубоководного бурения (б/с «Гломар Челленджер» – 30 скважин, около 500 проб).

Авторы отмечают, что Исландский регион беден минеральными ресурсами. Характеристика этих ресурсов, кстати, впервые выявленных на дне океана и изученных самими авторами, занимает немного места (6 страниц). Здесь отмечены фосфориты, лептохлоритовые руды, железомарганцевое гидротермальное оруденение, самородная медь, древние погруженные латериты, а также нефть, газ, парогидротермы и горячие воды. Последние два вида ресурсов, как известно, весьма широко используются в Исландии, но они, как полагают авторы, могут добываться и в рифтовых зонах срединных хребтов Рейкьянис, Кольбейнсей, Мона, Книповича, в тех участках, где глубины океана сравнительно невелики...

Заканчивая обзор рецензируемой монографии следует указать на своевременность ее появления. Открытие в рифтовой зоне Срединно-Атлантического хребта больших скоплений гидротермальных сульфидных руд вызвало усиление интереса к Атлантике и, в частности, к наиболее изученному ее региону – Исландскому. Монография по геологии этого региона имеет большой спрос не только среди советских геологов, но и за рубежом. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что тираж ее очень быстро разошелся. Жаль, что он так мал (всего 500 экз.).

Книга «Геология Атлантики в Исландском регионе» является хорошим развитием тех обобщений, которые были выполнены в 1983 г. коллективом ученых западных стран и опубликованы в книге «Structure and development of the Greenland-Scotland Ridge» (1983).

М.С. Бараиш, журнал «Океанология», 1989.

Книга Е. Emelyanov, K. Shimkus «Geochemistry and sedimentology of the Mediterranean Sea» (Голландия, Reidel, 1987)

Е. Емельянов и К. Шимкус синтезировали в книге результаты литологических и геохимических исследований в Средиземном море. Большая часть этих результатов опубликована на английском языке впервые. Книга посвящена предположению, что настоящее является ключом к прошлому.

Книга является очень существенным вкладом для каждого, кто работает с современными осадками Средиземного моря.

В целом «Геохимия и седиментология в Средиземном море» будет полезна всякому, кто работает в Средиземном море.

Джон Вренн, AASP Newsletter, США, 1988.

Unconsolidated Bottom Surface Sediments of the Mediterranean and Black Seas. (Карта современных донных осадков Средиземного и Черного морей). UNESCO, Санкт-Петербург, 1996.

В 1996 г. ЦКП ВМФ России в Санкт-Петербурге издала выдающееся картографическое произведение – многоцветную карту поверхностного слоя донных осадков Средиземного и Черного морей на 10 листах в масштабе 1: 1 000 000. Завершилась многолетняя кропотливая работа большого международно-го коллектива морских геологов России, Великобритании, Германии, Греции,

Израиля, Испании, Турции и Франции по программе Межправительственной Океанографической комиссии (МОК) при ЮНЕСКО и Российского океанографического комитета. Основными авторами карты были российские ученые Е.М. Емельянов, К.М. Шимкус (Институт океанологии им. П.П. Ширшова РАН), П.Г. Куприн (Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова).

Карта представляет большой интерес не только для морских геологов, занимающихся исследованием современного осадконакопления, но также для литологов, занимающихся реконструкцией палеообстановок седиментации с применением сравнительно-литологического метода, разработанного Н.М. Страховым и его последователями. Ученые и практики стран Средиземноморья и окружения Черного моря впервые получили в свое распоряжение достаточно крупномасштабную и уникальную по содержанию карту донных осадков акватории, с которой связана их многовековая история и современная жизнь. Она может послужить прекрасным учебным пособием, основой для решения геоэкологических задач, источником информации при планировании морских геологических работ, а также освоения минеральных и биологических ресурсов морей.

*И.О. Мурдмаа,
журнал «Литология и полезные ископаемые»*

По мнению заведующего лабораторией геологии Атлантики ИОРАН доктора геолого-минералогических наук профессора Емельяна Емельянова научная отдача от флота сейчас очень незначительная. Последняя серьезная работа была начата 15 лет назад по заказу Океанографического комитета СССР. В результате был создан комплект морских карт дна Средиземного и Черного морей, имеющих военно-прикладное значение. Правда, работа была завершена в 1996 году, спустя пять лет после того, как наше военное присутствие в Средиземном море закончилось.

Газета «Коммерсант», 2000.

Книга «Барьерные зоны в океане. Осадко- и рудообразование, геоэкология» (Калининград, 1998)

Книга посвящена различным теоретическим и прикладным аспектам концепции геохимических барьеров и барьерных зон в океане.

В первых частях книги приведена общая характеристика барьеров и барьерных зон в океане и их систематика. Вторые части – «Барьеры как области трансформации осадочного материала». В них автор описывает конкретные процессы поступления, трансформации и осаждения на дно осадочного материала на примере Балтийского, Черного и Средиземного морей.

Книга является несомненной удачей автора, она насыщена фактическим материалом, содержащим новые разработанные автором теоретические положения относительно процессов морского океанского осадконакопления и написана живым языком. Она во многих отношениях интересна для специалистов разных профессий – геологов, географов, химиков и экологов, занимающихся проблемами изучения, освоения и охраны морской среды.

Г.Н. Батулин, Н.А. Айбулатов, журнал «Океанология», 1999 г.

Книга «The barrier zones in the ocean» (Барьерные зоны в океане), (Шпрингер, Гейдельберг, Берлин–Нью-Йорк, 2005)

Это синтез уникального оригинального материала, полученного автором в разных районах Мирового океана в течение последних 45-ти лет. Книга состоит из 4-х разделов и отражает разные теоретические и практические аспекты концепции барьерных зон в океане, которые интерпретируются как участки водной толщи или осадков, в которых миграция элементов резко изменяется в одном или другом направлении на коротком пространственном интервале.

Книга отличная, написана хорошим литературным языком. Текст каждого раздела хорошо проиллюстрирован диаграммами и графиками.

Книга рассчитана на ученых, занимающихся морской геологией, химией, экологией и геоморфологией. В особенности книга рекомендуется для студентов, изучающих морскую геологию, морскую химию и океаническое природопользование, а также для широкого круга читателей, которые хотят познаться с новыми научными достижениями и взглядами. Эти люди найдут в этой книге всю необходимую информацию об океанских барьерных зонах.

«Journal of Sedimentary Research», 2006, США

Книга «Šimtas vandenyno misliu» («Сто загадок океана»), (Вильнюс, 1986)

Знаменитый океанолог хочет переиздать свой бестселлер. Изданная в Вильнюсе на литовском языке книга «Сто загадок океана» была сметена с прилавков в считанные дни. Её автор писал по заказу для специальной серии «Хочу знать», в каждом томе которой разные авторы не только доступно и увлекательно рассказывают о всевозможных тайнах, но и раскрывают их. Хотелось бы, чтобы она появилась и на русском языке. Но в первую очередь настало время переиздать научно-популярную книгу «Океан известный и загадочный». Она вышла в далеком 1987 году тиражом 10 тысяч экземпляров в Калининградском книжном издательстве и тут же была раскуплена.

«Комсомольская правда», 1999, Калининград.

Книга «Океан известный и загадочный» (Калининград, 1987)

Для улучшения положения дел очень нужна разъяснительная работа, особенно среди молодежи. В этом смысле весьма своевременно появление книги Е.М. Емельянова, которая показывает, как многогранна и увлекательна профессия океанолога. Просто, легко и чрезвычайно интересно излагает автор сложнейшие проблемы разных сторон изучения океанов и морей, часто сопровождает описание ярких явлений, вынесенных им из многочисленных экспедиций, в которых он сам участвовал. Книга разбита на небольшие увлекательные очерки по самым жгучим проблемам океановедения. Таких очерков более 90. Их заголовки говорят сами за себя: «Когда появились названия океанов и как они придуманы?», «Какая сила передвигает материки и способствует расширению океанов», «Откуда взялась морская вода и почему она соленая», «Были ли всемирные потопа», «Отчего происходит массовая гибель рыбы» и т.п.

Очерки столь информативны, что читатель, закрыв книгу, удивится тому, как много он узнал нового. Заканчивается книга главой «Как стать океанологом».

Конечно, специалист найдет в книге и недочеты. Однако в целом, повторяю, книга очень удачная.

Ю.М. Пуцаровский. Журнал «Природа», 1988

Книга «Geology of the Gdansk Basin». Baltic Sea. (Калининград: Янтарный сказ, 2002).

Монография содержит 496 страниц текста и таблиц, иллюстрирована огромным количеством графиков. Подавляющая часть глав и разделов написана сотрудниками Атлантического отделения Института океанологии им. П.П. Ширшова РАН, в число авторов входят также ученые Литвы, Польши, Дании, Нидерландов. Всего в издании книги участвовали 40 высококлассных специалистов. Инициатором издания монографии, её главным редактором и основным исполнителем, автором и соавтором 24 глав и разделов (всего их в книге 44) является известный седиментолог, заведующий лабораторией геологии Атлантики указанного выше отделения проф. Е.М. Емельянов.

Рассматриваемая монография – третья книга по геологии и геохимии осадков отдельных регионов Балтийского моря, изданных сотрудниками Института океанологии на английском языке.

В заключительной главе Е.М.Емельяновым показаны основные результаты выполненных исследований, приведена карта литологических и генетических типов донных отложений, намечены и обоснованы генетические связи между преобладающими в осадке минералами и минеральными ассоциациями, литотипами отложений и глубиной морского бассейна. Это дало возможность выделить на донной поверхности литолого-геохимические регионы, площади, фации, минералогические провинции, области характерных минеральных и элементных ассоциаций.

Ценность данной монографии состоит в том, что фактический материал в ней рассмотрен под единым углом зрения, нацеленным на объяснение процессов седиментогенеза и формирования различных литологических и генетических типов донных отложений. В книге новый аналитический материал тесно увязан с ранее полученными данными, поэтому ее следует рассматривать как наиболее полную сводку данных и результатов их интерпретации по многим аспектам многогранного процесса осадконакопления в Гданьском бассейне. В заключение хочется выразить уверенность, что данный коллективный труд найдет широкий отклик у специалистов по морской геологии, а его материалы и выводы могут быть использованы в учебных курсах, затрагивающих вопросы геологии морей и океанов.

П.Н. Курпин, В.Л. Лукаш, Журнал Бюллетень МОИП, 2003

Книга «К.М. Шимкус. История нашей творческой жизни» (2002).

Емельян, книжка твоя страшно интересная. В тот же день не отрываясь прочёл её и был под очень сильным впечатлением от прочитанного. Именно из таких воспоминаний можно, как мозаику, сложить представления о времени, о людях и обществе, быть частью его. Тут все правда, хотя и субъективная, но это-то и важно, ибо важно понять, как живые люди воспринимали свое время.

Ты дал прекрасную картину творческой жизни Казиса в нелегких условиях ограничений того времени, в котором ему пришлось жить, и показал, как стойко он пере-

носил эти ограничения и работал, как говорится, не благодаря, а вопреки всему.

Мои высказывания нисколько не меняют моего общего впечатления о твоих воспоминаниях. Огромная благодарность тебе за них.

Член-корреспондент РАН Г.Б. Удинцев, Москва

Книга «Через барьеры к просторам океана. Воспоминания ученого-океанолога» (Калининград, 2007).

Очень хорошо Вы пишете: легко, интересно, остроумно. Благодарю вас за книгу. Отважный Вы автор. Многое подошло бы под заголовок: «Откровенно о сокровенном». Не обижайтесь, пожалуйста, но это субъективное суждение. Совершенно ошеломительно, что в молодости Вам пришлось вытанцовывать хорошую жизнь. В книге масса удачных рассказов. Вы замечательный рассказчик!

Чудны страницы об искусстве. Рассказ о стройке дома – прямо-таки памятник эпохе. Немного я знал людей с такой феноменальной памятью.

Академик РАН Ю.М. Пуцаровский, Москва

Книга произвела на меня исключительно сильное впечатление. Ты молодец. Наиболее интересны части 1, 2 и 3 – это описание необычного и трудного пути в науку мальчика из бедной и многодетной сельской семьи, судьба которой отражала сложные политические судьбы западной окраины Российской империи, Советского Союза и нынешнего остатка от них, близкого по масштабам к Московии 17-го века. Мне невольно вспоминались при чтении этой трети твоей книги запавшие в память с детских лет нехитрые хрестоматийные стихи – «.. скоро сам узнаешь в школе, как архангельский мужик, по своей и Божьей воле стал ученым и велик...». Этой частью книги ты не только заставляешь воздать должное твоей энергии, настойчивости и способностям, но и вольно или невольно оценить уходящие в прошлое замечательные черты классической русской школы, открывавшей большие возможности будущим Ломоносовым и пророчившимся им «русским Платонам и быстрым разумом Невтонам». Каждый читатель твоей книги должен сказать тебе за это спасибо.

Части можно сделать более впечатляющими, нанизав все содержащиеся в них очерки на единый стержень развития в пространстве и времени научной проблемы

Третья часть книги – части 6 и 7 – краткая, но значительная по высказанным тобою мыслям. Мысли, высказанные в части 6-й, хотя и не столь новы, ибо имеют глубокие корни и образцы, но приложенные к нашему времени и нашим обстоятельствам, они заставляют задуматься над рядом «вечных» вопросов, в частности над «Эдиповым комплексом» в отношениях учителей и учеников. Трудность решения этого вопроса в чисто человеческом плане, то-есть связанная с индивидуальными свойствами конкретных личностей.

Член-корреспондент РАН Г.Б. Удинцев, Москва

Книга профессора Е. Емельянова выделяется из ряда других книг о воспоминаниях нестандартностью стиля, оригинальностью содержания, объемом информации о времени и сердечным выражением таланта. Мне с автором книги удалось встретиться первый раз – более 50 лет тому назад. Последующие 50 лет я с ним сотрудничал. Порыв его молодости, напористость, целенаправлен-

ность у меня зажигали надежду и желание действовать и преодолеть встречаемые барьеры и податься в водные (океанские) просторы.

Опыт личной жизни автора не является пропагандой и политикой. Книга написана кровью сердца. Это здорово, что своим жизненным опытом автор может поделиться с читателями о реалиях прошлого столетия, о людях, об окружающей их обстановке, и много, много, казалось бы, маленьких эпизодов, которые, однако, определяют человеческие судьбы. Надеюсь, что упомянутая книга заслужила не меньшей оценки и среди читателей в России.

Профессор А. Гайгалас (однокурсник), Вильнюс

Поздравляю тебя с очередной удачей. Книгу прочел на едином дыхании, как захватывающий роман. Книга очень полезная и нужная, особенно сейчас, когда наука в загоне, власть имущие делают все для дискредитации ученых в глазах молодежи, когда моральные ценности всячески высмеиваются.

Мы вступили с тобой в период, когда время собирать камни и подводить итоги, и важно, успеем ли мы передать своим детям эстафетную палочку...

Очень сильно написаны главы о детстве и юности, хороши осколки памяти, короткие рассказы. Несколько суше и схематичнее описан твой путь в океан, хотя барьеры хороши и подспудная философия наталкивает на параллели с социумом, в котором нам приходится существовать.

Профессор А.М. Митропольский, Киев

Вашу книгу воспоминаний прочитал, причем, с огромным удовольствием. Мне очень понравились ее построение и содержание, язык, авторская оригинальность в подписях к иллюстрациям. Я сразу увидел Вашу тщательность в чистке корректуры, так как не нашел ни одной опечатки.

Академик РАН А.А. Махнач, Минск

Условно первая часть книги, которая, как у классиков, может быть названа «детство-отрочество и юность», захватывает внимание читателя целиком.

Мне кажется, что, используя сугубо личные переживания и семейные события, Вам удалось нарисовать не совсем обычную, точнее нетрадиционную картину событий коренного переустройства мира в «его минуты роковые...».

Мне особенно интересно было следить за «сагой» Вашего семейства, оказавшегося в самом «водовороте» событий, многие из которых в последнее время пересматриваются, фальсифицируются и просто искажаются в угоду различной конъюнктуре.

Зарисовки событий в Ваших воспоминаниях очень яркие, искренние и, что главное, имеют столь ценную непосредственную окраску возрастного восприятия.

Пусть я сам стану объектом критики, но ни за что не откажусь от слов, что эта часть воспоминаний Вам удалась, в том числе и в смысле самой серьезной мемуарной литературы.

Закончу краткий перечень своих впечатлений повторениями достаточно известных истин – «если человек талантлив, то он талантлив во всем».

Получилось так, что, будучи давно ценителем Вашей научной деятельности, я стал безоговорочным поклонником Ваших литературных талантов.

Профессор М. Спиридонов, С-Петербург

Книга написана живо, увлекательно, хорошим языком, содержит любопытнейшие наблюдения, массу малоизвестных и совсем неизвестных ранее сведений. Видно, что у автора острый, внимательный взгляд и доброе сердце. Обилие стран, городов, портов, побережий, островов, которые тебе довелось посетить, впечатляет и дает возможность и нам расширить свои представления о мире, об океане, о нашей матушке земле.

Я очень рад за тебя, Емельян! Рад, что после тяжелейших испытаний, мытарств, страданий и болезней детства и юности ты смог благодаря своей целеустремленности, уму, таланту и потрясающему оптимизму пробиться к этой, в общем-то, счастливой и полноценной, содержательной и прекрасной, несмотря на некоторые огорчения последних лет, жизни.

Особенно хотелось бы отметить очень ценное качество твоей души, твоего характера, редкое в наше время – это верность дружбе. В книге говорится о многих друзьях и коллегах, с которыми ты сумел сохранить добрые отношения с молодых лет. Но особенно приятно было ощутить твою верность дружбе с К.М. Шимкусом, которая золотой нитью прошла сквозь всю книгу. Она отразилась и в твоей трогательной, проникнутой светлой грустью, брошюре «К.М. Шимкус: история нашей творческой жизни».

И последнее, на что бы я хотел обратить внимание в твоей книге и, пожалуй, не согласиться с тобой – это представление о Боге и вере. Пребывание в партии атеистов не могли не покалечить душу и далеко отбросить её от постижения истины. Это и заставило тебя метаться между «Бога нет» и «Бог есть», а затем привело к наивной языческой вере в Бога-Природу. Конечно, и в Природе Бог отражается как в одном из своих творений, но ведь надо понимать различие между творцом и его творением! Рекомендую перечитать Евангелие и весь Новый завет на русском языке.

Желаю тебе от всей души преодолеть последний и важнейших барьер в твоей жизни – между неверием и верой, между интеллектуальным и духовным познанием и открыть для себя Свет Истинный. Да поможет тебе в этом Бог!

Еще раз поздравляю с публикацией замечательной автобиографической книги!

Доктор геол.-мин. наук Ю.Н. Гурский, МГУ, Москва

Книга читается с большим интересом еще и потому, что Е.М. Емельянову удалось на своем примере показать множество бытовых примеров того времени, которые уже читателям более старшего поколения, к коим принадлежит и автор рецензии, ощутить воспоминания, а самой книге придает правдоподобность. Чего стоит одна эпопея строительства собственного дома на фоне тотального дефицита. Дом был построен, а на его примере становится более понятны научные успехи автора: труд и целеустремленность – вот его кредо.

Ну и совсем маленькое замечание. Небольшие новеллы, помещенные в конце книги, любопытны. Но мне показалось, что лучше бы они были вплетены в текст. Все-таки рассказы и воспоминания – жанры разные. Хотя сами зарисовки, действительные бытовые сценки из жизни, из науки замечательны.

Книга очень понравилась без относительно чего и была прочитана за три дня рейса.

Это громадная заслуга, редко встречающаяся у авторов.

Наибольший интерес представляют, на мой взгляд, истории, связанные с развитием научных школ и, конечно, история строительства дома.

Доктор геол.-мин. наук А.Е. Рыбалко, С-Петербург

Прочитал «Воспоминания ...» и был поражен силой твоего духа, Эмиль, упорством, целеустремленностью и талантом. Удивительно, что в своей жизни ты нашел замечательную жену Лидию и друга Казиса. Поразительны Ваши первые годы пребывания в Голубой бухте – как вы начинали свой путь к научным открытиям будучи непризнанными, кое кем игнорируемыми, но труд и упорство сделали своё дело!

Барьеры – вершина твоего творчества.

Уникальны описания твоего детства, старообрядческий быт, любовь к рюмке твоего отца, сложности истории братьев. Это так близко и понятно мне чуть-чуть старшему по возрасту старообрядцу. Я думаю, что ты правильно, хотя и не остро, осветил вопрос реализации себя, как ученого, но и то, что сделал в борьбе иногда и с «невидимыми» соперниками это достойно!

Доктор геол.-мин. наук Е. Лашков, Вильнюс

Была у Альгиса и привезла книгу, подписанную мне. Большое спасибо. Прочитала, и об очень многом должна подумать и многое вспомнить. Книга очень понравилась и очень хорошо, что ты её написал. Думаю, что многие, даже наши дети, не могут представить, как мы жили в детстве, и что уж говорить о наших внуках и других молодых людях. Мы и сами многое узнали и поучились.

Очень переживала, читая первый раздел. Даже не ожидала, что так сердечно и открыто можешь написать. Всегда думала, что только великие писатели могут так раскрываться. Приятно читать, когда чувствуешь, что жизнь, взаимоотношения между людьми не приукрашены, а правильные, такие какими они были. Ты так красиво описал свою маму и её тяжелые трудовые дни. Она должна была быть железной женщиной. А какое у тебя детство! Почти прослезилась, читая, думала, что наше детство (пятеро детей) было трудным, но его никак нельзя сравнить с твоим, разве только в послевоенные годы, когда мы голодали. Давно сделала вывод, что те люди, которые жили тяжело, являются более упорными, добиваются большего, не избалованы, не хнычут, когда наступает время испытаний.

Удивили твои способности. Знала, что ты способен, но думала, что только в точных науках, а оказывается способен во многих областях. Больше всего удивилась, когда прочитала твои рифмованные мысли во время встречи одноклассников. Не могла поверить. А сейчас поверила, и вот почему: таким красивым было твое письмо, которое прислал на мое пятидесятилетие. И книги пишешь не только научные. Книгу воспоминаний прочитала с великим удовольствием и думаю, что многим она понравилась.

Поднимаешь вопросы, что хорошо, что плохо, что нормально, что аморально. На самом деле таких вопросов в жизни много. С какой стороны смотреть. Ну ты всю жизнь был активным борцом за правду и прогресс. Удивительное свойство!

Два раза повторил, что жизнь кончается. Прочитав, очень взволновалась. Знаю, что это правда, часто об этом думаю, говорим об этом с Левуте, но так

и проходит. А когда вижу написанные (эти) слова кажется, что чувствую предложение для всех нас.

Е. Степановичене (одноклассница), Каунас

Вчера получил Вашу книгу и несмотря на некоторые неточности технического характера получил огромное удовольствие от её прочтения. С присущим Вам тонким чувством юмора Вам удалось поднять широкий исторический пласт в рамках той эпохи, в которой мы жили и трудились. Несомненно книга вызовет интерес не только у специалистов, но и у широкой публики. С её страниц на нас смотрят наши советские романтики, замечательные ученые, те, кто шёл с нами рядом по тернистому пути освоения Мирового океана.

Д. Травин, ЮНЕСКО, Париж

Я держу в руках только что вышедшую из печати книгу Е.М.Емельянова «Через барьеры к просторам океану. Воспоминания учёного-океанолога».

Это увлекательнейший рассказ об океане. Большинство людей считает, что в море-океане нет никаких границ, вода постоянно смешивается. На самом деле это не так: и границы имеются, и своеобразные часовые, которые их охраняют, и чужака в свои владения не очень-то пускают. Разве что виз в подводном мире еще не придумано. В книге можно найти ответы на вопросы, есть ли жизнь на дне океана, из чего состоит дно Балтийского моря.

Но Емельян Михайлович пишет не только научные книги. Мало кто знает, что он автор нескольких сотен коротких рассказов, своеобразных зарисовок с натуры. И однажды друзья посоветовали, а почему бы не издать книгу, собрав эти «романсы океану» под одну обложку.

Вот что говорит о книге Емельянова Светлана Ивановна Брызгалова, доктор наук, профессор-литератор Российского университета им. Канта.

- Я прочитала книгу Емельяна Михайловича, не отрываясь. Удивительный язык, доступный, понятный. Судьба автора переплелась со всеми превращениями судьбы нашей Отчизны. И то, что мальчик из бедной крестьянской семьи вырос в ученого с мировым именем – это поучительнее, чем французская сказка о Золушке, которая встретила принца.

Для меня было большим откровением то, что на дне моря существуют действующие вулканы. Один из них и открыл Емельян Михайлович. И назвал его в честь русского ученого Вавилова. Так вулкан теперь и обозначается на всех картах мира.

Если бы я родилась мальчишкой, то после прочтения этих коротких эссе наверняка стала бы океанологом.

Газета «Аргументы и факты», Калининград

Автор в чрезвычайно увлекательной форме описывает все происходившее, часто – с юмором оценивает трудности и перипетии жизни. Книга написана живым языком, она прекрасно (и гармонично) спланирована, читается легко и увлекательно.

В коротких автобиографических, интригующе острого рассказов, чрезвычайно интересно описываются не только события, происшедшие с самим автором, но и его взгляды на происходящее в стране и в мире. Почти в каждом из

рассказов имеется интрига, повествование, развязка. Так остро, сжато может писать только человек, глубоко переживший эти события и имеющий большой опыт в изложении своих мыслей. Рассказы-эссе – это жемчужины (романсы) воспоминаний. Такие рассказы мог написать только человек, переживший и глубоко прочувствовавший описываемое.

Из таких воспоминаний и складывается история страны, эпохи, а также того института, где писатель работал и работает.

Книга имеет колоссальное познавательное-воспитательное значение, что очень важно в музейно-просветительской работе.

Книгу «Через барьеры – к просторам океана» нельзя написать по умозаключениям. Её нужно пережить. Поэтому эта книга неповторима, она уникальна.

С.Г. Сивкова, директор Музея Мирового океана, Калининград

Уважаемый Емельян Михайлович, какой вы молодец, что написали эту книгу! Я нахожусь под впечатлением – искренность, естественность, прямота необычайная. О судьбе я тут и не говорю. Спасибо!

Я была редактором «Воспоминаний» Е.М. Емельянова и в процессе работы перечитала их не один раз.

Книга получилась очень интересная и убедительная. Это своеобразный документ эпохи, охватывающий довольно большой отрезок времени – с 30-х годов прошлого столетия до наших дней.

Рассказывая о своей жизни, Емельян Михайлович ничего не скрывает и не приукрашивает. Пишет он очень просто, иногда с юмором, иногда с философской глубиной или лирической проникновенностью.

Оказывается, в серьезном ученом живет наивный романтик, а аналитический ум удивительным образом сочетается с артистизмом, детской непосредственностью и даже склонностью к авантюрам.

Много нелегких, порой трагических испытаний выпало на долю автора, но пишет он об этом светло и радостно. Жил он, по его словам, как ребенок, с тихой песенкой в душе, и, наверное, этим объясняется его неиссякаемый оптимизм, жизненная стойкость, способность не теряться ни в каких ситуациях, никогда не унывать и всегда добиваться поставленной цели. Это и дало ему право в эпилоге своей книги сказать: «Я сделал все необходимое. Я счастлив».

В. Соловьёва. Литературный редактор, Калининград

Книга «Через барьеры – к просторам океана» написана на высоком профессиональном и хорошем художественном уровнях, простым, добрым, доступным языком.

Книга содержательная, информативная, имеет большое воспитательное значение. Читается легко, с большим интересом. Пишет автор просто, иногда с юмором. Много тяжелых, порой трагических испытаний выпало на его долю, но при этом пишет об этом светло и радостно.

За творчеством Е. Емельянова слежу практически последние пятнадцать лет, и каждый раз он удивляет читателей чем-то новым, заставляет трепетать сердце и греть душу.

В. Лебедев-Шапранов. Председатель региональной общественной организации писателей Калининградской области, г. Калининград

4.5. ИМЯ В СПРАВОЧНИКЕ WHO IS WHO В РОССИИ

3 издание
2009

Емельянов

732

Емельянов Емельян Михайлович, д. г.-м. н.

П.: морской геолог; профессор, г. н. с.; Орг.: Атлантическое отделение Института океанологии им. П.П. Ширшова РАН (АО ИО РАН); АОрг.: 236000, г. Калининград, пр-т Мира, д. 1; Р.: 07.11.1934, Польская Респ., д. Погорелец; СП.: Сухова Лидия Петровна; Дет.: Юлия (1961) - ведущий инженер, Денис (1980) - строитель, внучка Ксения (1983) - делопроизводитель; Род.: Емельянов Михаил Михайлович - участник I Мировой войны, удостоен 12 боевых наград, в т. ч. 3 крестов св. Георгия, Емельянова Агафья Кузьминична - домохозяйка; О.: 1952 - средняя школа №1 г. Шилуте, Литва (серебряная медаль); 1958 - Вильнюсский гос. университет, ф-т естественных наук, геологическое отделение, морской геолог (с отличием), 1964 - защита канд. дис., к. г.-м. н., 1979 - защита докт. дис., д. г.-м. н.; К.: с 1954 - Шилутский районный комитет ВЛКСМ, заведующий организационным отделом; с 1958 - Институт океанологии Академии наук СССР, Черноморская экспериментальная научно-исследовательская станция/ЧЭНИС (г. Геленджик), ст. лаборант, с 1959 - м. н. с.; с 1963 - Калининградское отделение Института океанологии АН СССР/АО ИО РАН, м. н. с., руководитель группы морской геологии, с 1965 - ст. н. с., г. н. с., 1967-2006 - заведующий лаб. геологии Атлантики; одновременно: 1996-2004 - Калининградский гос. университет, профессор кафедры геоэкологии; до 2008 - ООО "Балтийский институт экологии гидросферы", дир.; ОД.: основал лимнологию - учение о процессах на границах (геохимических барьерах), выявил процессы формирования первичных карбонатных марганцево-никелевых руд в современных водоемах, подобных впадинам Балтийского моря; опубликовал более 200 работ, в т. ч. 20 книг; воспитал 13 молодых ученых, 5 из которых уже защитили докт. дис.; Пб.: более 250 науч. трудов, в т. ч. 2 монографии: "Барьерные зоны в океане" (1998) и "The barrier zones in the ocean" (2005), ставшие уч. пособиями и не имеющие аналогов в мире; чл. редколлегий журн. "Балтика", ежегодников "Географический ежегодник", "Географический ежегодник" и "Экология окружающей среды и охрана жизнедеятельности"; Н.: звание "Засл. деятель науки РФ", орден Почета (2005), медаль "За самоотверженный труд на благо России" (2005), серебряная медаль Петра Великого, диплом и крест "За заслуги в развитии науки и экономики России", диплом, памятный подарок и денежная премия за цикл науч. работ "Изучение процессов седиментогенеза, рудообразования и геоэкологии на границах в океане" ("Эврика-2008"), знак "Орден чести США" от Биографического института США; Ч.: чл.-корр. Российской академии естественных наук (с 1991), д. чл. Нью-Йоркской академии наук (с 1995), чл. совета по защите канд. и докт. дис. при РГУ им. И. Канта, почетный чл. Геологического общества Литвы; У.: написание мемуаров, автобиографических рассказов, уход за домашними животными (овчарка Бек и кошка Фрося); Яз.: литовский, польский, англ.; E-mail: abio@atlas.baltnet.ru.



Одна из первых фотографий, примерно 1942-1943 г.



Уже научный сотрудник ЧЭНИС.
Геленджик, 1960 г.

ЭПИЛОГ

Дорогой читатель! Ты только что перевернул последнюю страницу моих воспоминаний. А я перевернул последний день моей зрелой жизни и вступил в новый для меня этап – этап старости. Чувствую ли я себя стариком? Нет! Мне странно слышать, когда ко мне обращаются «папаша» или, тем более, «дедушка». Мне по-прежнему хочется дружить с молодежью, мне интересны их хлопоты и заботы. Я знаю, что каждое следующее поколение – умнее предыдущего, что молодые люди, какими бы они ни были, – дети России, что им придется руководить заводами и фирмами, и в целом страной, открывать новые законы общества и развития природы. И мне хочется им помочь, передать кое-какой жизненный опыт, предостеречь их от необоснованных ошибок и сделать их жизнь краше и интереснее. Такие мысли меня и преследовали при написании воспоминаний. И если ты, молодой читатель, не поленился и нашел время полистать мои книги, нашел в них кое-что для себя интересное и полезное, я буду

счастлив. Пишу «буду», а не был, так как надеюсь, что Господь Бог позволит еще пожить какое-то время, в течение которого я буду с тобой вместе переживать (а может, и переписывать) события, в том числе и неприятные, которые нет-нет да и подстерегают нас на нашем жизненном пути.

Пожилым, то есть зрелым моим читателям, я сказал бы следующее: если вы, прочитав (или хотя бы полистав) мои книги воспоминаний, сопереживали вместе со мной, я тоже буду счастлив.

Повествование о своей жизни и работе я вел от души, сердечно и правдиво, без сожаления о прожитой жизни, с оптимизмом думая о будущем и без содроганий о том, что конец нашей жизни на этой Земле неизбежен. Я старался откровенно выговориться, не скрывая свои достоинства и недостатки, которые сопровождали меня в нелегкой моей судьбе. Я имею в виду прямолинейность, откровенность, честность, веселый нрав, порою детскую наивность, иногда жесткость. Я понимаю, что некоторым читателям не понравится мой слишком откровенный рассказ о взаимоотношениях в нашем большом семействе, слишком большая прямолинейность высказываний о моих друзьях, которыми, слава Богу, Господь меня не обидел. Возможно, некоторых читателей я удивлю и тем, что будучи серьезным ученым, даже профессором-исследователем, я поместил во всех трех книгах моих воспоминаний так называемые белые стихи, которые, очевидно, не достойны серьезных изданий. Но, надеюсь, внимательный читатель поймет, что в конкретном контексте они тоже дополняют мое жизнеописание, делают более полным и реалистичным мой автопортрет. Жизнь свою я не приукрашивал, не старался показать себя уж слишком геройским и умным человеком, а писал так, как на самом деле было и каким на самом деле я был. Надо ли было все это писать? Многие, возможно, скажут, что не следовало. Но некоторые, надеюсь, одобряют и мои устремления, и все написанное. Ведь из истории жизни отдельных людей, семейств, жителей деревень, городов и областей и складывается история и всей страны, и эпохи. Ведь как интересны нам фотографии или художественные произведения прошлых и позапрошлых веков! Посмотрите, с каким не угасающим, а все возрастающим интересом мы смотрим на то, что оставили нам древние арабы, египтяне, греки, римляне, скифы, уж не говоря об инках и ацтеках, построивших головокружительной красоты, сложности и загадочности пирамиды с все еще не расшифрованными надписями на камнях и стенах! Чего стоят только одни пирамиды фараонов и город-крепость Мачу Пикчу! А наши предшественники, простые люди прошлых и позапрошлых столетий не оставили своих жизнеописаний, и мы не знаем, что подавала крестьянка своей многодетной семье на обед или на вечерю. А ведь как интересно проследить эволюцию жизни одного и того же сословия людей!

Мои книги воспоминаний предназначены для людей нормальной (средней) образованности. Я старался не затрагивать фундаментальных основ мироздания или сложных научных вопросов, которые мне приходилось решать. Тем более, я избегал критических оценок работ своих коллег или дискуссионных вопросов. Это – задача другой, более специальной литературы.

Искренне желаю моим читателям крепкого здоровья, оптимизма, постоянного подъема жизненного уровня, удовольствий, удачи и ...любви!

ЛИТЕРАТУРА

1. *Jemeljanovas E.*, 1986. Šimtas vandenyno mislių. Vilnius: Vyturys. 320 p.
2. *Емельянов Е.М.*, 1987. Океан известный и загадочный. Калининград: Калининградское книжное изд-во. 240 с.
3. *Емельянов Е.М.*, 1998. Барьерные зоны в океане. Осадко- и рудообразование, геоэкология. Калининград: Янтарный сказ. 416 с.
4. *Емельянов Е.М.*, 2002. К.М Шимкус.: История нашей творческой жизни. Калининград, КГУ. 2002. 50 с.
5. *Емельянов Е.М.*, 2006. Через барьеры к просторам океана (Воспоминания ученого океанолога). Калининград: Янтарный сказ. 315 с.
6. *Emelyanov Emelyan*, 2011. Per audras ir kliūtis - į šviesą. Okeanologo prisiminimai. Šilutė, 70 p.
7. *Кузнецов О.А., Буренин В.В.*, 2000. Научно-исследовательское судно «Академик Курчатов» и его экспедиции 1966-1991. М. изд. «ВЛАДМО», 288 с.
8. *Кузнецов О.А., Алейник Д.Л.*, 2002. Научно-исследовательское судно «Дмитрий Менделеев» и его экспедиции 1969-1993. М., ГЕОС, 372 с.
9. *Сагалевиц А.М.*, 2002. Глубина. М., Научный Мир, 320 с.
10. *Zaikov V.V.*, 2008. In the historical homeland of volcano / Smirnov Collection – 2008 (Scientific-literary anthology). Foundation after the name of Academician V. I. Smirnov Russian Academy of Natural sciences. Moscow, pp. 231-240.

Научное издание

Емельян Михайлович Емельянов

НА СТЫКЕ ДВУХ ТЫСЯЧЕЛЕТИЙ

(воспоминания морского геолога)

Редактор издательства *Г.Ю. Бутузова*

Макет *Р.И. Недумов*

Подписано к печати 20.12.2011.

Формат 60х90 1/16. Бумага офсетная.

Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Уч.-изд. л. 27,0.

Тираж 400 экз.

Издательство ГЕОС

125315, Москва, 1-й Амбулаторный пр., 7/3-114.

Тел./факс: (495) 959-35-16; 8-926-222-30-91

Е-mail: geos-books@yandex.ru

www.geos-books.ru

Отпечатано с готового оригинал-макета в ОАО “Альянс “Югполиграфиздат”
ООО “Т-Пресс” 400001, г.Волгоград, ул. КИМ, 6.



С сестрами Анной (слева) и Маврой (справа), 2007 г.



Въезд в деревню Погорелец, в которой автор родился. С сестрами Анной и Маврой, 2008 г.



Главная улица деревни Погорелец в 2008 г. Хутор Емельяновых находится в 1 километре от деревни.



Речушка (ручей) Нова, на берегу которой стоял дом, в котором мы проживали весной 1941 г. Деревня Блювишкяй Гришкабудской волости Шакайского уезда, Литва, 2008 г.



Школа в поселке Гришкабуда (Гришкабудис), куда автор пошел в 1-ый класс в 1941 г. Фото 2008 г.



Ответные слова автора после получения областной премии по науке «Эврика» (2008 г.). Справа – губернатор Калининградской области Боос Г. В. В руке автор держит подаренную ему янтарную свечу.



После получения областной премии «Эврика» по науке (2007 г.) можно и выпить вина. Сидят: В. Т. Пака, автор и супруга Лидия Петровна. Стоит сын Денис.



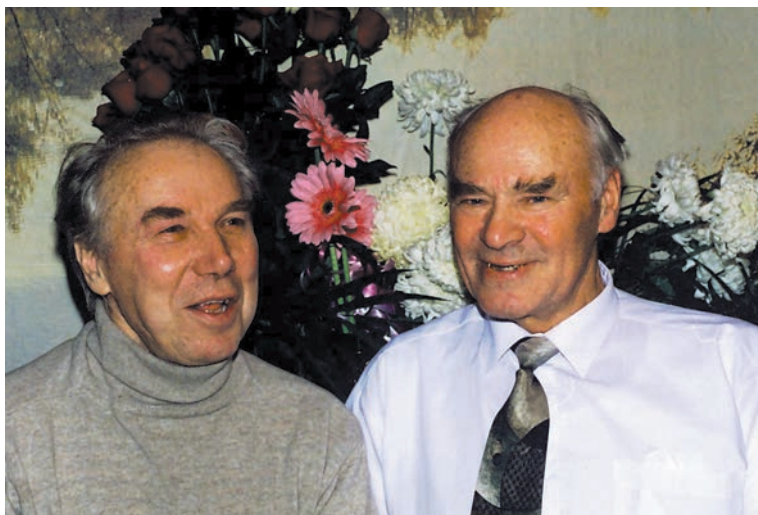
С сыном Денисом



Построенный мною во время перестройки жилой дом.



Один из уголков двора моего жилого дома в Калининграде.



Со сватом Ольховым Г. К., 1997 г.



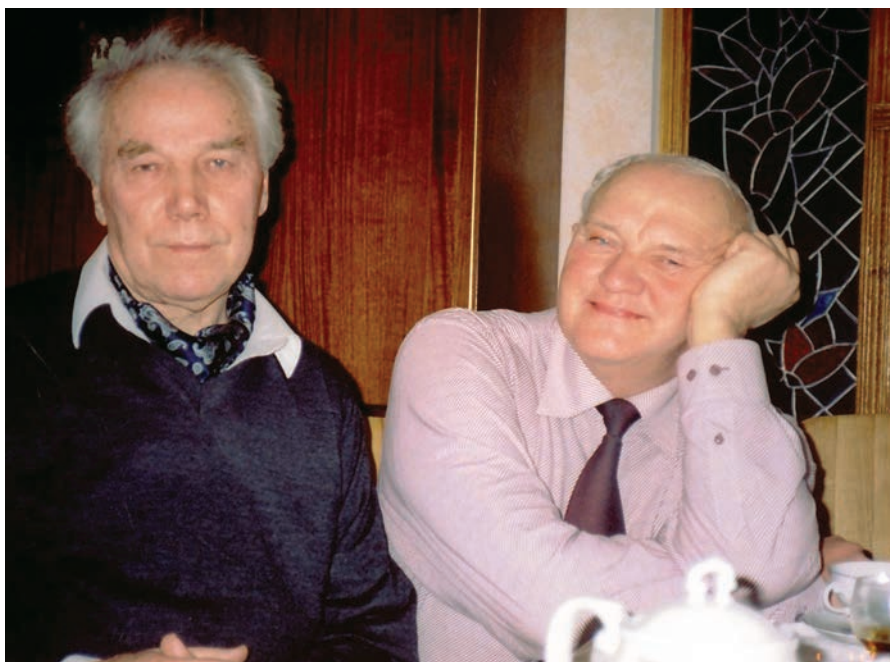
Супруга Лидия Петровна Емельянова с дочерью Юлей.



Постаревшие, но пока еще от жизни неуставшие одноклассники, г. Шилуте. Приблизительно 2003 г. В розовом костюме – Е. Зечюте (Степановичине), за ее спиной – Ю. Рацявичюс, которые упоминаются в книге. Второй слева – Е. Емельянов.



Школьные друзья 50 лет спустя. Слева направо: А. Юргелявичюс, Е. Зечюте (Степанавичене), Ю. Рацявичюс, Е. Емельянов, г. Шилуте, 2003 г.



Одноклассник Альгирдас Юргелявичюс в гостях у автора, 2003 г.

Что в школе казалось пушинкой, в зрелые года оказалось еле подъемной. Автор с усилием поднимает одноклассницу Елену (2005 г.)



На одной из встреч в Вильнюсе с однокурсниками, 2008 г. Слева направо: А. Селюкас, Д. Линкявичюте, Д. Селюкене, К. Монствилас, С. Сауленене, Н. Эйтнавичене.



В гостях у К. М. Шимкуса, Геленджик, 1995 г. Слева направо: автор, Юлия Шимкуте, Елена Шимкене, Лидия Петровна, Казимерас Шимкус.



Торжественное заседание в Музее Мирового океана по случаю 50-летия Атлантического отделения ИОРАН (2008 г). В первом ряду: В. Пака, В. Слободяник, Б. Чубаренко. Во втором ряду: Е. Емельянов, Э. Тримонис и В. Кравцов



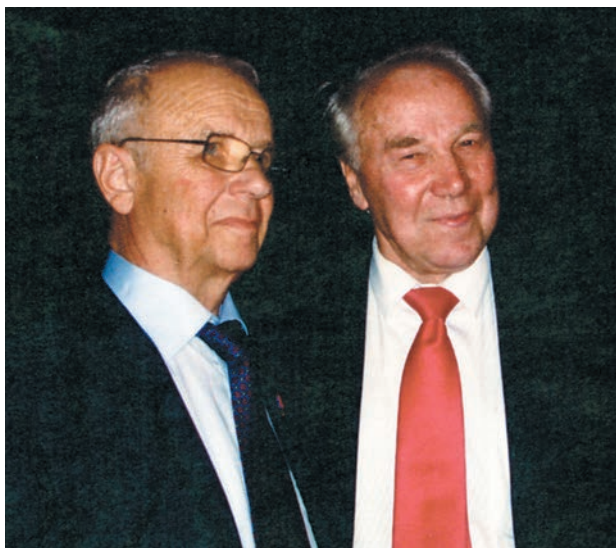
«Взрослая» часть коллектива возглавляемой автором Лаборатории геологии Атлантики. Стоят (слева направо): В. Сивков (ныне директор АОИОРАН); Г. Ромахова; А. Соловьев; А. Адамович, В. Кравцов (ныне зав. лабораторией), Д. Фидаев. Сидят: Е. Емельянов (ныне главный научный сотрудник); Н. Лукашина, Г. Тишинская; Л. Емельянова; Н. Власенко; И. Клементьева (2006 г.)



35 лет спустя. Два капитана и член-корреспондент РАН профессор Удинцев Г.Б. (в центре) в гостях у Апехтиных (2006 г.) (В.Г. Беляев слева и Н.В. Апехтин справа).



Е. Емельянов с капитаном НИС «Профессор Штокман» Р. А. Казаком в Эстонии двадцать лет спустя после экспедиции (1988 г.).



С известным акванавтом героем России Сагалевиным Анатолием Михайловичем, автором книги «Глубина» после получения им премии Калининградского правительства по науке «Эврика».



Немецкие ученые в Институте океанологии (Калининград), прибывшие на судне «Гумбольдт» с целью знакомства и оказания консультаций. В центре (в очках) новый (западный) директор Института исследований Балтийского моря (ИИБМ) в Варнемюнде профессор Хемпель с супругой. На переднем плане слева – Е. Емельянов (1992 г.)



На заседании Редакционного совета МОК ЮНЕСКО в ММО (Калининград, 1999 г.). Слева направо: Е. Емельянов, председатель К. Морелли (Италия), куратор проекта Д. Травин (МОК ЮНЕСКО), В. Стрюк и секретарь совета (фамилии забыл) (Англия).



Создатели цветной геологической карты Средиземного моря МОК ЮНЕСКО (Дубровник, Хорватия, 1998 г.). Слева направо: главный редактор В. Попов, организатор проекта Д. Травин (МОК ЮНЕСКО), профессор П. Куприн.



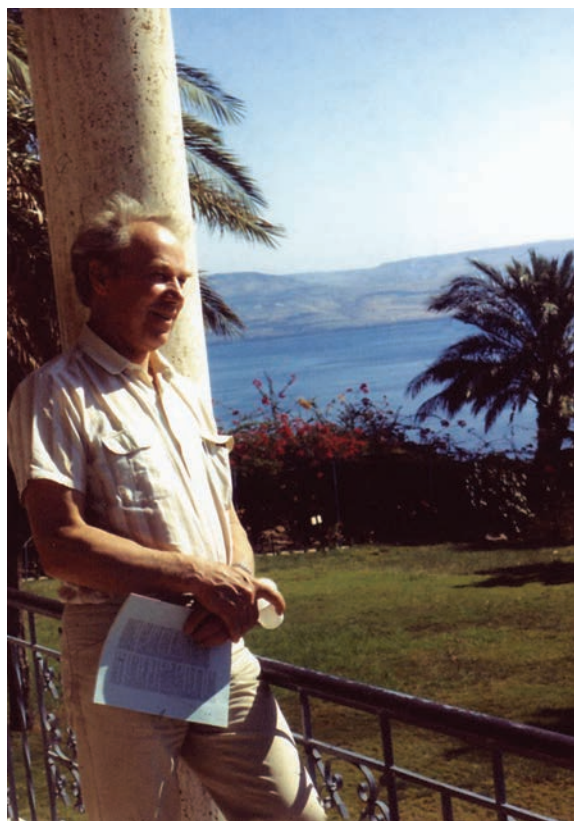
Создатели карты Средиземного моря (Дубровник, Хорватия, 1998 г.). Слева направо: Д. Травин (МОК ЮНЕСКО), П. Куприн и Е. Емельянов.



Редакционный совет Международного океанографического комитета (МОК) ЮНЕСКО по картам Средиземного и Черного морей на экскурсии по Израилю (2004г.)



Экскурсия по Израилю (2004 г.).
В первом ряду (слева направо):
экскурсовод, В. Крашениннико-
ва, В. Крашенинников, В. Попов
(редактор карт), Е. Емельянов.



Экскурсия по Израилю (2004 г.).
Автор у озера Галилео.



Экскурсия по Израилю (2004 г.). Автор у одного из озер.



Экскурсия по Израилю (2004 г.). По Мертвому морю «яко посуху». Купающийся в море полностью в воду не погружается. Машет рукой – автор.



В библиотеке музейного судна «Витязь» (2005 г.). Слева направо: Е. Емельянов, В. Слободяник, Ю. Богданов, А. Лисицын, В. Стрюк, В. Пака, С. Лаппо, В. Дербенков.



В гостях у профессора Шульца, Университет Бремена (Германия, 1993 г.). Справа – Д. Кулик, Украина.



В Институте исследований Балтийского моря в Варнемюнде (IOW) (1993 г.). Посиделки по случаю дня рождения. Во втором ряду (справа налево): Г. Бублиц, Э Эндлер, Г. Радлоф (секретарь).



После празднования 50-летия профессора Яна Харффа в Гюстрове, Германия, 1993 г. Возвращение домой в теплом кругу сотрудниц института.



На банкете после закрытия конференции «Балтика-6» (Дания, 2000 г.). Продолжительная научная дискуссия с профессором И. Мурдмаа (Россия)



На конференции по химическому оружию в Хельсинки. В.Пака и Т. Мессион (Бельгия, 2007 г.)



Доктор Борис Винтерхалтер (Хельсинки), который нас постоянно опекал в Финляндии (2008 г.).



На конференции, посвященной памяти члена-корреспондента НАН Белорусии В. Лукашева (Минск, 2007 г.). Слева направо: А. Гайгалас, Г. Лукашева, Е. Емельянов.



Экскурсии в одно из загадочных мест Литвы – «Чертову яму» (2000 г.)



На конференции в г. Светлогорске (2001 г.). Слева направо: О. Пустельников (Вильнюс), Ю. Шуйский (Одесса), Э. Тримонис (Вильнюс) (все бывшие сотрудники нашей лаборатории, С. Гульбинскас (Вильнюс) и Е. Емельянов (Калининград).



Профессора А. Гайгалас (Вильнюс), Е. Емельянов и Э. Тримонис (Вильнюс), в гостях у автора (2003 г.)



С университетским другом
Е. Лашковым (Вильнюс, 2006 г.)



Участники научно-прогулочного рейса на НИС «Академик Мстислав Келдыш» в Балтийском море (1991 г.). Справа налево: актер Т. Матеулин, архитектор Н. Фролов, фотограф Н. Коноплин.



В кругу студентов IV курса РГУ им. Канта, после очередной лекции (2004 г.)



Сотрудники возглавляемой автором Лаборатории геологии Атлантики Института океанологии РАН за «чашкой чая» (1995 г.?)



25 лет спустя: учитель А. Лисицын и ученик Е. Емельянов на 50-летию АОИОРАН в фойе Музея Мирового океана (2008 г.)



Открытие XV Международной геологической школы (Москва, 2003 г.). В президиуме (слева направо): А. Лисицын, Л. Савостин, Е Емельянов.



Памятник писателю Г. Зудерману в г. Шилуте, Литва
(к рассказу «По следам Германа»).



Дом, где проживали родители Г. Зудермана. Два окна на 1-ом этаже в комнате-музее Г. Зудермана. Поселок Мацикай, г. Шилуте (2009 г.) (к рассказу «По следам Германа»)



Белые кувшинки Клода Моне (к рассказу «По следам Германа»).



Кувшинки в канале пастбища, г. Шилуте (к рассказу «По следам Германа»).



Городское пастбище в г. Шилуте, на месте болот, описанных Г. Зудерманом. Деревья на горизонте окружают усадьбы крестьян, расположенные на возвышениях, а далее – поселок Русне (2009 г.) (к рассказу «По следам Германа»).



Уже профессор-исследователь
геологии океанов и морей, 1984 г.



Автор собственной персоной.
Уже видны признаки старения, но
все еще бодрый, примерно 2002 г.



После награждения и присуждения званий в Администрации Калининградской области. В последнем ряду 3-й справа Е. Емельянов, в первом 5-й справа губернатор В. Егоров



Уже пошли награды. После получения ордена «Знак почета», 2005 г.



Уже «полуполяк». С Генеральным консулом Польши в Калининграде М. Грановски. После вручения мне карты поляка, 2008 г.



«Интеллектуалы» на приеме в консульстве Литовской Республики, Калининград, 2006 г. Слева направо: проректор РГУ им. Канта, президент клуба «Бобовый король», физик и писатель Б. Бартфельд, Е. Емельянов.



«Король» одного из заседаний интеллектуального клуба «Бобовый король» с бобом в левой руке, который ему достался в куске пирога. Президент клуба – физик, он же писатель Борис Бартфельд. Организатор клуба – Нина Петровна Перетьяка. С противоположной стороны стола сидят (слева направо): профессор – биолог Р.Н. Буруковский, поэт Сэм Симкин и художники Нелли и Юрий Симагины. Фото В. Харченко



Заседание литературно-философского клуба «Бобовый король», в котором участвуют писатели, художники, краеведы, ученые. Руководят клубом Н. П. Перетьяка (в дальнем углу) и Борис Бартфельд (с ней рядом). Фото В. Харченко.



Последние «витязане», участвовавшие в экспедициях на НИС «Витязь» (III) на празднике в Музее Мирового океана по случаю юбилейных дат «Витязя» и ММО. Справа на-лево: В. Сухорук; Е. Емельянов; неизвестный, Г. Удинцев; М. Ушакова; Е. Романкевич; Л. Мерклин. На трибуне – С. Сивкова, 2009 г.



Члены литературного клуба «Герман Зудерман» (г. Шилуте, Литва) в гостях у автора (Калининград), 2009 г.



Классик литовской литературы Кристионас Донелайтис, почитается как в Литве, так и в России. Российские и литовские почитатели «Времен года» Донелатиса в день литературы на родине писателя в костеле поселка Чистые Пруды, Калининградская область, 24.10.2009 г. Фото Р. Д. Минаковой



Е. Емельянов на Карловом мосту в Праге, 2009 г.



У стен руин рыцарского замка «Бальга» (Калининградская область) по случаю дня геолога, 2009 г. Слева направо: В. Панов, Е. Емельянов, В. Завгородний, А. Осмас. Впереди в розовом платье – «Привидение замка»



На выставке картин литовского художника Соломона Тентальбаума, Калининград. 27.09.2007. Слева направо: Р. Тентальбаум – атташе по культуре генерального консульства Литовской республики в Калининграде, писатель-философ Арвидас Юозайтис, Е.М. Емельянов, художник Стасис Урбонас, С. Тентальбаум.



Заседание клуба «Бобовый король». Фото В. Харченко.



Угасавангу Емелюгову
от Аоки
(3)

1999 CALENDAR

7 日 月 火 水 木 金 土

			1	2	3	
4	5	6	7	8	9	10
11	12	13	14	15	16	17
18	19	20	21	22	23	24
25	26	27	28	29	30	31

8 日 月 火 水 木 金 土

1	2	3	4	5	6	7
8	9	10	11	12	13	14
15	16	17	18	19	20	21
22	23	24	25	26	27	28
29	30	31				

9 日 月 火 水 木 金 土

			1	2	3	4
5	6	7	8	9	10	11
12	13	14	15	16	17	18
19	20	21	22	23	24	25
26	27	28	29	30		

10 日 月 火 水 木 金 土

				1	2	
3	4	5	6	7	8	9
10	11	12	13	14	15	16
17	18	19	20	21	22	23
24	25	26	27	28	29	30
31						

11 日 月 火 水 木 金 土

	1	2	3	4	5	6
7	8	9	10	11	12	13
14	15	16	17	18	19	20
21	22	23	24	25	26	27
28	29	30				

12 日 月 火 水 木 金 土

			1	2	3	4
5	6	7	8	9	10	11
12	13	14	15	16	17	18
19	20	21	22	23	24	25
26	27	28	29	30	31	

С директором Атлантического отделения Института океанологии РАН В. Пакой во время перерыва Всероссийской конференции во дворе Государственного геологического музея им. В. И. Вернадского в Москве. Фото Хитоси Аоки, Япония